

Полное
собрание
сочинений

АСТРИД
ЛИНДГРЕН

Полное
собрание
сочинений

АСТРИД
ЛИНДГРЕН

Расмус-
бродяга

АСТРИД ЛИНДГРЕН

Полное собрание сочинений

Распутс-бродяга

Санкт-Петербург
Издательство "Азбука-классика"

2002

УДК 82-93
ББК 84.4 Шв
Л 59

Автор проекта Л. Ю. Брауде

© Lindgren Astrid

Rasmus på Luffen 1956, Rasmus, Pontus och Toker 1957,
Sunnanäng 1959. First published by Rabén & Sjögren, Stockholm

Издатели выражают благодарность
госпоже Черстин Квинт (Kerstin Kvint) за помощь
в приобретении прав на произведения А. Линдгрена

Оформление Вадима Пожидаева

Иллюстрации Виктора Боковни

Иллюстрация на обложке Сергея Григорьева

Линдгрена А.

Л 59   Собрание сочинений: В 10 т. Расмус-бродяга / Пер.
со шв. Н. Беляковой, Л. Брауде, И. Стребловой. — СПб.:
Азбука-классика, 2002. — 416 с.

ISBN 5-352-00056-7

ISBN 5-352-00135-0

В настоящий том вошли две повести А. Линдгрена «Расмус-бродяга»
и «Расмус, Понтус и Глупыш», а также сборник сказок «Солнечная
Полянка».

© Л. Брауде, перевод, 1997, 1990

© Н. Белякова, перевод, 1997, 1990

© И. Стреблова, перевод, 1990

© Л. Брауде, статья, примечания, 2002

© «Азбука-классика», 2002

ISBN 5-352-00056-7
ISBN 5-352-00135-0

Доброй ночи, господин бродяга!

Когда в 1958 году Астрид Линдгрен вручали Золотую медаль Ханса Кристиана Андерсена, международную премию, присужденную ей после выхода в свет книги «Расмус-бродяга» (1957), она сказала:

«Трудно представить себе, что первопричиной моего появления на этой трибуне сегодня послужили бродяги времен моего детства. Те самые бродяги, которые стучались в нашу дверь по вечерам и спрашивали:

— Можно мне переночевать в хлеву?

Мы, дети, сидевшие в кухне, смотрели на этих людей вытаращив глаза. Многие из бродяг были дружелюбны, разговорчивы и добры — точь-в-точь как Оскар в моей книге. Им было что порассказать, и они мне очень нравились.

Когда я вспоминаю годы моего детства, мне кажется, что с тех пор минуло не менее ста лет. И мир так переменялся с тех пор. Появись я на свет десятью годами позднее, я никогда не смогла бы написать эту книгу. Потому что тогда я бы ничего не знала о той доисторической эпохе, когда на проселочных дорогах странствовали бродяги и люди ездили не в автомобилях, а в повозках, запряженных лошадьми... Во всяком случае, мое детство можно считать счастливым, и, когда я писала свою книгу „Расмус-бродяга“, ощущение было такое, будто я вернулась в потерянный рай. Я вовсе не утверждаю, что этот мир был раем для бродяги Оскара или для сироты Расмуса. Он был раем для меня. Как чудесно вернуться обратно, когда пишешь книгу, как чудесно снова стать ребенком в этом раю!»

Линдгрэн не раз возвращалась памятью к бродягам времен детства. Еще до книги «Расмус-бродяга» она опубликовала рассказ, в котором описала переживания брата и сестры при встрече с рыцарем с большой дороги — бродягой. Быть может, это был первый эскиз ее большой книги на эту тему. Рассказ носил символическое название «Спокойной ночи, господин бродяга!». Линдгрэн словно прощалась с милым ей воспоминанием, с бродягами, которые исчезли в Швеции вместе с окончанием ее детства.

Но она снова вернулась к этим дням в повести «Расмус-бродяга».

Вестерхага — приют, где покорно и кротко играют одетые в казенные рубашки сироты и дети бедняков. Руки приютских детей старательно вымыты, уши чисты. Их сегодня даже не наказывают. Но так бывает не всегда. Покорность и кротость, «особые приютские голоса» — это для разговора с начальством, с наставницей и священником. А опрятно одевают, умывают и не наказывают детей, только когда в приюте ожидают чужих!

Но даже внешнее лицемерное благополучие в Вестерхаге не может обмануть посторонних. И женщина, приехавшая взять на воспитание ребенка, сразу замечает, что дети — «несчастные».

Да, эти дети несчастны! В Вестерхаге сироты батрачат на приютском поле, делают все то, что их воспитательница фрекен Хёк называет «полезной» работой. Дети зарабатывают себе на хлеб, и Линдгрэн сравнивает их с рабами на плантации. Но если на долю чернокожих рабов и выпадают какие-то радости, то в Вестерхаге они крайне редки.

Дети не знают приветов и ласки. Они жаждут вырваться из приюта, где все построено на лицемерии и издевательстве. И даже самый веселый из них, Расмус, думает, что приютскому мальчику, которого никто не хочет взять к себе в дом, все равно — жить или умереть. И когда Расмусу удастся бежать из Вестерхаги, он чувствует себя счастливым.

Рассвет! Чудесное солнечное утро, ликующее пение дроздов, серебристые капли росы. По дороге устало бредет мальчик в приютской одежде. Он только что избавился от са-

мого страшного — подневольной, серой, сиротской жизни в приюте! Заманчивым и счастливым кажется ему свободное существование бродяги. Маленький сарай посреди лужайки гостеприимно раскрывает свои двери. Свежее душистое сено так и манит прилечь. Казалось бы, вот она, чудесная жизнь бродяги, которая представлялась маленькому Расмусу такой сказочной. Но что это? Пробуждение от холода. Страшное ощущение одиночества, голода и беды.

Вот она, пропасть между детской мечтой и действительностью, которую без прикрас рисует писательница. И недаром шведская критика отмечает, что истоки сказочного мира Линдгрена надо искать в реальной жизни.

Исподволь, очень тонко разоблачает Линдгрена мечту ребенка о бродяжничестве. Вот Расмус сталкивается с настоящим взрослым бродягой Оскаром, оборванным, небритым, живущим случайным подаянием. Но с Оскаром так весело! Он знает столько чудесных шуток и песен! И Расмус готов бродить с Оскаром по дорогам.

Начинается жизнь, о которой мечтал Расмус, и мальчик узнает, что бродяги частенько ночуют под открытым небом, что масло дадут ему «в другой раз». И главное: бродяга — самое бесправное в мире существо. Ведь любой может заподозрить его в чем угодно, схватить и с пристрастием допросить о том, что он делал в прошлый четверг. А жизнерадостный Оскар с горечью говорит мальчугану, что у бродяг в этой стране — собачья жизнь, ведь все, что ни случись, валят на них... Полицейские всех бродяг считают мошенниками.

К великому удивлению Расмуса, бродягам никто не верит, даже если они говорят правду. И оболгать бродяг тоже может всякий. Доброе дело — попытка вступить за фру Хедберг — и то оборачивается против них. Никакие заверения Оскара в том, что он невиновен, не помогают. Честные бродяги вынуждены скрываться, как воры-рецидивисты.

«Мир жесток» — вот к какому выводу приходит Расмус. Несмотря на доброту Оскара, мечты мальчика о счастливой, свободной жизни разлетаются в прах. В действительности жизнь бродяги оказалась «собачьей». И, прощаясь со своей мечтой, разочаровавшись в ней, мальчик говорит:

— Ни минуты покоя, только и бойся все время то грабителей, то ленсмана, то полицейских — всех, кого попало.

Какие же пути приводят людей на проселочные дороги? Расмус бежал от подневольной приютской жизни. Но что привело туда Оскара — здорового человека, который слоняется без дела по дворам и работе предпочитает нищенство?

— Свободолюбие, — утверждает Линдгрэн.

Оскар пишет ленсману, что он жаждет свободы. Не случайно бродяга Оскар — честный, талантливый, великодушный и неподкупный — кажется таким привлекательным. И какими жалкими ничтожествами выглядят рядом с оборванным Оскаром расфранченные грабители Лиф и Лиандер!

Вообще, Линдгрэн относится к грабежам и убийствам иронически, высмеивая бездарные детективные подделки.

Заброшенная деревушка, жители которой давно эмигрировали в Америку. Бедный, покосившийся домишко. Циничная беседа Лифа и Лиандера, свидетелем которой невольно оказывается Расмус. Мальчику до смерти любопытно и невыносимо страшно. Ему хочется оказаться подальше отсюда: одно его «я» желало убраться из этого дома как можно скорее, а другое хотело остаться и посмотреть, что же произойдет; это «я» жаждало самых необыкновенных, таинственных приключений.

На первый взгляд может показаться, что Линдгрэн написала детективную повесть. Ведь в ответ на рассказ Расмуса о странных делах, которые творятся в доме фру Хедберг, Оскар спрашивает мальчика: уж не историю ли из книжки о разбойниках ему рассказывают? Действительно, в книге есть и ограбление кассы, и нападение вооруженных молодчиков на беззащитную женщину, и неожиданные столкновения героев с гангстером, погоня, выстрелы, жулики и полицейские. И вместе с тем Линдгрэн, посмеиваясь над душещипательными песнями и романсами («Из-за тебя я убила ребенка» или «Послушайте замечательную историю»), Линдгрэн показывает весь ужас этих таинственных приключений и раскрывает истинное лицо грабителей, которые превратили жизнь Расмуса в сплошной кошмар. Ока-

зывается, что под личиной элегантного господина скрывается отпетый разбойник. Ради денег грабители готовы на все. Не случайно Расмус, сытый по горло ужасами, грабежами и всяческими жестокостями, заявляет, что постоянные кровопролития вовсе не обязательны!

К великой радости Расмуса, в самые тяжелые минуты, в самых трудных положениях, когда он и Оскар находятся, казалось бы, на волоске от гибели, наступает чудесное избавление. Казалось, все потеряно, но котенок, трубка и, наконец, полицейские приходят на помощь к Расмусу и Оскару.

В книге Линдгрэн проскальзывает мысль о том, что обездоленные и бесприютные дети станут счастливыми, если жалостливые богачи возьмут их на воспитание. Недаром все дети в приюте мечтают попасть в богатую семью, мечтают о наследстве и о собственной лавке. Но сама же Линдгрэн показывает, как мало у них шансов на успех. Ведь в стране так мало богачей, которые думали бы о детях. И судьба кудрявой Греты, Расмуса да еще, быть может, Гуннара представляется исключением.

Расмус, мечтавший попасть в богатый дом, чья мечта наконец осуществилась, бросает уютный кров и снова уходит с Оскаром, нищим бродягой. Но судьба, желая по сказочному вознаградить мальчика, тут же, и довольно неожиданно, наделяет Оскара домиком и женой. Так у Расмуса появляются названные отец и мать — Оскар и его жена Мартина. Мальчик счастлив, и счастье его не становится меньше от того, что он живет в сереньком бедном домике, а не на зажиточном хуторе.

Шведский критик Лоренц Ларссон справедливо написал о книге «Расмус-бродяга» и о ее героях Расмусе и Оскаре: «Бродяга со шведской проселочной дороги — тип, исчезнувший ныне из нашего благоустроенного, выкрашенного в белый цвет общества благоденствия, увековечен в этих образах».

Книги А. Линдгрэн не только правдиво и интересно написаны, это еще и по-настоящему увлекательное чтение. Ряду книг Линдгрэн присущ приключенческий, изобилующий острыми ситуациями сюжет. Некоторые ее произведения

оказались находкой для кино, в частности «Расмус-бродяга», «Расмус, Понтус и Глупыш» и все книги о Калле Блумквисте.

Заглавия этих повестей позволяют с первого взгляда предположить, что они сюжетно связаны между собой. Но в предисловии к повести «Расмус, Понтус и Глупыш» Линдгрэн пишет: «В этой книге речь идет о Расмусе Перссоне одиннадцати лет. Стало быть, здесь и на йоту нет речи ни о Расмусе Оскарссоне девяти лет, ни о Расмусе Расмуссоне четырех лет. Если тебе захочется прочитать о Расмусе Оскарссоне, возьми книжку „Расмус-бродяга“, а захочется узнать о Расмусе Расмуссоне, почитай, пожалуйста, книжку „Калле Блумквист и Расмус“. Между этими тремя Расмусами нет решительно ничего общего, кроме имени, которое у нас одно из самых распространённых. Не правда ли?»

Но все же героев этих книг связывают не только имена, но и необыкновенные приключения, неожиданно выпадающие на их долю: встречи с ворами и убийцами, бегство, опасности. Однако детективами эти произведения назвать нельзя. Это скорее повести, где пародируются приемы детектива, причем герои вовсе не испытывают наслаждения, попадая в различные переделки. Герой книги «Расмус-бродяга» бесконечно устает от встреч с преступным миром. Калле Блумквист, столкнувшись с настоящими преступлениями, испытывает разочарование в ремесле сыщика, которое раньше представлялось ему увлекательным.

Герои повести «Расмус, Понтус и Глупыш» (1957) — ничем не примечательные шведские школьники. Тем не менее при встрече с преступниками они проявляют ум, находчивость, порядочность. Сестра Расмуса, юная Крапинка, поссорилась со своим одноклассником Йоахимом, в которого она влюблена. Желание Расмуса помочь сестре, спасти ее «честь» приводит к появлению сложного сюжетного хода, за которым следует ряд бурных приключений. Намереваясь выкрасть у Йоакима фотографию сестры, Расмус вместе со своим другом Понтусом проникают ночью в дом отца Йоакима, барона фон Ренкена, и случайно сталкиваются там с ворами — шпагоглотателем Альфредо и его сообщником Эрнстом, похитившими серебро.

В детской литературе Швеции у Расмуса и Понтуса были не только отдаленные родственники (Расмус-бродяга и Калле Блумквист), но и предшественники. Это персонажи книжки «Бомби Битт и я» (1935) шведского писателя Фрильофа Нильсен-Пиратена. Хотя герои Линдгрена по характеру ближе к Тому Соьеру и Гекльберри Финну Марка Твена, но непосредственно предвосхитили их, пожалуй, Бомби Битт и его друг. Да и сюжетная линия — похищение серебра и попытка укрыть его, по-видимому, навеяна новеллой «Серебро» из произведения Нильсен-Пиратена.

Обилие приключений в книге «Расмус, Понтус и Глупыш» вовсе не затеняет того, что это в значительной мере школьная повесть, и в этом плане она близка таким книгам Линдгрена, как «Бритт-Мари изливает душу» и «Черстин и я». В повести «Расмус, Понтус и Глупыш» мотивы, связанные с преподаванием в школе и методами воспитания детей (удаление из класса, нотации и т. д.), даны в сатирическом преломлении. Учителя — тюремные надсмотрщики, которые мешают развлекаться, — таково мнение школьников о своих наставниках.

«Нет слов достаточно выразительных, для того чтобы воздать хвалу. Нужно встать и произнести речь в честь этой великолепной юношеской книги», — писал, захлебываясь от восторга, критик из шведской газеты «Сюдсвенска Дагбладет» о повести «Расмус, Понтус и Глупыш». Действительно, с момента зарождения острых сюжетных ситуаций книга читается легко и свободно. Интересны образы отрицательных персонажей Альфредо и Эрнста, чрезвычайно глупых и недалёковидных. Ходульность образов несколько сглаживается юмористическими штрихами: Альфредо постоянно вспоминает свою «милую мамочку»-воровку и цитирует ее «гениальные» слова и выражения. Обмануть этих мошенников ребятам ничего не стоит. Расмус и Понтус, можно сказать, за руку приводят воров в полицейский участок. Отец Расмуса — полицейский (как и Бьёрк в книгах о Калле Блумквисте), вполне респектабельный, добропорядочный и уважаемый гражданин. Он прекрасный муж, прекрасный отец, вместе со всей семьей он проливает слезы при мысли о пропаже таксы по имени Глупыш.

Расмус и Понтус — веселые, находчивые и остроумные мальчишки. Они необычайно дружны и почти не расстаются. «О таких друзьях можно только мечтать в час беды», — говорит о них Линдгрэн.

Завершает этот том сборник сказок «Солнечная Полянка».

В начале XX века в Швеции старческая бесприютность, детская беспризорность и бродяжничество приняли угрожающие размеры. В целях борьбы с ними создаются богадельни, детские «дома трудолюбия» или приюты. Газеты широко рекламируют эти учреждения как проявление заботы о стариках, сиротах и детях бедняков.

А между тем жизнь богаделен и приютов была далеко не лучезарной. Ведь во времена детства Линдгрэн хорошо жилось вовсе не старикам и не приютским детям. Описание жизни стариков в богадельне производит ужасающее впечатление даже в веселых книгах об Эмиле.

Еще трагичней выглядит она в сборнике сказок Линдгрэн «Солнечная Полянка» (1957). Общим настроением и изображением жизни шведской провинции и бедняков сборник этот примыкает к книгам об Эмиле из Лённеберги и к повести «Расмус-бродяга». В этих сказках Линдгрэн рисует картины бедствий, голода, нищеты и страшного произвола. Правда, в начале каждого произведения она повторяет, что все это было «давным-давно, в пору бед и нищеты». Но оговорка не снимает тягостного впечатления. Одно из любимейших изречений писательницы — «Дети должны испытывать радость». И гневно звучит ее голос, когда она рассказывает о том, как беспросветно живут лишенные радости дети, как вынуждены они тяжело трудиться, голодать и нищенствовать.

Этот сборник Линдгрэн наиболее близок к фольклору. Сюда включены литературные сказки, созданные под сильным впечатлением народных. К сказкам примыкает историческое предание, связанное с другими произведениями сборника темой человеческой самоотверженности. Тут можно встретить и некоторых персонажей скандинавского фольклора: злую хульдру, эльфов, водяного, подземных духов

и троллей. С народной сказкой эти произведения роднит и традиционная тема борьбы Добра и Зла. В сказке «Солнечная Полянка» бедные торпарские дети-сироты — брат и сестра, нещадно эксплуатируемые хозяином, зажиточным крестьянином из Мюры, в конце концов попадают в счастливую страну Солнечная Полянка, где их ожидает сытое, беспечальное житье и забота матери. В сказке «Звенит ли моя липа, поет ли мой соловушка...» серую, безрадостную жизнь бедняков скрашивают играющая липа и поющий соловей. В сказке «Стук-постук» девочке удастся вырваться из царства подземных духов, из страшного Потустороннего мира. В обработке старинного исторического предания «Рыцарь Нильс из Дубовой Рощи» прекрасный молодой король — олицетворение Света и Добра — спасается от врагов.

Во всех этих произведениях Добро побеждает. В них прославляются любовь к людям и самоотверженность. Девочка отдает липе и соловью свое дыхание, она оживляет их, но гибнет сама, подарив радость несчастным старикам из богадельни. Любовь старика прадеда помогает девочке, не побоявшейся спуститься в Потусторонний мир, выйти на волю. Молодой рыцарь жертвует жизнью ради спасения короля, с которым связаны лучшие надежды страны и народа.

В романтическом предании «Рыцарь Нильс из Дубовой Рощи», изобилующем острыми драматическими ситуациями, волнующими приключениями (проникновение рыцаря Нильса в замок, где заточен король, бегство короля, преследование, спасение и переодевание короля в лохмотья Нильса и казнь Нильса вместо короля), Линдгрэн жестоко осуждает герцога-узурпатора, захватившего власть.

Линдгрэн использует в своих сказках различные литературные приемы. Немалую роль играют цветовые и прочие контрасты. Тяжелая жизнь сирот Маттиаса и Анны у крестьянина из Мюры все время подчеркивается словом «серый».

«Пора бед и нищеты» ассоциируется с «серыми» бедняцкими хуторами — торпами, разбросанными по всей Швеции. Дни сирот — серые, словно полевая мышь, платье и лица их нищенски-серые. Безысходность существования в подземном царстве воплощена в образе женщины серой, словно тень. И ярким пятном на фоне беспросветной жизни детей

выделяется олицетворение радости — красивая птичка. Она приводит сирот в чудесную весеннюю страну Солнечная Полянка, где все одеты в яркие красные платья. Эта страна с ее цветущими яблонями и зелеными лугами резко контрастирует с заснеженными полями и пургой, под аккомпанемент которой бредут в школу Маттиас и Анна.

В предании «Рыцарь Нильс из Дубовой Рощи» мрачному герцогу противостоят король и его оруженосец, золотистые головы которых сравниваются со снопом света. В сказке «Звенит ли моя липа, поет ли мой соловушка...» черному горю противопоставлена жаждущая радости детская душа: глядя на окружающую нищету, маленькая Малин не знает, сможет ли она вынести то, что вокруг нет ничего красивого, что вокруг нет ни одной цветущей яблони. И золотой путеводной нитью в ее неприглядном существовании служит услышанная ею прекрасная сказка.

Не случайно в шведской прессе, упоминая дни бед и нищеты, когда происходит действие этих сказок, писали: «...тогда, чтобы жить, необходима была красота сказок». А норвежская писательница и переводчица книг Линдгрэн Ю. Тенфьюрд называет тоску по красоте и поэзии, которой проникнуты ее сказки, «доро́гой, уводящей от жестокости будничного существования».

Л. Брауде

Распис-бродяга

Расмус в этой книге
вовсе не тот же самый мальчик,
что в книге «Калле Блумквист и Расмус».
Они даже не родственники.
То, что у них одинаковые имена, —
странное совпадение,
каких в жизни немало.

А. Линдгрен

Глава первая

Расмус сидел на своем излюбленном месте, на сухой ветке липы, и думал о самых противных вещах. Хорошо, если бы их вовсе не было на свете. Первая из них — картошка! Нет, конечно, пусть картошка будет, но только вареная да еще с соусом, который дают по воскресеньям. А той, что растет с Божьего благословения на поле, которую нужно окучивать, лучше бы не было. Фрёкен Хёк¹ тоже лучше бы не было. Ведь это она сказала:

— Завтра мы будем окучивать картошку целый день.

Она сказала «мы», но это не значит, что фрёкен Хёк будет им помогать. Не тут-то было, это Расмусу, Гуннару, Петеру Верзиле и другим мальчишкам придется ползать по картофельному полю и надрываться весь долгий летний день. А деревенские ребяташки пойдут мимо на речку купаться! Несчастные задавалы! Между прочим, хорошо бы, их тоже не было!

Расмус задумался, что бы еще такое отменить. Но тут ему помешал негромкий окрик снизу:

— Расмус! Прячься! Ястребиха идет!

---

¹ Ястреб (шв.).

Это крикнул Гуннар, высунув физиономию из двери дровяного сарая. Расмусу пришлось поторапливаться. Он быстро соскользнул с ветки, и, когда фрёкен Хёк появилась у сарая, на зеленой ветке липы Расмуса уже не было. И в этом ему повезло, ведь фрёкен Хёк не нравилось, когда мальчики торчат на деревьях, как птицы, вместо того чтобы делать полезную работу.

— Надеюсь, ты берешь только еловые дрова, Гуннар?

Фрёкен бросила строгий взгляд на поленья, которые Гуннар отложил в корзину.

— Да, фрёкен Хёк, — ответил Гуннар тоном, каким и положено отвечать фрёкен Хёк. Особым голосом приютского ребенка, каким он говорит с директрисой или с пастором, который пришел с инспекцией и спрашивает, нравится ли детям ухаживать за садом. Или когда приходят родители деревенских ребятишек и спрашивают, почему отлупили их сына, который кричал кому-то на школьном дворе: «Приходский босяк!» А приходскому надлежит отвечать таким вот голосом, покорным и вежливым, потому что так велят ему фрёкен Хёк, пастор и прочее начальство.

— Ты знаешь, где Расмус? — спросила фрёкен Хёк.

Расмус в страхе еще сильнее прижался к ветке, на которой висел, и молил Бога, чтобы фрёкен Хёк поскорее ушла. Ведь долго-то он не смог бы висеть, не хватало, чтобы руки у него ослабели и он упал бы прямо к ногам фрёкен Хёк. Полосатая сине-белая рубашка, ах! эта приютская рубашка, видна была издали. Учительница в школе сказала, мол, птиц на деревьях так трудно разглядеть оттого, что Бог дал им защитную окраску. Но приютским мальчишкам Господь не дал защитной окраски. Потому Расмус горячо молил Бога, чтобы фрёкен Хёк поскорее убралась отсюда, куда он не задохнулся.

Совсем недавно она ругала его за то, что он самый большой грязнуля в приюте, и сейчас он об этом

вспомнил. Ну погоди! В следующий раз он ей ответит: «Просто я хочу получить защитную окраску».

Да, конечно, он может сказать это только тихонечко, про себя. Такие слова не скажешь прямо в лицо фрёкен Хёк. У нее такие строгие глаза, рот у нее тоже строгий, губы всегда крепко сжаты, а на лбу иногда появляется строгая морщинка. Гуннар уверяет, что у нее даже нос строгий. Но Расмус с ним не согласен, он считает, что нос у фрёкен Хёк очень даже красивый!

Хотя сейчас, повиснув на дереве и чувствуя, как немеют руки, он не помнил, что в ней было красивого. А Гуннар, робко семенивший возле корзины с дровами под строгим взглядом фрёкен Хёк, не смел поднять глаз и не видел, строгий у нее нос или нет. Ему был виден лишь кусок ее жестко накрахмаленного передника.

— Тебе известно, где Расмус? — нетерпеливо повторила фрёкен Хёк, не услышав ответа на свой первый вопрос.

— Я только что видел его возле курятника, — сказал Гуннар.

И это была чистая правда. Полчаса назад Гуннар и Расмус искали яйца в зарослях крапивы, где иногда неслись глупые куры. Так что Гуннар в самом деле видел недавно Расмуса возле курятника. Но где он сейчас, Гуннар предпочел не говорить.

— Если увидишь его, скажи, что я велела ему нарвать корзину крапивы, — сказала фрёкен Хёк и резко повернулась на каблуках.

— Хорошо, фрёкен Хёк, — ответил Гуннар.

— Слыхал, что она сказала? — спросил он, когда Расмус слез с липы. — Тебе велено нарвать корзину крапивы.

«Хорошо, кабы крапивы тоже не было», — подумал Расмус.

Все долгое лето нужно было рвать крапиву для кур, им каждый день варили крапивную кашу.

— Неужто эти дурацкие птицы не могут сами клевать крапиву, которая растет у них под носом?

— Нет, ни за что на свете! — ответил Гуннар. — Их нужно угощать. Пожалуйста! Кушать подано!

Он низко поклонился курице, которая медленно проходила мимо, кудахча.

Расмус сразу не мог решить, нужны ли курицы на свете или нет, но под конец решил, что нужны. Иначе приютские не получат по воскресному яйцу. А без воскресного яйца не узнаешь, что наступило воскресенье. Нет, пусть уж куры остаются на свете. Поэтому нужно — хочешь не хочешь — идти рвать крапиву.

Расмус был не ленивее прочих девятилетних ребят-шек. Просто он испытывал понятную для его возраста нелюбовь ко всему, что мешало ему лазить по деревьям, купаться в речке или играть в разбойников с мальчишками, прячась за картофельным погребом, и подкарауливать девчонок, которые ходят в погреб за картошкой. Он считал, что это самое подходящее занятие в летние каникулы. Фрёкен Хёк никак не могла с этим согласиться, и это тоже было вполне объяснимо. Вестерхагский приют жил не только за счет городка, но и за счет того, что торговал яйцами и овощами. Дети были дешевой рабочей силой, и фрёкен Хёк вовсе не считала, что мучит их, хотя для Расмуса было мучением окучивать картошку целыми днями. Фрёкен Хёк понимала, что ему, как и всем сиротам, живущим в приюте, в тринадцать лет придется самому зарабатывать на жизнь и поэтому надо вовремя научиться работать. Правда, она не могла понять, как важно даже приютским детям иметь возможность поиграть. Но этого от нее, верно, и нельзя было требовать, по натуре она никогда не была особенно «игривой».

Расмус послушно рвал крапиву возле курятника, время от времени повторяя:

— Лентяйки паршивые! Пожалуй, лучше бы вас все-таки не было! Крапивы здесь тьма-тьмушая, так нет, вам этого мало! Я должен здесь батрачить на вас, как негр!

Чем дольше он об этом думал, тем сильнее чувствовал себя негритянским рабом, и это было довольно приятно. В прошлой четверти школьная учительница читала им про американских рабов. Слушать, когда фрёкен читает книгу, было для него самым интересным на свете. А интереснее этой книжки про негритянских рабов он ничего не слышал.

Он рвал крапиву и тихонечко стонал, воображая, как над ним свистит кнут надсмотрщика, а за кустами притаились ищейки, готовые вцепиться в него зубами, если он будет наполнять корзину недостаточно проворно. Ведь сейчас он не рвал крапиву, а собирал хлопок. Правда, большая рукавица, которую он надел, чтобы не жгла крапива, вряд ли пригодилась бы негру южных штатов, работающему под палящим солнцем, но без нее Расмусу обойтись было никак нельзя.

Расмус все рвал и рвал крапиву. Но ведь и негритянскому рабу может иногда повезти. Возле кустов росло несколько высоченных крапивин. Расмус уже наполнил корзину доверху, но, чтобы подразнить ищеек, сорвал их. И тут он увидел в опилках что-то похожее на пятиэровую монетку. Сердце у него сильно заколотилось. Не может быть, что это пять эре! Такого не бывает. Но все же он осторожно снял рукавицу и протянул руку, чтобы проверить, что там лежит.

И это в самом деле была денежка в пять эре! Хлопковое поле исчезло, ищейки испарились, бедный негритянский раб был сам не свой от счастья.

Ведь что можно было купить на пять эре? Большой кулек карамелек, пять тянучек или плитку шоколада. Все это можно было выбрать в деревенской лавке. Он может туда сбегать в обеденный перерыв, ну хотя бы

завтра, а может, не нужно туда бежать, а сохранить эти пять эре и каждый день чувствовать себя богачом, зная, что может купить всё, что угодно.

Да, пусть себе куры будут на свете, и крапива пусть будет. Ведь без них этого бы не случилось. Он пожалел, что совсем недавно ругал кур. Правда, они не очень-то расстраивались и продолжали клевать что попало во дворе, но все же ему хотелось, чтобы они знали, что он, собственно говоря, ничего против них не имеет.

— Не бойтесь, конечно, вы должны быть на свете, — сказал он и подошел к железной сетке, ограждающей куриный двор. — И я буду рвать для вас крапиву каждый день.

И тут случилось новое чудо. Как раз в этот момент он увидел новое сокровище: в курином дворе, у самых ног одной кудахчущей несушки, лежала ракушка. Прямо на кучке куриного помета красовалась красивая белая ракушка с маленькими коричневыми пятнышками.

— Ах! — воскликнул Расмус. — А-ах!

Он быстро снял крючок с калитки и, не обращая внимания на то, что куры испуганно закудахтали и бросились врассыпную, подбежал к ракушке и схватил ее.

Теперь счастье его было так велико, что он не мог им не поделиться. Он просто был вынужден пойти и рассказать обо всем Гуннару. Бедный Гуннар, ведь он всего час назад был с ним возле курятника и не нашел ни ракушки, ни пяти эре! Расмус задумался. Может, час назад там не было ни раковины, ни монетки? Может, их там кто-нибудь наколдовал, когда он начал рвать крапиву? Может, сегодня у него просто какой-то волшебный день, когда случаются всякие чудеса?

— Нужно, пожалуй, спросить Гуннара, что он обо всем этом думает.

Расмус пустился было бежать, но, вспомнив про корзину с крапивой, резко остановился. Потом он вернулся

к калитке и взял корзину. С корзиной в одной руке и с ракушкой и монеткой, крепко зажатыми в другой, он побежал искать Гуннара.

Он нашел его на площадке, где дети собирались, чтобы поиграть в конце дня. Там была целая куча детей, и Расмус сразу понял, что они чем-то взволнованы. Видно, что-то случилось, пока Расмуса здесь не было.

Расмусу хотелось поскорее отозвать Гуннара и показать ему свои сокровища. Но Гуннар думал о делах поважнее.

— Завтра мы не пойдем окучивать картошку, — сказал он. — Приедут какие-то люди выбирать ребенка.

Перед этой новостью пять эре и ракушка вовсе поблекли. У кого-то из детей будет свой дом. Что может с этим сравниться? В Вестерхагском приюте не было ни одного ребенка, который не мечтал бы о таком счастье. Даже большие мальчики и девочки, которым скоро предстояло самим зарабатывать себе на хлеб, вопреки здравому смыслу надеялись на это чудо. И даже самые некрасивые, самые озорные, самые непослушные не расставались с надеждой, что в один прекрасный день явится кто-то, кто захочет взять именно его или ее. Не в малолетние работники или служанки, а как свое родное дитя. Иметь собственных родителей было самым большим счастьем, о котором только могли мечтать приютские дети. Открыто они старались не показывать, о чем безнадежно мечтают, но Расмус, которому было всего девять, не умел притворяться безразличным.

— Подумать только! — воскликнул он. — А вдруг они захотят взять меня? Ах, как я хочу, чтобы они выбрали меня!

— Тоже выдумал! — ответил Гуннар. — Они всегда выбирают кудрявых девчонок.

Сам Гуннар был очень некрасивый, курносый, волосы у него походили на козью шерсть. Надежду, что у него будут отец и мать, он держал в глубокой тайне. Никто не должен был заметить, что его хоть малость интересует, кого завтра выберут.

Расмус уже лежал в узенькой кровати рядом с кроватью Гуннара в спальне мальчиков, когда вдруг вспомнил, что еще не рассказал про ракушку и пятиэровую монетку. Он нагнулся над краем кровати и прошептал:

— Послушай, Гуннар, со мной сегодня такое приключилось!

— Что такого особенного с тобой приключилось?

— Я нашел пять эре и красивую-прекрасивую ракушку. Только не говори об этом никому!

— Покажи-ка мне, — с любопытством прошептал Гуннар. — Пошли к окну, дай мне поглядеть!

Они прокрались к окну в ночных рубашках. И Расмус осторожно, так, чтобы никто, кроме Гуннара, не увидел, показал ему в полумраке летнего вечера свои сокровища.

— Здорово тебе повезло! — сказал Гуннар и погладил гладкую ракушку указательным пальцем.

— Правда, повезло? Поэтому-то я думаю, может, все же они меня завтра выберут.

— Как же, жди! — ответил Гуннар.

На ближней к двери кровати лежал Петер Верзила, самый старший из мальчишек и самозванный вожак. Он приподнялся на локте и напряженно прислушался.

— Ложитесь быстрее! — сказал он шепотом. — Ястребиха идет... Я слышу, как она топает по лестнице.

Гуннар и Расмус помчались к своим постелям так, что длинные рубашки хлестали по голым ногам. И когда Ястребиха вошла в спальню, здесь царила полная тишина.

Директриса совершала вечерний обход. Она ходила от одной кровати к другой и проверяла, все ли в порядке.

Случалось, правда очень редко, что она легонько похлопывала какого-нибудь мальчика разок-другой, неласково, словно сама того не желая. Расмус не любил Ястребиху и все же каждый вечер надеялся, что она похлопает именно его. Он сам не знал почему, просто очень хотел, чтобы она похлопала именно его.

«Если она похлопает меня сегодня, — подумал он, — значит, завтра у меня будет тоже волшебный день. Значит, те, что приедут, выберут меня, хотя у меня и прямые волосы».

Вот фрёкен Хёк подошла к его постели. Расмус замер. Сейчас... вот-вот... она дотронется до него.

— Расмус, не щипли одеяло! — сказала фрёкен Хёк и пошла дальше.

Минуту спустя она закрыла за собой дверь, спокойная, решительная и неумолимая. В спальне было тихо. Тишину нарушил лишь глубокий вздох Расмуса.

Глава вторая

Ох и много же мыла ушло в умывальной мальчиков на следующее утро! Если верить фрёкен Хёк, приемным родителям больше всего на свете нравятся чисто вымытые уши и руки, а в этот день надо было постараться изо всех сил.

Расмус положил в шайку большой комок мягкого мыла и принялся усердно тереть себя, чего не делал с самого Рождества. Пусть он мальчик с прямыми волосами, но, если все зависит от чистых ушей, он намочит их так, что они будут самыми чистыми во всей Вестерхаге. И таких красных, начищенных рук, как у него, тоже ни у кого не будет. Хотя девчонки и в этом их обгоняют, они просто до противного чистюли. Будто грязь не пристает к ним так, как к мальчишкам. К то-

му же они все время моют посуду, чистят, скребут да пекут, а от этого сам по себе будешь чистым.

Посреди комнаты стоял Петер Верзила, он еще не притронулся ни к мылу, ни к щетке. Нынче осенью ему исполнится тринадцать и поневоле придется покинуть Вестерхагу. Он знал, что, хочешь не хочешь, будет малолетним работником у кого-нибудь из крестьян и что даже чисто вымытые уши в этом деле не помогут.

— Плевать я хотел на это мытье! — громко сказал он. На мгновение мальчишки замерли у шаяк со щетками в руках. Ведь Петер Верзила был у них заводилой, а раз он не желал мыться, что же делать остальным?

— Я тоже плевать хотел на это мытье! — воскликнул Гуннар и положил щетку.

Он тоже знал, что ни вода, ни мыло не сотворят с ним чуда.

— Ты что, спятил? — спросил Расмус, вытирая мокрые волосы, падающие ему на глаза. — Ведь ты знаешь, кто сегодня приедет!

— А ты, верно, думаешь, приедет сам король Оскар! — ответил Гуннар. — Плевать мне на того, кто приедет. Будь это король собственной персоной или старьевщик из Чисы, я мыться не собираюсь.

Тетушка Ольга, повариха, женщина более разговорчивая, чем фрёкен Хёк, рассказала, что приедет торговец, не тот, что торгует старьем, а человек богатый и почтенный. Приедет он со своей женой. Детей у них нет, некому в свое время оставить наследство. Мол, поэтому они и решили приехать в Вестерхагу и взять ребенка на воспитание.

«Надо же, — думал Расмус, — кому-то достанется целый магазин, полный леденцов, постного сахара, лакричных конфет, да еще, ясное дело, муки, мыла и селетки!...»

— А я все же помоюсь, — решительно сказал он и принялся тереть локти.

— Да, да. Давай мойся! — крикнул Гуннар. — Я тебе помогу!

Он схватил Расмуса сзади за шею и быстро окунул его голову в таз. Рассерженный Расмус вскочил, отфыркиваясь. А Гуннар стоял и смеялся, все его добродушное курносое лицо сияло от радости.

— Неужто ты разозлился? — подзадорил он Расмуса.

И Расмус тоже засмеялся. Он никогда не мог долго сердиться на Гуннара. Но помыться ему все-таки сейчас придется. Расмус схватил таз и с угрозой зашагал к Гуннару, который стоял у двери в умывальную и ждал нападения. Расмус поднял таз. Ну держись, Гуннар, он его окатит. Но как раз в этот момент Гуннар отскочил в сторону, и горячий душ окатил того, кто появился на пороге.

А на пороге стояла фрёкен Хёк. В такой момент только одному человеку бывает не смешно, тому, кого окатили. Фрёкен Хёк с легкостью удержалась от смеха, а мальчишки невольно захихикали. Один из мальчишек не удержался и разразился отчаянным, испуганным и немного визгливым смехом. Это был Расмус. Какое-то безумное мгновение он хохотал, а потом замер, в отчаянии ожидая катастрофы. А катастрофа была неизбежна, это он понимал.

Фрёкен Хёк отличалась большим самообладанием, и это она сейчас доказала. Она лишь встряхнулась, как мокрая собака, и неодобрительно посмотрела на Расмуса.

— Сейчас мне некогда с тобой разбираться, — сказала она. — Поговорим позднее.

Потом она громко захлопала в ладоши и крикнула:

— Собираемся во дворе через полчаса. За это время вы должны успеть застелить постели, убрать в спальне и позавтракать.

Сказав это, она ушла, даже не взглянув на Расмуса. Когда она исчезла, раздался ликующий хохот.

— Хорошенький душ она получила, чтоб я пропал! — воскликнул Петер Верзила. — На этот раз ты метко попал, Расмус.

Но Расмус никак не мог разделить их радости по поводу своей меткости. Этот день чудес ему не принес, и родителей тоже. Наказание, видно, будет для него ужасное, ведь поступок его был в самом деле ужасным. От страха и волнения его бил озноб, все худенькое тело девятилетнего мальчишки тряслось как в лихорадке.

— Одевайся давай, — сказал Гуннар. — Ты так замерз, что даже посинел, — и тихо добавил: — Это я виноват, что ты окатил Ястребиху.

Расмус, дрожа, надел рубаху и штаны. Какая разница, кто виноват. Ведь ни он, ни Гуннар не думали, что так получится. Но он боялся наказания, которое придумает для него Ястребиха. За тяжелый проступок дети иногда получали розги. Фрёкен Хёк порола однажды Петера Верзилу за то, что он воровал яблоки в саду пастора. И Элуфа тоже однажды выпороли за то, что он, разозлясь на тетку Ольгу, повариху, крикнул ей: «Кухонная крыса!» И ему, видно, не миновать порки в комнате Ястребихи.

«Если она будет пороть меня, я умру, — подумал Расмус. — Умру, и всё, да и пусть умру».

Приютскому мальчику с прямыми волосами, которого никто не хочет взять, лучше умереть.

Он вышел во двор вместе с остальными детьми, но подавленное настроение не покидало его. Фрёкен Хёк была уже там, переодетая, нарядная, в черном платье и белом накрахмаленном переднике. Она захлопала в ладоши и сказала:

— Вы, наверно, слышали, что у нас сегодня будут гости. Скоро к нам приедут господа поглядеть на вас.

Можете играть, как всегда, только постарайтесь вести себя лучше обычного. Ну вот и всё, начинайте играть!

Расмусу играть не хотелось. Он подумал, что сейчас ни у кого нет желания играть. Он залез на свое обычное место на липе. Здесь он, по крайней мере, может сидеть спокойно. К тому же отсюда видна аллея, он сможет увидеть, когда появится торговец. Хотя надеяться на то, что его возьмут, уже не приходится, интересно будет хотя бы взглянуть на этих людей.

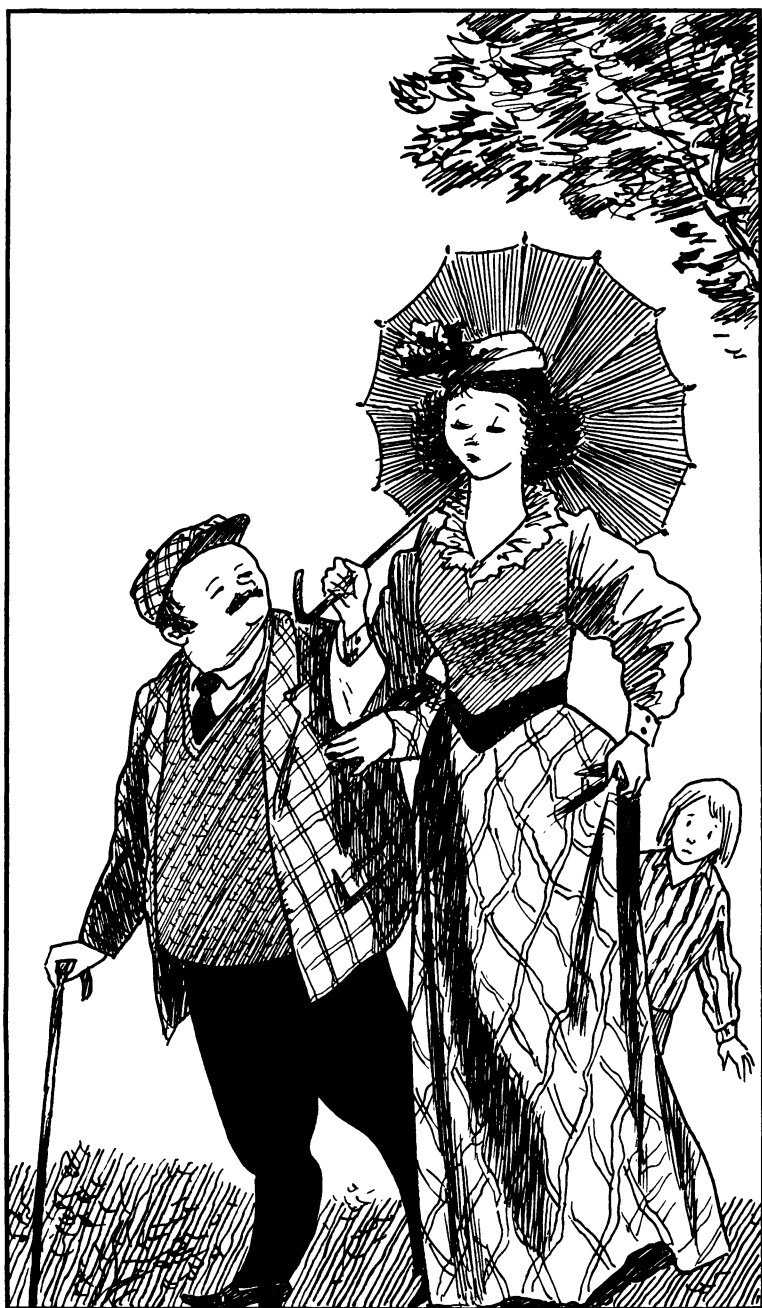
Он сидел на ветке, как в зеленом шатре, и ждал. Ракушка и пять эре лежали у него в кармане. Он вынул их и стал разглядывать. Так приятно было держать их в руке.

«Мои сокровища, — подумал он с нежностью, — мои драгоценные сокровища!»

Несмотря на все несчастья, он не мог не радоваться своему скромному богатству.

И тут он услышал, как далеко, в конце аллеи, застучали лошадиные копыта. Звук приближался, и вскоре из-за поворота показалась коляска. Две гнедые лошадки весело трусили по пыльной проселочной дороге. Когда экипаж подъехал к калитке, кучер придержал их громким «тпруу!».

В коляске сидели господин и дама. О, какая она была красивая! На голове у нее была маленькая голубая шляпка с белыми перышками, которые покачивались над ее светлыми волосами, уложенными в высокий узел. В руке она держала белый кружевной зонтик для защиты от солнца. Но она наклонила его назад, и Расмус мог разглядеть ее красивое лицо. Ее светлое муслиновое платье с широкой длинной юбкой было тоже очень красиво. Выходя из коляски, она приподняла юбку маленькой белой рукой. Расмус решил, что она похожа на фею из сказки. Ее муж, толстенький коротышка, помог ей выйти из коляски. Он был вовсе не такой красивый, как

она. И на сказочного принца он ни капельки не походил. Но зато у него был магазин, полный лакричных конфет и леденцов.

Муж распахнул калитку, и дама меленькими шажками вошла во двор. Расмус изо всех сил наклонился вперед, чтобы не упустить ни малейшей подробности ее прекрасного облика. Подумать только, какое счастье иметь такую маму!

— Мама, — тихо сказал Расмус, словно заучивая это слово. — Мама!

Ах, если бы это был для него день чудес! Тогда красивая дама поняла бы, что только его, одного его из всей Вестерхаги ей нужно взять в сыновья. Тогда, увидев его, она бы сразу сказала: «Ах, как раз такого мальчика с прямыми волосами мы и хотим взять». А торговец кивнул бы и добавил: «Конечно. Он пригодился бы нам в лавке, я поручил бы ему отдел леденцов».

А когда фрёкен Хёк собралась бы увести его в свою комнату и выпороть, торговец сказал бы: «Не трогайте, пожалуйста, нашего мальчика!»

Потом они посадили бы его в коляску, и он держал бы красивую даму за руку, а Ястребиха стояла бы у калитки с розгой, разинув рот. Она слышала бы, как стук колес уносится все дальше и дальше по аллее. А под конец, когда он стихнет, она всплакнула бы немного и сказала: «Вот и уехал наш Расмус».

Он вздохнул. Ах, если бы на свете не было столько кудрявых девчонок! Грета, Анна Стина, Эльна. Целых три в одном только Вестерхагском приюте! И Элин тоже, но у нее не все дома, и ее-то они наверняка не возьмут.

Он быстро спустился с дерева. Торговец и его жена были уже во дворе и могли в любую минуту схватить кудрявую девчонку. Пусть они сначала хотя бы увидят его, а потом уж пеняют на себя, если не захотят его взять.

Он решительно вышел во двор как раз в тот момент, когда фрёкен Хёк приветствовала гостей.

— Пожалуйста в сад, выпьем кофе и побеседуем, — сказала она, широко улыбаясь. — А тем временем вы, дорогие гости, сможете поглядеть на детей.

Красивая дама тоже улыбнулась. Она улыбнулась как-то робко и неуверенно поглядела на собравшихся детей.

— Да, можно нам посмотреть, кого...

Муж ободрительно похлопал ее по плечу.

— Да, да, — сказал он. — Пойдем выпьем кофе, все будет хорошо.

Дети играли в лапту рядом на площадке. Им велели играть, и они играли. Но это была пустая затея, играть никому не хотелось. Разве пойдет на ум игра, когда все твоё будущее зависит от того, как ты ведешь себя и как выглядишь в это утро. Дети тайком бросали взгляды на трех взрослых, сидевших за столом возле куста сирени. На площадке для игр царила тишина. Никто не ссорился, никто не смеялся. Слышны были лишь удары лапты по мячу, которые в это тихое летнее утро казались странно мучительными звуками.

Робко, как ягненок, которого отняли от стада, Расмус подошел к кусту сирени. Он не знал, что гости и фрёкен Хёк сидят за садовым столом, а когда обнаружил это, было уже поздно. Ему пришлось идти мимо них. Ноги у него занемели, а на лице застыло напряженное и странное выражение. Он исподволь косился на фрёкен Хёк. Расмус был совсем близко от нее, слишком близко, и спотыкался, стараясь поскорее смешаться с ватагой ребятишек на игровой площадке. Он поглядел украдкой и на красивую даму, как раз в тот момент, когда она бросила на него взгляд. И тут он остановился, не в силах двинуться с места. Он стоял смущенный и тарашил на нее глаза.

— Расмус! — строго сказала фрёкен Хёк и замолчала.

Ведь господа для того и приехали, чтобы посмотреть на детей.

— Так тебя зовут Расмус? — спросила красивая дама.

Не в силах отвечать, Расмус только кивнул.

— Нужно поклониться, когда здороваешься, — напомнила фрёкен Хёк.

Расмус покраснел и торопливо поклонился.

— Хочешь печенья? — спросила жена торговца и протянула ему одну печенинку.

Расмус бросил быстрый взгляд на фрёкен Хёк, узнать, можно ли ему взять ее.

Фрёкен Хёк кивнула, и Расмус взял печенинку.

— Не забудь поклониться, когда тебя угостили, — снова сказала фрёкен Хёк.

Расмус покраснел еще сильнее и снова поклонился. Он продолжал стоять, не зная, что делать. Есть печенье он не осмеливался и не знал, идти ему или продолжать стоять.

— А теперь беги и играй! — велела фрёкен Хёк.

Тут Расмус резко повернулся и опрометью пустился бежать. Он уселся на траву рядом с площадкой и в великом огорчении съел печенинку. Он вел себя по-дурацки, стоял как пень, не смог даже поклониться и сказать спасибо. Теперь уж жена торговца точно решила, что он болван.

Солнце поднималось все выше. Стоял ясный, погожий летний день. И картошку не надо было окучивать. Но для детей из Вестерхагского приюта это был тяжелый день, полный томительного ожидания. Игра в мяч скоро окончилась. Никто из них даже не мог делать вид, что ему весело. Они не знали, как воспользовать-

ся этим странным свободным временем, которое будет длиться столько, сколько пожелают эти люди. Никогда еще не было у этих детей такого тяжелого утра.

Они стояли без цели на площадке маленькими группками и исподволь следили глазами за дамой с зонтиком. Ее муж сидел за кофейным столом и читал газету, очевидно предоставив ей делать выбор. А жена торговца ходила от одной группы детей к другой. Она по очереди разговаривала с ними, немного застенчиво и неловко, не зная, что говорить этим несчастным ребятишкам, которые так странно смотрели на нее.

Этот маленький мальчик, Расмус, таранил на нее глаза пристальнее всех. Казалось, в его темных глазах, слишком больших для худенького веснушчатого лица, застыла мольба.

Но были среди них и другие, чьи глаза просили, умоляли. Например, девочка с пухлыми румяными щечками и целой копной светлых кудряшек, падающих на лоб. Ее невозможно было не заметить, она все время провожала гостью взглядом. Это была храбрая малышка. Одна она осмеливалась улыбаться в ответ на улыбку.

Жена торговца подбадривающе потрепала ее по щеке.

— Как тебя зовут, милая?

— Грета, — ответила кудрявая блондинка и сделала книксен. — Какой у вас красивый зонтик, тетя!

Тетя покрутила кружевной зонтик, она сама находила этот зонтик красивым. Но тут она, на беду, уронила зонтик на траву и не успела нагнуться, как к нему бросилась Грета. И не только Грета. Рядом стоял Расмус, старавшийся быть как можно ближе к красивой гостье. Он тоже ринулся к зонтику. О, наконец-то он тоже покажет, что умеет быть вежливым.

— Отпусти! — сказала Грета и дернула к себе зонтик.

— Нет, это я... — начал было Расмус.

— Отпусти, тебе говорят! — повторила Грета и снова дернула зонтик.

Внезапно у него в руке оказалась изогнутая ручка зонта. Он с ужасом уставился на нее. Другую часть зонта держала Грета. Она испугалась не меньше его. Поняв наконец, что случилось, она заплакала.

И тут к ним подскочила фрёкен Хёк.

— Ну что за наказание этот Расмус! — закричала она. — Ты просто невыносим сегодня. Неужто ты никогда не выучишься вести себя как подобает!

Расмус побагровел, горячие слезы стыда и отчаяния выступили у него на глазах. Жена торговца стояла опечаленная тем, что причинила этим детям столько горя.

— Не беспокойтесь, — примирительно сказала она. — Ручку можно снова привинтить. Я попрошу мужа это сделать.

Она взяла сломанный зонт и поспешила к мужу, который всё еще сидел за кофейным столом. Грета быстро вытерла слезы и потрусила за гостьей, как маленькая любопытная собачонка. Она остановилась на расстоянии двух шагов от стола и с любопытством смотрела, как торговец привинчивает ручку.

— Как хорошо, что он снова целый, — радостно сказала она.

Грета улыбалась, а ее светлые кудрявые волосы сияли на солнце.

А Расмус исчез. С горя за свой стыд и неподобающие мужчине слезы он спрятался в уборной. Для раненой души это было самое подходящее место, здесь можно было легче всего позабыть про свои несчастья. В куче нарезанных газет можно было всегда почитать что-нибудь интересное и на какое-то время забыть про разных там красивых жен торговцев и кружевные зонтики в этом жестоком мире.

Расмус сидел, углубившись в чтение. И тут ему повезло, он нашел что-то из ряда вон выходящее. Широко раскрыв глаза, он читал по складам сообщение в газете:

ГРАБЕЖ НА ЗАВОДЕ САНДЁ

Вчера на заводе Сандё было совершено дерзкое преступление. Двое в масках проникли в заводскую контору и, угрожая пистолетом, забрали в кассе недельную зарплату, после чего грабители бесследно исчезли.

Расмус представил себе этих людей в масках и пожегился от возбуждения. Про жену торговца он сейчас вовсе забыл.

Но когда спустя несколько часов гости уехали из Вестерхаги, он стоял у калитки и долго смотрел вслед удаляющейся коляске. На заднем сиденье примостилась Грета. Ее голова в светлых кудряшках торчала рядом с голубой шляпкой, украшенной перышками. Да, Грета уехала... Наверняка она сейчас держала красивую даму за руку.

Глава третья

— Ну, что я тебе говорил? — воскликнул Гуннар, когда коляска исчезла из виду. — Они всегда выбирают кудрявых девчонок.

Расмус кивнул. Так оно и есть. Мальчикам ни за что не повезет, если рядом есть кудрявые девчонки.

И все же не может быть, что нигде на свете не найдется хоть кто-нибудь, кто захочет взять мальчика с прямыми волосами. Хотя бы кто-нибудь один... где-нибудь... далеко, за тем поворотом дороги.

— Послушай, я знаю, что надо делать, — горячо сказал Расмус. — Нужно удрать отсюда и самому искать родителей.

— Что ты вздумал? Каких еще родителей?

Гуннар не понял его.

— Ну, таких, кто захочет взять ребенка. Ведь выбирать им там не из кого, так они могут взять даже не кудрявого мальчика.

— Да ты у нас голова! — ответил Гуннар. — В самом деле, подойди к Ястребихе и скажи ей: «Прошу прощения, сегодня я не буду окучивать картошку, мне надо идти искать кого-нибудь, кто захочет меня взять».

— Дурак ты, вот и всё, — нужно, ясное дело, уйти, не спросив Ястребиху. Убежать отсюда, понятно?

— Беги, — сказал Гуннар. — Захочешь есть, вернешься. Если тебя еще ни разу не пороли, то тут уж выпорют хорошенько.

Гуннар сказал «выпорют». Расмус вздрогнул. Как он мог забыть про наказание, которое его ожидает? Он был уверен, что фрёкен Хёк выпорет его розгами. При мысли об этом на лбу у него выступил холодный пот.

— Пошли-ка лучше поиграем в мяч, — предложил Гуннар. — Ведь не собираешься же ты бежать прямо сейчас?

Гуннар положил ему руку на плечо. Он был добрый, этот Гуннар. И рука его показалась Расмусу как бы защитой. Расмус немного успокоился и пошел с Гуннаром на площадку.

А на площадке дети собрались вокруг Петера Верзилы, который с жеманной улыбочкой подходил к каждому мелкими шажками, изображая жену торговца.

— Как тебя зовут, дружок? — спросил он Элуфа и похлопал его по голове. — Хорошо тебе живется в Вестерхаге? Ты видел когда-нибудь такой афтамобиль? А в штаны ты делаешь когда-нибудь?

Такой вопрос жена торговца никому не задавала, но дети радостно засмеялись. Приятно было посмеяться над тем, кто внушил им сильное волнение, такое горя-

чее тайное желание, над тем, кто никогда больше не придет сюда — в красивой голубой шляпке и с кружевным зонтиком.

— А вот и мальчик с тазом! — крикнул Петер Верзила при виде Расмуса. — Какие водяные фокусы ты собираешься проделать с Ястребихой завтра?

Расмусу вовсе не хотелось говорить про водяные фокусы, но, раз Петер Верзила снизошел до того, что заговорил с ним, пришлось отвечать ему в том же духе.

— Ха! Может, я возьму садовый шланг и окачу ее! — небрежно сказал он.

Все засмеялись, и Расмус, ободренный, продолжал:

— Или возьму пожарный огнетушитель и дам ей хорошую вздрючку!

Как ни странно, на этот раз никто не засмеялся. Внезапно все разом замолчали и уставились на что-то за спиной Расмуса. У него как-то странно засосало под ложечкой, он резко повернулся, желая поглядеть, на что они смотрят.

А это была Ястребиха. Ястребиха в черном пальто с буфами на рукавах и праздничной шляпке. Тетка Ольга говорила, что она собирается к пастору на кофе... Господи сохрани и помилуй, надо же ей было явиться сюда именно в этот момент!

— Вот как, так ты собираешься дать мне вздрючку? — спросила фрёкен Хёк с язвительной улыбкой. — Придешь завтра в восемь утра в мою комнату, тогда посмотрим, кто из нас получит вздрючку.

— Хорошо, хёкен Фрёк, — ответил, заикаясь, вне себя от страха Расмус.

Фрёкен Хёк сокрушенно покачала головой:

— Хёкен Фрёк?.. Что сегодня с тобой творится, Расмус?

Она ушла, а Расмус застыл на месте, понимая, что он пропал. На этот раз ничто его не спасет, это он

точно знал. Его выпорют розгами, и он сам считал, что заслужил порку. Нельзя делать столько глупостей в один-единственный день.

— Не бойся, она бьет не очень больно, — сказал Петер Верзила в утешение Расмусу. — Ничего страшного. Что ты раскис?

Но Расмуса еще ни разу в жизни не пороли розгами, и он был уверен, что не выдержит этого. Ах, почему не он укатил в коляске из Вестерхаги с женой торговца! Теперь ему остается только одно — бежать. Он не сможет лежать целую ночь в постели, зная, что наутро ему предстоит идти к фрёкен Хёк, где его ждет порка. Но один он не осмелится бежать. Гуннар должен бежать вместе с ним... должен! Расмус поговорит с ним, будет просить, умолять его бежать вместе с ним. Времени терять нельзя, они должны бежать через несколько часов.

Длинный день окончился. Настало время ложиться спать, но дети в этот вечер долго не ложились. В отсутствие фрёкен Хёк дежурила тетя Ольга, а ее никто не боялся. Когда она прикрикнула на детей, девочки послушно отправились в спальню, а мальчиков ей пришлось загонять, как строптивых жеребят. Никому не хотелось ложиться в постель в такой светлый прекрасный летний вечер.

Расмус не отходил от Гуннара. Когда они раздевались, он шепнул ему:

— Гуннар, я все-таки убегу сегодня ночью. Ты можешь бежать со мной.

Но Гуннар сердито толкнул его:

— Не болтай вздор! С какой стати тебе бежать?

Признаваться, что он бежит из-за предстоящей порки, он был не в силах даже Гуннару.

— Я уже сыт по горло этим несчастным приютом! — сказал он. — Хочу поискать где-нибудь другое место.

— Вот как! Ну и беги, — беспечно ответил Гуннар. — Только жаль будет тебя, когда вернешься назад.

— Я никогда не вернусь.

Это звучало ужасно. Расмус сам содрогнулся. Ведь он жил в Вестерхаге с самого раннего детства. Он не помнил другого дома и другой матери, кроме фрёкен Хёк. В самом деле было страшно подумать, что он исчезнет отсюда навсегда. И по правде говоря, ему будет как-то странно никогда больше не видеть Ястреби-ху. Не то чтобы он любил ее, но все-таки... Однажды, много лет назад, когда у него стреляло в ухе, она посадила его на колени. Он положил больное ухо ей на плечо, а она спела ему «Кто на свете всех дороже». Он тогда любил ее, он любил ее долго после этого и сильно хотел, чтобы у него снова разболелось ухо. Но ухо у него больше не болело, и фрёкен Хёк больше не тревожилась за него и почти никогда не похлопывала его во время вечернего обхода. А сейчас она собирается выпороть его. Так ей и надо, что он убежит. Но все-таки как страшно звучат эти слова: «Я никогда не вернусь».

И потом, как же быть с Гуннаром? Если Гуннар не пойдет с ним, значит, он и его больше никогда не увидит. Это будет хуже всего. Ведь Гуннар его лучший друг, неужели они больше не встретятся? Их кровати в спальне стояли рядом, в школе они сидели за одной партой. А однажды они даже побратались: укололи себе руки за курятником и смешали свою кровь. А теперь Гуннар не хочет с ним бежать. Расмус почти рассердился на него за это.

— Ты что, в самом деле собираешься сидеть в этой Вестерхаге, покуда не обрастешь мхом?

— Поговорим, когда ты вернешься, — ответил Гуннар.

— Я никогда не вернусь, — повторил Расмус и опять вздрогнул.

Шумно было в спальне в этот вечер. Ястребиха отправилась в гости, а Ястребихе было, по словам Петера Верзилы, куда как просто «прищемить хвост». В такой вечер можно было вволю драться, шуметь и не ложиться вовремя спать. Под конец явилась красная от злости тетя Ольга и заявила, что она пожалуется фрёкен Хёк. Только тогда мальчишки начали укладываться, но и не подумали тут же уgomониться и заснуть.

— Я принц крови, — начал Альбин в своем углу, как обычно.

Его так и прозвали «Альбин, принц крови». Он уверял, что его отец королевского рода и что он сам попал в Вестерхагу по чистому недоразумению.

— Это случилось, когда я был маленьким, красивеньким малышом, — объяснил Альбин. — Когда я вырасту, разыщу своего отца, вот тогда поглядите! Те, кто были ко мне добры, получают от меня... получают от меня подарки, целую кучу подарков.

— Премного благодарны, ваше величество, — ответил Петер Верзила. — Расскажите, что же мы получим!

В эту игру они играли много раз. Никто, кроме самого Альбина, не верил, что он принц крови. И никто, кроме него, не верит, что он сможет подарить кому-нибудь хотя бы пять эре. Но всем им так хотелось получить в подарок «вещи», которых у них никогда не было, что они охотно слушали Альбина, когда он по вечерам, лежа в постели, раздаривал налево и направо велосипеды и книги, коньки и всякие забавные игры.

Расмусу тоже нравилась эта игра. Но в этот вечер у него было лишь одно желание: чтобы все поскорее уснуло. Все тело у него точно зудело. Казалось, злоключения дня залезли ему под кожу и подзуживали его удрать. За открытым окном была светлая, тихая летняя ночь. Там царили мир и покой, там не было никаких розог и нечего было бояться. И может быть, где-то да-

леко было такое место, где приютским мальчикам с прямыми волосами жилось лучше, чем в Вестерхаге.

Он задремал ненадолго, но скоро проснулся. Его разбудило ощущение беспокойства, того, что время настало. В спальне уже было тихо. Лишь храп Элуста перекрывал тихое посапывание остальных. Расмус осторожно сел в постели и обшарил глазами ряды постелей: надо было убедиться, что все уснули. И они в самом деле спали. Принц Альбин что-то бормотал во сне. Эмиль, по обыкновению, ворочался в постели. Но всё же они крепко спали. Гуннар тоже спал, тихо и мирно, положив на подушку свою лохматую голову. И вовсе не думает о том, что его лучший друг сегодня ночью покинет Вестерхагский приют навсегда. Расмус вздохнул. Как огорчится Гуннар, когда, проснувшись завтра утром, увидит, что Расмус и в самом деле убежал. Гуннар никогда бы не сказал так спокойно: «Ну и беги!», если бы в глубине души верил, что он серьезно это решил! Он не понял, что лучше убежать, чем позволить себя выпороть розгами. Расмус снова вздохнул. Другие мальчики не считают порку чем-то ужасным. Только он сам считал: лучше умереть, чем дать себя выпороть.

Он осторожно встал с постели и бесшумно натянул на себя одежду. Сердце у него колотилось так странно, и ноги не слушались, дрожали. Видно, им не хотелось бежать.

Он пошарил в кармане. Там лежали ракушка и пятиэровая монетка. Пять эре, конечно, не шибко большой капитал, с которым можно отправиться бродить по белу свету. Но от голода они все же могут иной раз спасти. На пять эре можно, во всяком случае, купить несколько булочек и немного молока. Ракушка просто красивая и гладенькая, ее можно не брать с собой. Пусть останется Гуннару на память о навеки потерянном друге детства. Когда он завтра проснется, Расмуса

уже здесь не будет, но на краю его кровати Гуннар увидит прекрасную ракушку.

Расмус с усилием глотнул и положил ракушку на край кровати. Он постоял немного, еле сдерживая слезы, прислушиваясь к глубокому дыханию Гуннара. Потом он поднес руку к его лежащей на подушке голове и погладил грязным с заусеницами указательным пальцем жесткие волосы Гуннара. Не то чтобы Расмус хотел приласкать его, он хотел лишь дотронуться до своего лучшего друга, ведь больше он никогда не сможет этого сделать.

— Прощай, Гуннар, — тихо пробормотал он и на цыпочках пошел к двери.

На мгновение он остановился и прислушался с сильно бьющимся сердцем, потом вспотевшей от напряжения рукой отворил дверь, проклиная ее за то, что она так бессовестно скрипит.

Лестница, ведущая вниз, в кухню, тоже скрипела. Подумать только, а вдруг бы он сейчас встретил Ястребиху, что бы он ей тогда сказал? Что у него болит живот и ему надо выйти? Нет, этот номер с ней не прошел бы.

Расмус решил прихватить с собой что-нибудь из еды. Он подергал дверь кладовой. Она была заперта. На беду, хлебницы в кухне были тоже пусты. Он нашел лишь один жалкий сухарик и сунул его в карман.

Теперь можно было отправляться в путь. Кухонное окно было открыто. Стоит забраться на стол, придвинуться вплотную к окну, сделать один прыжок, и он на воле!

Но как раз в этот момент он услышал, как кто-то идет по гравии. Он сразу узнал эти шаги. Это Ястребиха возвращалась из гостей.

Расмус почувствовал, как у него занемели ноги. Если Ястребиха войдет в дом через кухню, ничто его не спасет. Как объяснишь, зачем ты пришел в кухню в одиннадцать часов вечера?

Он прислушался, похолодев от страха. А вдруг она все-таки пройдет через веранду?

Но через веранду она не пошла. Вот послышались шаги в прихожей, кто-то взялся за ручку двери... Замеревшие ноги Расмуса вдруг напряглись, он мгновенно залез под стол и потянул вниз клеенку, чтобы его было не видно. Секунду спустя Ястребиха вошла в кухню. Расмусу показалось, что настал его последний час. Нельзя пережить такие ужасные минуты. Сердце у Расмуса дико колотилось, вот-вот разорвется.

Этой светлой летней ночью каждый угол кухни был прекрасно виден. Стоило фрёкен Хёк опустить глаза, как она увидела бы Расмуса, который сидел под столом, как испуганный кролик.

Но фрёкен Хёк хватало своих забот. Она стояла посреди кухни и бормотала себе под нос:

— Заботы, заботы, ничего, кроме забот!

Хотя Расмус и был напуган, он все же очень удивился, что это она бормочет? Какие у нее заботы? Подумать только, этого он так никогда и не узнает! Ведь он видит сейчас ее в последний раз. По крайней мере, надеется на это.

Фрёкен Хёк вытащила из шляпы булавку, тяжело вздохнула и вышла из кухни. И негромкий стук захлопнувшейся за ней двери показался Расмусу самым прекрасным звуком на свете.

Несколько секунд он продолжал напряженно прислушиваться, потом быстро влез на подоконник, прыгнул и приземлился босыми ногами на холодную траву. Ночной воздух был тоже прохладным, но вдыхать его было приятно. Это был воздух свободы. Да, он, слава Богу, был свободен.

Но радоваться ему было рано. Новый звук напугал его чуть ли не до смерти. Внезапно в верхнем этаже распахнулось окно фрёкен Хёк. Он услышал, как

звякнул оконный крючок, и увидел, что Ястребиха, высокая, вся в черном, уставилась на него. В отчаянии Расмус так сильно прижался к яблоне, что, казалось, готов был срастись с ней. Он затаил дыхание и ждал.

— Есть там кто-нибудь? — негромко крикнула она.

Звуки этого столь знакомого Расмусу голоса заставили его задрожать. Он понял, что лучше всего ответить ей, пока она его не заметила. Промолчать еще опаснее. Но губы его дрожали, он не мог выдавить из себя ни слова, а лишь стоял и с ужасом смотрел на темный силуэт в раскрытом окне. Ему казалось, что она смотрит прямо на него, и ждал, что она вот-вот окликнет его.

Но, как ни странно, она этого не сделала. Так же внезапно она закрыла окно и исчезла в глубине комнаты. Расмус облегченно вздохнул. Теперь он еле различал ее. Она зажгла свечу, и при ее мерцающем пламени Расмус увидел на стене с обоями в голубой цветочек и с фотографией королевской семьи тень Ястребихи. Подумать только, он больше никогда не увидит эту фотографию, так же как и картину с Иисусом, стоящим перед Пилатом, висящую на стене напротив. Вообще-то он даже пожалел об этом. Он рассматривал их с удовольствием в тот единственный раз, когда был в комнате Ястребихи. Но теперь все кончено, слава Богу. Завтра в восемь утра его там точно не будет, как бы заняты ни были королевская семья и Пилат.

Ему хотелось поскорее уйти отсюда, но он не смел оторваться от дерева, пока тень Ястребихи плясала на стенах. Стоять возле дома и смотреть на Ястребиху, когда она об этом и знать не знает, было страшно и все-таки здорово.

«Прощай, фрёкен, — думал он. — Если бы ты почаще похлопывала и поглаживала меня по вечерам, я бы, наверно, остался. А теперь прощай! Видишь, как оно вышло».

Может, Ястребиха и услышала его мысли, потому что она вдруг опустила штору. Словно хотела сказать ему: «Прощай!» Словно закрыла от него Вестерхагский приют и оставила его одного в ночи.

Он стоял в тени яблони и смотрел на старое здание, которое было ему домом. Старый белый дом с темными ставнями, окруженный ветвистыми деревьями, ночью казался таким красивым. По крайней мере Расмусу он казался красивым. Но тетя Ольга часто повторяла, что эту старую развалюху и убирать-то не стоит. Ясное дело, на свете есть дома и получше. Нечего печалиться, что приходится уходить. Он найдет хорошее место, где таких жен торговцев полным-полно.

Он побежал по мокрой траве между яблонями, бросился к калитке. Отсюда шла, петляя, дорога. В летней ночи она казалась серой лентой. Он пустился бежать...

Глава четвертая

«Я не боюсь один гулять в лесу», — говорится в стихотворении, которое им читала в школе учительница. Мальчик в этом стихотворении тоже оказался вечером один далеко от дома.

Чем же он хуже этого мальчишки-углежога? Но все-таки одному ночью было страшно, и Расмус к этому не привык. В приюте вокруг было всегда полно людей, захочешь побыть один — приходится запереться в туалете или лезть на липу.

В Вестерхаге об одиночестве можно было только мечтать. А сейчас он оказался наедине с летней ночью, такого у него еще в жизни не было. Такой тихой, прохладной, безветренной ночи с бледными звездами он никогда не видел, и эта тишина испугала его. В этих молчаливых сумерках все вокруг стало каким-то стран-

ным, ненастоящим. Только во сне он видел траву и деревья залитыми тихим светом, раньше он не знал, какие они, летние ночи.

Испуганный и замерзший, он бежал по дороге, бежал изо всех сил. Его босые ноги стучали по холодной земле. Он торопился. Бежать по проселку было опасно, можно повстречать людей, которые поймут, что он удрал. Дорога была и за огородами, она тоже вела в широкий мир. Узенькая, извилистая дорога, по которой зимой возили лес, а летом бидоны с молоком, когда коров выгоняли на пастбища. Там можно было не бояться встретить кого-нибудь, кто станет тебя расспрашивать, что ты делаешь здесь один ночью. И все же он не решился бежать окольным путем. Заросли орешника казались какими-то заколдованными, а осины шелестели так печально, хотя не было ни малейшего ветерка. Отчего же тогда шелестели осины, да еще так печально?

«Я не боюсь один гулять в лесу» — нет, но был бы здесь хотя бы Гуннар! Если бы можно было держать кого-нибудь за руку! Тени были такие темные и густые! Весь мир затих, будто умер. Все звери и птицы спали, и люди тоже. Один он шел, одинокий и испуганный. «Нет, я боюсь один гулять в лесу» — вот что он мог сказать про себя. Он вовсе не такой храбрый, как тот отважный маленький углежог. «Хотя мой дом отсюда далеко», — говорится дальше в этом стихотворении. И это была чистая правда.

К тому же он ужасно проголодался. Расмус сунул руку в карман и достал сухарик, потом съел его, но в желудке было по-прежнему пусто. Он испуганно подумал: «А есть ли на свете добрые люди, готовые накормить одиноких приютских мальчиков с прямыми волосами, которых никто не хочет взять себе в приемные сыновья?»

Он сильно проголодался. И устал. Нужно было найти подходящее место для ночлега. Но еще не сейчас.

Сейчас ему еще не время отдыхать. Нужно успеть уйти как можно дальше от Вестерхаги, пока не рассвело. Пока не увидят, что его нет в постели. Подумать только, что будет, когда его хватятся! Может, Ястребиха пошлет полицейских искать его?

Мысль об этом заставила его прибавить ходу. Съежившись и засунув руки в карманы, он трусил по дороге, стараясь не глядеть по сторонам, в сумрачное царство теней. Как одиноко было ему и как горько! Он все еще шел и шел.

Короткая летняя ночь кажется долгой, когда идешь по дороге. Расмус все шел и шел без передышки, куда мог переставлять ноги. Но вот глаза у него стали сами по себе смыкаться, а голова клониться на грудь. Рассвело, солнце бросило в ветви деревьев первые лучи, но Расмус этого не замечает. Заискрилась паутинка на траве, заблестели росинки, легкий, уверенный туман исчез неизвестно куда. На ближнюю березу уселся проснувшийся дрозд и издал первую ликующую трель. Но мальчик и этого не видит. Он устал и хочет спать. Так устал, что не выразить словами.

Но вот наконец он видит впереди маленький сарай, в каких любят ночевать бродяги. Он стоит посреди луга и кажется таким гостеприимным, этот ветхий серый сарайчик. В это время года в таких вот луговых сараях полным-полно сена.

Расмус с трудом открывает тяжелую дверь. Внутри темно и тихо, славно пахнет душистое сено. Он делает глубокий вздох, похожий на всхлипывание, и падает на сено. Он уже заснул.

Он проснулся от холода и оттого, что нос ему щеко-тала соломинка. Он рывком вскочил, не понимая, где находится и как сюда попал. Но внезапно он все вспомнил, и от чувства бесконечного одиночества на глазах

у него выступили слезы. Он был так несчастен: быть беглецом оказалось гораздо хуже, чем он ожидал. Ему уже захотелось вернуться в Вестерхагу к Гуннару, теплой постели и утренней каше. Да, он жалел о приюте как о потерянном рае. Конечно, там могут и выпороть иногда, и все же это не так страшно, как быть совершенно одному на свете, мерзнуть и голодать.

Сквозь маленькую щель в стене в сарай проникал солнечный лучик. Видно, днем опять будет хорошая погода, а не такая паршивая холодина, как прошлой ночью. На нем были фуфайка и штаны из домотканой материи, которые тетя Ольга залатала на коленях. И все же он стучал зубами от холода. Больше всего ему хотелось лечь и еще поспать, но какой уж сон в такую холодину. Дрожа, он залез в сено и мрачно уставился на пылинки, пляшущие в струйке солнечного света.

И тут он что-то услышал. Что-то такое ужасное, что заставило все его тело от головы до кончиков пальцев содрогнуться. Кто-то громко зевнул рядом с ним. Расмус был не один в этом сарае. Кто-то еще спал здесь этой ночью. Он со страхом обвел глазами сарай. И тут он увидел, что совсем близко от него из копны сена торчит чья-то кудрявая темно-русая макушка. Кто-то откашлялся и сказал:

День да ночь —
сутки прочь.
Утром встать мне невмочь.

Вот из копны сена вынырнула и вся голова. Лицо у человека было круглое, небритое, с темной щетиной. Лукавые глаза уставились на Расмуса с удивлением, и круглое лицо расплылось в широкой улыбке. Собственно говоря, незнакомец вовсе не казался опасным. Вид у него был такой, что он вот-вот расхохочется.

— Здорово! — сказал незнакомец.

— Здорóво... — неуверенно ответил Расмус.

— Чего ты испугался? Думаешь, я ем детей?

Расмус не ответил, и человек продолжал:

— Ты что за прыщ? Как звать-то тебя?

— Расмус, — жалобно пискнул Расмус, он боялся ответить и боялся промолчать.

— Расмус... Стало быть, ты Расмус, — сказал небритый и задумчиво кивнул. — Так ты убежал из дому?

— Нет... не из дому... — промямлил Расмус, не считая, что врет.

Вестерхага ведь не была настоящим домом. Неужто этот небритый думает, что можно убежать из настоящего дома?

— Да не бойся ты, в самом деле. Говорю тебе, не ем я детей.

Расмус набрался храбрости:

— А вы что, дядя, сбежали из дому?

Небритый засмеялся.

— Дядя? Так я похож на дядю? Сбежал ли я из дома? Пожадуй... сбежал... ты прав! — ответил он и захохотал еще сильнее.

— Значит, вы, дядя, бродяга?

— Кончай звать меня дядей. Оскар — мое имя.

Он поднялся с сена, и Расмус увидел, что незнакомец и в самом деле бродяга. На нем была мятая одежда: потертый клетчатый пиджак, висящие мешком брюки. Человек этот был высокий и плотный, добродушный на вид. Когда он смеялся, белоснежные зубы ярко выделялись на его небритом лице.

— Так ты говоришь, бродяга? А слышал ты про Счастливого Оскара, Божью кукушку? Это я и есть. Счастливый бродяга, как есть Божья Кукушка.

— Божья Кукушка? — удивился Расмус, подумав, что у этого бродяги не все дома. — А почему ты, Оскар, называешь себя Божьей Кукушкой?

Оскар глубокомысленно потряс головой:

— Кто-то должен ею быть. Кто-то должен бродить по дорогам и прозываться Божьей Кукушкой. Господу угодно, чтобы на свете были бродяги.

— Угодно?

— Да, угодно, — с уверенностью ответил Оскар. — Когда Он потруился и создал землю, то пожелал, чтобы на ней было все-все. И как же тут обойтись без бродяг?

Оскар весело кивнул:

— Божья Кукушка, самое подходящее прозвище.

Потом он сунул кулак в рюкзак, стоящий рядом с ним на сене, и достал большой пакет, завернутый в газету.

— Сейчас не худо слегка перекусить.

При этих словах Расмус почувствовал, как желудок у него сжался от голода. Он до того хотел есть, что готов был, как бычок, жевать сено.

— У меня где-то здесь стоит бутылка молока, — продолжал Оскар.

В один прыжок он оказался у двери, которая открывалась туго, со скрипом. Оскар распахнул ее, и в сарай влился широкий поток света. Оскар потянулся и исчез, но тут же вернулся, держа в руке литровую бутылку молока, заткнутую пробкой.

— Как я уже сказал, самое время позавтракать, — сказал он и уселся на сене поудобнее. Потом развернул газету и достал бутерброды — здоровенные ломти ржаного хлеба грубого помола с салом. А сало Расмус любил больше всего на свете.

Оскар, понятное дело, тоже любил сало. Он жевал, любовно поглядывая на бутерброд, и снова жевал. У Расмуса от голода побелел нос. Он старался смотреть в сторону, но это было просто невозможно. Бутерброд неумолимо притягивал к себе его взгляд. Он чувствовал, как во рту у него накапливается слюна.

Оскар перестал жевать. Он склонил голову набок и насмешливо поглядел на Расмуса.

— Ты, конечно, не станешь есть хлеб с салом? Такие, как ты, поди, едят по утрам только кашу с изюмом. Так ты не хочешь съесть простой кусок хлеба с салом?

Разве можно отказаться от райского блаженства, если тебе его предлагают?

— Хочу, спасибо, — ответил Расмус, судорожно глотнув. — Если можно.

Не говоря ни слова, Оскар протянул ему бутерброд, толстый, большой, с двумя внушительными шматками сала. Расмус поднес бутерброд ко рту и впился в него зубами. О блаженство! Вкус соленого сала смешался с великолепным вкусом ржаного хлеба! Он ел, зажмурив глаза.

— Молока? — спросил Оскар, и тогда Расмус открыл глаза.

Оскар подал ему алюминиевую кружку, полную молока, и он начал пить большими глотками.

— Хочешь еще хлеба с салом? — снова спросил Оскар и сунул ему еще один здоровенный ломоть.

— А можно?.. А тебе хватит?..

— Ешь, ешь! Деревенские бабы не поскупились. Видно, догадались, что я встречу тебя.

Они сидели молча на сене и жевали, покуда не осталось ни крошки. Потом они допили молоко, и Расмус почувствовал, что живот у него вовсе заоченел.

— Большое спасибо, — сказал он, сытый, стуча зубами от холода. — Так вкусно я еще никогда не завтракал.

— Да я смотрю, ты вовсе посинел, — заметил Оскар. — Пора выбираться отсюда. Надо согреться немного.

Оскар поднялся, взял рюкзак и пошел к двери. Провожая глазами этого высокого широкоплечего человека,

Расмус понял, что сейчас он исчезнет. Эта мысль была для него невыносимой. Он не должен позволить Оскару уйти и снова оставить его одного.

— Оскар, — взмолился он, еле ворочая языком от страха. — Я тоже хотел бы стать счастливым бродягой.

Оскар оглянулся и посмотрел на него:

— Таким, как ты, бродяжничать ни к чему. Тебе надо сидеть дома с отцом и матерью.

— Нет у меня ни отца, ни матери!

Неужели Оскар не мог понять, как ему одиноко, и сжалиться над ним! Он вскочил и подбежал к бродяге.

— У меня нет ни отца, ни матери, но я ищу их.

Расмус схватил Оскара за руку:

— Можно, я буду бродяжничать с тобой, только пока я ищу?

— Чего ты ищешь?

— Кого-нибудь, кто захочет взять меня. Как ты думаешь, может, найдется кто-нибудь, кто захочет взять мальчика с прямыми волосами?

Оскар растерянно поглядел на худенькое веснушчатое лицо. Глаза мальчишки смотрели на него с такой мольбой.

— Ясное дело, найдутся такие, кто захочет взять мальчонку с прямыми волосами. Главное, чтобы паренек был честным.

— А я и есть честный. Ну, почти честный, — добавил он.

Ведь нельзя же считать себя совсем честным, если ты сбежал из приюта, подумал Расмус.

Оскар бросил на него строгий взгляд:

— Вот что, скажи-ка мне по-честному, откуда ты сбежал.

Расмус опустил глаза и ответил, смущенно ковыряя землю большим пальцем ноги:

— Из Вестерхаги... из приюта. Только я не хочу назад!.. — добавил он настойчиво, забыв, как только что мечтал туда вернуться.

Теперь ему хотелось лишь одного — пойти с Оскаром, которого он знал всего один час.

— А почему ты сбежал? Ты что, натворил что-нибудь?

Расмус стал еще усерднее ковырять пальцем землю.

— Да, — ответил он, кивая. — Я облил водой фрёкен Хёк.

Оскар рассмеялся, но тут же посерьезнел:

— А ты не из тех, у кого пальцы так и чешутся, чтобы что-нибудь стянуть? Ты ничего не стибрил?

— Я... — замялся Расмус с виноватым видом.

— Тогда ты мне в товарищи не годишься. Если бродяга стянет что-нибудь, он пропал. Не успеет он и чихнуть, как его заберет ленсман. Нет, тебя в товарищи я взять не могу.

Расмус в отчаянии вцепился в него:

— Ну пожалуйста, милый-милый Оскар...

— Не подлизывайся, это не поможет. И что же ты украл?

Расмус снова принялся ковырять землю пальцем.

— Сухарь, — тихо сказал он. — Когда я решил убежать... Мне ведь надо было что-нибудь есть.

— Сухарь?

Оскар захохотал, и его ослепительно белые зубы заблестели.

— Сухарь в счет не идет.

Расмус почувствовал огромное облегчение.

— Тогда я могу стать Божьей Кукушкой?

— Может, и станешь.

— А твоим товарищем мне можно стать?

— Хм. Ну что ж. Попробуем, посмотрим, подружимся ли мы.

— Спасибо, милый Оскар, я с тобой уже подружился.

И они отправились бродить по дорогам. Солнце еще не поднялось высоко. Люди в окрестных домах еще только начали просыпаться. Где-то далеко прокукарекал петух, залаяли собаки, а по дороге протарахтела телега с сеном, которую тянули две лошади. Лошадьми правил сонный парень.

— Может, нам крикнуть и спросить, не подвезет ли он нас? — спросил Расмус.

— Не надо кричать. Пока тебе нужно как бы держаться в тени. Как знать, может, фрёкен Хёк в тебе души не чаёт и послала ленсмана искать тебя.

— Ты так думаешь? — спросил Расмус и задрожал от холода и страха.

— Она успокоится только через несколько дней. Сейчас она думает, что ты вернешься, как только проголодаешься.

— А я не вернусь, — сказал Расмус и широко зевнул. — Я почти не спал этой ночью, — словно извиняясь, добавил он.

Он все еще был сонным и усталым, но не хотел быть обузой Оскару, который беспечно шагал по дороге широким шагом.

— Вот как, так тебе хочется спать?

Оскар пристально взглянул на сонного и посиневшего от холода парнишку, вприпрыжку бежавшего рядом с ним, чтобы не отставать.

— Пошли! Сейчас зайдем в одно место, где ты согреешься и поспишь.

— Нельзя же спать среди бела дня! — удивился Расмус. — Ведь я только что встал.

— Бродяге можно, — ответил Оскар.

И тут Расмус вдруг понял, что значит быть бродягой. Так вот, значит, что это такое, осенило его. Можно делать всё, что хочешь. Можно есть, спать и ходить по

дорогам, когда тебе вздумается. Чувствуешь себя свободным, на удивление свободным, как птица в лесу.

Ошеломленный своим открытием, семенил он рядом с Оскаром. Он уже чувствовал себя бродягой и смотрел на окружающий мир глазами бродяги. Он смотрел на дорогу, лентой петляющую по лугам и перелесками скрывающую тайну за каждым поворотом. Он смотрел на зеленые рощи, на мирно жующих коров, на красные крестьянские домики, на только что проснувшихся работниц, чистящих молочные бидоны, на работников, качающих воду в корыта для лошадей. В домах ревели ребятишки, возле будок лаяли цепные собаки, а в хлевах мычали стельные коровы, тоскуя по привольным пастбищам. Он прислушивался ко всему и смотрел на все, как смотрит бродяга.

Рядом с ним, весело напевая, шагал Оскар. Внезапно он свернул с дороги и остановился на залитой солнцем полянке возле высоких можжевельниковых кустов.

— Здесь ты можешь соснуть, — сказал Оскар, — здесь солнечно и ветра нет! И ни одна каналья не увидит тебя с дороги.

Расмус зевнул, но беспокойная мысль заставила его застыть на секунду с разинутым ртом.

— Оскар, а ты правда не уйдешь от меня, пока я сплю? Оскар покачал головой.

— Спи давай, — только и ответил он.

Расмус бросился на землю. Он лег на живот, положил голову на руку. Солнце так славно пригревало, и Расмуса клонило ко сну. Уже засыпая, он увидел, что Оскар укрывает его своим пиджаком. Он больше не мерз.

Он лежал на ковре из чабреца, вдыхая его пряный запах. Можжевельниковые кусты, нагретые солнцем, тоже хорошо пахли. Да, они пахли летом. Теперь всю жизнь запах чабреца и нагретого солнцем можжевельника будет напоминать ему лето и блуждание по дорогам.

Над головой у него жужжал шмель. Расмус с трудом открыл один глаз, чтобы поглядеть на него. И тут он увидел Оскара, который сидел и жевал соломинку. А потом Расмус заснул.

Глава пятая

— Добрая госпожа, не найдется ли у вас чего-нибудь поесть для меня и моего товарища?

Оскар стоял у кухонных дверей, вежливо поклонившись и держа кепку в руках.

— Никак ты опять здесь, Счастливец Оскар, — неодобрительно заметила крестьянка. — Совсем недавно я дала тебе мясного фарша.

— Вполне возможно, — ответил Оскар. — Но я, как ни странно, съел его и не помер.

Расмус тихонько хихикнул, а хозяйка и на него взглянула неодобрительно.

— Что это еще за мальчишка с тобой таскается?

— Да это бедняга язычник, о котором я пекусь, — с серьезным видом ответил Оскар. — Мы с ним ищем христианскую семью, которая приютила бы его. Вам, хозяйшка, не нужен в доме маленький бодрый язычник?

— Да сам-то ты и есть язычник!

Хозяйка яростно терла тряпкой кухонный стол, сметая хлебные крошки, картофельную шелуху и пролитое молоко. Всем своим видом она показывала, что не одобряет бродяг. Расмусу хотелось повернуться и уйти вместе с Оскаром. Но, с другой стороны, он видел деревенскую кухню в первый раз, и ему хотелось здесь все разглядеть. Здесь пахло вовсе не так вкусно, как в Вестерхагской кухне. Возле стола, на котором мыли посуду, стояло свиное корыто, и от него несло помоями, и к этой вони примешивался кислый запах поло-

вых тряпок. Хорошо, что его здесь никто не собирался усыновлять, ему самому не хотелось здесь оставаться. У них и без него хватало ребятишек, целая куча бледных и толстых малышей. Они молча стояли и таращили на него глаза. Не иначе, оттого, что Оскар сказал про него, будто он язычник.

— Ну, если наколешь мне дров, накормлю вас, — неохотно сказала крестьянка.

Оскар склонил голову набок и просительно поглядел на нее.

— Неужто я должен колоть дрова? — спросил он. — Может, я лучше сыграю что-нибудь задушевное?

— Нет уж, спасибо, обойдусь без твоей музыки, — завершила его хозяйка уже более мягким тоном.

— Ясно... — Оскар тяжело вздохнул и кивнул. — Опять дрова колоть... Подумать только, идешь и знать не знаешь, что тебя ждут такие неприятности. Нельзя ли сперва взглянуть на меню?

— А ну ступайте в сарай, и без того в кухне натоптали! — сказала хозяйка уже вовсе беззлобно.

Оскар и Расмус поспешили к двери.

— А откуда нам знать, где сарай? — спросил Расмус.

— Да я его и в темноте отыщу. Стоит мне оказаться поблизости от сарая, так у меня все тело начинает ломить. Тут я и говорю сам себе: «Вот он, сарай». И ты можешь голову дать на отсечение, что так оно и есть.

Он подошел к одной пристройке, и это, в самом деле, был деревянный сарай. Оскар взял тропор, воткнутый в пенек, и начал колоть дрова. Сначала он аккуратно скалывал большие чурки, и поленья замелькали в воздухе.

Расмус собирал их и складывал на тележку, видно и предназначенную для дров.

— Как ты здорово колешь! — сказал Расмус. — Но все же ты, я вижу, большой лентяй.

Оскар кивнул, соглашаясь с ним:

— Да уж, когда дело касается работы, я довольствуюсь малым.

— Неужто никто не предлагал тебе настоящую, хорошую работу?

— Случалось. Однако люди почти всегда добры ко мне, — ответил Оскар, потом помолчал и задумчиво продолжил: — Видишь ли, дело в чем. Иногда мне хочется работать. И тогда я работаю как зверь. А иногда вовсе неохота. А люди выдумали, что нужно работать всегда, а этого моя дурная голова никак уразуметь не может.

— Моя дурная голова тоже этого не понимала, когда я жил в Вестерхаге.

Тележка была наполнена, и Оскар перестал рубить дрова. Он вынул из стоящего у дверей сарая рюкзака маленькую гармонику, завернутую в кусок красной материи.

— Сейчас вдарим задушевную, пусть себе баба говорит что хочет.

Он стал на пробу перебирать пальцами клавиши. Гармошка завздыхала... Потом он нажал в полную силу, и сарай огласила музыка, прекраснее которой Расмус ничего в своей жизни не слышал.

...Ее волосы ночи чернее,
нет на свете красотки милее... —

пел Оскар сильным, бархатистым голосом, от которого у Расмуса по спине побежали мурашки. Это было куда лучше, чем «Звуки Сиона», которые фрёкен Хёк играла на органе. Расмус уселся поудобнее на пеньке и молча наслаждался.

Бледные ребятишки высыпали на двор и молча тарачили глаза на почтительном расстоянии.

Хозяйка тут же принялась рвать ремень на грядке рядом с сараем. Она рвала его с остервенением, делая

вид, будто ничего не видит и не слышит. Но как только Оскар перестал играть, она сказала почти приветливо:

— Можете идти перекусить.

— Жареная селедка с горячей картошкой! Ничего вкуснее не едал!

Оскар с довольным видом хлопнул себя по коленям и уселся за стол. Расмус пристроился рядом с ним. Он не ел горячей пищи с того дня, как ушел из Вестерхаги, и теперь с наслаждением вдыхал запах селедки и лука. Крестьянка щедро положила ему на тарелку пять больших картофелин и почти целую селедку, и он тут же переменял о ней мнение. Он ел, а она пристально смотрела на него и под конец сказала:

— Знаешь, Оскар, парнишка-то слишком мал, чтобы бродяжничать.

У Оскара рот был набит едой. Он прожевал и ответил:

— Твоя правда. Это не надолго. Я ведь просто пошутил. Парнишка ищет мать и отца.

«Так оно и есть», — подумал Расмус. Как только он найдет кого-нибудь, кто захочет взять его в сыновья, он не будет бродяжничать. Но теперь ему не надо торопиться искать отца с матерью. Сперва он хочет оглядеться, ведь бродить с Оскаром так интересно. Сейчас он ни за что на свете не хочет разлучаться с Оскаром. А вдруг Оскару он в тягость? Может, Оскар хочет поскорее найти ему родителей?

Когда они вышли на дорогу, Расмус спросил:

— Оскар! А тебе охота от меня избавиться?

Оскар уже шагал строевым шагом.

— Когда захочу избавиться, скажу, — только и ответил он.

Эти слова мало успокоили Расмуса. Другое дело, если бы Оскар сказал: «Будешь со мной, покуда не

найдешь свой дом». Что же он станет делать, если надоест Оскару? Ведь он пробыл один всего ночь и ни за что на свете не хочет, чтобы она повторилась. Он бросил робкий взгляд на Оскара. Он будет стараться изо всех сил, будет слушаться Оскара, чтобы не надоест ему!

— Оскар! Давай я сам понесу свою фуфайку, — с живостью сказал он.

Но Оскар не одобрил этого предложения.

— Это еще зачем? Ведь она лежит у меня в рюкзаке. Невелика тяжесть.

Оскар шагал бодро, и Расмус изо всех сил старался не отставать.

— Можно, я буду держать тебя за руку? — спросил он, выбившись из сил.

Оскар остановился и внимательно посмотрел на него.

— Ладно, — ответил он. — Спасибо тебе. Сделай милость, держи меня за руку, чтобы я не отставал.

Расмус подал ему руку, и они пошли дальше чуть помедленнее.

— Я еще не совсем привык, — пробормотал Расмус, оправдываясь, он понимал, что Оскар сбавил шаг из-за него.

— Понятно, настоящим испытанным бродягой не вдруг станешь, — согласился Оскар.

И он показал Расмусу, как нужно ходить, словно непрерывно меря дорогу ровным и четким шагом.

— Однако нам ни к чему нестись вперед, будто мы должны успеть к вечеру на край земли, — сказал Оскар. — Сойдет, если мы туда поспеем завтра.

Расмус шагал, а сердце у него было переполнено благодарностью к доброму Оскару. Ему хотелось как-нибудь выразить свою благодарность, сделать что-нибудь хорошее, пожертвовать чем-нибудь, чтобы Оскар понял без слов, как он его любит.

У дороги стояла лавка, маленькая деревенская лавочка, где можно купить что угодно — от грабель, сапог и керосина до кофе и леденцов. Но этот рай был открыт только для тех, у кого есть деньги. Расмус бросил в открытую дверь вожаденный взгляд, и ноги его невольно сбавили скорость. Ему так хотелось хотя бы просто остановиться и поглядеть. Оскар уже довольно далеко ушел вперед.

Расмус со вздохом помчался за ним. И тут он сунул руку в карман и нащупал пятиэровую монетку. В эти сутки случилось так много невероятного, что он совсем забыл про нее. Почувствовав в руке монетку, он возликовал. Какой все-таки большой и прекрасный этот пятиэровик!

— Оскар, ты любишь тянучки? — спросил он с тайной радостью и дрожью в голосе.

— Ясное дело, люблю, кто их не любит! Да только сейчас у меня нет денег, так что купить их мы не можем.

— А я могу, — заявил Расмус и показал пять эре. Он боялся, что Оскар велит ему сберечь их, но опасения эти были напрасны.

— Ну раз так, беги и купи тянучек!

Расмус повернулся и пустился бежать. Вот повезло! Надо же было вспомнить про пять эре как раз возле лавочки! Хорошо, что он не истратил их раньше!

Он, ликуя, вернулся к Оскару, который стоял на краю дороги и ждал его. Какое счастье было открыть мешочек и показать Оскару пять длинных тянучек!

Оскар наклонил голову набок и с нарочито жадным видом поглядел на конфеты.

— Сейчас поглядим... Которую ж мне взять?

— Бери все! — радостно воскликнул Расмус.

Но Оскар сделал отрицательный жест рукой.

— Ну чего уж, хорошенького понемногу. Мне хватит и одной.

Такое признание повысило Оскара еще больше в глазах Расмуса. Он от всего сердца желал отдать Оскару все тянучки. Но ведь он был всего лишь человек и сам любил конфеты.

Сидеть у обочины и разворачивать бумажку тянучки — что может быть прекраснее! Обертка сильно прилипла к карамельке, пришлось засунуть в рот конфету вместе с бумажкой, чтобы она немножко намокла. А потом оставалось лишь развернуть эту прекрасную конфету и сосать ее долго-долго.

— Надо делать вот так, — показал Расмус, медленно запихивая в рот тянучку. Оскар учил его, как нужно ходить по дорогам, а Расмус показал Оскару, как едят карамельки.

Они долго сидели на солнышке и сосали карамельки, но, как ни старайся продлить удовольствие, тянучка тает, медленно, но неумолимо, и под конец во рту остается лишь вкус сиропа.

— Давай оставим вот эти на потом, — предложил Оскар. — В жизни бывают огорчения, и тогда неплохо съесть конфетку.

Оскар и сам не знал, насколько он прав в том, что скоро их поджидали огорчения.

В тот вечер они отдыхали у небольшого озера. День был жаркий и путь долгий. Расмус устал, ему хотелось лишь вытянуться на скалистом берегу и отдохнуть. Но желание искупаться победило. Он быстро разделся за кустом.

— Только не заплывай далеко, а то тебя утащит водяной.

— Уж плавать-то я умею, — заверил Расмус.

У него невольно сжалось сердце. Он подумал о том, как они с Гуннаром учили друг друга плавать в речке. Казалось, это было тысячу лет назад.

Вода была такая теплая и ласковая, усталость будто смыло с него. Он подплыл к кувшинкам, и они закачались на воде. Они были ослепительно белые и очень красивые. Может, это был сад водяного и он срывал кувшинки по ночам?

Расмус перевернулся на спину, полежал немного и задумчиво посмотрел на большие пальцы своих ног, торчащие из воды. Вокруг было так тихо. На противоположном берегу красиво и печально куковала кукушка, отчего человек становился как-то добрее.

— Это какая-то шальная кукушка, — сказал Оскар. — Лето кончилось, и ей пора превращаться в ястреба, неужто она этого не знает?

Оскар сидел на берегу и брился, глядя в осколок зеркала, который он достал из своего волшебного рюкзака.

— А у нас в школе учительница говорила, что это только суеверие, будто после середины лета кукушка становится ястребом, — крикнул Расмус из воды.

— А ты докажи! — предложил Оскар.

— Докажу! Ведь ты, Божья Кукушка, не становишься осенью Божьим ястребом.

— Нет, тут уж ты прав. — Оскар закончил бриться, достал латунную расческу и стал причесывать свои кудрявые волосы. — Ястребом я никак не стану. Подумать только, маленький, а какой умный!

На выгоне рядом с ними паслись коровы. Они подошли к изгороди и уставились на непрошенных гостей. Большая и грузная корова побрела к воде напиться, и ее колокольчик тихо и звонко забренчал.

«Это летний звук», — подумал Расмус. Он лежал на воде и плескался, слушая, как кукует кукушка, как бренчит колокольчик, как плещется под его руками вода. Да, все это были звуки лета.

Оскар тоже сознавал, что стоит летняя пора. Закончив причисываться, он стал рассеянно напевать себе под нос:

Вот снова лето
и солнца свет.
В лесу наклали коровы...

Потом он замолчал и скептически поглядел, хорошо ли причесался. Грива его непослушных кудрей оставалась такой же растрепанной. Он убрал расческу в рюкзак.

— Оскар, а ты не будешь купаться?

— Нет, только вымою ноги.

Он закатал брюки и стал ходить по отмели.

— Я уже купался.

— Когда?

— В прошлом году, — ответил Оскар. — В честь нашего королевского дома. Пятнадцатого мая именины королевы Софии. Вода была до чертиков холодная. С меня хватит купания. Можно мыться по частям, и будешь такой же чистый.

— А ты докажи!

— Это можно доказать таким вот способом... — начал Оскар.

Но тут он поскользнулся и шлепнулся в воду. Сидя по пояс в воде, он недоуменно огляделся. Расмус весело захохотал, а Оскар бросил на него сердитый взгляд.

— Как я уже сказал, это можно доказать таким вот образом, — повторил он сердито, с трудом поднимаясь на ноги.

Но злость у него тут же прошла. Он сел на камень, хорошенько вымыл ноги и побрел к берегу, шлепая мокрыми штанами, напевая вполголоса:

Вот снова лето
и солнца свет,
пойдем на речку купаться...

— Оскар, ты хороший! — крикнул Расмус ему вдогонку, сам не зная зачем.

Немного погодя они усадились ужинать. Оскар развел огонь на камнях, чтобы высушить брюки и отгонять мошкар.

— Вот такой же костер жгут индейцы, — сказал Расмус, придвигаясь поближе к огню.

Днем они были в большой и богатой господской усадьбе, где им дали бутерброды и молоко. Оскар играл на гармошке и пел красивые песни, за которые платят бутербродами. Он пел о могиле Иды, о невесте льва и массу других песен, которых Расмус раньше не слышал.

Оскар развернул газету, в которую были завернуты бутерброды.

— Погляди-ка, здесь тоже написано про воров: «Никаких следов грабителей в Сандё», «Полиция прочесывает местность».

Расмус сунул газету Оскару под нос, показывая маленькую заметку.

— А далеко отсюда Сандё? — продолжал Расмус.

— Не более трех-четырёх миль отсюда.

Расмус разложил бутерброды на камне.

— Вот эти с сыром, — сказал он, — бутерброды «Невесты льва», а вот эти — «Могилы Иды».

— А вот это шум водопада Авеста, — подхватил Оскар, поднося ко рту бутылку с молоком.

Расмус с аппетитом уплетал бутерброд с колбасой.

— Она красивая и добрая, эта госпожа из усадьбы, — сказал он мечтательно, — да только у нее уже есть две кудрявые девчонки.

— А не то она взяла бы тебя, ты хочешь сказать?

— Да, — ответил Расмус, и в глазах у него заплясал отсвет огня, — хотел бы. Я хочу, чтобы меня взял кто-нибудь богатый!

— Ах-ах-ах! — воскликнул Оскар.

Вокруг них плясали комары, и по мере того, как костер угасал, они становились все наглее.

— Сейчас мы обманем этих кровососов, пойдем спать, — решил Оскар.

Он принес в кружке воды, залил угли и забрал свои пожитки.

Неподалеку стоял крестьянский хутор. Оскар был здесь раньше и получил разрешение спать на сеновале.

Расмус устроился поудобнее и зарылся в сено, так что один только нос торчал. Здесь тоже были комары, и он решил предоставить им как можно меньше возможности угощаться его кровью.

— Ну как тебе, ничего здесь? — спросил Оскар.

— Да, только ноги побаливают.

Оскар зевнул:

— Ничего, это пройдет, сказал мужик, заехав с телегой в озеро. Давай-ка лучше соснем.

Расмус заснул не сразу. Он лежал и прислушивался. В сене что-то странно шуршало и потрескивало. В хлеву то и дело тихонько побрякивали цепи, видно, шевелилась скотина. А над ним пели комары нескончаемую песню. Это было последнее, что он слышал, засыпая.

Глава шестая

Он проспал несколько часов и проснулся на рассвете. Его разбудил чей-то грозный голос:

— Вот он! Лежит здесь!

Расмус увидел, что в нескольких метрах от него стоят двое полицейских, а Оскар, проснувшись, сидит на сене. Но больше он ничего не успел увидеть, Оскар поспешно бросил на него охапку сена.

Сердце у Расмуса застучало молотком.

«Сейчас... — подумал он. — Сейчас придет ленсман¹ и отвезет меня к Ястребихе».

— В чем дело? — спросил Оскар.

— Узнаешь после, — ответил один из полицейских, — поедешь с нами.

Оскар разозлился:

— С какой это стати, черт возьми! Я ничего не сделал.

— Всех бродяг забирают на допрос. Поторапливайся!

Оскар разозлился еще сильнее:

— Катись-ка ты подальше! Человек спит себе, невинный, как невеста, а его нахально будят среди ночи. Гляди, кабы я не рассердился!

Однако он стал медленно подниматься и тихонько шепнул Расмусу:

— Лежи тихо! Не шевелись!

И полицейские повели его.

Они забрали Оскара, что могло быть хуже! Исчезли с ним неизвестно куда. Его рюкзак они тоже взяли. Глядя в дверную щель, Расмус увидел, как Оскар сажился в таратайку. Один из полицейских сел рядом с ним и взял вожжи. Второй уселся на заднее сиденье. Хозяин и работник стояли рядом и глазели, а из кухонного окна торчали любопытные рожи хозяйки и прислуги.

Тот, что держал вожжи, прикрикнул на лошадей, и повозка тронулась. Лошадиные копыта застучали по дороге. В ушах Расмуса этот стук отдавался болью, больше он никогда не увидит Оскара. В отчаянии он бросился на сено, стараясь подавить всхлипывания.

И тут он услышал, как кто-то ходит вниз, в хлев. Кто-то забренчал ведром, коровы замычали, как на пожаре. Потом две работницы затеяли разговор. Расмус

---

¹ Начальник полицейского участка.

осторожно подобрался к отверстию в полу, через которое сбрасывают вниз сено, и прислушался. Может, там станут говорить про Оскара.

— От бродяги можно ждать чего угодно, — сказала одна. — Я не удивлюсь, если это он украл деньги в Сандё.

— Его повезли к ленсману на допрос, — добавила другая.

— Этот мог украсть, — продолжала первая. — А если так оно и есть, сидеть ему в крепости, — радостно заключила она.

«Этот мог украсть! — тихонько передразнил ее возмущенный Расмус. — Глупые бабы, как можно подумать такое о Божьей Кукушке!»

Он не мог дальше оставаться на сеновале, слушать их он был не в силах. Ему непременно нужно было попытаться узнать, где Оскар. Где живет этот ленсман? Только бы узнать, где он живет, тогда можно будет постараться как-нибудь поговорить с Оскаром. Правда, это все равно что сунуть голову в львиную берлогу, ведь ленсман может схватить его и отправить назад в приют. Но если Оскара посадят в крепость, какая разница, что станет с ним самим.

Он осторожно отворил дверь сеновала и, убедившись, что поблизости никого нет, спустился и помчался что есть мочи по мосткам и дальше в ту сторону, куда укатила бричка.

Он бежал, пока хватило сил. Потом попытался идти ровным и четким шагом, как его учил Оскар. Как далеко до дома ленсмана, он не знал, но надеялся встретить кого-нибудь по дороге и спросить. Но в такую рань никто еще на дороге не попадался.

Наконец с лесной тропинки вышла на дорогу старуха. «Ну прямо как в сказке, — подумал Расмус. — Ведь в сказках всегда на пути попадаете старуха,

у которой можно узнать дорогу к замку дракона или еще куда-нибудь».

Старуха несла на спине вязанку хвороста и шла, сильно наклонившись вперед. Она заметила Расмуса, лишь когда почти поравнялась с ним, и подняла голову. Ее усталые старые глаза поглядели на него из-под платка.

— Не знаете ли, где живет ленсман? — проямлил он.

В глазах старухи мелькнуло подозрение.

— Ты не думай, мне позволено носить дрова из лесу, — сказала она, подняв для большей убедительности вверх узловатый, скрюченный указательный палец. — Мне позволили, и ленсману до того нет дела. — И поспешила мимо, хотя несколько раз обернулась и пробормотала: — Мне позволили!

Удрученный Расмус пошел дальше. Старухи в сказках так не отвечали.

Однако вскоре его нагнала повозка с молоком. На козлах сидел парнишка немногим старше Расмуса. Видно, парень был добрый, он сразу же спросил:

— Подвезти тебя?

Расмус с благодарностью вскарабкался на телегу и сел рядом с парнишкой. До чего же хорошо было ехать, а не идти пешком. К тому же он надеялся узнать, что ему нужно.

— Ленсман? Да он живет вон в том поселке, — ответил паренек. — Я как раз везу туда молоко. Я покажу тебе его усадьбу. Мы поедем мимо каталажки, а позади нее желтый дом. Там он и живет.

Видно, ленсман еще не выходил из своего желтого дома, потому что, когда телега прогромыхла мимо каталажки, Оскар еще сидел на скамейке. Его охраняли двое полицейских, те самые, которые его арестовали. Расмус не посмел ни крикнуть, ни остановиться, а доехал на телеге до самой маслобойни. Там он дал кучеру одну из своих тянучек в благодарность за то, что тот его подвез,

и поскорее прокрался назад, на узенькую улочку, по которой они проезжали.

Оскара на скамейке уже не было. Но из открытого окна конторы ленсмана доносились голоса. Расмус подкрался ближе к окну, как только мог. На счастье, возле окна была изгородь из бирючины, и он спрятался за ней.

— Похож я на «двух замаскированных мужчин», а? — услышал Расмус взволнованный голос. — На бродяг в этой стране вешают всех собак.

— Успокойся, Оскар, — сказал голос, принадлежащий, по-видимому, ленсману. — Мы только хотели узнать, что ты делал в прошлый четверг.

— В прошлый четверг?.. Я ел горох со свиной, — ответил Оскар.

— И это все?

— Да, блинов мне не давали.

— Я спрашиваю, что ты еще делал в этот день, — терпеливо повторил ленсман.

— Как я могу все упомянуть? Бродяга помнит, только что он ест. Я не записываю, что делаю каждый день. Однако я точно помню, что не выражался в двух замаскированных людей и не крал денег. Я в жизни не украл и двух эре.

— Ну допустим, что ты говоришь правду. А не знаешь ли ты, Оскар, нет ли сейчас в здешних местах твоих коллег?

— Коллег? Это кого, стало быть? Воров, что ли?

— Нет, я хочу сказать — бродяг.

— Чтоб мне пропасть! Так бродяги у вас называются «коллегами»? Тут ходишь всю жизнь и думаешь, что ты простой бродяга, а оказывается, ты вовсе не бродяга, а коллега.

Ленсман прервал его:

— Не встречал ли ты в нашей округе других бродяг за последнее время?

После недолгого молчания Оскар ответил:

— Я встретил Вшивика. Потом Семь-на-восемь и Домового. Но ни одного из них грабителем не назовешь, не будь я Счастливым Оскаром.

Ленсман высморкался и встал у открытого окна спиной к Расмусу.

— Ну ладно, — сказал он и высморкался. — Тогда придется, надо понимать, освободить Счастливого Оскара.

— Если человек невиновен, я надеюсь, это является смягчающим обстоятельством.

На это ленсман не ответил.

Чуть погодя Оскар вышел из дому и побрел по улице. Расмус бросился догонять его и, когда Оскар завернул за угол и ленсман уже не мог видеть его, взял его за руку и спросил:

— Ты, поди, не ждал меня?

Оскар широко улыбнулся:

— Не ждал, приятель. Я думал, раз я попал в каталажку, ты отправился бродить без меня.

— Я пока еще не спятил. Ведь я знал, что тебя скоро выпустят, раз ты ни в чем не виноват.

— Ты этого точно знать не мог. Они хотели повесить на меня грабеж в Сандё. Это было в прошлый четверг. Тогда ведь мы еще не знали друг друга.

— Но ведь теперь-то я тебя знаю, — серьезно ответил Расмус. — Теперь знаю.

— Подумать только, до чего же все эти ленсманы ушлые! — сказал Оскар, кладя руку мальчику на плечо. — Они думают, что все бродяги — воры. Надо же!

Они сели на скамейку в первом попавшемся на пути садике и съели по последнему бутерброду «Могила Иды».

— Теперь придется есть и играть изо всех сил, а не то помрем с голоду, — заявил Оскар. — Однако кое-что я все же успел выудить у полицейских. Они

не ищут сбежавшего из приюта паренька. Видно, твоя Ястребиха не очень-то расторопна.

— Ну нет, иногда она была до того расторопна, что мы только диву давались, — возразил Расмус.

Он пошарил в кармане и достал пакетик с карамельками.

— Раз уж пошли такие неприятности, давай доедим карамельки, — предложил он.

Так они и сделали, съели оставшиеся две карамельки, а Оскар сказал:

— Повезло, что ленсман подвез меня сюда, я все равно сюда собирался. Здесь я пою в богатых усадьбах, здесь можно заработать получше, чем в деревнях. Крестьяне платят только едой.

— Но ведь это тоже неплохо, — возразил Расмус, у которого в желудке было пусто, несмотря на съеденные бутерброд и карамельку.

Оскар поднялся со скамейки:

— А наличные все же лучше. Кстати, я думаю, нам надо навестить тетушку Хедберг.

— А кто она такая?

— О, самая добрая на свете особа. Денег у нее куча, и она легко расстаётся с ними. Ей я обычно пою «В каждом лесу свой ручей». Она плачет и дает мне пятьдесят эре.

Расмус подпрыгнул от восторга:

— Я тоже знаю эту песню, ее пела тетя Ольга на кухне.

— Молодец эта тетя Ольга. Ну тогда мы можем оба отправиться к тетушке Хедберг.

Расмус шел по тротуару, радостно подпрыгивая. Здорово будет петь вместе с Оскаром. Подумать только, и за это еще деньги дают. Он взглянул на Оскара преданными глазами.

— Хорошо, кабы ты выучил меня своим песням, Оскар. Ведь иной раз ты можешь охрипнуть.

Оскар одобрительно кивнул:

— В самом деле, если я охрипну, ты сможешь спеть «Невесту льва» и «Могилу Иды».

Дом тетушки Хедберг стоял на краю селения. Это была старая зеленая вилла, прятавшаяся в тени развесистых кленов, на приличном расстоянии от соседних домов.

Расмус и Оскар скромно остановились у калитки, будто не решались войти. Уличным музыкантам не подобало бесцеремонно сразу подходить к самому дому. В саду благоухал жасмин, и пышным цветом цвело «разбитое сердце». На клумбах, обрамлявших садовую дорожку, росли лакфиоль и резеда вперемешку с лебедой, мокрицей и прочими сорняками.

— Ястребиха спятила бы, увидев в саду такой беспорядок, — сказал Расмус.

— Видишь ли, тетушка Хедберг стара, — объяснил Оскар, — сама она уже наводить порядок не в силах, ну а служанке ее, видно, наплевать на это.

Они пошли по садовой дорожке к дому. Дом с опущенными шторами казался таким молчаливым. Можно было подумать, будто там нет ни одной живой души.

— Не дай Бог, чтобы она умерла, славная тетушка Хедберг! — воскликнул Оскар.

Вокруг царила тишина, ее нарушало лишь веселое чириканье воробьев.

— Давай поглядим, нельзя ли их там немножко расшевелить, — предложил Оскар и достал гармошку. — Ну, поехали!

Расмус судорожно глотнул и начал. Он выступал на людях впервые.

В каждом лесу свой ручей,
а на лугу свой цветок...

Ах, как это было замечательно. Расмусу казалось, что они поют, как ангелы:

В сердце у каждого сказка своя...

Дальше спеть они не успели. Потому что в этот момент одна штора поднялась, и служанка фру Хедберг высунула голову из окна. Во всяком случае, Расмус решил, что это служанка, потому что на ней было синее платье, какие носили служанки в господских домах, и белый передник.

— Здесь петь нельзя, — сказала она. — Госпожа больна и не хочет, чтобы ее беспокоили. Уходите прочь!

Оскар приподнял кепку:

— Прошу передать фру Хедберг мой нижайший поклон. Передайте, что Счастливчик Оскар желает ей поскорее поправиться. Сделайте такую милость.

Служанка не ответила и опустила штору.

— Вот дрянь девка, — сказал Оскар. — Раньше у госпожи была славная служанка. Всегда меня кофе угощала. Интересно, куда она подевалась?

Расмус был глубоко разочарован. А он-то надеялся, что фру Хедберг даст им целых пятьдесят эре. Оскар тоже огорчился.

— Что за жизнь, одни сплошные радости! — пробормотал он, возвращаясь к калитке. — Пошли отсюда!

Но Расмус остановил его:

— Оскар, я ужасно пить хочу. Можно, я пойду попрошу воды, хотя фру Хедберг больна.

— Конечно, иди. Воды-то уж она дать тебе не откажет. Беги быстрее, я тебя подожду.

Расмус побежал назад. Он взбежал по лестнице веранды, распугав воробьев, которые мгновенно разлетелись в разные стороны. Он постучал в дверь и, не получив ответа, вошел в дом. Там было три двери, он выбрал среднюю и постучал. Ответа не было, никто

не крикнул: «Входите!» Он помедлил чуть-чуть, потом осторожно приоткрыл дверь и вошел в комнату.

Старая дама сидела в кресле и таращила на него глаза как на привидение. Служанка, которая только что прогнала их, стояла рядом и тоже как-то странно смотрела на него. Расмусу стало не по себе.

— Я только хотел воды попросить напиться, — робко сказал он.

Старая дама не сводила с него глаз. Она сидела неподвижно, словно парализованная. Но тут она собралась с силой и сказала:

— Анна Стина, дай мальчику воды!

Та, которую звали Анной Стиной, неохотно пошла в кухню, а Расмус остался наедине с фру Хедберг, ведь это, очевидно, была именно она.

Расмус поежился. Почему она уставилась на него с таким видом? Похоже, что она чем-то до смерти напугана. Почему она не лежит в постели? Ведь служанка сказала, что она больна.

— Вы сильно больны, тетенька? — спросил он наконец, не в силах выдержать ее взгляд.

— Нет, я не больна.

Казалось, она с трудом произнесла эти слова.

Так она вовсе *не больна*? Зачем же тогда служанка соврала?

Тут вернулась Анна Стина и со злостью подала ему ковш воды.

Вода была свежая, вкусная. Он пил большими глотками, а глаза его испуганно обшаривали комнату. Это был красивый, настоящий господский дом, какого он еще не видел. В комнате стоял диван, обитый красным плюшем, и круглый стол из какого-то дорогого блестящего дерева, а также шифоньер с металлическими накладками, блестящими, как золото. Пол был устлан мягким пестрым ковром, на двери, ведущей в со-

седнюю комнату, висели нарядные темно-зеленые бархатные портьеры, а рядом красивая лестница вела на верхний этаж.

Но с этой портьерой творилось что-то неладное. Она шевелилась, в самом деле шевелилась. Взгляд Расмуса скользнул вниз, на пол. Из-под портьеры торчал ботинок, мужской ботинок из светлой кожи с черной блестящей окантовкой.

Странные привычки были у людей в этом богатом доме! За портьерой, без сомнения, прятался человек. Собственно говоря, не это поразило Расмуса. Может, они играли в прятки. Но его напугали глаза фру Хедберг. Он никогда еще не видал таких испуганных глаз. Фру Хедберг смотрела на портьеру так, словно за ней скрывалось что-то опасное.

Видно, Анне Стине было жаль фру Хедберг, которая с таким испугом смотрела на ботинок, потому что она сделала вид, будто ей что-то нужно у двери, и как бы невзначай поправила портьеру, закрыв ботинок. А может, Анна Стина хотела, чтобы *Расмус* понял, что за портьерой стоит человек?

Страх фру Хедберг передался и Расмусу. Он почувствовал, что здесь творится неладное. Ему захотелось бежать из этой красивой комнаты с опущенными шторами, от старухи с испуганными, вытаращенными глазами и неизвестной опасности за портьерой. Ему хотелось поскорее оказаться на солнышке рядом с Оскаром.

— Спасибо за воду, — поблагодарил он и подал Анне Стине ковш.

И пошел к двери.

— Ты уже уходишь? А может, ты... — раздался отчаянный голос ему вдогонку. Расмус оглянулся и посмотрел на нее.

— Что? — спросил он.

— Да нет, ничего, тебе лучше уйти.

Расмус ушел взволнованный, в полном недоумении. Может, она хотела, чтобы он чем-нибудь помог ей?

Он рассказал все Оскару и спросил его, что он об этом думает.

— А не выдумываешь ли ты историю про грабителей?

— Нет же... Там творится что-то худое, я точно знаю.

Они пошли дальше. Когда вилла уже исчезла из виду, Оскар вдруг остановился и почесал затылок.

— Однако мы не можем уйти, не попытавшись узнать, что там за шутник прячется. Давай вернемся.

Они вернулись и тихонько проскользнули в калитку. Но вместо того чтобы идти к дому по садовой дорожке, они прокрались под прикрытием смородинных кустов, обошли дом и приблизились к нему сзади.

Окна были завешены, но жутковато было думать, что кто-нибудь следит за ними из-за опущенных штор.

— Здесь тихо, как на вечерней молитве, — прошептал Оскар. — Как мы узнаем, что там делается за опущенными шторами, можешь ты мне сказать?

— Мы можем выследить их, — предложил Расмус.

— А как?

Расмус задумался. Если бы как-нибудь забраться на второй этаж, можно было бы отлично шпионить за ними с той самой лестницы. Лечь на живот и слушать, что делается в комнате с портьерами. Он сказал об этом Оскару, но тот покачал головой.

— Опасное дело влезать в чужой дом, особенно для таких бродяг, как я. Между прочим, мне туда не забраться.

— А я могу! — взволнованно прошептал Расмус.

Он показал на открытое окно гардеробной в верхнем этаже. Оно было маленькое и узенькое. Здоровенному парню, как Оскар, было в него не пролезть, но Расмусу это сделать было легко. Старый клен, росший рядом с домом, распростер свои ветки до самой крыши. А уж

лазить по деревьям Расмус умел. Он на глазок определил расстояние от веток до окна, оно было не больше метра. Для него это не составляло никакого труда.

— Давай не пугай меня, — сказал Оскар. — Это же опасно, можешь разбиться. Я не могу тебе позволить.

— Иначе ничего не получится. Подсади меня только на клен.

Расмус боялся многого на свете. Боялся порки, боялся людей, боялся Ястребихи, боялся драться с кем-нибудь из больших мальчишек, боялся, что школьная учительница рассердится на него и накажет. Он боялся оставаться один в темноте. Но лазить, прыгать или нырять не боялся ни капельки, как бы опасно это ни было. Его худенькое тело ощущало удивительную, слишком большую уверенность в себе и какую-то дикую храбрость. Поэтому он не стал слушать возражений Оскара.

— Подсади меня, я уже просил тебя.

Самому ему было не достать даже до нижних веток.

— Вижу, ты меня хочешь до смерти напугать, — сказал Оскар.

Однако он взял Расмуса и подкинул вверх, словно рукавицу, мальчик уцепился за ветку и подтянулся. Его руки, ноги, пальцы горели от нетерпения, от ожидания того, что предстояло сделать.

Но Оскару было страшно. Он стоял в тени клена и с тревогой смотрел, как его товарищ по скитаниям исчез в маленьком окошке.

Глава седьмая

Расмус очутился в гардеробной, просторной, как комната. Там было полно одежды. На полке сидел попугай. В другое время на него было бы забавно поглядеть, но сейчас было не до попугаев.

Он остановился перед закрытой дверью. Опасно ли отворить ее? Что там, за этой дверью?

Расмус нажал на дверь и стал открывать ее потихоньку, миллиметр за миллиметром. Он знал, что малейший звук может выдать его. Казалось, прошла целая вечность, покуда дверь открылась настолько, что он смог протиснуться в эту щель.

Потом он остановился и затаил дыхание, прислушиваясь, не смея шевельнуться, лишь настороженно обшаривая глазами комнату, в которую попал.

Это была также красивая, богато обставленная комната. Здесь стоял мягкий диван с цветастой обивкой, медленно и тяжело тикали напольные часы, в углу красовалась пальма в высоком горшке. И отсюда спускалась лестница в нижний этаж.

Вдруг внизу послышался сдавленный крик. Расмус испугался, и сердце у него сильно застучало. Но это не остановило его. Он должен был добраться до этой лестницы и посмотреть, что за страшные дела там творятся.

Пока что он мог только прислушиваться. И какие ужасные это были звуки. Кто-то плакал отчаянно и беспомощно, кто-то прошел по комнате быстрым шагом. Все эти звуки нагоняли страх. Время от времени наступала полная тишина. Он слышал лишь тиканье часов у себя за спиной, и от этого ему становилось еще страшнее.

Он приближался к лестнице шаг за шагом, пробуя, не заскрипит ли половица, подходил все ближе и ближе. Когда внизу все затихало, он останавливался и замирал, едва дыша, и ловко использовал каждый шум внизу, заглушавший его шаги. Наконец он добрался до лестницы. Тут он опустился на пол и пополз на животе к перилам. Теперь он мог смотреть вниз, просунув голову между перекладинами.

Он правильно рассчитал. Это было отличное место для наблюдения. Всю комнату он видеть не мог. Но ему была видна фру Хедберг. Она по-прежнему сидела на стуле. Это она плакала. Рядом стояла Анна Стина и похлопывала ее по руке, пытаясь успокоить. И вот... из угла комнаты, который ему не был виден, вышел человек... нет, их было двое... Господи! Они были в масках, надо же, и здесь тоже двое в масках! Да, у обоих у них на лице были черные маски, а у одного те самые ботинки, которые недавно торчали из-под портьеры.

Напольные часы захрипели, и горячая волна страха прокатилась по его спине, прежде чем он сообразил, что это собираются бить часы. Они пробили десять тяжелых ударов. Расмусу со страху начало казаться, что это он поднял такой шум, что эти люди в черных масках сейчас поднимутся по лестнице и заставят замолчать и его, и часы.

— Нет, нет! Только не трогайте секретер! — жалобно воскликнула фру Хедберг.

Но никто ей не ответил. Стоя возле секретера, человек в тех самых ботинках принялся вытаскивать ящики один за другим и молча рыться в них. Ах, как это было страшно!

И как раз в этот момент Расмус почувствовал, что кто-то дотронулся до него. Святые угодники! Кто-то подкрался сзади и дотронулся до него! От страха он чуть было не закричал, чуть не умер! А это был всего лишь... маленький черный котенок, который терся о его ноги. Котят Расмус обожал, но сейчас ему было не до них. Он потихоньку оттолкнул котенка босой ногой, но этот маленький черный паршивец был упрямый. Котенок продолжал тереться о ноги Расмуса и громко мурлыкать, потом прыгнул к самому лицу мальчика и стал тереться о его нежную щечку

и мурлыкать еще радостнее, потом сунул хвост ему в ухо.

Расмус был в отчаянии. Подумать только, глупый котенок не понимает, какой ужас творится у него в доме. Знай себе мурлычит, когда его хозяйка рыдает от страха. Он взял котенка и отшвырнул его чуть сильнее. Котенок отлетел в сторону и уселся, неодобрительно уставясь на Расмуса. Потом он повернулся, гордо поднял хвост и ушел. Мол, не собираюсь никому навязываться!

Но тут фру Хедберг зарыдала еще громче.

— Нет, нет! Только не ожерелье! — умоляла она. — Возьмите все, только не ожерелье! Оно предназначено моей дочери, которая живет в Америке!

Человек, стоявший у секретера, спокойно разглядывал ожерелье, перебирая золотые звенья цепочки, словно не слышал слов фру Хедберг. Потом он сунул ожерелье в карман и снова стал рыться в ящиках. Второй молча стоял у двери. Тут Расмус увидел, что он держит в руке револьвер, нацеленный на фру Хедберг и Анну Стину. Вот ужас-то! От страха Расмус крепче сжал руками столбики перил.

И тут случилось неожиданное. Один из столбиков перил отломался еще до того, как Расмус родился. Столбик продолжал спокойно стоять на своем месте до тех пор, пока Расмус не схватился за него в этот несчастный момент: деревяшка с громким стуком рухнула под ноги человеку, стоящему у секретера.

Он быстро обернулся, и в руке у него тоже был револьвер.

— Кто там, наверху? — рывкнул он, будто хлыстом ударил.

«Я сейчас умру, — подумал Расмус. — Оскар, помоги мне!»

— Там никого нет, — сказала Анна Стина.

— Так что, у вас деревяшки сами по себе сверху валяются? Такого не бывает.

Держа револьвер наготове, он начал медленно и осторожно подниматься по лестнице.

Сам не свой от страха, Расмус попятился назад, а заслышав шаги на лестнице, с быстротой молнии юркнул за цветной диван. В прятки он играл много раз, но такой страшной эта игра была для него впервые. За диваном прятаться было ненадежно, но другого места не было. И времени искать не оставалось. Приходилось только лежать тихо и прислушиваться к приближающимся шагам.

Шаги приближались медленно, и стук их казался Расмусу самым страшным и отвратительным звуком на свете. На короткое мгновение наступила тишина, грабитель остановился, пытаясь сообразить, откуда ждать нападения, если здесь где-то прячется враг.

Увы, враг не собирался нападать! Он лежал за диваном и мечтал оказаться подальше отсюда, желал, чтобы сюда явился Оскар и спас бы его.

Но сейчас даже Оскар не смог бы помочь ему.

Вот они послышались снова, эти ужасные шаги. Вот они стучат все ближе и ближе... вот сейчас... вот... Грабитель был теперь так близко, что Расмус видел его ненавистные ботинки с черным лакированным кантом... Помогите!

И помощь пришла, откуда Расмус ее не ждал.

Маленький черный котенок играл тонкой занавеской, которую так забавно колыхал ветерок. Цепляться за занавеску не разрешалось, но ведь это так приятно, и котенок был доволен. Но вдруг он увидел совсем рядом мальчишеские ноги. Пальцы этих ног от страха шевелились, сжимались и разжимались. А это было еще интереснее, чем занавески. Он с восторгом прыгнул и приземлился на ноги своей жертвы, выпустил

острые коготки и принялся играть с большим пальцем мальчика, кусать и царапать его. Неужели мальчик не понимает, как это забавно?

Нет, он вовсе этого не понял. Мальчишка схватил бедное крошечное тельце котенка, крепко сжав его, и с силой отшвырнул. Котенок шлепнулся на ногу другого человека, но тот почему-то тоже не захотел играть, а самым оскорбительным образом крикнул: «Чертов котенок!» — и помчался вниз по лестнице. Котенок не успел даже обнюхать его хорошенько.

Расмус продолжал лежать за диваном, сердце у него бешено колотилось. Из всех животных на свете кошки — самые лучшие, решил он, а из всех кошек номер один вот этот маленький черный котенок! Ведь это котенок спас его.

Глупый грабитель подумал, что «чертов котенок» кидает вниз деревяшки. Ах, как здорово, что он этому поверил.

Расмус не смел покинуть свое убежище, но изо всех сил наострил уши, чтобы разобрать, о чем там говорят внизу. Фру Хедберг больше не плакала, она не издала больше ни звука. Но вот послышался испуганный голос Анны Стины:

— Силы небесные! Никак старуха в обмороке! Слушайте, вы, ей худо. Что мне делать, Хильдинг?

— Это уж твоя забота.

Это ответил тот, с блестящими ботинками. Никогда в жизни Расмус не слышал такого холодного, безжалостного голоса.

Хороша Анна Стина! Прав был Оскар, сказав, что она дрянь девка! Она, стало быть, заодно с грабителями.

— Слышишь, Хильдинг, я позвоню доктору! — воскликнула испуганная Анна Стина.

— Вот этого ты не сделаешь, — ответил безжалостный голос. — Между прочим, я перерезал телефонный провод.

— Так ведь она может умереть!

— Успокойся! До вечера ты не позовешь ни доктора, ни ленсмана.

— А как тогда я объясню...

— Скажешь, что старухе было так плохо, что ты не посмела оставить ее одну.

— Я боюсь... Не хочу ввязываться в это дело...

«Ах ты, скотина! — подумал Расмус. — Самое время сейчас говорить это! Какие злые люди есть на свете!»

У Расмуса было маленькое доброе сердце, и сейчас оно болело за фру Хедберг.

О, будь он сильным, самым сильным на свете, он схватил бы этих ворюг за шкуру, а не лежал бы здесь, как какая-нибудь вошь!

Видно, ворюги заторопились. Они что-то пробормотали, потом попрощались. Расмус услышал, как хлопнула входная дверь. Анна Стина осталась одна, и он услышал ее противный голос:

— Милая госпожа, очнитесь! Очнитесь, милая госпожа!

Спустя несколько минут бледный и взволнованный Расмус спустился тем же путем вниз к Оскару.

— Наконец-то! — вздохнул Оскар. — Наконец-то... Расмус прервал его:

— Ты видел их? Видел грабителей?

Оскар покачал головой:

— После того как ты исчез, я не видал ни одной хари. Ну и попотел же я!

— Так ты и их не видел! — разочарованно сказал Расмус.

Надо было Оскару спрятаться за углом и выглядывать оттуда. Тогда он, быть может, увидал бы этих грабителей без маски.

- Надо тебе было караулить их, — упрекнул Оскара Расмус. — А что ты делал здесь все это время?
- Говорю же тебе, потел! — воскликнул Оскар.

Глава восьмая

— И что нам теперь делать? — спросил Расмус, рассказав Оскару про все свои приключения.

Оскар тряхнул головой и задумался.

— «Хорошо началась неделя!» — сказал тот, кого должны были повесить в понедельник. Я просто ума не приложу, как нам быть.

До чего же много зла было в мире. Они удалились от него, предпочитая одиночество. Расположились на пригорке в укромном сосняке неподалеку от городка, чтобы спокойно продумать, что делать дальше.

Расмус лег на спину в нагретую солнцем песчаную ямку и уставился на белые облака и медленно раскачивающиеся над его головой верхушки сосен. Он подумал о несчастной фру Хедберг, и по спине у него побежали мурашки. Может, она сейчас умирает, а с ней нет никого, кроме негодной служанки. А эти «двое в масках» смылись неизвестно куда, утачив ее ожерелье.

— Давай пойдем к ленсману, — предложил он.

Оскар скорчил гримасу:

— Тогда он уж точно засадит меня в кутузку. Он решит, что я замешан в краже и на заводе в Сандё, и в доме тетушки Хедберг.

— Ну а если ты скажешь, что ни в чем не виноват?

— Ах-ах-ах! Ты думаешь, стоит мне сказать, что я невиновен, как он раскланяется со мной и позволит уйти? Как бы не так! Ты не знаешь, каково быть бродягой. Нет, к ленсману я не смею идти.

Он почесал в затылке:

— Но можно написать ему. Ты хорошо умеешь писать?

— По крайней мере, не так уж плохо, — ответил Расмус.

— Тогда накалякай несколько строчек. Я писать не мастер.

Оскар выудил из кармана жилета огрызок карандаша, вырвал из записной книжки, в которой у него были записаны песни, листок бумаги. Бумажка была неважнецкая — можно было подумать, что она побывала под дождем. Но писать на ней все-таки было можно. И Расмус под диктовку Оскара написал:

*«С фру Хедберг из зеленого дому случилась беда.
Пускай доктор и ленсман скорее туда спешат.
Пишет вам друк вдов и сирот.
Чертава служанка тоже замешина».*

Они встали с теплого песка и отправились назад, в городишко. Расмус снова прокрался за кустами бирючины к открытому окну конторы ленсмана и бросил камешек, завернутый в записку. Камешек стукнул о пол, а Расмус побежал назад, к Оскару, ожидавшему его за углом.

Они сделали все, что могли, для фру Хедберг, теперь нужно было подумать о себе самих.

— А через какое время человек умирает от голода? — спросил он.

Ему казалось, что дело идет к тому. Близился вечер, а они за весь этот несчастный день съели лишь утром по бутерброду и по карамельке.

— Придется затянуть «Невесту льва», если хотим раздобыть еду, — сказал Оскар. — Не то чтобы я чувствовал себя певчей птичкой, но ничего не поделаешь, приходится петь.

И «Невеста льва», в самом деле, была незаменима, когда наступало время раздобыть денег на еду. Несколь-

ко часов они ходили по дворам, пели и играли. Расмус даже позабыл про злых людей и про свой голод, глядя с восторгом на пяти- и двухэровые монетки, сыпавшиеся дождем в его шапку. Людям очень нравились песни Оскара. Они охотно платили монетку-другую за удовольствие послушать о том, как лев разрывал женщин на части, про коварного изменника Альфреда, про несчастных, застреленных из револьвера и плавающих в крови.

— Случаются печальные истории, — пел Оскар. Но чем печальнее были истории, тем довольнее, по-видимому, были люди.

Они ходили от двора к двору, и при первых звуках гармошки работницы прекращали мыть в кухне посуду. Они высовывались в окна, подмигивали Оскару и с охотой давали ему по пять эре, может, еще и потому, что светило солнце, потому что вечером каждая из них собиралась встретиться со своим верным Альфредом. Даже богатые хозяйки глядели на него из-за занавесок гостиной, смеялись, подпевали ему и посылали своих детей во двор с мелочью, завернутой в обрывки газеты.

Расмус собирал деньги, сам не свой от радости. Как здорово быть бродячим музыкантом.

— Я тоже буду играть по дворам, когда вырасту, — сказал после Оскару Расмус.

— Вот как! Так тебе нравится петь?

— Нет, но мне очень нравятся деньги, — откровенно сказал Расмус. — Ведь в приюте я был беден как церковная крыса.

— Но не собирать же тебе из-за этого всю жизнь пятиэровые монетки! Есть ведь и другая работа, за которую платят больше.

Расмус запихал очередной урожай монет в карман Оскару.

— А мне больше всего нравятся пятиэровые, ясно тебе?

По его лицу пробежала тень. Собственно говоря, ему вовсе не хотелось думать о том, что он станет делать, когда вырастет. Ведь тогда ему придется думать и о том, что будет до этого. Что будет, когда он не сможет больше бродяжничать с Оскаром. Что станет с ним, если не найдется никого, кто захотел бы взять его к себе в дом?

Он решил не задумываться над этим, будь что будет. Надо радоваться, если сегодняшний день подарил тебе что-то хорошее.

— Ну, раз тебе нравятся пятиэровики, возьми себе две штуки, — сказал Оскар и сунул мальчику в руку две монетки.

Расмус покраснел от удовольствия. Он взял Оскара за руку и поклонился так, как его учили благодарить, если тебе что-нибудь дадут. Долгое время он молчал как рыба, но под конец наконец неуклюже похлопал Оскара по рукаву и сказал:

— Знаешь, Оскар, ты самый добрый бродяга на свете.

Ему так редко что-нибудь дарили. Каждый подарок был для него целым событием. Ведь если тебе что-то дарят, значит, кто-то тебя любит. Расмус считал, что два пятиэровика — доказательство того, что Оскар любит его. Расмус шел, то и дело сжимая монетки, лежащие у него в кармане, и чувствовал себя богатым.

— Да я такой же, как почти все бродяги, — ответил Оскар. — Когда добрый, а когда злой. Пойдем-ка лучше в лавку к Хультману да купим чего-нибудь поесть!

При мысли о еде в глазах у Расмуса потемнело. А когда они вошли в колбасную и бакалейную лавку Хульзмана, у него буквально подогнулись коленки. Запах здесь стоял божественный. На прилавке лежали горы красных и коричневых колбас, великолепный жирный студень красовался рядом с ветчиной, копченной на можжевеловых ветках, печеночным паштетом и сырами раз-

ных сортов. А еще там была полка, уставленная коробами с конфетами, банками карамелек и плитками шоколада. А хозяином всех этих богатств был приветливый торговец. Как только зазвонил дверной колокольчик, он бросился к ним со всех ног, готовый предложить им все, что они пожелают. У него были маленькие толстые руки с черным кантом под ногтями. Но как проворно он умел нарезать ломтики этой великолепной розовой ветчины и круги колбасы, как быстро он шмякнул на прилавок кусок масла и сыра, а также табак для Оскара, не переставая любезно разговаривать с ними. Приятно покупать в лавке такого продавца, решил Расмус.

— Видно, лето уже кончилось, — сказал продавец, подавая Оскару табак. Потом он повернулся к Расмусу и сказал кое-что еще более приятное: — Как насчет того, чтобы съесть небольшую плиточку шоколада?

Не долго думая, он взял с полки шоколад, правда, одну из самых маленьких плиток, но все же это было замечательно! Шоколадка была в обертке из красной фольги. Он держал ее толстыми пальцами, а она блестела и переливалась.

— Пожалте, кушайте на здоровье!

Расмус взял шоколадку и снова поклонился.

— Ну, теперь ноги сами пойдут, будешь маршировать не хуже солдат Карла Двенадцатого! Поглядим теперь, хватит ли у нас денег на пиво и лимонад. И вроде бы все, что нам надо.

Был уже четвертый час, и они решили поскорее идти назад, в сосновую рощицу, и спокойно поесть.

Видно, весть о новом грабеже еще не просочилась. Городок казался таким тихим и мирным, улицы дремали, залитые лучами послеполуденного солнца, когда Оскар и Расмус шагали по Огатан¹.

---

¹ Заречная улица (шв.).

— Погоди! Как только люди узнают про то, что случилось, поднимется суматоха, — сказал Оскар. — Поди, этот шляпа-ленсман еще не нашел записку. Ему мало кинуть большой булыжник в окно. Видно, нужно, чтобы бомба бабахнула на весь свет, а не то он никак не очнется.

На берегу реки расположился постоянный двор, окруженный красивым садиком, где люди в это время дня пили кофе. За маленькими круглыми белыми столиками сидело много гостей.

— Знаю, что ты голодный, — сказал Расмусу Оскар, — однако придется нам здесь сыграть, если хотим и завтра разговеться. Вижу я, тут пятиэровиков будет целая куча, нельзя проходить мимо.

Он достал гармонику, и они остановились на приличном расстоянии от тех, кто пил кофе, позвякивая ложечками, и лакомился булочками с корицей и венскими слойками. Там сидели по большей части дамы, знатные дамы в широкополых шляпах, в платьях с рюшами и кружевами. Расмус залюбовался ими. Они были такие красивые и богатые, а ему так нравились красивые и богатые дамы! Как бы ему хотелось иметь вот такую же мать! Вот бы одна из них пожелала взять его в сыновья!

Он уже понял, что надежды на это мало. Они выжидательно смотрели на него. Но они хотели услышать его пение. Его и Оскара. Скорее Оскара. Поди, ни одна из них не подумала: «Этого мальчика я хочу взять в сыновья».

Расмус вздохнул. Но вот Оскар нажал на клавиши, и Расмусу пришлось затянуть:

Слыхали вы ужасную историю?
Вчера мне мой приятель рассказал,
что короля из Северной Америки
выстрелом убило наповал...

Расмус легко запоминал и слова, и мотив. Стоило им несколько часов походить по дворам, как он выучил наизусть все душераздирающие песни Оскара.

— Чоллихопчангчанг, фаллераланлей, — пел он, а глаза его разглядывали дам, выбирая, которую из них он хотел бы взять себе в матери. За ближайшим столиком сидела толстенная тетка, которая, судя по всему, была здесь хозяйкой. Время от времени она отдавала приказания прислуживающим девушкам. Она мило болтала с двумя господами, сидевшими рядом за столиком. Видно, они ей очень нравились. Склонив голову набок, она смотрела им в глазки и смеялась без причины.

— Милый господин Лиф, берите еще печенья, — говорила она. — Позвольте, господин Лиандер, налить вам еще кофе.

Казалось, угождать им для нее было самое большое удовольствие на свете.

Господа, которых звали Лиф и Лиандер, были тоже очень нарядные и важные. На них обоих были белые соломенные шляпы, у обоих маленькие усики, у одного из них цветок в петлице.

— Чоллихопчангчанг фаллера, — пел Расмус, и его звонкий, высокий голос так красиво сливался с низким голосом Оскара.

И костюмы на них были нарядные, летние, узкие брюки... а ботинки у одного из них... верх из светлой кожи с кантом из черной лакированной, блестящей... Ботинки, которые...

...что короля из Северной Америки...

Расмус резко оборвал песню.

На ногах у господина Лифа те самые ботинки с лакированным кантом!..

Страх, который ему пришлось пережить утром, нахлынул на него снова. Он вспомнил плач фру Хед-

берг и звук страшных шагов, который он слышал, лежа за диваном. Это были ноги именно в этих ботинках, которые тогда так грозно приближались к нему. Он не мог петь, глядя на эти ботинки. Оскар сердито посмотрел на него, не понимая, в чем дело, почему он замолчал. Но это не помогло, Расмус петь больше не мог. Даже если господин Лиф был ни в чем не виновен и лишь по чистой случайности надел эти страшные, ужасные ботинки грабителя, все равно Расмус петь был не в силах. Он глядел на эти ботинки, и ему до того стало худо, что он даже не чувствовал больше голода.

— Послушай, Хильдинг, завтра мы начнем удить рыбку пораньше, — сказал второй господин, сидящий с ним за столом.

Хильдинг! Господина Лифа зовут Хильдингом! Его зовут так же, как грабителя, и ботинки на нем такие же, как у грабителя.

— Да, надо побыстрее использовать оставшиеся дни.

И голос у него такой же, как у того грабителя.

— Но ведь вы останетесь здесь хотя бы до конца недели? — взволнованно спросила толстая дама.

— Конечно. Нам здесь нравится.

Но Расмус не мог этого сказать про себя. Ему здесь вовсе не нравилось. Ему казалось, что он вот-вот упадет в обморок. И как только Оскар допел про короля из Северной Америки, он быстро схватил его за рукав и потянул отсюда.

— А что мы теперь будем делать?

Они снова лежали в песчаной ямке в сосновой роще. Окружающий мир Расмусу казался по-прежнему злым. Он отошел и спрятался за сосну, где его стошнило. Пища не хотела оставаться в желудке из-за всех этих волнений.

Оскар попытлся трубкой, что-то обдумывая.

— Ничего не поделаешь, видно, придется мне идти к ленсману, ах-ах-ах! Сказать ему, мол, мне *кажется*, что два благородных господина ограбили фру Хедберг. Но как я смогу заставить ленсмана поверить в это? Как говорится, «это будет уже другая пятерка», сказала старуха, написав цифру семь.

Он выколотил трубку и надел рюкзак.

— Ноги упираются, не хотят идти к ленсману. А хочешь не хочешь, идти надо.

— Да, сохрани нас Господи, — сказал Расмус.

Так говорила тетя Ольга в Вестерхаге перед приходом инспектора. А ведь ленсман-то пострашнее инспектора.

— Однако сюда я теперь приду не скоро. Сушная Ниневия¹ здесь, да и только. Куда лучше ходить по деревьям, там у них воров нет.

В маленьком городке, который Оскар с некоторым преувеличением назвал Ниневией, за время их отсутствия произошли заметные изменения. Теперь на каждом перекрестке стояли люди, громко переговариваясь. Было видно издалека, что говорят они о чем-то важном, нетрудно было догадаться, о чем шла речь.

— Хотел бы я послушать, о чем они там болтают, — сказал Оскар. — Прежде чем идти к ленсману.

Он сунул Расмусу в руку пятиэровик.

— Возьми-ка вот монетку и купи кулек тянучек, да послушай, о чем там судачат, навести уши-то.

— Я их не только навою, а и махать ими стану, — засмеялся Расмус.

Он побежал по улице и остановился у бакалейной лавки. Глянув в окно, он увидел, что там полно народу. Это было ему на руку. Придется постоять в очереди, и

---

¹ В библейские времена столица Ассирийского царства. За порочные нравы ее жителей Господь послал пророка обличить их и призвать к покаянию.

можно будет послушать, о чем там толкуют. А после он купит тянучек. Полный радостного ожидания, он отворил дверь.

Минуту спустя он, запыхавшись, прибежал назад к Оскару. Лицо его было белым, как мел.

— Оскар, нам нужно бежать отсюда! Поскорее!

— С какой это стати? Хвосты нам, что ли, подожгли?

Расмус в отчаянии схватил за руку Оскара:

— Оскар! Анна Стина сказала ленсману, что это мы напали на них.

Оскар вытаращил глаза и покраснел от возмущения.

— Я? Да она меня и знать не знает. Ей даже неизвестно, как меня зовут.

— Она сказала, что пришел бродяга с гармошкой и что с ним был мальчишка. Он сперва поиграл на гармошке, а после вошел в дом и, угрожая револьвером, забрал изумрудное ожерелье фру Хедберг.

Оскар ударил себя по лбу кулаком:

— Ну и дрянь девка эта служанка. Будь она здесь, я запихал бы это вранье обратно ей в глотку. Ну а сама-то фру Хедберг что говорит?

— Она вроде бы помирает, ничего сказать не может, лежит как мертвая. Доктор говорит, что сердце у нее бьется еле-еле...

Жилы на висках у Оскара надулись. От злости он покраснел еще сильнее и снова ударил кулаком по лбу.

— Стало быть, все у них идет как по маслу. Теперь служанка может врать, что ей вздумается, а ленсман, поди, верит каждому ее слову.

Расмус потянул Оскара за рукав:

— Оскар, пошли скорей отсюда!

— И не подумаем, — сердито ответил Оскар. — Я загоню в угол эту служанку при ленсмане, пусть тогда посмеет сказать, что это был я.

Вконец отчаявшийся Расмус сказал со слезами на глазах:

— Тебя ленсман заберет. Ты сам говорил, что он не верит бродягам. Тебя посадят в кутузку, и тогда...

Он замолчал, не в силах думать о том, что будет, если Оскара посадят в тюрьму.

Оскар, понятно, тоже был не в силах об этом думать. Злость вдруг разом как бы слетела с него. Он стоял опустив руки, огорченный и растерянный.

— Да... Если я сейчас пойду к ленсману, меня посадят, твоя правда. Скажи ему, что это Лиф и Лиандер, он станет хохотать до икоты.

— А еще эта дрянь служанка будет врать...

Оскар кивнул, подтверждая слова Расмуса.

— Точно. А фру Хедберг лежит, не в силах сказать ни словечка в мою защиту. Нет, пойдя я сейчас к ленсману, мне тюрьма.

Он схватил Расмуса за руку:

— Пошли отсюда быстрее, пока не поздно!

Оскар пошел быстрым шагом, увлекая за собой мальчика.

— Если уже не поздно, — пробормотал он.

Удрать из здешних мест, где каждый человек готов был искать бродягу с гармошкой, было нелегко.

Но им повезло. Они пробрались задворками, быстро и тихо миновали городскую черту и пошли прочь по мирному и пустынному поселку.

— Мы удираем, как какие-нибудь злодеи и убийцы, — сказал Оскар, когда к нему наконец вернулся дар речи.

Расмус сбавил шаг. Он запыхался до того, что едва мог говорить.

— Оскар, ведь ты невиновный!

— Невинен, как невеста!

— И я тоже.

— Ясное дело.

Оскар оглянулся и бросил сердитый взгляд на городок, красные крыши которого выделялись на фоне летней зелени.

— Ниневия! — воскликнул он. — Хорошо, что мы снова топаем по дороге.

И Расмус согласился с ним от всего сердца. На дороге не было ни воров, ни бандитов, дорога была мирной. На обочинах росли подмаренник и купырь, а на лугах сладко пахло клевером. Солнце скрылось, стояла предгрозовая тишь. По небу уверенно, словно корабли, плыли серые пухлые тучи, а впереди, насколько хватало глаз, извивалась пустынная дорога. У горизонта, там, где земля и облака встречались, дорога уходила в небо.

— Куда мы идем? — спросил Расмус.

— В одно место, где можно будет спрятаться, — ответил Оскар. — Даю слово, такого места ты еще никогда не видал.

Глава девятая

Деревня Эдебюн¹ стоит на берегу моря. Пять маленьких дворов уютятся в низине, зажатые серыми скалами и сами такие же серые, как эти скалы. Серый цвет, цвет бедности и седой древности. Когда к вечеру летнее небо темнеет, и море становится серым. Серые и тяжелые от дождя, висят облака над деревней, в которой никто не живет.

Сюда и пришли бродяги. Для того, кто хочет спрятаться, это самое подходящее место. Людей здесь нет, здесь царят лишь пустота, тишина, мрачное запустение.

---

¹ Пустая деревня (шв.).

— Оскар, а куда подевались люди? — спросил Расмус. — Ну, те, что здесь жили?

Оскар сел на камень. Он снял башмаки и носки и растопырил пальцы ног, наслаждаясь вечерней прохладой.

— Они уехали в Америку всем скопом. Много лет тому назад.

— А что, они не хотели здесь больше жить?

— Не хотели. Слишком бедно и убого жилось в этих домишках. Может, и рыбы в море стало мало. И земля не родила на скудных наделах.

Расмус кивнул, это он мог понять.

— Да, худо быть бедным. А купаться здесь здорово, — сказал он и одобрительно посмотрел вниз, на прозрачную, чистую воду. — Поди, в Америке у них таких пляжей нет.

— Ну да! Захотят купаться, так там у них, в Миннесоте, есть озеро с прозрачной водой.

Расмус улыбнулся. «Озеро в Миннесоте с прозрачной водой», как красиво! Ему самому хотелось бы когда-нибудь увидеть это озеро. И другие озера, и горы, и реки, какие есть на земле. Он попытался представить себе этих людей, как они бродили по Америке и искали это чистое озеро в Миннесоте. Может, они вспоминали свое море и скалы и думали, не живет ли кто-нибудь в их серых домишках на берегу.

— Пойду-ка погляжу! — сказал он и побежал к ближайшему дому.

Он хотел посмотреть, не оставили ли там что-нибудь те, кто уехал в Миннесоту.

Расмус заглянул через разбитое окно в убогую маленькую кухню с закопченными балками потолка и увидел перемазанный сажей открытый очаг. Подумать только, как давно варили здесь еду! Ему было жаль эти заброшенные дома, в которых никто не живет. Казалось,

будто они ждали, чтобы кто-нибудь поселился в них, развел бы огонь в очаге, поставил кофейник на огонь, сварил бы детям кашу.

Он сбросил с подоконника осколки стекла и влез в дом. На полу лежали сухие листья и разный сор, старые половицы скрипели под его босыми ногами. Он подошел к очагу и заглянул в дымоход. Кто знает, когда здесь в последний раз горел огонь? А когда-то эта хижина была для кого-то родным домом. Вот если бы и сейчас было так и он смог бы поселиться здесь! Но ведь если бы здесь по-прежнему жили люди, он мог бы, как и все бродяги, лишь остановиться у дверей кухни. Тогда у них были бы свои дети, и им был бы ни к чему чужой мальчишка. Но ведь можно же помечтать...

Расмус подбежал к окну:

— Оскар, мы останемся здесь?

— Да, по крайней мере, на одну ночь, — крикнул сидевший на камне Оскар. — Мне что-то не глянется сейчас жить среди людей, осерчал я на них.

Расмусу понравились дома миннесотских стариков. Он бегал по их лестницам, сеням, кухням и маленьким горницам с низкими потолками. Он старательно выбирал дом и под конец остановился на том, который был лучше других защищен от непогоды и меньше всего пострадал от ветра и дождей.

Здесь тоже была маленькая тесная кухонька и низенькая горница, а на ветхий чердак вела крутая лесенка со скрипучими ступеньками. Но все же это был дом, и можно было вообразить, что это твое жилище. Можно было даже вообразить, что Оскар твой отец. И если хорошенько постараться, можно даже представить себе, будто он вовсе не бродяга, а богатый торговец. Жены торговца здесь, к сожалению, не оказалось, но ведь можно вообразить, что она ненадолго уехала, ну, например, в Миннесоту и скоро вернется в голубой

шляпке с перьями на голове и кружевным зонтиком в руке. Она вернется такая красивая и привезет ему и Оскару хорошие подарки. И они, все трое, будут жить вместе, богатые, очень богатые и счастливые.

Но ведь в доме должна быть мебель. Стол и диваны, как у фру Хедберг, ковры и занавески.

Его желание раздобыть мебель было столь сильным, что она должна была бы прямо-таки сама по себе вырасти из пола. Вообразить стол красного дерева и цветастый диван в этой голой комнатухе было не под силу даже Расмусу.

Тут он вспомнил, что в одном месте у дороги есть большая свалка. На свалки люди выбрасывают много всякой всячины. Он решил сбегать туда, посмотреть, нет ли там чего-нибудь подходящего, что может послужить мебелью.

Расмус вернулся с пустым ящиком из-под сахара и двумя ящиками из-под маргарина. Он решил вымыть хорошенько в море ящик и приспособить его вместо стола.

Но сначала нужно было подмести пол. Он наломал веток и как умел вымел мусор. Потом внес свой стол, поставив на него букет цветов в бутылке вместо вазы, у стола поместил стулья — ящики из-под маргарина, а занавески и ковер оставалось только вообразить.

Оскар пошел в лес за еловым лапником, чтобы спать на нем, а когда вернулся, Расмус крикнул ему:

— Неси сюда постельное белье!

Воображение у Оскара было небогатое, но все же он догадался, что вошел в нарядную комнату. Стоя у дверей с охапкой еловых веток, он старательно вытер ноги.

— Да, тут надо сначала хорошенько высушить копыта, а уж после входить. Скажи только, где мне постелить пуховые перины — здесь или в гостиной?

— Клади здесь, — ответил Расмус и показал на угол комнаты.

Оскар послушно постелил из лапника постель. Расмус был доволен. Зеленые ветки так украшали комнату, они служили и постелю, и ковром. Комната и в самом деле стала уютной.

— Хорошо, что ты успел навести здесь порядок, — сказал Оскар. — Того и гляди, пойдет дождь.

И не успел он это сказать, как в самом деле полил дождь. Он барабанил по треснутым стеклам, стучал по крыше. За окном стемнело. Но Расмусу было хорошо. Когда за окном льет дождь, в доме кажется еще уютнее.

— Может, нам перекусить немного, — несмело предложил он.

Днем они успели торопливо поесть на обочине дороги, но уже успели проголодаться. А раз в комнате есть стол, почему бы не воспользоваться им? У Оскара осталась почти вся еда, которую они купили у Хультмана. Он достал из рюкзака хлеб, масло, сыр, ветчину и колбасу и выложил все это на ящик из-под сахара. Они сидели на ящиках из-под маргарина и ели, прислушиваясь к шуму дождя.

«Никогда не забуду этого, — подумал Расмус. — Никогда не забуду, как хорошо нам было здесь, когда мы ели, а за окном шумел дождь».

Он не смел сказать Оскару, что вообразил себе, будто это их настоящий дом. И уж понятно, никак не мог признаться, что представил себе, будто Оскар — богатый торговец, а его жена, в голубой шляпке с перьями, куда-то уехала. Держа в руке бутерброд с колбасой, он мечтательно поглядел на своего приятеля-бродягу и сказал:

— Подумай, Оскар! А что, если бы ты был моим отцом и мы жили бы вместе?

— Хорошо было бы! Отец-бродяга... лучше не придумаешь! Верно? — ответил Оскар и откусил большой кусок хлеба.

Расмус задумался. Конечно, ему хотелось, чтобы его родители были богатые и красивые. Бродяга — это, конечно, не бог знает что. Ах, если бы Оскар был красивым торговцем!

Дождь прекратился так же внезапно, как начал идти. Бродяги наелись досыта и улеглись спать в углу на еловых ветках. Оскар достал кусок одеяла, в который была завернута гармошка, и укрыл им Расмуса, чтобы тот не замерз.

«Мой папа, — подумал Расмус. — Он укрывает меня красным шелковым одеялом. Ведь моя мама в Миннесоте и не может меня укрыть. Она купается там в озере с прозрачной водой и пишет письма домой: „Я скоро вернусь и привезу кучу дорогих подарков. Укрывай Расмуса хорошенько на ночь, бери красное шелковое одеяло. Да, да, я скоро приеду“».

За окном стало совсем темно. С моря подул ветер. Пока шел дождь, ветер затаил дыхание, а теперь подул с новой силой. Волны яростно плескались, ветер трепал и гнул низкорослые березки на берегу. Стены потрескивали, а разбитые стекла стонали и вздыхали. Где-то поблизости без конца хлопала дверь. Оскару это надоело.

— Я вижу, тут не поспишь спокойно!

И Расмусу не нравились эти шорохи и вздохи. Ему было страшно. Вытаращив глаза, он лежал в углу, уставясь в полумрак, словно испуганный зверек.

— Подумать только! А вдруг здесь водятся привидения!.. — шепнул он. — Может, они придут и заберут нас...

Но Оскар и не думал пугаться.

— Когда они заявятся, передавай им от меня привет. Пусть проваливаются в море, а не то, мол, Божья Кукушка сделает из них винегрет.

Но Расмуса его слова не успокоили.

— Тетя Ольга видела однажды собаку без головы, а из шеи той собаки вырывался огонь...

Оскар зевнул:

— У этой тети Ольги, видно, тоже башки нет. Нет на свете никаких привидений.

— А вот и есть, — возразил Расмус. — Знаешь, что говорит Петер Верзила? Мол, если в полночь обежать вокруг церкви двенадцать раз, явится черт и заберет тебя.

— И правильно сделает черт. Чего ради бегать вокруг церкви среди ночи? Надо быть чокнутым. Пусть тогда пеняет на себя.

Оскар не хотелось больше говорить о привидениях. Его клонило ко сну. Расмус тоже был сонный, хотя он успел поспать немного на пригорке в сосновой роще. Он бы с удовольствием заснул, но эти шорохи и вздохи не давали ему спать. Оскар вскоре захрапел, а Расмус лежал в темноте и прислушивался.

И вдруг он услышал голоса. Да, да, он в самом деле услышал голоса!

Конечно, старые дома могут вздыхать ночью на ветру. Но тут слышались голоса — стало быть, явились привидения. С жалобным стоном Расмус кинулся к Оскару.

— Оскар! Привидения явились! Я слышу их голоса! Сонный Оскар сел на еловой постели:

— Голоса?.. Какие еще голоса?

Сон слетел с него. Он прислушался. Да, Расмус был прав. Где-то рядом слышались голоса.

— Ну и ну! — прошептал Оскар. — Никак опять придется отправляться к ленсману.

Он подполз к окну, встал на колени и беспокойно уставился в темноту. Расмус тоже припал к окну. От испуга он стал кусать ногти.

— Самое время забрать деньги и смыться, — сказал кто-то, стоявший совсем близко от окна. И голос этот вовсе не походил на голос ленсмана.

— Положись на меня, — ответил другой, и этот голос Расмус узнал.

Голос Хильдинга Лифа Расмус узнал бы из тысячи голосов.

Расмус вцепился в руку Оскара, сжал ее изо всех сил. Лиф и Лиандер были здесь, рядом, стояли у окна. Их он боялся больше, чем привидений и ленсмана.

И тут они вошли в дом! Караул! Вот они уже в кухне. Расмус слышит, как скрипят половицы у них под ногами. Что делают они здесь поздней ночью? Неужто нигде на свете нельзя спрятаться от этих грабителей?

Дверь из красивой комнаты Расмуса в кухню была полуоткрыта, и можно было расслышать каждое их слово.

— Я думаю, ждать дольше опасно, — сказал другой, по имени Лиандер. — Я буду сматывать удочки.

— Ну-ну-ну! — ответил Лиф. — Ни к чему нервничать, так можно все испортить. Не дело сматываться сразу после того, как старуха лишилась ожерелья. Неужели ты не понимаешь? Мы никогда не были в Сандё, ясно тебе? Совесть у нас чиста. Кто станет жить две недели на постоялом дворе в нескольких милях от Сандё, если он замешан в этом деле? Это-то ты соображаешь?

— Неужели не соображаю? Ты твердил мне это по меньшей мере четырнадцать раз. И все же я хочу взять деньги и отвалить, а не то мы тут досидимся со своей чистой совестью, покуда хорошенько не вляпаемся.

— Будет по-моему, — заявил Лиф. — Мы возьмем деньги в субботу утром и спокойно отвалим двухчасовым поездом. Тогда ни один черт не будет соваться со своими дурацкими идеями о пропаже ожерелья и прочего барахла.

Похоже было, что они вынули несколько досок. Потом Лиф тихонько, но с восторгом сказал:

— Сердце радуется при виде такой кучи денег!

На мгновение наступила тишина, потом Лиф добавил:

— Мне думается, ожерелье стоит пять-шесть тысяч, не меньше.

— И все же я охотно избавился бы от него, — ответил Лиандер. — В Сандё все прошло гладко, но это дело с Анной Стиной мне не нравится. Гуляй со своими старыми, заваливающими невестами, но делать с бабами дела!.. Этого я не признаю.

— Трусишь? — с презрением спросил Лиф.

— Не то чтобы я трусил... просто не нравится мне все это. Что будет, если старуха очнется?

— Не очнется. Хватит с нее, она уже пожила на этом свете.

— Если... говорю я. Если она очнется и расскажет, что было на самом деле, а ленсман прижмет Анну Стину и заставит эту дуру сказать правду про этого бродягу. А когда он поймет, что про бродягу она наврала, ему понадобятся лишь каких-то пять минут, чтобы выжать из нее всё про нас с тобой. А еще через пять минут ему будет ясно всё и про наши делишки в Сандё.

— Спокойно! — сказал Лиф. — Ты трендел об этом целый день, эту песню я устал слушать. Анна Стина вовсе не чокнутая. К тому же старуха больше не разинет пасть.

Лиандер недовольно хмыкнул.

— И тайник для денег здесь классный, — продолжал Лиф. — Хранить их здесь гораздо лучше, чем зарыть в лесу. Легко найти. И к тому же сюда никто не ходит.

— Если только ты не заглянешь сюда до субботы. Лиф разозлился:

— Ты что, не доверяешь мне?

Лиандер хихикнул и сухо сказал:

— «Ты что, не доверяешь мне?» — спросил Лис курицу и откусил ей голову. Я доверяю тебе настолько же, насколько ты доверяешь мне, разве непонятно?

Расмус с силой сжал руку Оскара. Больше он был уже не в силах терпеть. Это было ужасно, хотя интересно. Подумать только, есть на свете люди, которые желают другим смерти. И эти ужасные, жестокие грабители сейчас так близко от них, всего в нескольких метрах. Ему захотелось оказаться где-нибудь далеко отсюда. И в то же время хотелось остаться и посмотреть, что же будет, его охватила жажда приключений. Он наострил уши и услышал, как снова стукнули доски, закрывая тайник. Ну погодите! Посмотрим, что будет, когда они уйдут!

— Ну что, пойдём? — спросил Лиандер.

— Пойдём, — ответил Лиф.

Расмус было вздохнул с облегчением, но тут Лиф сказал вдруг нечто ужасное:

— Я только поищу свою трубку, я ее забыл где-то здесь. По-моему, я положил ее в комнате на окно.

«В комнате» означало, конечно, там, где лежали скорченные в углу Оскар и Расмус. Расмус прижался к Оскару, голова у него кружилась от страха. Он чувствовал, как у Оскара напряглись мускулы рук, и понял, что он готовится драться... Но ведь у грабителей есть револьверы... Видно, для бродяг настал последний час!

Быстрые шаги приближались, дверь распахнулась, и свет карманного фонаря забежал по комнате. А посреди комнаты стояла мебель Расмуса. Но луч света быстро пробежал по ящику из-под сахара. Видно, грабителю не показалось странным, что он стоит здесь. Он не вскрикнул, не удивился. А что бы он сделал, если бы увидел Оскара и Расмуса! Они забились в угол и ждали. Мышцы Оскара напряглись еще сильнее. Но тут...

— Да она здесь лежит, твоя трубка, — слышался голос Лиандера из кухни. — На этом окне.

Лиф быстро повернулся. Опасный луч света погас, и грабитель исчез, не заметив лежащих в углу бродяг.

Это было просто чудо, потому что даже в самом темном углу не было полной темноты. Быть может, тот, кто ищет маленькую трубку, способен не заметить двух больших бродяг.

— Слепундра! — сказал Расмус, когда грабители ушли.

Он осмелился говорить, лишь когда они исчезли в ветреной ночи.

— Пошли, — сказал Оскар и взял свой карманный фонарь. — Пошли поглядим на этот распрекрасный тайник, который так легко найти. Силы небесные! До чего же это интересно!

Они бросились в кухню, Расмус был сам не свой от волнения. Он представил себе огромную сокровищницу, полную пятиэровиками.

Луч фонарика шарил по голым половицам. Оскар осмотрел каждую половичку, попробовал ногой, крепко ли сидит.

— Здесь этот тайник!

Он быстро вытащил неприбитую половицу возле очага, осветил фонариком пустоту под ней. Там была квадратная дыра, и в ней лежал пакет, аккуратно завернутый в клеенку. Он развернул его.

— Ой! — воскликнул Расмус.

Там лежали плотно уложенные красивые пачки стои и тысячекроновых бумажек, зарплата рабочих завода в Сандё. Пятиэровых монет здесь не было, но по испуганным глазам Оскара Расмус понял, что это тоже деньги.

— Надо же, сколько денег есть на свете, — сказал Оскар. — А я этого даже не знал.

Он радостно вздохнул.

Ожерелье тоже лежало, золотая цепь, а на ней висели большие зеленые камни.

— Подумать только, теперь фру Хедберг получит назад свое ожерелье. Если только она жива...

Оскар стал перебирать пальцами драгоценность.

— Я надеюсь, что она жива, что я спою ей еще раз «В каждом лесу свой ручей», а она даст мне тогда пятьдесят эре.

— Завтра, — сказал, сияя от радости, Расмус, — завтра мы пойдем к ленсману и отдадим ему деньги, а потом отнесем фру Хедберг ожерелье.

Оскар покачал головой:

— О нет, этого мы делать не станем. «Все нужно делать хитро!» — сказала баба, ловя вошь пальцами ног.

— А как же нам быть тогда? — спросил Расмус.

— Я больше не стану совать нос в это осиное гнездо. Не стану связываться со служанками, которые нахально врут, и слушать всякую чушь вроде: «Оскар, что ты делал в четверг?» Нет, мы перепрячем все это в другое место и напишем ленсману новое письмо. Мол, будьте любезны, заберите денежки, а не то они пропадут. А после мы с тобой пойдем снова бродяжничать. Пусть ленсман сам доводит дело до конца, ему за это платят. А я не собираюсь ходить у него на подхвате.

Оскар взял рюкзак и начал укладывать в него пачки денег.

— Только бы ленсман не схватил меня, когда я понесу на спине эту половину государственного банка. Ведь тогда мне влепят пожизненное заключение.

Он взял ожерелье и надел его в шутку на шею Расмуса со словами:

— Дай-ка я украшу тебя. Будешь хоть разок в жизни нарядным красавцем. Сейчас ты похож на царя Соломона во всем его великолепии. Хотя веснушек у тебя побольше, чем у него.

И фонарик осветил «царя Соломона», с тощими руками и ногами и зелеными изумрудами на шее.

— Да, и волосы у меня к тому же прямые, — сказал он с огорчением.

Он дернул ожерелье. Ему хотелось поскорее снять его. Но он не успел.

Потому что голоса слышались снова!

Глава десятая

— Быстрее, — прошептал Оскар. — Бежим отсюда!

Они выбежали в сени. Но было уже поздно. Голоса раздавались теперь у входных дверей. Путь им был отрезан.

— Быстрее на чердак!

Оскар пихнул Расмуса впереди себя на узенькую крутую лесенку, по которой мальчик так весело бегал днем. Теперь он спотыкался, как больной, и он в самом деле чувствовал себя больным, больным от страха. Ведь те двое уже распахнули дверь и вошли в темные сени.

Оскар и Расмус остановились, замерли на лестнице. Они не смели шевельнуться, едва дышали, чтобы не выдать себя. Расмус со страхом уставился на две темные тени внизу, превратившие его жизнь в кошмар! Ах, как он ненавидел их!

— Ты прав, не было никаких ящиков, когда мы были здесь в прошлый раз.

Это был голос Лифа. Вот он рванул дверь в кухню.

— И у тебя не хватило ума сообразить, что дело неладно, увидев, что сюда притопала целая фабрика ящиков, — зло заметил Лиандер. — Неужто тебе не ясно, что сами прийти сюда они не могли?

— Да я только после об этом подумал, — ответил Лиф. — Знаешь ведь, как бывает, смотришь на какую-нибудь вещь и будто видишь ее и не видишь. И вдруг чуть погодя... бац! Тебе приходит в голову: «Откуда, черт возьми, взялись эти ящики?»

— Видишь и не видишь! В нашей профессии такого позволить нельзя. Теперь придется забирать отсюда деньжата!

«Ха! Деньжата уже отсюда перебрались», — подумал Расмус. Несмотря на страх, он ликовал. Но секунду спустя его ликование пришло к концу. Из кухни слышался яростный вопль, потом Лиф завопил:

— Скорее! Бежим за ними! Они не могли уйти далеко!

Они бросились в сени, свирепые, как разъяренные собаки, рванули дверь и стали искать неведомого врага, отнявшего у них добычу, чтобы найти его и разорвать на куски. На полпути к двери Лиф резко остановился.

— Стой! — крикнул он. — Надо сначала поглядеть, не прячутся ли они в доме. Здесь, внизу, нет никого. Может, они на чердаке?

Он побежал вверх по лестнице и наткнулся прямо на кулак Оскара, взвыл и рухнул вниз в объятия Лиандера. Расмус, стоя за широкой спиной Оскара, тоже взвыл. Он взвыл потому, что Лиандер направил на них револьвер и голосом, дрожащим от злости, сказал:

— Сделай хоть один шаг, и я стреляю!

Тут и Лиф успел подняться на ноги. Луч его фонарика осветил двоих на лестнице. Увидев «царя Соломона» во всем его великолепии, он ахнул:

— Ожерелье у сопляка на шее!

Грабители устались на бродяг, не веря своим глазам.

— Беги, Расмус! — крикнул Оскар. Он стоял, рослый, широкоплечий, загораживая узкую лестницу. — Беги! — рявкнул он громовым голосом.

И Расмус побежал.словно загнанная крыса, он юркнул вверх по лестнице на маленький ветхий чердак, где ветер раскачивал со скрипом пустые рамы. За окном была крыша пристройки. Он перемахнул через подоконник, прошел по крыше. Прыгать он умел. До земли было несколько метров, и он прыгнул. Он сейчас прыг-

нул бы даже с колокольни. Расмус слегка ушиб колени, но едва почувствовал это, ведь он был крысой, за которой гналась кошка. Он успел услышать, как Лиф подбежал к углу дома, готовый застрелить его, и побежал так, словно дело касалось жизни и смерти. Да так оно и было, он понимал это.

Ах, все вы, уехавшие в далекую Миннесоту! Если бы знали вы, что случилось этой ночью в вашей серенькой деревушке у моря! Здесь бежит между избами испуганный мальчонка с изумрудами на шее, а за ним гонится грабитель. И некому помочь мальчишке. Ведь серые домишки стоят заброшенные, молчаливые, окна их пустые и мертвые. Ничья ласковая рука не распахнет дверь в бурную летнюю ночь. Ничей ласковый голос не крикнет в открытое окно: «Иди сюда, мы спрячем тебя!»

Нет, этот босоногий мальчишка в полосатой сине-белой рубашке и заплатанных штанишках из домотканого сукна должен рассчитывать только на свои силы. И он бежит как оголтелый, пытаясь спрятаться за ближайшим домом. Когда-то его называли домом Пера Андерса, но мальчишка, бегущий по этой деревушке много лет спустя, после того как Пер Андерс уехал в Америку, этого не знает. На секунду он останавливается, сердце у него отчаянно колотится. Он пытается сообразить, в какую сторону лучше бежать. Времени на раздумье у него нет. Его преследователь уже завернул за угол. Ветер треплет его волосы, это уже не важный господин в соломенной шляпе, а отчаянный грабитель, которому нужно догнать мальчишку, догнать во что бы то ни стало.

Расмус бежит, охваченный паническим страхом. Он бежит быстро, но у его преследователя ноги быстрые, и бежит он еще быстрее. Вот грабитель уже догоняет его. Расмус поворачивает голову и видит, как мелькают его длинные ноги, как развеваются его волосы на ветру.

Возле двора Пера Андерса расположен двор Карла Нильса с целой стайкой пристроек. Расмус останавливается за старой столяркой Карла Нильса. Он стоит не шевелясь и со страхом ждет своего врага. И вот враг появляется. Но он пробегает мимо. Он не замечает мальчишку, прижавшегося к стене столярной. У Расмуса есть секунда, чтобы отдышаться.

Но вот кошка снова видит крысу. Лиф видит, как Расмус бежит назад, к дому Пера Андерса, и пускается вдогонку. Расмус бежит, задыхаясь, но не останавливаясь ни на секунду. Лиф еще довольно далеко, но все же Расмусу от него не уйти. Он должен поскорее где-нибудь спрятаться. Вот дом Пера Андерса... Расмус врывается туда. Силы небесные, где спрятаться в совсем пустом доме?

Здесь есть дровяной ларь. Многие ребяташки играли когда-то в прятки в доме Пера Андерса. Они залезали в ларь и, лукаво ухмыляясь, захлопывали крышку. Но никто из них не сидел в нем с замирающим от страха, отчаянно бьющимся сердцем, как этот мальчик, ожидающий, что в любую секунду безжалостные руки могут вытащить его из этого укрытия. Мышь оказалась захлопнутой в мышеловку. Если Лиф найдет его здесь, он пропал.

И вот является Лиф. Расмус слышит, как стучат его шаги по кухонному полу. Грабитель уже здесь. Вот-вот он откроет крышку ларя. Но, видно, Лиф никогда не играл в прятки. Он вбегает в комнату, выскакивает оттуда в сени, поднимается по лестнице на второй этаж, потом карабкается на чердак, кричит и ругается. Он знает, что мальчишка где-то здесь, в доме.

Но Расмус уже выбрался из чулана и бежит прочь. Он надеется, что сумел обмануть Лифа, он молит Бога, чтобы грабитель оставил его в покое.

Но Лиф видит из окна чулана, что босоногий мальчишка бежит по двору и как мелькают его тоненькие, словно палочки, ноги.

В три прыжка и грабитель спустился с лестницы, и вот он снова неотступно преследует Расмуса.

Сейчас они мчатся по улице старой деревушки. Когда-то по этой улице мирные волы возили овес на гумно Пера Андерса и сено Карла Нильса, а летними вечерами ребятишки играли себе преспокойно, катая по длинной деревенской улице колесо. Никогда еще никто не бежал здесь, спасая свою жизнь. А сейчас бежит по этой улице босой мальчишка, а за ним гонится грабитель. Но вот улица кончилась, и Расмус бежит вниз, к морю. Неужто парнишка собирается броситься в воду? Грабитель прибавляет ходу, ему не терпится закончить поскорее эту погоню.

Впереди полуразвалившаяся пристань и ветхий, накренившийся лодочный сарай.

Расмус бежит по мосткам, и доски гнутся под его ногами. Под ногами Лифа они гнутся еще сильнее. Но Лиф торжествующе улыбается, наконец-то мальчишка попался. Бежать по мосткам пристани, что может быть глупее. Ведь назад ему путь отрезан. Сейчас он схватит мальчишку, если только тот не прыгнет в воду и не утонет.

Возле сарая мостки заворачивают направо.

Расмус бежит по качающимся мосткам. Рубашка вылезла у него из брюк и развевается парусом. Синяя рубашка — последнее, что видит Лиф до того, как мальчишка исчезает за лодочным чуланом.

Доски трещат под ногами Лифа. Вот-вот... наконец-то этот упорный мальчишка получит по заслугам! Лиф, не снижая скорости, заворачивает за угол.

Гулкие шаги Лифа внезапно замирают. Раздается лишь сильный всплеск. Он не успевает даже выругаться, как его накрывает соленая волна. Он пытается выкрикнуть ругательство, но у него получается только «плл... буль...».

Какое-то мгновение Расмус почти счастлив, кое-чему он все же научился в Вестерхаге. Не только окучивать картошку, но и ставить подножки.

Кашляя и шипя от злости, Лиф показывается на поверхности воды. Купаться ему почему-то не хочется, хотя здесь отличное место для купания. Злой, как паук, влезает он на мостки, и Расмус, чуть не плача, понимает, что от этого безжалостного человека не избавиться. И все же он будет пытаться. Будет бежать, пока не упадет замертво. Его сердце стучит как бешеное, вот-вот разорвется.

Он мчится назад по мосткам, через двор Карла Нильса к дому Пера Андерса. Этот бег кажется ему страшным сном. Он оторвался от своего преследователя, и все же ему не уйти от своего мокрого, разъяренного, беспощадного врага.

Вот впереди картофельный погреб Пера Андерса. Расмус заглядывал в него, когда осматривал весь этот двор. Он еще постоял здесь, воображая, будто там у него пятьдесят мешков картошки. Мол, можно напечь сколько хочешь картофельных оладий.

Вконец измученный Расмус вваливается в темный погреб. В нем теплится отчаянная надежда, что Лиф еще не очень близко и не заметил, как он сюда влез, что ему не придет в голову искать его в погребе. Надежда на это слабая, и теплится она недолго.

Вот он уже слышит, как кто-то берется за вставленный в замок большой ключ. Лиф врывается в погреб. Злой, промокший, он готов разорвать паршивого мальчишку...

Но в Вестерхаге Расмус научился не только подставлять ножку. Он научился караулить у двери. Когда противник вбегает, очертя голову, нужно быстро выбежать из комнаты за его спиной. Так Расмус и сделал. Он быстро, как ласка, выскользнул из погреба и в панике, хлопнув дверь, повернул ржавый ключ в замке. Лишь услышав рев за дверь, он понял, что сделал. Дрожа от

страха, но торжествуя, он понял, что запер своего врага в погребе Пера Андерса. Правда, что этот погреб принадлежал когда-то Перу Андерсу, он, конечно, не знал.

Теперь ему так не хватало Оскара, что он едва не плакал. Ноги у него дрожали. Он до смерти устал. Ему так хотелось скорее найти Оскара, прямо-таки сердце щемило. А вдруг Оскар уже убит?..

Он осторожно и как мог быстро прокрался к «своему» дому. Он осторожно подобрался к нему, ведь он не знал, где находится Лиандер и где Оскар.

Уже светает. Скоро над старой деревней переселенцев в Миннесоту взойдет солнце. В эту ночь здесь никто не смог уснуть.

Расмус ложится на живот и ужом подползает к кухонному окну. Потом он медленно встает на колени и заглядывает в пустое окно, в котором уже давно нет стекол.

Совсем близко от окна, спиной к Расмусу, стоит Лиандер. А у очага, подняв руки вверх, стоит Оскар. В руке у Лиандера револьвер, а рюкзак Оскара лежит у ног бандита.

— Ну, стреляй! — говорит Оскар. — Одним бродягой больше на земле, одним меньше, какая разница.

— Не сомневайся, у меня пальцы так и чешутся, чтобы пристрелить тебя, — отвечает Лиандер. — Да только я не хочу огорчать ленсмана. Ведь ему так хочется засадить тебя в тюрьму за грабеж в Сандё. Известно это тебе? И за то, что ты обокрал фру Хедберг.

— Подумать только, что на свете есть такие свиньи, как ты, — спокойно ответил Оскар. — А что, если я расскажу ленсману, что вы с Лифом за фрукты?

На глазах у Расмуса выступили слезы. Он знал, что ленсман ни за что не поверит бродяге, ведь Оскар сам ему это говорил.

Лиандер грубо расхохотался:

— Ну, ну! Давай попробуй.

— А разве ты не говорил недавно, что боишься, мол, вдруг фру Хедберг очухается и расскажет кое-что. Например, то, что Анна Стина наврала. Подумай, а что, если старушка все-таки очнется?

— Не очнется, — сказал Лиандер сдавленным голосом. — После того что случилось здесь прошлой ночью, чувствует мое сердце, фру Хедберг никогда не очухается. Ни Анна Стина, ни мы рисковать не станем.

Расмус сжал кулаки. Изю всех злодеев на свете Лиф и Лиандер хуже всех. Было ясно, что Лиандер, говоря о фру Хедберг, опять задумал что-то худое.

— Пеняй на себя, олух, — продолжал Лиандер. — Зачем тебе было совать нос не в свое дело? Так тебе и надо, пусть ленсман посадит тебя. Между прочим, это не так уж страшно, в тюрьме вовсе не так уж плохо, скажу я тебе.

— Понятно, ты, поди, не раз там сидел, тебе лучше знать. А уж я постараюсь сделать все, чтобы ты испробовал это еще раз.

— Да ты еще глупее, чем я думал, — сказал Лиандер. — Ты что, не понимаешь, ведь сам туда загремишь, как только попытаешься нас ущучить. Если в твоей башке есть хоть капля ума, ты отвалишь отсюда поскорее и никогда больше не сунешь нос в эти края.

— И дрожать при каждой встрече с полицейским, — с горечью воскликнул Оскар. — И как только земля держит таких скотов, как ты и Лиф. До чего же мне охота задать тебе прямо сейчас хорошую трепку!

Стоя на коленях у окна, Расмус кивнул. Да уж, было бы здорово, если бы Оскар отлупил Лифа хорошенько. Ведь Оскар сильный как бык, гораздо сильнее Лиандера. Но ведь у Лиандера этот ужасный револьвер, нацеленный на Оскара. Если бы только не этот револьвер...

На земле возле окна лежал обломок доски. Даже не сознавая хорошенько, что он делает, Расмус схватил

его. Как во сне, не раздумывая, он быстро поднял доску и изо всех сил ударил Лиандера по правому локтю. Лиандер взвыл от боли и от злости, а револьвер, описав красивую дугу, упал на кухонный пол. С радостным рычанием Оскар бросился на Лиандера, и они покатались по полу. Расмус со страхом смотрел на них. Он подпрыгнул от волнения и грыз ногти. Он никогда не мог спокойно смотреть, как люди дерутся.

А тут они дрались так, что только пыль стояла столбом. Лиандер был тоже сильный, и они со стонами катались по полу. Каждый из них старался схватить револьвер.

Револьвер!.. Расмус опомнился. Револьвер! Лиандер ни за что не должен схватить его.

Расмус бросился в кухню, ноги у него дрожали. Пол в кухне ходил ходуном. Они катались как бешеные, размахивая руками, пиная друг друга ногами, просто некуда было ступить. Лиандер тянул руку к револьверу, подвигаясь к нему все ближе и ближе.

Расмус поддал эту поганую черную штуковину с такой силой, что она отлетела в угол. Потом он взял ее дрожащими руками. Эта штука была такая противная, что он держал ее в руке с отвращением. Расмус продолжал смотреть и смотреть, как они катались по полу, стонали и колошматили друг друга.

Сжимая револьвер, Расмус помчался к мосткам на берегу. Его тошнило, но думать сейчас об этом было некогда. Он стоял, всхлипывая, и смотрел на качающиеся под ветром ветви берез. Солнце только что поднялось над островками в море, гребни волн сверкали и переливались. Чайки проснулись. Они летали над старой деревней и кричали, как будто им тоже было страшно. Нет, им нечего было бояться. Страшно было лишь одному ему. Он так устал, что ему хотелось лечь и умереть. Но еще ему хотелось избавиться от револьвера. С плачем он

побежал по камням, ветер чуть не валил его с ног. Но все же он добрался до пляжа уехавших в Миннесоту. Он посмотрел на револьвер с гримасой отвращения и швырнул его в сине-зеленую воду.

Едва он успел это сделать, как тут же пожалел. Ведь револьвер мог понадобиться Оскару для защиты. Но было уже поздно. Револьвер лежал на дне в рыбьем царстве, на десятиметровой глубине, и будет лежать там всегда.

Расмус потащился назад по прибрежным камням. А навстречу ему шел Оскар. Волосы у него были взлохмачены, одежда растрепана, рюкзак на спине, выражение лица ожесточенное и в то же время довольное. При виде Оскара Расмусу еще сильнее захотелось плакать, но он с силой глотнул, загнав глубже ком в горле.

— Уходим отсюда, быстро!

— А где Лиандер?

— Лиандер прилег вздремнуть у очага, а куда подевался Лиф?

— Я запер его в картофельном погребе, — устало ответил Расмус.

Оскар поглядел на него, широко улыбаясь.

— Да ты у меня герой! В самом деле, я вижу, ты не из трусливых.

— Ну да, я ужас как боялся, — сказал Расмус и заплакал. — Лиф скоро выберется оттуда, дверь погреба прогнила.

— А куда ты дел револьвер?

— Бросил его в море, — ответил Расмус и заплакал еще сильнее.

Ведь теперь Оскар разозлится на него. Лиф выберется из погреба, и Оскару очень пригодился бы этот револьвер.

Но Оскар не разозлился. Он только кивнул и пошутил:

— «И так сойдет», — сказал мужик, у которого горели волосы. Какие из нас с тобой стрелки! Однако надо поскорее убираться отсюда.

Расмус вздохнул. Поторапливаться он был не в силах. Он ничего не в силах был делать и умоляюще посмотрел на Оскара.

— Сейчас я ничего не могу делать. Могу только спать.

Глава одиннадцатая

И вот он снова в Вестерхаге. Сейчас придет фрёкен Хёк и велит ему рвать крапиву. Ведь его разбудило кудахтанье кур, знакомое надоедливое кудахтанье этих глупых кур, которых он терпеть не мог.

Расмус осторожно открыл глаза. Да, в самом деле, рядом с ним вышагивали какие-то куры. Но это были вовсе не белые леггорны, каких держали в Вестерхаге, а совсем незнакомые маленькие пестрые. А он сам лежал на полу в комнате, которую раньше никогда не видел. Здесь был открытый очаг, а перед очагом сидел Оскар и пил кофе с маленькой седой старушкой в клетчатом переднике. Они наливали кофе в блюдечки, дули на него, пили и беседовали.

— Да уж, ясное дело, жаль бродяг. Ведь им приходится всю жизнь мотаться по дорогам, — сочувственно сказала она. — И на небо-то они не попадут.

— Ну, уж это, Крошка Сара, ты загнула! — возмутился Оскар. — Ты думаешь, что попадешь на небо только за то, что всю жизнь просидела у плиты? Смотри, как бы не просчитаться!

Старушка сунула в беззубый рот кусочек сахара и многозначительно покачала головой.

— Поживем — увидим, — ответила она. — Поживем — увидим!

Расмус пошевелился, ему хотелось, чтобы Оскар заметил, что он проснулся. Но маленькая старушка первая это заметила.

— Тебе, верно, тоже охота выпить кофейку? — спросила она, глядя на него добрыми, наивными глазами. — Кофе да хлебушка. Тебе еще надо съесть много караваев, прежде чем вырастешь.

Оскар засмеялся.

— Знаешь ли ты, что этот паренек настоящий герой? — сказал он, кивнув в сторону Расмуса. — Всем героям герой, вот что я тебе скажу. Но хлеба ему уж точно надо поесть.

Тут Расмус вспомнил. Он вспомнил эту ночь, когда ему пришлось, хочешь не хочешь, стать героем. У него до сих пор болело все тело.

Но как он попал к Крошке Саре, Расмус не помнил. Он только смутно помнил, как Оскар нес его на руках, а над ними с криками махали крыльями чайки.

Расмус оглядел комнату, где куры расхаживали с таким видом, точно это был их курятник. Комната была бедная, убогая, грязная. Но до чего же славно было здесь очутиться. На огне уютно кипел трехногий кофейник, рядом сидел Оскар и спокойно посмеивался.

Крошка Сара налила Расмусу кофе в синюю чашку с отбитой ручкой. Потом она взяла хлебный нож и отрезала ему здоровенный ломоть ржаного хлеба.

— Масло получишь в другой раз, — сказала она, — сегодня у меня его нет.

Расмус взял хлеб. Он был липкий, с темной непеченной полоской. Но Расмусу нравился непеченный хлеб, он обмакнул его в кофе и стал есть. Было ужасно вкусно.

— Крошка Сара добра к бродягам, — продолжал Оскар. — Она уж точно попадет на небо.

Крошка Сара кивнула.

— Но сначала пусть сходит к ленсману. Уж ты не откажи, снеси ему письмо поскорее.

Крошка Сара озадаченно почесала затылок. Ее голова походила на клубок белой шерсти.

— Однако говорить я с ним не буду, — испуганно сказала она. — Ни словечка ему не скажу. Только подам письмо и уйду. А не то он велит мне переселяться в богадельню.

Оскар успокаивающе похлопал ее по плечу:

— И не надо ничего говорить. Отдай письмо, и этого довольно. Будем надеяться, что все тогда уладится.

Крошка Сара никак не могла успокоиться. Она, как ребенок, боялась неизвестной опасности.

— Ох, как мне неохота идти. Но пастор говорит: «Будьте добры к бедным». А Оскар беден.

Оскар засмеялся, видно, ему нравилось быть бедным.

— Ах-ах-ах, Крошка Сара, будь ко мне добра. Я беден как вошь.

Крошка Сара горестно потрясла головой:

— Только сперва я должна покормить кур.

— Ах-ах-ах, будь добра и к курам!

Крошка Сара поманила пестрых кур и исчезла за дверью.

Оскар поглядел на Расмуса, который сидел на грязной постели, расстеленной на полу, и допивал из кружки последние капли.

— Кофе в постели, не худо! — воскликнул Оскар. — Но сейчас я хочу рассказать тебе, что я сделал, покуда ты тут храпел. Я написал ленсману целый роман.

Он достал из кармана пиджака сплошь исписанную бумажку и протянул ее Расмусу.

— Ты хочешь, чтобы я это прочитал? — спросил Расмус.

— Да, сделай милость.

Расмус взял бумажку и стал читать. Писать красиво Оскар, прямо скажем, не умел. Пожалуй, у него получалось еще хуже, чем у Расмуса.

«Я ничево не зделал. Я невинен как невеста. Нет вовсе ничево: Пусть ленсман знает что в Сандё деньги украли два типа. Звать их Лиф и Лиандер. А живут они на постоялом дворе если ищо не съехали оттуда. Тетушку Хедберг ограбили то же они хотя служанка врет на меня а я тут непричем. Я невинен как невеста. Я только стоял и пел возле ее дома. В каждом лесу свой ручей. Спросите тетушку Хедберг если она не померла. Проганите Анустину а нето тетушке Хедберг не жить. Вить у этих людей стыда нету. А ожирелье я спрятал и деньги тоже такую кучу денег я отрадся не видывал. Прачитайте втарую бумажку чтоб знать где я их спрятал нето они пропадут. Письмо принесет вам Крошка Сара. Сам я не смею. Никто не верит брадьяги а сам я пайду дальше. Хачу быть свободным раз я невинен как невеста и ничего не зделал.

Остаюсь ваш Счастливчик Оскар

Не оставляйте Анустину одну с тетушкой Хедберг».

Расмус свернул бумажку и отдал ее Оскару.

— А где ты спрятал деньги? — спросил он.

— В потайном месте. Не спрашивай где. Пусть ты и всем героям герой, но я не хочу впутывать тебя по уши в это дело. Узнаешь в другой раз. Я написал об этом ленсману на другой бумажке, которую вложу в это письмо.

«В другой раз я узнаю это, и хлеб мне маслом намажут тоже в другой раз», — подумал Расмус.

Они лежали на пригорке за домом Крошки Сары и ждали. Оскар не хотел уходить, прежде чем узнает, что ленсман и в самом деле получил письмо. Но Крошка Сара все не возвращалась. Ее не было уже четыре часа, и Оскар начал волноваться.

— Да уж, из этих чокнутых старушенок плохие почтальоны! — сказал он. — Кто знает, что ей придет в голову!

Но Расмусу нравилось лежать и отдыхать. Он снова поспал. Потом они немножко перекусили. Солнце грело жарко, сосны, защищавшие от ветра домишко Крошки Сары, источали запах смолы, белый кот старушки ласкался к Расмусу, мурлыча. Все было прекрасно.

Глядя на кота, Расмус вспомнил свой сон. Ему приснилось, что у него есть кот, только черный, такой же, как котенок фру Хедберг. Он всю жизнь мечтал иметь свою собственную зверюшку, и Гуннар тоже. Они с Гуннаром часто толковали об этом. Но Гуннар говорил, что в приюте детям не разрешалось заводить никаких животных, разве что насекомых в голове. Правда, их тоже заводить не позволялось, фрёкен Хёк тут же являлась с частым гребнем.

Но этой ночью Расмусу приснился маленький черный котенок, его собственный. Он кормил его селедкой с картошкой. Такую еду кошки едят только во сне. Вспомнив, какой хорошенький был этот котенок, Расмус рассмеялся.

— Ты чему это смеешься? — спросил Оскар.

— Мне приснилось во сне, что мой кот на окне...

— Мне приснилось во сне, что мой кот на окне! — передразнил его Оскар. — Я гляжу, ты сочиняешь стихи, складно выходит.

— А ты знаешь, что ел мой кот? — спросил Расмус.

— Поди, полевок.

— Вовсе не полевок, а селедку с картошкой. Он был такой хорошенький...

— Котята не едят селедку с картошкой, — заметил Оскар.

— А мой ел.

Они помолчали немного, глядя на верхушки сосен. Расмус держал на руках кота Крошки Сары.

— Мне приснилось во сне, что мой кот на окне... — напел Оскар.

...уплетает селедку с картошкой!.. — подхватил Расмус и весело хихикнул.

Оскар подумал немного и пропел:

Хочешь — верь, хочешь — нет,
Но мой кот на обед
ест картошку с...
...соседнею кошкой! —

с восторгом крикнул Расмус. — Оскар, да у нас получилась почти что песня.

— Это и есть песня, — ответил Оскар и, достав гармошку, стал подбирать мелодию, которую только что пропел.

Так, продолжая ждать Крошку Сару, они играли и пели без конца свою кошачью песенку:

Мне приснилось во сне,
что мой кот на окне
уплетает селедку с картошкой.
Хочешь — верь, хочешь — нет,
но мой кот на обед
ест картошку с соседнею кошкой.

Надо же, как легко сочинять песни! Расмус решил насочинять их много-много. Про кошек и собак, а может, даже про ягнят. Конечно, они не такие занимательные, как «Для тебя я убила дитя» или «Послушайте ужасную историю», но ведь нельзя же все время петь про убийства! После кошмарных ночных приключений с Лифом и Лиандером он был сыт ужасными историями.

Но вот пришла Крошка Сара. Вид у нее был очень довольный.

— Ленсмана дома не было, — сказала она, кротко улыбаясь беззубым ртом. — Он куда-то отправился

ловить жуликов. А мне ждать было некогда, кто знает, когда он вернется!

— А ты все-таки отдала письмо? — с тревогой спросил Оскар. — Кому-нибудь из полицейских?

Крошка Сара виновато покачала пушистой головой.

— А мы-то сидели здесь так долго и ждали тебя, — сказал Оскар. — Что же ты делала все это время?

— Да я торопилась назад, — заверила их Крошка Сара. — Я только попила кофе у Фии Карл Исак. — А что, в письме было что-то важное?

Старушка, в клетчатом платочке на голове и в полосатом переднике стояла, и пощипывала листики черной смородины с куста, будто была занята делом и ей недосуг думать о письме.

Оскар вздохнул:

— Да нет, Крошка Сара, не очень важное. Вижу, ты точно попадешь на небо.

— А я-то писал это письмо кровью сердца, — сказал Оскар позднее, по дороге к Фие Карл Исак, чтобы забрать потерянное письмо. Они были почти у цели, уже показался дом Фии у дороги, и вдруг, словно из-под земли, перед ними выросли двое полицейских. Это были те же самые полицейские, что и в прошлый раз.

Оскар разозлился. Таким злым Расмус его еще не видел. И неудивительно, полицейские вели себя с ним так, словно это был не безобидный бродяга, а самый отъявленный негодяй на свете.

— Забери у него револьвер! — крикнул один.

Они оба бросились к нему и начали его обыскивать.

— Нет у меня никакого револьвера и никогда не было! — заорал на них Оскар. — Даже в детстве у меня не было пистолета-хлопушки, хотя я со слезами кланчил его у мамы.

Их повели в контору ленсмана. Один из полицейских стал что-то писать про них на бумаге, а другой стоял и держал Оскара, будто тот собирался бежать.

Расмуса никто не держал. Да этого и не требовалось, потому что мальчик изо всех сил прижался к Оскару. Что за собачья жизнь! Ни минуты покоя. То грабителей бойся, то ленсмана, то полицейских!

Но Оскар не боялся. Он разозлился.

— Я хочу говорить с ленсманом! — крикнул он и стукнул кулаком по столу под носом у полицейского, который сидел и писал.

— Ленсман в гостях на обеде и придет на службу только завтра утром, — сказал державший его полицейский.

— На обеде! В гостях! — завопил Оскар. — А я, невинный, как невеста, должен стоять здесь.

— Это мы уже слышали, — сказал тот, кто писал. Его звали Бергквист, во всяком случае так называл его второй полицейский. — Ты до того заврался, что сам веришь своим словам, — продолжал Бергквист. — Но на этот раз ты здорово влип. И хорошо, таких, как ты, нельзя оставлять на свободе.

Оскар застонал от злости, потом повернулся к полицейскому, который держал его, и спросил, указывая на Бергквиста:

— Можно мне назвать его бараньей башкой или за это штраф?

— Будь спокоен, получишь и штраф! Давай-ка лучше успокойся и скажи, как тебя зовут, Бергквисту надо записать.

— Оскар. А тебя как звать-то?

— Меня? Андерссон, но это к делу не относится. А фамилию свою назови?

— Она тоже к делу не относится. Зови меня просто Оскаром, за это штрафа не будет.

Андерссон ухмыльнулся, видно, он был добрее того, кто писал.

А Бергквист состроил кислую мину и сказал:

— Это что еще за тон? Изволь отвечать как положено!

— Изволь катиться подальше! — ответил Оскар и обратился к Андерссону: — Неужто мне, в самом деле, нельзя назвать Бергквиста бараньей башкой? Правда, что меня за это оштрафуют? А если я встречу настоящую баранью башку и назову его Бергквистом, за это меня никто не засадит?

Он громко расхохотался, наклонился над столом, посмотрел в упор в глаза Бергквисту и сказал с нажимом:

— Бергквист! Настоящий Бергквист, вот ты кто!

Бергквист побагровел и сказал Андерссону:

— Посади его во второй номер, а завтра ленсман поубавит ему спеси!

Андерссон взглянул на Расмуса:

— А что с этим делать?

И тут Бергквист сказал что-то ужасное:

— Он убежал из Вестерхаги, отвезем его назад.

Перед Расмусом разверзлась пропасть, все беды и печали мира нахлынули на него черной волной. Вернуться в Вестерхагу? Значит, конец всему. Да, для него жизнь кончена! Оскара он потеряет, его посадят в тюрьму. А его самого они запихают в приют, куда он ни за что не хочет. Ни за что на свете он не хочет там жить, ни за что!

Мгновение Расмус стоял, уставясь на Бергквиста широко раскрытыми, полными ужаса глазами. Но от него сочувствия ему ждать не приходилось. В отчаянии он огляделся по сторонам в поисках выхода. Ведь должен же быть какой-то выход!

В открытое окно широкой полосой врезалось солнце, полоса света падала на пол и освещала мрачную контору ленсмана. Это была золотая дорога, которая вела к свободе.

Расмус не раздумывал, не помня себя, он бросился наутек, как зверек, бегущий из неволи. Он слышал, как ему кричат вдогонку, но не остановился, чтобы расслышать их слова. Быстро, как молния, помчался он по пустынной улице. Накануне он ехал по ней в телеге с молочными бидонами, но теперь он этого не помнил. Мысли перемешивались у него в голове, он просто бежал под гору к маслобойне, как испуганный кролик, прыгал по нагретым солнцем булыжникам, не глядя ни вправо, ни влево. Бежал, ничего не видя, не зная, куда бежит.

Людей на улице не было. Но возле самой пивоварни сюда из переулка свернули двое. Расмус не заметил их, пока не столкнулся с ними. Он чуть было не ткнулся головой в живот одному из них. Этот человек грубо схватил его за плечи и остановил.

— Полегче на поворотах! — сказал Лиф. — С тобой-то нам и охота потолковать.

Глава двенадцатая

— Да, сейчас мы с тобой побеседуем! — рявкнул Лиф и потащил его за высокий забор, окружавший маслобойню. Там не было ни души, и Расмус оказался здесь беспомощной добычей.

Лиф с силой потряс его за плечи:

— Отвечай быстро, не то будет худо. Где твой приятель, этот бродяга?

— Оскара забрали в полицию, — устало ответил Расмус.

Он уже устал бояться, а убить его все же они, поди, не посмеют.

Лиф и Лиандер молча переглянулись. Видно, они были напуганы еще сильнее, чем Расмус.

— Он влип, — сказал Лиандер. — Да, Хильдинг, ты знаешь, на кого он будет валить вину. Пора нам смыываться отсюда быстрее ветра.

Лиф удержал Расмуса железной рукой.

— Говори быстро, при себе были деньги у Оскара, когда его взяли?

Расмус не мог догадаться, лучше сказать «да» или «нет», и потому промолчал. Но Лиф стал сильно трясти его, будто думал, что ответ застрял у мальчишки в горле и нужно вытряхнуть его оттуда.

— Что он сделал с деньгами?

— Спрятал их, — ответил Расмус. — В потайном месте. Я не знаю где.

— Хильдинг, нельзя терять время! — нервно сказал Лиандер.

— Помолчи, — оборвал его Лиф. — Ясное дело, он будет во всем винить нас. Но если мы смоемся, это будет для нас то же самое, что признаться ленсману, мол, мы виноваты. Нет, остынь, тут, как никогда, нужна выдержка.

Он повернулся к Расмусу:

— При тебе допрашивали Оскара?

Расмус покачал головой:

— Ленсман еще не допрашивал Оскара, он обедает в гостях. Ушел на целый день.

Лиф радостно свистнул:

— Понятно, ведь фру Русен празднует пятидесятилетие. Слава Богу! Значит, ленсман весь вечер просидит на постоялом дворе и допрашивать не будет. Ну а завтра может быть уже поздно.

Он наклонился к Лиандеру и что-то шепнул ему на ухо. Расмус не расслышал его слова. Они долго шептались у него над головой, и потом Лиф сказал:

— Послушай-ка, карапуз, что ты скажешь, если мы вытащим для тебя Оскара из кутузки?

Расмус с недоумением уставился на него. Ясное дело, он больше всего на свете хотел, чтобы Оскар был на свободе. Но чтобы Лиф и Лиандер хотели освободить его?! Этого он никак не мог понять. Неужто в них есть хоть что-нибудь хорошее? Может, они пожалели его потому, что он остался один? Внезапно он почувствовал себя таким одиноким! При мысли о том, как ему одиноко без Оскара, на глазах у него выступили слезы, и он тихо пробормотал:

— Да, спасите Оскара, будьте так добры.

Лиф больно ущипнул его за шею:

— Мы ужасно добрые, будь уверен. Только навостри уши, слушай, что я тебе говорю, и запоминай. Во-первых, ты пойдешь к Оскару и все ему расскажешь.

Расмус испуганно посмотрел на него:

— Не могу, они меня схватят и отправят назад, в приют.

Лиф потерял терпение.

— Будешь делать, что мы тебе говорим! Как только стемнеет, ты прокрадешься к Оскару. Тюрьма находится в маленьком доме во дворе у ленсмана.

— А если там караулят полицейские? — спросил Расмус.

— Никто там не караулит. Они заперли Оскара и ушли. А ты можешь подобраться к окну с решеткой на задней стене.

Расмус кивнул. Это не так уж страшно. Ради Оскара он готов был на все.

— И ты скажешь ему, что мы придем и выпустим его сегодня ночью. Дядя Лиандер большой мастер по отпираню замков.

— Не болтай лишнего, — грубо оборвал его Лиандер. — Мы придем и выпустим его, но при одном условии, понятно?

— Да, значит, вот какое дело, — продолжал Лиф. — Пусть гонит все деньги, ясно? Нам срочно надо сменить климат, а на это нужны деньжата.

— А если Оскар не согласится? — с испугом спросил Расмус.

— Ему достанется ожерелье, — сказал Лиф. — Пусть не говорит, что мы поступаем не по совести.

Видно, эти люди не знали Оскара. Они думали, что Божью кукушку можно подкупить ожерельем. Они, конечно, думали, что он забрал деньги и ожерелье для себя. Нет, они не знали Оскара.

— А вдруг он все-таки не захочет? — повторил Расмус. Лиф разозлился:

— Я понимаю, что ума у него мало, но не круглый же он идиот! Спроси у него, может, он собирается сидеть там долгие годы? Ведь винить во всем станут его, а не нас. Так ему и скажи. Уж я сумею его убедить. И между прочим, нечего и спрашивать Оскара, хочет он этого или нет. Один револьвер он у нас свистнул, но мой-то при мне остался, и я прихвачу его нынче ночью, так ему и скажи.

Расмус получил еще кучу наставлений. Ему было велено спрятаться за поленницей дров во дворе маслобойни и лежать там до вечера. Ни за что не показываться на улицах, чтобы не влипнуть. И он сам, и Оскар не должны говорить, что знают Лифа и Лиандера.

— Ты пойдешь туда, как только начнет темнеть, — приказал Лиф. — Когда сделаешь, что мы тебе велели, вернешься сюда и будешь ждать нас. Мы придем за тобой в двенадцать ночи.

— Но я есть хочу, — сказал Расмус. Он сунул руку в карман и достал две пятиэровые монетки, которые Оскар дал ему. — Можно, я схожу и куплю на них пару булочек?

— Никуда ты не пойдешь! Давай сюда деньги!

Лиф схватил монетки, и они оба ушли.

Расмус сидел за пленницей, сам не свой от возмущения. Что за проклятые бандиты! Им бы только грабить и грабить, час от часу не легче! Грабеж в Сандё был подлый, разбойный. Обокрасть фру Хедберг — поступок еще подлее. Но отобрать у него монетки — подлость неслыханная!

Но он плохо знал Лифа. Через пять минут тот вернулся, протянул мешочек и сказал:

— На, ешь! И сиди тихонько за пленницей, не двигайся с места до поры.

И он исчез. Расмус долго смотрел ему вслед. Станные, однако, эти жулики. То они гонятся за тобой, как дикие звери, то несут тебе булочки!

Он открыл мешочек и заглянул в него. Тут он еще сильнее удивился. Там было пять булочек с корицей, каждая по две эре. Всего на десять эре. А кроме этого, было сахарное печенье и пряники. Это Лиф купил уже на свои деньги. На мгновение Расмус готов был даже похвалить Лифа. По крайней мере, не придется умирать с голоду в этой тюрьме.

Да, ведь он сидел почти что в тюрьме, в тесном промежутке между пленницей и забором, похожим на узкий и длинный тюремный коридор. Правда, с двух сторон здесь есть выход, заключенные из него могли бы и убежать. Тюрьма должна быть хорошенько заперта.

Он взял несколько поленьев, заложил ими оба прохода и стал воображать, будто он и вправду узник Эльвборгской крепости, как тот человек в песне Оскара:

...в железной клетке я сижу теперь.

Ах, я несчастный узник, бедный зверь!..

Но, видно, не так уж страшно сидеть в тюрьме, ему даже нравилось здесь.

В заборе была небольшая дырка. Он поглядел в нее, не подплывут ли сюда украшенные цветами гондолы.

Но увидел лишь булыжники пустынной улицы. Тогда он стал исследовать поленницу и тут услышал звуки, от которых его прямо-таки бросило в жар. Внутри поленницы раздавался слабый писк. Он пригляделся и увидел в пустоте между поленьями птичье гнездо.

— Ой-ой-ой! — прошептал Расмус. — Ой-ой-ой!

В гнезде было три птенца, они были живые и пищали. Крошечные, живые, ну просто чудо! Он долго стоял не шевелясь и чувствовал себя самой счастливой птицей из всех птиц в этой крепости. Он сел на землю рядом с гнездом и открыл пакет с булочками. Жаль, что не было воды запить их, у него пересохло в горле.

Видно, тут были люди, которые жалели бедных птичек, запертых в крепость. На столбе ворот маслбойни стоял кувшин с молоком. Видно, какая-то забывчивая работница купила молоко и оставила его.

Расмус помедлил немного, пытаясь решить, как сильно человека должна мучить жажда, чтобы он мог выпить чужое молоко. Ведь все равно на этой жаре оно скоро прокиснет. Вряд ли хозяйка молока рассердится, если он отопьет немножко, прежде чем оно превратится в простоквашу.

До чего же вкусно было запивать булочки с корицей, сахарное печенье и пряники молоком! Он наливал молоко в крышку кувшина, макал в него булочки, потом понемножку отпивал из крышки, стараясь пить как можно меньше, лишь бы не есть всухомятку. Правда, его немного мучила совесть, но все же он пытался оправдаться. Мол, раз двое опасных негодяев заперли его здесь, должен же кто-нибудь позаботиться о том, чтобы он не умер от жажды.

Он накормил и птенцов намоченными крошками булочек. Они склевывали крошки с его ладони маленькими клювами, и это было так приятно. Эти хорошенькие

птички были единственными друзьями несчастного узника, томящегося за решеткой темницы. Весь мир давным-давно забыл про беднягу, лишь одни пичужки подбодряли его своим щебетанием, сохраняя ему верность. Они останутся с ним до смертного часа.

Думая об этом, он всплакнул. Потом он снова превратился в Расмуса и заплакал еще сильнее, потому что ему так не хватало Оскара.

Потом, стоя возле тюрьмы, он услышал знакомый голос Оскара из-за окна с решеткой и, отчаянно всхлипывая, зашептал в темноте:

— Оскар, ты должен позволить им выпустить тебя отсюда. Не могу же я оставаться совсем один.

— Ой-ой-ой! — огорченно воскликнул Оскар. — Пойми же, не могу я связываться с ворами!

Расмус продолжал долго всхлипывать.

— Но ведь мы можем после уйти отсюда и бродяжничать... Ведь у меня нет никого, кроме тебя!

— Ясное дело, нет. А вот окаянный ленсман сидит себе в гостях. Но я доберусь до него, если даже мне для этого придется опрокинуть эту тюрьгу!

Он заревел как зверь:

— Идите сюда, все Бергквисты, каждая баранья башка, которая только меня слышит! Идите сюда, а не то переверну вверх дном эту кутузку! Хочу говорить с ленсманом!

Расмус даже подпрыгнул от страха. Он огляделся в поисках, куда бы спрятаться. Здание тюрьмы от сада ленсмана отделяла сухая канава, через которую был перекинут мостик, чтобы ленсману было ближе ходить из своего желтого дома в контору. Расмус залез под мостик и слушал, как Оскар беснуется в своей камере.

— Позовите сюда ленсмана, вам говорят! Слышите вы меня, глухие тетери? Я хочу сделать признание, немедленно!

В желтом доме ленсмана было темно. И в конторе его тоже не было света. Видно, Бергквист и Андерссон тоже ушли на вечеринку. Во всяком случае, на крики Оскара никто не пришел. И под конец он заорал:

— Тогда пеняйте на себя, если я сбегу нынче ночью!

Услышав эти слова, Расмус вздрогнул. Оскар все-таки собирался бежать. Вот это здорово! Расмусу было наплевать, что будет с деньгами, с ожерельем и со всем на свете, лишь бы Оскар снова зашагал вместе с ним по дороге.

Два часа спустя они уже снова шагали по дороге. Но за ними как две темные тени шли Лиф и Лиандер. У Лифа в руке был револьвер.

Лиф был прав, говоря, что Лиандер большой мастер открывать замки. Ему понадобилось всего лишь пятнадцать минут, чтобы выпустить Оскара. А Лиф в это время стоял на стреме. Расмус тоже стоял на карауле, а Лиф железной рукой держал его за шиворот. Ни полицейские, ни ленсман так и не появились.

— Да, пусть они теперь пеняют на себя, — повторил Оскар.

На спящий городок уже опустилась ночь, все спали, будто на свете вовсе не было никаких воров. Лишь на постоялом дворе царило веселье. Когда они тихонько ступали по пустынной улице, направляясь в сторону таможни, до них долетали звуки гармошки.

Вот они снова приближались к домику Крошки Сары.

— Где ты спрятал деньги? — шепотом спросил Расмус.

— Скоро увидишь, — с горечью ответил Оскар.

Они наконец пришли. Вот в сумерках летней ночи показался домишко Крошки Сары, окруженный кустами смородины и старыми яблонями. Крошка Сара сладко спала и знать не знала, что какая-то странная процессия, распахнув калитку ее сада, прокралась мимо домика и поленницы дров и углубилась в густой лесок.

В этом лесу, неподалеку от опушки, возвышался огромный каменистый курган. Откуда он взялся, никто не знал. Если он и был остатком древности, то был на него мало похож — просто большая груда камней!

Подойдя к кургану, Оскар остановился, потом обернулся и со злобой посмотрел на Лифа и Лиандера.

— Вот оно что, так вы здесь, ученички воскресной школы, а я-то боялся, что потерял вас по дороге.

— Об этом не печалься, — ответил Лиф, — нас ты так просто не потеряешь.

Он держал заряженный пистолет наготове. Увидев это, Оскар сделал гримасу.

— Уж стрелять-то ты, верно, не станешь, не люблю шума.

— Не стану, просто дождусь, когда ты отдашь нам деньги и уберешься подальше, — спокойно сказал Лиф.

— Ах-ах-ах! И где же это я их спрятал?

Оскар надвинул кепку на глаза и почесал затылок.

— Где-то здесь, — продолжал он и широким жестом показал на всю груду камней.

— Мы не собираемся играть в искателей кладов, не надейся, — огрызнулся Лиф.

Лиандер дрожал от волнения.

— Давай-ка пошевеливайся! Дело спешное, не ясно тебе, что ли, бычище туполобый?

Небо над верхушками деревьев начало бледнеть, и в тусклой, предрассветной рани лицо Лифа казалось усталым и изможденным. Он яростно пыхтел сигаретой и дергался.

— Ну, долго нам еще ждать?

Оскар вздохнул и сказал, обращаясь к Расмусу:

— Пусть ленсман пеняет на себя. Ты можешь подтвердить, я сделал все, что мог.

— Да! — ответил Расмус.

Ему было очень жаль Оскара. Какая досада, что деньги заберут грабители. Одно утешение, что ожерелье останется у Оскара и что теперь, когда все эти страхи улетучатся, они снова будут бродяжничать. И если даже фру Хедберг уже не поправится, ее дочка в Америке хотя бы получит красивое ожерелье своей матери.

Оскар поднялся на курган. Лиф и Лиандер следовали за ним по пятам. Расмусу казалось, что они смотрят на Оскара жадно, как шакалы. Расмус замерз до того, что его бил озноб, но он не спускал с Оскара глаз.

— Да, это здесь, — сказал Оскар и начал разбирать камни. Он кидал булыжники, и они скатывались вниз. Гулкий, противный стук камня о камень нарушал тишину леса.

Лиф и Лиандер стояли за спиной Оскара. Они, вытаращив глаза, следили за каждым его движением и судорожно глотали от напряжения. И вот на свет Божий снова показался пакет, завернутый в клеенку. Лиф и Лиандер дружно кинулись на него.

— Подавитесь своим награбленным добром! — воскликнул Оскар и плюнул, скорчив презрительную гримасу.

— А ну-ка сосчитай деньги! — крикнул Лиандер. — Он мог припрятать кое-что для себя!

— Вошь ползучая, вот ты кто! — сказал Оскар и снова плюнул.

Лиф отдал револьвер Лиандеру и принялся считать. Он уселся на камни и стал считать сотенные и тысячные бумажки. У Расмуса потемнело в глазах. Ожерелье тоже лежало в пакете, и Лиф засунул его в карман.

— Послушай-ка, — сказал ему Оскар. — Ожерелье тебе ни к чему, дай-ка мне его.

— Да, мы хотели отдать его тебе, — ответил Лиф, — да только я передумал. Не получишь ты никакого ожерелья!

— Ты что, спятил? — завопил Лиандер. — Не понимаешь, что ли! Ведь это единственный способ заставить его молчать. Тогда он уж точно будет нашим соучастником. Отдай ему ожерелье, сказал тебе!

— Соучастником?.. Да катитесь вы подальше! — крикнул Оскар. — Не собираюсь я связываться с бандитами и ворами. Просто отдам ожерелье фру Хедберг, ясно вам, ворюги?

Лиф и Лиандер переглянулись. Наступило зловещее молчание.

— Слышал, что он говорит? — спросил Лиф. — Этим ему пасть не заткнешь.

— Да уж не надейтесь. С вами заодно я не буду ни за что на свете! Пока жив.

— Пока жив, не будешь! — подхватил Лиандер и бросил на Оскара взгляд, который заставил Расмуса задрожать еще сильнее. — Ясное дело, пока жив! Однако есть другой способ заставить тебя замолчать. Понятно?

Он поднял револьвер.

— Не стреляй! — крикнул Лиф. — Ты точно спятил!

— Дурак буду, если не выстрелю! Тут у нас двое лишних свидетелей, и я собираюсь оставить их на могильном кургане.

Он снова поднял револьвер. И тут Расмус дико закричал:

— Не стреляй!

И бросился, не помня себя, к Оскару. Он обхватил руками его ноги и отчаянно кричал:

— Не стреляй! Не стреляй!

И тут раздался выстрел. Он все-таки прогремел. Но пуля вылетела не из револьвера, который был нацелен на Оскара. Она вылетела из другого оружия и со страшной силой выбила из рук Лиандера револьвер, который перелетел через весь курган.

— Оскар, ты убит? — взвизгнул в страхе Расмус.

— Да нет, не убит я! — ответил Оскар.

Он уставился в чащу леса. Это оттуда раздался выстрел. Кто-то прятался за густыми елями.

Лиф и Лиандер, оба побледневшие, тоже смотрели в ту сторону. А увидев, что оттуда выходят полицейские, побледнели еще сильнее. Полицейские вышли из леса с оружием в руках. Они бросились к бандитам, прыгая по камням.

— Я протестую! — заорал Лиф, когда на его руках защелкнулись наручники. — Я протестую!.. Этот бродяга... Это на него надо надеть наручники! Взгляните, пожалуйста, на этот пакет, завернутый в клеенку! Это он его здесь закопал!

— Поберегите свое красноречие! — сказал ленсман.

Он внезапно тоже появился на кургане и пронзительно глядел на Лифа и Лиандера.

Оскар в отчаянии схватил его за руку:

— Ленсман! Клянусь, я невинен, как невеста!

Ленсман кивнул:

— Да, Оскар, я целых полчаса стоял за елкой и знаю, что ты невинен, как невеста.

Глава тринадцатая

— И как же все это случилось? — спросил Оскар.

Он сидел на стуле для посетителей в конторе ленсмана, в его личном кабинете. Ленсман пригласил его туда и угостил дорогой сигарой, которую достал из ящика на столе.

— Как это вы, господин ленсман, ухитрились появиться в самый нужный момент? — спросил Оскар, попыхивая сигарой.

За спиной Оскара стоял Расмус. Он вдыхал с удовольствием прекрасный аромат, но съеживался, стара-

ясь быть как можно меньше и незаметнее. Ему хотелось, чтобы ленсман забыл о его присутствии.

Правда, ленсман был к ним добр. Ведь он явился вовремя и спас им жизнь. Остаток ночи они спали у него в желтом доме, а утром его служанка накормила их в кухне завтраком. А сейчас он сидел за столом и записывал все, что Оскар рассказывал ему про Лифа и Лиандера. К тому же он угостил Оскара сигарой. Хотя он и добрый, а все же в его власти отсылать мальчиков в приют, не спросив, хотят они того или нет. Поэтому Расмус старался стать незаметным и не попадаться ему на глаза.

— Я получил твое письмо, Оскар, — объяснил ленсман. — Вчера поздно вечером. Я сидел на постоялом дворе. Как раз, когда подали кофе с пуншем, мне сказали, что кто-то желает поговорить со мной. Я велел сказать, что занят и не могу прийти. Лучше бы я этого не говорил. Потому что вдруг притащилась эта ядовитая старуха Фиа Карл Исак.

— Фиа Карл Исак, — повторил Оскар. — Я никак не думал, что это Фиа Карл Исак...

— Да, да, именно Фиа Карл Исак, маленькая, можно сказать, ядовитая старушка. Я сидел за столом, а она вошла и подала мне письмо. «Не дело сидеть за столом без толку за большую зарплату и не делать ровно ничего!» — сказала она и объяснила, что нашла это письмо. На полу у себя в сенях.

— Ах эта Крошка Сара, — пробормотал Оскар.

— Она поняла, что речь идет о чем-то важном, ведь она прочитала письмо. И велела мне лишь принять меры.

— Фие надо дать медаль, — сказал Оскар.

— Да, и тебе, Оскар, надо дать медаль, — продолжал ленсман. — Я был глуп и несправедлив, поверив служанке фру Хедберг, что им угрожал револьвером бродяга. Но, как только я получил письмо, понял, что

Оскар невиновен. Я не такой дурак, чтобы не признавать своих ошибок.

Довольный Оскар кивнул:

— Да, да. «Теперь я тоже могу видеть», — сказала баба, отрезав себе веко. Хорошо, что под конец все выяснилось.

Он выдувал целые клубы дыма, а Расмус вдыхал его. Сигары пахли чем-то вкусным, господским. Он не сводил глаз с ленсмана и не переставал думать о приюте, хотя слушать ленсмана было так интересно.

Ленсман поблагодарил Оскара за то, что тот предупредил его, рассказал ему все про Анну Стину.

— Прочитав письмо, я помчался к фру Хедберг и, оказалось, пришел вовремя. Ведь как раз вечером накануне она пришла в себя. И хотя я не думал, что Анна Стина способна на самое худое, но все же надежнее было арестовать ее.

— Как вы считаете, господин ленсман, поправится фру Хедберг? — с беспокойством спросил Оскар.

— Надеюсь, что поправится. Я только что был у нее и отдал ожерелье. Могу сказать, что она обрадовалась.

— Значит, в следующий раз она опять даст мне пятьдесят эре, — сказал Оскар. — А что, Анну Стину арестовали?

— Конечно. Как раз, когда мы привели ее в тюрьму, Оскар убегал оттуда. Мы втроем пошли за ним следом, Бергквист, Андерссон и я.

— Этот Бергквист — баранья башка, — сказал Оскар.

— Может, ты и прав, но он лучше всех в полиции стреляет из револьвера. Может, ты, Оскар, заметил это прошлой ночью?

— Да, ни одна баранья башка не являлась на подмогу как раз вовремя.

Он поднялся со стула:

— Стало быть, я теперь свободный и могу уйти, когда захочу?

— Ясное дело. И вместе с этим толковым парнишкой из Вестерхаги...

Ленсман посмотрел на Расмуса.

Расмус не стал ждать, что ленсман скажет дальше. Несколько секунд, и он оказался у двери, выскочил из дома и помчался во всю прыть. Но, услышав позади крик: «Подожди меня, Расмус!» — он оглянулся и увидел бегущего к нему Оскара с подпрыгивающим рюкзаком на спине.

— Не позволяй ему забрать меня! — крикнул, задыхаясь, Расмус, когда Оскар догнал его. — Я хочу остаться с тобой!

— Ой-ой-ой! — озабоченно воскликнул Оскар. — Тогда скоро меня арестуют за похищение ребенка. Дети не должны бродяжничать.

— Ну хотя бы до тех пор, пока кто-нибудь не захочет взять меня. Я скоро найду кого-нибудь.

В глубине души он сам в это не верил. Говоря эти слова, он чувствовал, что обманывает Оскара. Нет, он не верил, что найдется человек, который возьмет его к себе.

Но на этот раз он ошибся.

Они шли весь долгий день, и Расмус начал уставать.

— А где мы будем ночевать, как ты думаешь?

Оскар бодро топал по пыльной дороге. Он мог сколько угодно идти без усталости.

— Да уж закуток, где можно поспать, всегда найдем, — успокоил он Расмуса.

— Где я только не спал с тех пор, как сбежал из приюта. Две ночи я спал на сеновалах, одну ночь в пустом доме на полу, одну у Крошки Сары и одну у ленсмана. Интересно, где сегодня придется ночевать, любопытно, если не знаешь заранее.

— Ой-ой-ой, до чего же любопытно! — засмеялся Оскар.

Расмус мечтательно поглядел на алое вечернее небо.

— Интересно, где мне придется спать все остальные ночи в жизни?

— Ой-ой-ой, как интересно!

Некоторое время они шли молча. Дорога была узкая и ухабистая, там и сям ее преграждала изгородь с воротами.

— Я сегодня открыл шестнадцать ворот, — заявил Расмус. — Нарочно посчитал их. А вон впереди еще одни ворота, правда, они открыты.

— Да, на этой дороге всегда было много ворот, — сказал Оскар.

— Откуда ты знаешь? Ты что, ходил по ней раньше?

— Ходил, много раз.

Они прошли в ворота. На столбе была прибита досочка с надписью:

*ТОТ, КТО ЗАКРЫЛ ВОРОТА, МОЛОДЧИНА,
А ТЫ ОПЯТЬ НЕ ЗАПЕР ИХ, СКОТИНА!*

— Видно, последним здесь шел скотина, — заметил Оскар. — Давай посидим, полюбуемся природой.

И в самом деле, по другую сторону изгороди раскинулся красивый луг с мягкой зеленой травой и пестрыми цветами.

Расмус притворил ворота, по крайней мере он-то уж не хотел быть скотиной. Оскар сидел на траве среди колокольчиков и ромашек, и Расмус улегся рядом с ним. До чего же приятно было дать отдых усталым ногам!

— Был бы я коровой, я бы стал пастись на этом лугу и ни за что не ушел бы отсюда, — сказал Оскар.

Он задумчиво почесал голову:

— Собственно говоря, странно, что мне не сидится на одном месте, а все тянет бродяжничать. Ведь куда

ни придешь, везде одно и то же. Трава, цветы, лес, солнце и луна, дома, которые построили для себя люди. Сам не пойму, почему мне не сидится на одном месте.

— Да, хотя все время идти и идти тоже интересно.

— Но ведь зимой на ногах ногти трескаются, — продолжал Оскар. — Уж лучше жить в доме.

Вот послышался топот копыт и стук колес. Расмус побежал во всю прыть к воротам. Кто знает, может, удастся заработать монетку?

Вот показалась повозка, маленький возок с передним и задним сиденьями. На переднем сиденье сидел один человек.

— Это Нильссон из Стенсэтры, — сказал Оскар. — Хороший крестьянин.

Расмус широко распахнул ворота и низко поклонился проезжавшему крестьянину из Стенсэтры.

— А ты вежливый паренек, — сказал крестьянин и придержал лошадь.

Тут он заметил Оскара, сидевшего на траве у дороги.

— Никак это ты, Оскар? Так ты снова в наших краях? Пора, пора!

Оскар кивнул:

— Да, да, вот я и снова здесь. Может, подвезешь нас?

— Садитесь, подвезу!

Оскар и Расмус быстро уселись на заднее сиденье, и повозка покатила.

— Ты заслужил монетку за то, что открыл мне ворота, — сказал крестьянин и протянул Расмусу пятиэровик.

Расмус покраснел от восторга. В последнюю неделю пятиэровые монетки просто градом сыпались на него, чудеса да и только!

Он украдкой посмотрел на крестьянина. Он показался ему добрым. Вовсе не старый, загорелый, а глаза синие-синие.

— А где ты, Оскар, нашел этого паренька? — спросил крестьянин и показал через плечо большим пальцем на Расмуса.

— Подобрал на дороге, — ответил Оскар. — Он хочет побродить со мной малость.

— А отца с матерью у него нет, которые о нем позаботились бы?

— Нет у него, у бедолаги, никого!

Расмус сидел молча и нарочито пристально смотрел на заходящее солнце. Он чувствовал себя неловко, оттого что они вслух говорили о нем.

— Если хочешь знать, могу сказать, что он сбежал из приюта. А теперь ищет людей, которые захотели бы взять его к себе.

Хозяин Стенсэтры кивнул:

— Вот оно что. Я так было и подумал, не тот ли это мальчишка из Вестерхаги, про которого было написано во вчерашней газете?

Он повернулся и посмотрел Расмусу в лицо, но взгляд этот был добрый.

— А почему ты сбежал из приюта? — спросил он.

Расмус продолжал смотреть на закат и не ответил. Но когда крестьянин повторил вопрос, он тихо сказал:

— Я не хотел там жить.

Быть может, крестьянина удовлетворило это объяснение, потому что больше он не стал расспрашивать мальчика.

Ухабистая дорога и дальше петляла, им на пути встречались еще несколько ворот, и Расмус с охотой открывал их. Под конец они подкатили к такому крутому пригорку, что Оскар и Расмус не осмелились дальше сидеть в повозке, они спрыгнули и пошли рядом.

— Скоро дойдем до Стенсэтры, — сказал Оскар.

Поднявшись на пригорок, они увидели крестьянскую усадьбу. Красивые красные домики стояли на высоком

холме. Освещенные вечерним солнцем, они казались такими приветливыми и гостеприимными.

— Может, спросить, нельзя ли нам здесь заночевать? — шепнул Расмус Оскару.

Но когда они свернули на дорогу, ведущую к усадьбе, крестьянин сам спросил:

— Не хотите ли зайти перекусить?

— Что скажешь, Расмус, а? — насмешливо спросил Оскар.

— Спасибо, хотим! — выпалил мальчик.

Оскар учил его не отказываться от угощения. Мол, кто знает, когда придется есть в следующий раз.

— Мне думается, будет не только угощение, но и наставление, — сказал Оскар крестьянину.

Ответа не последовало.

Немного погодя они уже сидели за большим откидным столом в кухне Стенсэтры и ели пальм со свиной. Хозяин ел вместе с ними, а хозяйка налила Расмусу молока и дала ему ломоть хлеба, щедро намазанный маслом. При этом она засмеялась и сказала:

— Много бродяг сиживали у меня в кухне, но такой маленький в первый раз.

Расмусу она понравилась. У нее были светлые пышные волосы и доброе серьезное лицо. Одним словом — красивая.

Расмус ел и слушал, как Оскар рассказывал про Лифа и Лиандера, про ожерелье фру Хедберг.

— Об этом напишут в газетах не сегодня завтра, — с гордостью добавил Оскар. — Тогда прочитаете про меня и про Расмуса, героя из героев.

Фру Нильссон сидела и смотрела на Расмуса. Под конец она не выдержала и отвернулась.

— Бедняжка, — сказала она. — Так тебе плохо жилось в Вестерхаге?

Расмус уставился на тарелку и не ответил.

— Ну а что это за Вестерхага? — продолжала фру Нильссон. — Мы много раз собирались поехать туда и взять ребенка на воспитание, да так и не собрались. Хотели поехать прошедшей зимой, но тут у меня рука разболелась.

— Да, все было как-то недосуг, — согласился хозяин.

Расмус поднял голову и поглядел на фру Нильссон.

— Вы, поди, хотели взять девчонку, — робко сказал он.

Хозяйка улыбнулась:

— Нет, мальчика. Ведь детей у нас нет, а усадьба большая, некому ее унаследовать.

— Да, мы собирались взять парнишку, — подтвердил хозяин.

— Кудрявого?

Фру Нильссон посмотрела на него с удивлением и засмеялась:

— Откуда ты знаешь? Я даже представляла себе мальчика с кудрявыми волосами.

Расмус кивнул.

— Понимаю, — пробормотал он со вздохом и стал усердно жевать кусок свинины.

— Хотя и не кудрявые сойдут, — пошутил крестьянин и слегка дернул Расмуса за волосы.

— Да при чем тут волосы, хотел бы я знать! — воскликнул Оскар. — Будь я на вашем месте, непременно взял бы Расмуса, геройского парнишку. Само собой, если он захочет.

Фру Нильссон улыбнулась Расмусу:

— А ты хочешь?

У Расмуса екнуло в груди. Неужели они в самом деле хотят взять его? Неужто нашлись все же такие люди, кто захотел его взять?

«А ты хочешь?» — спросила эта красивая женщина будто бы мимоходом. Еще бы не хотеть! Они оба

красивые и добрые, и Нильссон, и его жена. К тому же они богатые. У них в кухне так красиво: медные кастрюли на полках, пестрые домотканые половики на полу. Дом большой, комнат много. И две работницы. И большая красная пристройка. Уж они точно богатые.

Богатые, добрые, красивые... и хотят взять его!

— Ты можешь побыть у нас несколько дней. Погляди, хорошо ли мы уживемся, — предложил Нильссон. — Такие дела в одночасье не решаются.

— Хотя я-то хочу, — робко сказал Расмус.

— Да уж лучше парнишки вам не найти, — вмешался Оскар.

Фру Нильссон внимательно посмотрела на мальчика.

— Да, мне думается, я смогу полюбить тебя, — сказала она.

Потом она принесла им кофе на веранду, и Расмус с Оскаром остались одни. И только тут Расмусу пришло в голову, что теперь ему придется расстаться с Оскаром. Сердце у мальчика словно оборвалось.

— Оскар, — спросил он, — как ты думаешь, остаться мне здесь?

— Ясное дело, оставайся. Лучше места тебе ни в жизнь не найти.

Расмус стоял молча. В глубине души он надеялся, что Оскар скажет что-нибудь другое... Что ему будет плохо без него... Что им вдвоем было хорошо... Но этого Оскар не сказал. Ну понятно, он был Оскару лишь в тягость, одному ему легче бродяжничать...

— Без меня ты можешь идти быстрее, — сказал Расмус, и голос у него немного дрожал. — Ты сможешь за один день пройти много-много миль.

— Понятно, смогу, — согласился Оскар. — Да только все мили одинаковы, какая разница, сколько я их пройду!

Расмус вздохнул:

— Надеюсь, ты теперь без меня не повстречаешь других воров.

— Да нет, не на каждом же шагу они попадаются. К тому же я постараюсь держаться от них подальше.

Расмус еще помолчал, а потом сказал:

— Так ты теперь остаешься один, когда я пойду спать.

Оскар взял руки мальчика в свои:

— Останусь один... Нелегко будет старому Оскару в одиночку. Зато я стану радоваться, что ты лежишь в чистой горнице в Стенсэтре и нынче ночью, и будешь спать там все ночи в своей жизни. Что тебе не придется мыкаться, топая по дорогам.

Расмус с силой глотнул:

— А вдруг мы с тобой больше не увидимся, Оскар?

— Как не увидаться, обязательно увидимся, — ответил Оскар, не выпуская рук Расмуса. — В один прекрасный вечер ты сидишь и ужинаешь с отцом и матерью, и вдруг... Стук в дверь, в дом входит Божья Кукушка и говорит: «Нельзя ли мне заночевать у вас на сеновале?» А ты сидишь, толстый и веселый, и говоришь: «Ясное дело, Оскар, ночуй у нас». Вот будет здорово-то!

Но Расмусу не показалось, что это здорово. Глаза у него начали подозрительно блестеть. А Оскар продолжал:

— Между прочим, ты увидишь, я стану чаще приходить, чем ты думаешь. Обещаю тебе, что мы будем видаться.

— А ты это точно обещаешь?

— Точно, как аминь в церкви. И подумай только, как хорошо тебе будет в этой усадьбе. Ведь здесь есть и лошади, и коровы, и телята, и поросята.

— А ты не знаешь, кошка здесь есть?

Фру Нильссон вошла в эту минуту, чтобы унести поднос с чашками. Услышав слова Расмуса, она ответила:

— Нет, кошки у нас нет, я их не терплю. А вот наша собака принесла вчера пять щенков. Завтра утром пойдем поглядим на них.

Когда тебе девять лет, пятеро щенков заставят тебя забыть все печали на свете. Расмус подскочил от восторга. Вот это да! Скорей бы наступило завтра!

— Я вижу, тебя уже клонит ко сну. Скоро я приду и покажу тебе, где ты будешь спать.

И она ушла, прихватив поднос с чашками.

— Пожалуй, пора нам попрощаться. Я пойду на сеновал, а завтра рано утром отправлюсь дальше.

— А ты скоро придешь провести меня? — со страхом спросил Расмус.

Какой-то голос внутри подсказывал ему, что он никогда больше не увидит Оскара и что этого ему не вынести. Но ему сейчас не хотелось об этом думать. Его так сильно клонило ко сну... И потом эти щенки, которых он завтра увидит...

Он взял Оскара за руку:

— Спасибо, что ты взял меня с собой бродяжничать. И спасибо за то, что ты такой добрый.

— И тебе спасибо. По мне, ты славный парнишка с прямыми волосами.

И Оскар ушел. Расмус стоял на веранде и смотрел ему вслед. В глазах у него щипало. Вот Оскар идет через канаву и направляется к сеновалу. Расмус смотрит, как он открывает большую дверь. Потом Оскар исчезает, и Расмус его больше не видит.

Глава четырнадцатая

Наутро он проснулся рано. Он почувствовал, что было еще рано, в щель темной шторы струился свет раннего утреннего солнца. И звуки в доме были тоже

утренние, ранние. В кухне кто-то бренчал печной заслонкой, кто-то молот кофе.

Еще не окончательно проснувшись, он оглядел комнату. Это и в самом деле была нарядная маленькая спальня, а на такой мягкой кровати он еще в жизни не спал.

В кухне слышались шаги, это, верно, ходили его новые отец и мать. Он попытался представить себе их и вспомнил добрые лица хозяина Стенсэтры и его жены. Сколько раз он мечтал в Вестерхаге о таких родителях! С ним случилось чудо... Теперь у него есть свой дом, отец и мать.

Почему же он не радуется? Почему ему так грустно? Постепенно Расмус окончательно проснулся, и тут он почувствовал себя таким несчастным, каким еще никогда не был после того, как сбежал из Вестерхаги. Сердце у него как-то странно сжималось, и от этого становилось до того тоскливо, хоть ложись и помирай. Он попытался думать о щенках, которых ему покажут, но и это не помогало, тоска не покидала его.

Оскар! Ну конечно, это по нему он тоскует до боли в сердце. А от этой боли есть только одно лекарство. Он должен увидеть Оскара, поговорить с ним, упротить его снова взять с собой бродить по дорогам.

Но теперь, поди, уже поздно. Оскар, наверное, уже ушел. Расмус тут же представил себе, как Оскар шагает где-то далеко по дороге, один, при свете утреннего солнца. Нет, этого он пережить не сможет, но ведь теперь уже поздно!

Он соскочил с кровати с приглушенным криком и стал одеваться. Он так торопился, что пальцы не слушались его, руки дрожали, когда он застегивал рубашку, и ноги никак не попадали в штанины.

Едва он успел одеться, как открылась дверь и вошла фру Нильссон. И зачем она только пришла, ведь сейчас у него не было времени на длинные объяснения!

— Я только пойду и скажу кое-что Оскару, — проормотал он и промчался мимо нее.

— Так ведь Оскар, по-моему, уже ушел! — крикнула она ему вслед. — Я видела, как он выходил из сеновала с полчаса назад.

Не видя ничего от слез, Расмус сбежал вниз по лестнице и выскочил во двор. Он уже понял, что Оскар ушел, но хотел убедиться в этом сам. Должен был окончательно понять, что надеяться не на что. Как сумасшедший, он побежал через двор к хлеву, потом через мостик туда, где вчера вечером шел Оскар. Расмус с трудом открыл большую дверь и вошел на сеновал. После яркого солнечного света ему показалось, что в сарае совсем темно. Ничего не видя, он закричал:

— Оскар! Оскар!

Ответа не было, и мальчик начал громко всхлипывать. Глаза его уже привыкли к полумраку, и он таращил глаза на пустой сеновал. В Стенсэтре еще не начали свозить сено на сеновал, и сарай был пуст. Оскара здесь не было.

Расмус захныкал, ему было так больно, что удержаться он не мог. Он разразился жалобным отчаянным плачем, уперся лбом в стену и плакал, даже не пытаясь успокоиться.

И тут, когда ему больше всего хотелось, чтобы его оставили в покое, дверь сарая распахнулась и на пороге показалась фру Нильссон. Расмус не хотел, чтобы она услышала, как он плачет. Он изо всех сил попытался подавить слезы. Но все было напрасно, его тело тряслось от рыданий. От стыда он закрыл лицо руками и прислонился к стене, слезы просачивались между пальцами и текли по рукам.

— Это что еще за печальные звуки, да еще поутру! — услышал он голос за своей спиной. Это был голос не фру Нильссон... а Оскара! Там стоял Оскар.

Расмус, не помня себя, бросился к нему и уцепился за его руку:

— Оскар, я хочу быть с тобой! Ты должен позволить мне остаться с тобой!

— Ну, ну, ну, успокойся, — ответил Оскар. — Давай сядем на солнышке и потолкуем.

И он вывел Расмуса из сарая, они уселись на мостках, прислонясь спиной к двери сарая. Оскар обнял Расмуса за плечи.

— Погляди-ка, Расмус, — сказал он, обводя рукой усадьбу. — Погляди, в какой богатой усадьбе ты будешь жить. Чуть погодя они повезут молоко, и ты поедешь с ними, и, когда вернетесь домой, пойдешь поглядеть на щенят и будешь толковать со своими отцом и матерью.

— Я хочу быть с тобой, Оскар! — всхлипывал Расмус.

— Подумай только! Теперь у тебя есть свои собственные отец с матерью! Ведь ты их так долго искал.

— А я хочу бродяжничать вместе с тобой. Не мог бы ты быть мне отцом?

— Какой из бродяги отец? — рассердился Оскар. — Неужто ты хочешь, чтобы твоим отцом был бродяга?

— Да, такой бродяга, как ты, — пробормотал Расмус.

— Но ведь ты все время говорил мне, что хочешь жить у красивых и богатых людей.

Расмус повернулся и хмуро посмотрел на Оскара:

— По-моему, ты тоже красивый.

Оскар расхохотался:

— Да, я красивый, как невеста. И богатый, ничего не скажешь. Ленсман дал мне десять крон, значит, я богатый.

— А бродягам много денег и ни к чему, — буркнул Расмус. — Наплевать, что зимой ногти на ногах трескаются, я все равно хочу бродяжничать с тобой! Оскар, миленький...

Продолжать он не смог, потому что снова заревел.

Оскар помолчал немного, потом похлопал Расмуса по плечу и задумчиво сказал:

— Ну, пусть будет по-твоему. «Что ни делается, всё к лучшему», — сказала старуха, когда старик повесился. Пусть будет по-твоему.

Расмус вздохнул, это был глубокий, счастливый вздох. И чуть погодя его заплаканное лицо осветилось улыбкой. Он дернул Оскара за рукав пиджака:

— Пошли отсюда скорее.

— Сперва ты должен сказать фру Нильссон, что передумал.

— Должен я? А не можешь ты... — испуганно спросил Расмус.

— Нет, парень, это ты должен сделать сам.

Не легко сказать людям, что ты не желаешь, чтобы они стали твоими родителями. А для того, кто застенчив, это еще труднее. Но Расмус готов был выдержать что угодно, лишь бы уйти с Оскаром. Он подошел к бочке с водой, стоявшей возле хлева, и смыл с лица следы слез. Потом, чтобы подбодрить себя самого, помахал Оскару и решительно пошел в кухню.

Хозяин и хозяйка Стенсэтры сидели за столом и завтракали. Расмус остановился на пороге, как делают бродяги. Его прямо-таки бил озноб, ведь сейчас ему придется сказать всю правду. А вдруг они сильно рассердятся?

— Я лучше хочу быть с Оскаром, — пробормотал он.

В кухне воцарилось молчание, потом фру Нильссон сказала:

— Садись поешь сначала. Потом расскажешь, почему ты хочешь лучше быть с Оскаром.

Расмус поежился.

— Потому что я больше привык к нему, — тихо добавил Расмус.

Фру Нильссон потянула его к столу, но он стал упираться. Упираясь ногами в пол, он пятился назад, как упрямый козленок, он боялся, что они помешают ему уйти с Оскаром.

— Надо же тебе сначала поесть, если даже ты пойдешь бродяжничать, — со смехом сказал хозяин Стенсэтры.

— Да, поторапливайся, Оскар ждет тебя, — добавила фру Нильссон.

Похоже было, что они не собираются удерживать его силой. Он перестал упираться и позволил подвести себя к столу и осторожно сел подальше от хозяев на край стула. Он смущенно поглядывал на людей, которые чуть было не стали ему отцом и матерью.

— Стало быть, никто нам не поможет ухаживать за щенятами, — сказала фру Нильссон.

Расмус опустил глаза.

— Я хочу лучше уйти с Оскаром, — проямлил он.

Фру Нильссон похлопала его по щеке.

— Не горюй о нас, — сказала она. — Просто теперь нам придется поехать в Вестерхагу, поглядеть, не найдем ли мы там другого малыша, кто любит собак.

Расмус вдруг так оживился, что забыл про свою застенчивость.

— Я знаю, кого вам взять! — закричал он. — Возьмите Гуннара! Волосы у него прямые, но в остальном он очень хороший, лучше всех. Я знаю там всех детей, Гуннар из них самый хороший.

— И он не хочет бродяжничать? — насмешливо спросил хозяин Стенсэтры.

— Нет, он больше всего хочет работать в какой-нибудь усадьбе, он очень любит животных. Гуннар не ругается, как Петер Верзила и Эмиль, как почти все остальные. Он лучше их всех.

— Тогда придется поехать и поглядеть на этого Гуннара, раз он такой хороший, — сказала фру Нильссон и положила Расмусу целую тарелку каши.

Чуть позднее, собираясь уходить, он на прощание по очереди протянул им руку и поглядел на фру Нильссон большими серьезными глазами.

— Не берите кудрявую девчонку, — попросил он. — Гуннар лучше всех.

Ночью накануне шел дождь. Они шагали по дороге солнечным летним утром после дождя. Длинноногий Оскар перешагивал через лужи, а Расмус то и дело ступал в них, только брызги летели.

— У меня ноги какие-то счастливые, — сказал он, глядя на жидкую глину, которая выдавливалась у него между пальцами. — По правде сказать, у меня все тело какое-то счастливое.

Оскар засмеялся:

— Ясное дело, будешь счастлив, избавившись от большой усадьбы, лошадей, коров и прочей животины!

Расмус радостно зашлепал по следующей луже:

— Знаешь, что я подумал, Оскар?

— Почему мне знать. Верно, что-нибудь шибко умное и дельное.

— Я подумал, что, когда бродяжничаешь, тогда все вокруг, на что ни поглядишь, твое.

— Ну тогда ты, стало быть, не прогадал. Конечно, если вот все это — твое, — сказал Оскар, показав рукой на чисто вымытый дождем лес и луга, озаренные утренним солнцем.

Он остановился и поглядел вокруг:

— Боже милостливый, до чего же красив белый свет в эту пору! Немудрено, что человека тянет отправиться в дорогу.

Расмус радостно подпрыгивал рядом с ним:

— И все вокруг наше. Березы наши, и озеро наше, и все колокольчики, и дорога, и все лужи!

— Нет уж, лужи-то твои, — ответил Оскар, — с меня хватит одной, если ты ее мне подаришь. Я и ее могу отдать, когда захочешь.

— А вот дома не наши, — рассуждал Расмус. — Потому что в них живут другие люди.

— Нам-то какое до них дело. Дома тоже наши, по крайней мере один дом.

Лицо Расмуса вдруг стало серьезным, он мечтательно смотрел на маленькие серые домишки торпарей, мимо которых они шли.

— Да, хорошо, кабы у нас с тобой был один дом! — согласился Расмус, вздыхая. — Дом, где можно было бы жить зимой, чтобы не трескались ногти на ногах.

— Охо-хо-хо-хо! — сказал Оскар.

Но солнце светило ярко, до зимы было далеко, и печалиться о доме пока что не стоило.

Они пошли дальше. Расмус смотрел на свои зеленые рощи и луга, блестящие под солнцем лужи и не думал о домах.

Они миновали деревню, по обе стороны дороги не было видно ни одного торпарского дома, только лес. Между высокими прямыми стволами сосен просачивался солнечный свет, освещая зеленый мох и маленькие розовые колокольчики линней, которые звонили, возвещая, что наступил прекрасный летний день.

— Мы идем по лесу хозяина Стенсэтры, — сказал Оскар. — Все эти деревья и в самом деле могли стать твоими.

— А я все равно хочу лучше быть с тобой, — ответил Расмус, глядя с любовью на Оскара.

Оскар посмотрел на этого босоногого, искусанного комарами, худенького, нестриженого парнишку в заплатанных штанах и грязной полосатой сине-белой рубашке. Ничего не скажешь, бродяга с головы до ног.

— Тогда и я скажу тебе кое-что: я тоже хочу быть с тобой.

Расмус покраснел и ничего не ответил. Ведь Оскар в первый раз сказал, что хочет быть с ним. И он почувствовал себя еще счастливее. Он топал по лужам, и ему казалось, что он может идти без усталости сколько угодно.

Но скоро лес кончился, и дорога, петляя, начала спускаться к озеру. На берегу озера Расмус увидел торп с серым домишком, как и во всех торпах, яблоньками и покосившимся забором.

Оскар остановился у калитки:

— Ясное дело, дома тоже наши! Например, вот этот дом пусть будет нашим.

Он отворил калитку.

Расмус засмеялся:

— Ну и горазд ты шутить, Оскар. Что, мы будем здесь петь?

— Нет уж, здесь нам нужно петь как можно меньше.

Он без лишних слов направился к дому. Расмус пошел за ним.

Тут он увидел женщину, которая развешивала белье. Она стояла к ним спиной и вешала полотенца на веревку, натянутую между двумя яблонями.

— Мартина! — позвал Оскар, и женщина повернулась к нему.

У нее было грубоватое широкое лицо. Увидев Оскара, она нахмурилась.

— Вот оно что, — сказала она. — Явился!

Расмус остановился поодаль. Видно, Оскар знал эту женщину. Она была не слишком-то любезна с ним. Вид у нее был даже очень сердитый.

— А кого это ты привел? — спросила она, указывая на Расмуса.

Оскар бросил на Расмуса подбадривающий взгляд.

— Да вот, шел по дороге и нашел мальчика. Такого маленького, что едва заметишь. Зовут его Расмус.

Женщина продолжала сердито смотреть на них, и Расмусу захотелось, чтобы они поскорее ушли отсюда.

— Ну и как тебе жилось, покуда меня не было? — почти с тревогой спросил Оскар.

— А как ты думаешь? Работала с утра до ночи, не разгибая спины, да еле сводила концы с концами. Да какая тебе забота! Знай шатаешься по дорогам!

— Ты сильно сердита на меня, Мартина?

— Ясное дело, сердита. До того зла, что готова стукнуть тебя — хорошенько...

Она замолчала и вдруг, к удивлению Расмуса, засмеялась, обняла Оскара и сказала:

— Да, сердита. Но до чего же я рада, что ты воротился домой!

Расмус стоял растерянный, ничего не понимая. Значит, Оскар живет здесь? Значит, в самом деле есть такое место, где он живет? Об этом Расмус даже не мечтал. Для него Оскар был путником, шагавшим по дорогам изо дня в день, летом и зимой, и не жил нигде. Но если он все-таки живет здесь, кто же тогда эта Мартина? Неужто он женат на ней? Расмус стоял у яблони и пытался сообразить, как обстоят дела. Переполюнявшая его радость улетучилась. Он чувствовал себя покинутым.

Оскар и Мартина смотрели друг на друга и весело смеялись. Расмуса они не замечали, будто его и вовсе не было.

Но внезапно Мартина отпустила Оскара и подошла к нему. Она стояла перед ним, подбоченясь, рослая, здоровенная, почти как Оскар. Теперь глаза ее стали добрыми, веселыми и лукавыми. Глядя на него, она засмеялась, но смех этот был добрый, будто что-то ее рассмешило.

— Вот как, Оскар, стало быть, ты шел по дороге и нашел мальчика! — сказала она и оглядела Расмуса с головы до ног.

— Да, чудного маленького парнишку, который хочет, чтобы бродяга стал его отцом. Как тебе это нравится? Он не захотел стать сыном Нильссона из Стенсэтры, а выбрал меня в отцы. Каково, а?

— Ну, если он выбрал такого отца, как ты, ума у него не много.

— Твоя правда. Но если матерью ему будешь ты, он не пропадет.

— Правда, такого я никак не ждала. Однако от тебя ведь никогда не знаешь, чего ожидать, какую штуку ты еще выкинешь. А что, у парнишки вовсе нет родителей?

— Нет у него никаких родителей, кроме нас с тобой.

Мартина взяла Расмуса за подбородок, подняла его голову, чтобы заглянуть ему в глаза. Она долго и испытующе смотрела на него, а потом спросила:

— А ты хочешь этого? Хочешь жить у нас?

И тут Расмус понял, что он хочет именно этого. Что он хочет жить с Оскаром и Мартиной в этом маленьком сером доме на берегу озера. Оскар и Мартина не были ни красивыми, ни богатыми. У Мартины не было голубой шляпки с перьями, но Расмус все равно хотел жить в этом доме.

— А ты, Мартина, захочешь взять мальчика с прямыми волосами? — робко спросил он.

Тут Мартина обняла его. Никто не обнимал его с тех пор, как у него стреляло в ухе и он сидел на коленях у фрёкен Хёк. Руки у Мартины были твердыми и сильными, и все же они казались ему мягкими, намного мягче, чем у фрёкен Хёк.

— Хочу ли я взять мальчика с прямыми волосами? — засмеялась Мартина. — Конечно хочу. Сам понимаешь, зачем мне курчавый мальчишка, когда у меня у самой

волосы прямые, как гвозди. Хватит нам и одного курчавого в семье, — сказала она и посмотрела на Оскара.

Оскар сидел на крыльце и гладил маленького черного котенка, который ласкался к нему.

— Нам нужен парнишка только с прямыми волосами или никакой, — заявил Оскар. — Это мы с Мартиной всегда говорили.

Глаза Расмуса засияли, и лицо осветила улыбка.

— Послушай-ка, Расмус! — позвал его Оскар. — Ты видел эту киску?

Расмус подбежал к нему, уселся рядом на крыльце, стал гладить котенка, потом взял его на руки и прижал к себе.

— Точно такой котенок мне снился.

— Тогда теперь он будет твой, — сказал Оскар. — Знаешь, Мартина, мы с Расмусом сочинили песню про кота, который ест картошку с селедкой.

— Картошку с селедкой? У меня как раз на плите картошка с селедкой. Будете есть?

Оскар кивнул.

— Спасибо, будем, — ответил он и пропел: — «Хочешь — верь, хочешь — нет, но мой кот на обед уплетает селедку с картошкой».

Он шутя ухватил Расмуса крепкой рукой за воротник.

— Пошли обедать!

Быть может, Расмус и родился в таком же вот сереньком торпарском домишке и первое, что он увидел, появившись на свет, была такая же убогая кухня, с начисто выскобленным полом, с выдвижным деревянным диванчиком и распахнутым столом, с геранью на окне. Может быть, именно потому Расмус, переступив высокий обшарпанный порог, почувствовал себя дома.

Он сидел с Оскаром и Мартиной за кухонным столом и ел картошку с селедкой. Ему было так хорошо и уютно,

он пришел к себе домой. Мартина весело смеялась и громко болтала, не верилось, что это была та же самая Мартина, которая так сердито встретила их. При ней невозможно было сидеть, молча потупившись, она волей-неволей заставляла тебя говорить. Но она вела себя вовсе не так, как взрослые, которые говорят с тобой, лишь желая показать свое расположение или снисходительность. Она говорила с Расмусом, потому что ей это нравилось.

— Ну и прохвосты! — воскликнула она, когда Оскар рассказал ей про Лифа и Лиандера. — Уж я бы потолковала с этими бандитами!

— Они и без тебя получают по заслугам, — ответил Оскар. — А вот с кем тебе надо потолковать, я знаю! Тебе нужно уладить дело с властями, чтобы нам позволили оставить Расмуса. От меня в этом деле толку будет мало, я с ними говорить не умею. Пойду, а они спросят: «Что ты, Оскар, делал в четверг?»

— Да, мне это тоже интересно. Не знаю, что ты делал в четверг, а я в тот день, не разгибая спины, стирала белье в прачечной у пастора до одиннадцати вечера.

Нарезая хлеб и подкладывая им селедку, она рассказывала, как нелегко быть женой такого лентяя, как Оскар.

— Можешь ты понять, Расмус, каково мне. Просыпаюсь утром, а в кухне на столе записка: «Ушел побродить опять». Всего-навсего записка, мол, ушел «побродить». Что ты на это скажешь?

А Оскар и не думал расстраиваться, продолжая уплетать картошку, он весело сказал:

— Давай, давай, Мартина, ругай меня хорошенько!

— Не знаю, как тебя еще отругать. Я ведь уже назвала тебя лентяем.

Тут на помощь Оскару пришел Расмус:

— Оскар не настоящий лентяй. Он говорил мне, что не может работать круглый год изо дня в день. Зато когда работает, то ломит всюю.

Мартина кивнула:

— Что правда, то правда. Знаешь, Оскар, что Нильссон из Стенсэтры сказал мне на днях? Он сказал: «Оскар мой лучший торпарь, когда берется за работу».

— А сейчас возьмусь. И буду молить Бога, чтобы меня больше не тянуло бродяжничать, а тянуло бы крестьянствовать.

Потом он бросил на Расмуса лукавый взгляд и добавил:

— Хотя будущей весной мы с Расмусом отправимся немного поразмяться.

Расмус смотрел на него глазами, полными обожания. До чего же хорошо, когда у тебя отец — бродяга, Божья Кукушка!

— Сперва будем думать, что нам делать завтра, — сказала Мартина. — Завтра тебе надо будет починить изгородь и окучивать картошку. А послезавтра ты отправишься в Стенсэтру и будешь возить сено.

Оскар кивнул:

— Знаю, Нильссон мне об этом уже говорил. Но завтра утром мы с Расмусом встанем пораньше и пойдем ловить окуней. У нас есть старая лодка на берегу, ясно тебе? Возьмем ее, поплывем на окуневую отмель и будем рыбачить. Любишь, поди, удить рыбу?

Расмус просиял:

— Я никогда не удил.

— Тогда самое время начать.

Счастливчик тот, у кого отец бродяга. А мать — Мартина. Счастливчик тот, у кого есть отец и мать. Что он говорил Гуннару! Надо самому отправиться искать людей, которые захотят взять тебя. И тут его как громом поразила мысль: Гуннар! Подумав о нем, Расмус чуть не подавился селедкой.

О Господи, если бы Гуннар и в самом деле жил в Стенсэтре, они могли бы видаться! Ведь туда по лесу не

больше полумили. Он мог бы ходить в Стенсэтру с Оскаром в те дни, когда тот работает в этой усадьбе. Он смог бы тогда поглядеть на щенков Гуннара, а Гуннар мог бы даже приходить сюда поиграть с его котенком. А иногда они могли бы даже вместе ходить на рыбалку.

— Ясное дело, — ответил Оскар, когда Расмус спросил его об этом, — Гуннар сможет приходить к нам и ловить окуней.

— И играть с моим котенком.

— Ясное дело, пусть играет с твоим котенком.

Расмус не мог сидеть спокойно. Как тут усидишь, когда у тебя прямо-таки все тело какое-то счастливое.

— Подумать только, — сказал он. — А в Вестерхаге нет вовсе никаких животных, разве что вши в голове.

Мартина засмеялась:

— Ну уж нет, вшей нам здесь не надо. К слову сказать, вы грязные, как поросята. Идите-ка отмойтесь в озере.

Оскар вздохнул:

— «Начинается!» — сказал поводырь медведя.

Расмус выбежал из кухни. Как здорово, что здесь есть еще и озеро!.. Это в самом деле волшебный день. Таких чудес у него в жизни еще никогда не было!

Он остановился на крыльце и стал ждать Оскара. Его котенок нежился на солнышке. Да, вот это уж точно волшебный день. У него есть озеро, котенок, отец и мать. У него есть дом. Вот этот маленький серый домик и есть его родной дом. Бревна старые, истертые до блеска, шелковистые. Какой красивый, какой хороший этот дом! Маленькой, худой, грязной рукой Расмус гладил бревна родного дома.

Раскус, Нонкус и Тупыш

В этой книге речь идет
о Расмусе Перссоне, одиннадцати лет.
Стало быть, здесь ни на йоту нет речи
ни о Расмусе Оскарссоне, девяти лет,
ни о Расмусе Расмуссоне, пяти лет.
Если тебе захочется почитать о Расмусе Оскарссоне,
возьми книжку «Расмус-бродяга»,
а захочется узнать о Расмусе Расмуссоне,
прочитай, пожалуйста, книжку
«Калле Блумквист и Расмус».
Между этими тремя Расмусами
решиительно нет ничего общего, кроме имени,
которое у нас одно из самых распространенных.
Не правда ли?

Автор

Глава первая

а партой у самого окна сидел шустрый голубоглазый растрепанный мальчуган. Звали его Расмус, Расмус Перссон; было ему одиннадцать лет, и он приходился сыном полицейскому Патрику Перссону в Вестанвике.

— Мой единственный сын Расмус — любимчик всех учителей, — имел обыкновение повторять его отец всем, кто хотел его слушать.

Магистру¹ Фрёбергу, учителю математики, наверняка никогда не доводилось слышать этих слов, иначе, пожалуй, он не стал бы обращаться так к любимчику всех учителей в этот солнечный майский день на уроке арифметики в одном из классов старинного учебного заведения в Вестанвике:

— Маленький шалопай... да, да, именно ты, Расмус Перссон!

Расмус вскочил и виновато посмотрел на учителя.

— Почему ты швырнул чернильную резинку в голову Стига? По-твоему, так принято вести себя на уроке?

---

¹ Магистр (*шв.*) — ученая степень. Здесь: преподаватель, учитель.

Расмус мог бы ответить, что раз Стиг треснул его самого линейкой на уроке, то и отомстить надо тоже на уроке, тут уж ничего не поделаешь! Но он промолчал. Стиг достаточно разумно улучил момент, когда магистр повернулся лицом к черной доске, а теперь сидел за своей партой необыкновенно послушный и прилежный с виду...

— Ну, — продолжал магистр Фрёберг, — нельзя ли получить хотя бы краткое объяснение, почему ты бомбишь Стига чернильными резинками? Есть же, вероятно, *какое-нибудь* объяснение?

— У меня под рукой ничего другого не было, — пробормотал Расмус. — А швырнуть ручку я побоялся.

Магистр Фрёберг задумчиво кивнул:

— В самом деле? Надеюсь, не мое жалкое изложение математических правил помешало тебе это сделать? Тебе, пожалуй, нужно разрешить кидаться ручками, если у тебя возникает такое желание.

— Да, но ручка мне необходима на следующем уроке — у нас чистописание, — пробормотал Расмус.

Магистр Фрёберг был его любимым учителем, но, когда магистр впадал в иронический тон, он бывал довольно обременительным; как знать, отвечать ли ему в том же духе или молча выслушивать его тирады?

Магистр снова кивнул:

— Ах вот оно что! Тогда в самом деле тебе надо немного отдохнуть в коридоре, а не то, пожалуй, у тебя не хватит сил швыряться своими письменными принадлежностями на следующем уроке. Ну а решать задачи ты с тем же успехом можешь и в другой раз.

Расмус послушно направился к дверям. Из класса его выставляли не впервые. Учителя с каким-то удивительным предпочтением относились к нему, выгоняя время от времени из класса именно своего любимчика.

Когда Расмус проходил мимо Понтуса, тот подбадривающе подмигнул ему, и Расмус тоже подмигнул ему

в ответ. Понтус был его верным спутником и другом не на жизнь, а на смерть, и он явно более чем охотно последовал бы за ним в изгнание.

Но магистр Фрёберг утверждал, что время досуга в коридоре надо использовать, чтобы поразмыслить немного о самом себе, а для этого, разумеется, необходимо пребывать в одиночестве. Расмус не совсем понимал, почему магистру хочется, чтобы дети думали о себе, разве нет ничего более интересного. Да и в самом-то деле, о Расмусе Перссоне думать особенно нечего — так считал Расмус. Но раз магистр требует, что ж, можно капельку и поразмышлять.

В коридоре было тихо и пустынно. Только слабый-преслабый гул доносился туда из классов. Расмус расположился на подоконнике в той оконной нише, где всегда сидел, когда его выгоняли из класса, и где, вероятно, многие поколения мальчиков разных времен раскаивались в своих грехах. Расмус попытался честно поразмышлять о самом себе, но это было отчаянно неинтересно. После того как он подумал, что не силен в арифметике, и что не следует кидаться различными предметами, и что вообще-то запустить бы лучше в Стига по прозвищу Стикка Спичка просто-напросто ручкой... когда он все это осознал, его мысли потекли по совсем другому руслу. Подумать только, а что, если этот гул из классных комнат уловить с помощью звукоусилителя, а потом поместить в какой-нибудь распределитель, где этот гул распался бы на мелкие частицы, елки-палки... Подумать только, какая куча немецких предлогов и обозначенных штрихами щечных зубов и притоков рек вываливалась бы оттуда! Собственно говоря, не так уж невозможно изобрести какой-нибудь современный аппарат для усвоения школьной премудрости. Аппарат должен представлять собой своего рода насос, который накачивал бы каждое утро умеренную дозу учености

в твою черепашку. А уж остальное время дня ты был бы свободен и мог бы немного повеселиться.

Он долго смотрел в окно на ясный день и на вольную жизнь за школьными стенами. Над городом светило солнце, был май — пора цветения сирени, когда красиво даже в Вестанвике. Куда ни пойдешь, всюду пышные кисти густо цветущей сирени, но сейчас как раз цвели и каштаны, и над всеми садами города повисли гроздья бело-розового яблоневого цвета, скрывавшего уродство маленьких домиков, утопавших в этом цветении, словно кусочки печенья в пене взбитых сливок. Даже полицейский участок, который Расмус видел из окна, по-домашнему уютно целиком зарос душистой жимолостью и, казалось, не так уж сильно нагонял страх, как можно было ожидать от полицейского участка. Будь у Расмуса с собой бинокль, он, пожалуй, увидел бы в кабинете дежурного и своего отца. Но нет, такого мощного бинокля, наверное, и не существует. И это хорошо, потому что в таком случае у папы был бы такой же, а именно сейчас Расмус считал, что ему лучше находиться подальше от отцовских глаз.

Он посмотрел вниз на улицу. Вот бы туда сейчас! Сегодня весенняя ярмарка, и толпы людей высыпали на улицу... Какая жалость, что приходится сидеть тут зря, когда можно столько сделать, будь ты свободен! А в довершение всего послышалась музыка — возле ярмарочной площади гремел духовой оркестр. Празднично-торжественные звуки сделали солнечный свет еще более ярким, а небо — еще более радостно-голубым. Все ребята на улице тотчас кинулись бежать к площади, словно стадо телят с тормозом на хвосте.

Ну, да, в Народной школе сегодня свободный день! Душа Расмуса преисполнилась досады. Слишком поздно он понял, что следовало бы пойти учиться в Народную школу, а не дать соблазнить себя гимназией. Он внезапно почувствовал, что от всей души ненавидит эти высокопо-

ставленные учебные заведения и всех учителей. Они просто надсмотрщики, всячески мешающие тебе веселиться.

Но тут он допустил явную несправедливость. И среди учительского сословия, оказывается, нашлись благородные люди. Старый кроткий ректор вестанвикской гимназии, вероятно, тоже обратил внимание на майское солнце, светившее на редкость ярко, и на то, что в городе ярмарка. И поэтому ему вдруг пришла в голову наисчастливейшая мысль. В ту самую минуту, когда Расмус так несправедливо оценил всю учительскую корпорацию, он как раз послал во все классы вестницу с коротенькой запиской, в которой своеобразным почерком ректора были нацарапаны следующие удивительные слова: «По причине перемены погоды два последних урока отменяются».

А принес эту весть в младшие классы не кто иной, как старшая сестра Расмуса — Патриция, по прозвищу Крапинка. Ей было шестнадцать лет, она училась в одном из старших классов гимназии, но, несмотря на это, промчалась через коридор младших с такой быстротой, что лошадиный хвостик на ее белокурой головке разлетелся во все стороны. Расмус понадеялся было, что обознался. Старшие сестры — почти последние на свете, с кем хочешь встречаться, когда тебя выгоняют из класса. Но Крапинка была самая что ни на есть настоящая, и она уже обнаружила, что фигурка в синих брюках и клетчатой рубашке, фигурка, сидевшая в оконной нише и пытавшаяся принять такой непринужденный вид, — не кто иной, как ее ненаглядный младший брат, которого она так любила и с которым так часто ссорилась.

— Что ты здесь делаешь? — строго спросила Крапинка.

— Гуляю на свежем воздухе и бреюсь, — ответил Расмус. — А ты?

— Не прикидывайся дурачком! Что ты здесь делаешь? Отвечай!

— Размышляю! — сказал Расмус. — Сижу и размышляю. Приказ магистра!

На лице Крапинки появилось удивленное выражение.

— Вот как? О чем же ты размышляешь, позволь спросить?

— Не твое дело! — ответил Расмус. — По крайней мере не об Йоакиме, о котором некоторые думают утром, днем и вечером.

Крапинка фыркнула и исчезла в классной комнате первоклашек.

Вскоре оттуда послышался мощный грохот, крики величайшего ликования, и в тот же миг зазвонил звонок. Гул стал еще сильнее, и из всех классов так и брызнули орды мальчишек. Они, толпясь, рвались к выходу с тем железобетонным упорством, с каким рвутся к спасательной шлюпке потерпевшие кораблекрушение. Ведь в таких случаях речь идет о секундах! Однако Расмус нерешительно топтался на месте. Он не осмеливался уйти, прежде чем магистр не скажет ему свое слово.

А магистр Фрёберг, уходя из класса, остановился при виде грешника, стоявшего в коридоре с такой покаянной рожицей! Взяв Расмуса за ухо, магистр сказал:

— Ну?!

Расмус ничего не ответил, но магистр Фрёберг понял, как безумно рвется отсюда мальчишеская душа Расмуса, и, поскольку магистр был человеком мудрым, он, мягко улыбнувшись, сказал:

— Узников выпустить на свободу!.. Пришла весна!

И вот они стоят уже перед школой — двое выпущенных на свободу узников, залитых благодатными лучами весеннего солнца.

— Орел или решка? — спросил Расмус, сунув пятиэровую монетку прямо под нос Понтуса. — Если орел, пойдем на Лускнеккармальмен — Вшивую горку, а если

решка, то тоже пойдем на Вшивую горку. Но если пятиэровик станет ребром, отправимся домой учить уроки.

Понтус удовлетворенно хихикнул:

— Да, это будет только справедливо! Надеюсь, монетка станет ребром. В самом деле — надеюсь!

Расмус подбросил пятиэровик в воздух, и тот с легким звоном шлепнулся на тротуар. Наклонившись, Расмус широко улыбнулся:

— Не-а, он не стал ребром, значит, уроки учить не будем.

Понтус снова хихикнул.

— Судьба! — произнес он. — А против судьбы не попрешь! Вшивая горка одержала верх. Идем!

Вшивая горка с незапамятных времен была городской рыночной площадью, куда барышники и торговцы скотом столетиями стекались на весеннюю ярмарку.

Устремлялись туда и владельцы бродячих цирков, зверинцев и аттракционов, и называлось это все — Тиволи.

Все авантюрное, что только вмещал в себя мирный Вестанвик, скапливалось на ярмарке. И в самом воздухе носилось там нечто авантюрное. Там затаился как бы никогда не выветривавшийся запах застарелого конского навоза и звуки никогда по-настоящему не умолкавшей старой шарманки. Там жили бурные воспоминания о поножовщине в былые времена и о дикой кочевой жизни цыган. Теперь, пожалуй, все протекало спокойнее. Там, как всегда, собирались из окрестных селений радующиеся ярмарке крестьяне — купить поросят или выменять коров. Но барышников теперь водилось там не так уж много, поскольку оставалось не так много лошадей, с которыми можно было бы барышничать. Хотя, конечно, туда по-прежнему наезжали разные темные личности с тощими клячами, которым они устраивали пробный пробег, гоняя так, что пот лил ручьями. Жизнь на ярмарке, разумеется, цвела пышным цветом — крутились

карусели, в тирах гремели выстрелы, а чудные иноземцы, говорившие на чудных иноземных языках, жили в домах-фургонах вокруг всей Вшивой горки. И по-прежнему для каждого ребенка в Вестанвике ярмарка была приключением, равных которому не было на свете.

Название Вшивая горка было пережитком былых времен, и теперь уже совершенно несправедливым. В маленьких ветхих деревянных домишках, обрамлявших рыночную площадь, не было никаких вредных насекомых; во всяком случае, это возмущенно оспаривали жившие там люди. И все-таки ни один человек не сподобился называть Вшивую горку ее настоящим именем: Вестермальмен — Западная горка.

Пятиэровик отказался вставать ребром, так что Расмус с Понтусом устремились на рыночную площадь. Жизнь была прекрасной, день — длинным, спешить было особенно некуда. Дружески обхватив друг друга за плечи, они брели по улице, а ненавистные учебники, болтаясь на кожаных ремнях, били их по ногам. И тут навстречу им выскочила маленькая жесткошерстная черная такса, мчавшаяся с такой быстротой, на какую только способны были ее коротенькие ножки.

— Смотри-ка, Глупыш! — сказал Понтус.

В глазах Расмуса зажегся теплый огонек. Глупыш был его собственным, бесконечно любимым песиком. Расмус до боли обрадовался, увидев Глупыша, однако с упреком сказал:

— Глупыш, ты ведь знаешь, тебе нельзя убегать из дому!

Собака остановилась, сознавая свою вину. Приподняв в нерешительности переднюю лапку, она молча стояла, глядя на хозяина. И Расмус, посмотрев на Глупыша, преисполненным нежности голосом сказал:

— Понимаешь, Глупыш, *вообще-то* тебе нельзя убегать из дому, но все равно иди сюда!

И Глупыш подбежал к нему. Он прыгал от радости, безумно счастливый каждой клеточкой своего маленького собачьего тельца, оттого что прощен; его хвостик так и мелькал в воздухе, он лаял изо всех сил, он был самым веселым песиком в мире. И Расмус, наклонившись, взял его на руки.

— Ну и дурной же ты маленький песик, Глупыш, — сказал он, погладив темную голову таксы.

Понтус с завистью смотрел на них.

— Какой ты счастливый, что у тебя собственная собака!

Расмус еще сильнее прижал Глупыша к себе.

— Да, в самом деле я счастливый. Он — только мой. Правда, Крапинка заигрывает с ним изо всех сил.

Едва он произнес эти слова, как увидел сестру, прогуливавшуюся на углу улицы. Она была не одна. С ней был тот самый Йоаким фон Ренкен, в которого она в данный момент была ужасно влюблена и, похоже, как раз теперь абсолютно поглощена тем, что заигрывала с ним. Расмус с понимающим видом толкнул Понтуса:

— Видал?! Когда люди влюбляются, они просто не в своем уме!

До чего горько видеть, как твоя собственная сестра так по-дурацки ведет себя! Крапинка расхаживала, держа Йоакима за руку; они смотрели друг другу в глаза и смеялись и вообще не замечали, что кроме них на улице еще кто-то есть.

— Крапинка, ты самая милая из всех, кого я знаю, — произнес Йоаким настолько внятно, что кто угодно мог слышать его слова. — Я просто без ума от тебя!

Расмус с Понтусом захихикали, и это пробудило влюбленных: они осознали, что не одни на свете.

— Понтус, ты самый милый из всех, кого я знаю, — сказал Расмус, заискивающе глядя в глаза Понтусу.

— И знаешь, Расмус, я просто без ума от тебя, — заверил его Понтус.

Крапинка засмеялась.

— Ох уж эти мне братья! — сказала она, взывая к сочувствию Йоакима.

Вообще-то говоря, ей очень хотелось иметь братьев, во всяком случае такого вот резвого востроглазого маленького жеребенка, каким был Расмус, к которому она в глубине души питала такую большую слабость и которого любила и щипала с тех самых пор, как он лежал в колыбели. Кроме того, было так чудесно бродить здесь под лучами майского солнца с Йоахимом и быть самой милой из всех, кого он знает! Какое ей дело до того, что их передразнивает пара мальчуганов?! Опыаненная весной, она обвила руками Расмуса и крепко, быстро прижала его к себе!

— Хотя вообще-то, — сказала она, — этот мальчонка — настоящий милашка!

Ее братик-милашка защищался изо всех сил; это было ужасно! Такую, как Крапинка, нельзя выпускать на улицу, ведь она позорит не только себя, но и других; ну чем он виноват, что его угораздило обзавестись такой сестрой!

— Отстань! — кричал Расмус пронзительным от негодования голосом. — Попытайся держать себя в руках хотя бы на улице!

Крапинка рассмеялась мягким дразнящим смехом, после чего, снова взяв Йоакима за руку, тут же позабыла, что у нее есть брат.

— Елки-палки! — сказал Понтус, поглядев вслед Крапинке и Йоакиму. — А ведь они не в своем уме! Только бы не стать такими же!

Расмус фыркнул при одной лишь безумной мысли:

— Таковыми? Ну уж нет, нам это не грозит!

Глупыш прыгал вокруг него и самозабвенно лаял. Он явно считал, что маленькому песику, удравшему из

дому только для того, чтобы встретиться со своим хозяином, вовсе незачем смотреть, как люди обнимаются. Если кого и надо обнимать, то только его одного. Хозяин думал то же самое. Он снова притянул Глупыша к себе, он гладил его и наинейнейшим голосом повторял:

— Да-а, какой же ты милашка, Глупыш!

Тут Понтус захихикал:

— По-моему, ты сам сказал: «Попытайся держать себя в руках хотя бы на улице!»

— Ш-ш-ш! — шепнул Расмус. — С собачкой — совсем другое дело!

Но тут же неожиданно смолк. Он прислушался. Снова слышались манящие медные звуки духового оркестра. Они доносились со стороны площади, но уже приближались к ним. Они все приближались и приближались, и вот показался грузовик, медленно катившийся по улице. В открытом кузове грузовика сидели шестеро мальчиков из оркестра Народной школы и дули изо всех сил. Их медные инструменты сверкали на солнце и празднично-торжественно выдавали «Поход Наполеона через Альпы». Вестанвикские ребяташки всех возрастов как бы шествовали по следам Наполеона. Они маршировали за грузовиком в такт веселым звукам и, шальные от счастья, читали слова, написанные на большом плакате, прикрепленном вдоль бортов грузовика. Расмус и Понтус тоже прочитали их:

ПОСЕТИТЕ ТИВОЛИ НА ВЕСТЕРМАЛЬМЕНЕ!

СМОТРИТЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ
ВСЕМИРНО ИЗВЕСТНОГО ШПАГОГЛОТАТЕЛЯ
АЛЬФРЕДО!

КАРУСЕЛЬ, СТРЕЛЬБА В МИШЕНЬ.

ВСЕМ, ВСЕМ! ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ!

— О! — воскликнул Расмус.

Понтус согласно кивнул:

— Да, но на все это нужны деньги. Есть у тебя деньги?

Расмус подбросил пятиэровик в воздух и снова поймал его.

— Куча денег! Целых пять эре! Можем купить пол-Тиволи, — с горечью сказал он.

Но Понтус нашел выход:

— Продадим немного из нашего металлолома — и порядок!

Расмус кивнул. Какой скудной была бы жизнь бедного школяра с пятьюдесятью эре карманных денег в неделю, не будь он хоть чуточку предприимчив! Расмус и Понтус уже давным-давно поняли это: более предприимчивых старьевщиков, чем они, не было во всем Вестанвике. Они были постоянно настороже. Случайно брошенные пустые бутылки и старый заржавевший железный лом они выгребали из-под земли, как свиньи выгребают подземные грибы — трюфели, и ликующе тащили добычу на свой склад. Понтус принадлежал к одному из старинных почтенных семейств на Вшивой горке. Он жил там в большом и уродливом старом доме, где квартиры сдавались внаем. И это в его доме располагались складские помещения «Объединенного акционерного общества „Металлолом“ — владельцы Понтус Магнуссон и Расмус Перссон», о чем всех и каждого извещала красивая вывеска на дверях погреба.

Посещение Тиволи всего лишь с пятиэровиком в кармане было просто насмешкой. Тут нужны были большие деньги: Расмус и Понтус отправились на Вшивую горку, только чтобы составить себе первое впечатление и хотя бы приблизительно подсчитать, какой понадобится оборотный капитал. Стоя у входа, они тоскливо

смотрели на карусели и тиры. О, здесь были богатейшие возможности просадить деньги!

— Деньги надо раздобыть на карусели и на качели!

— Да, и еще на шпагоглотателя, — сказал Расмус. — Я так хочу посмотреть, как он заглатывает шпагу!

Глупыш дико лаял. Карусели он на всем своем собачьем веку никогда не видел. И не был до конца уверен, что такие вот вертящиеся штуkenции имеют право на существование. Кроме того, здесь пахло чуждо и странно; и необходимо было, добросовестно лая, откровенно высказаться и заявить, что он решительно не согласен принимать к такому запаху.

— Слушай, Глупыш, — сказал Расмус, — тебе нельзя кататься на карусели, так что и не мечтай!

Он повернулся к Понтусу.

— Во-первых, мне надо отвести домой Глупыша, — сказал он. — А во-вторых — пожрать.

— В-третьих, нам надо пойти к Юхану Старьевщику и продать металлолом, — добавил Понтус. — А в-четвертых, все-таки сделать уроки.

— В-четвертых, плюнем все-таки на уроки, а в-пятых, нам надо прийти сюда вечером, елки-палки, ой как нам надо сюда прийти!

Так они и решили.

Глава вторая

На самом деле оказалось, что попасть в Тиволи не так-то просто, как думал Расмус. Ему следовало бы знать, что не стоит попадаться на глаза маме. У нее было совсем не такое высокомерно-пренебрежительное отношение к домашним заданиям, как у него. Но голод погнал его домой, и вот он уже сидит за обеден-

ным столом вместе со всеми, а перед ним на тарелке. — целая гора свиных сосисок и картофельного пюре.

— Спасибо!

— Никакого Тиволи не будет, пока не сделаешь уроки, — точь-в-точь так, как и следовало ожидать, сказала мама.

«Странный человек — мама, — говорил отец. — Внешне такая прелестная и нежная, а в глубине души — просто военачальница!»

«Во всяком случае, будет так, как хочет мама, — постоянно повторял он, — и это — самое лучшее. Нет никого на свете, кроме нее, кто мог бы командовать глупым полицейским, двумя невоспитанными детенышами и маленькой непослушной собачонкой так, что они этого даже не замечают».

Этот папа! Он и думать не желал, что на свете есть кто-то такой же хороший, как мама.

— Мама заботится обо всем, — говорил он, — обо мне и о детях, о собаке и о вилле, да еще и о саде... Я только сажаю, убираю в саду, поливаю, подстригаю живую изгородь и лужайку!

Иногда он пел ей:

— Мама, милая мама, кто на свете *тебя* милей...

Но мама всякий раз говорила:

— И вовсе не так, Патрик. «Папа, милый папа, кто на свете *тебя* милей...» Вот как надо.

И тогда папа отвечал:

— Это не важно, Гуллан¹, главное, что ты такая, какая ты есть.

Расмус тоже думал: «Хорошо, что мама такая, какая она есть, только была бы она чуточку посговорчивей в некоторых вопросах».

---

¹ Гуллан (шв.) — Золотко.

— Никакого Тиволи, пока не выучишь уроки, — сказала она, когда все сели обедать.

— Ш-ш-ш, — успокаивал ее Расмус, — нам *почти* никаких уроков...

Тут его прервала Крапинка. Критически посмотрев на его полную до краев тарелку и на миску с пюре и сосисками, которую он почти опустошил, она сказала:

— Послушай-ка! Вот везуха, что ты не прикончил еще и картофельное пюре. Так что, вижу, и для меня тут капелька осталась.

— Ой, прости, пожалуйста, я как-то не подумал раньше. Э-э... Мама, *можно* мне пойти? Да?

— В кастрюле на плите есть еще, — сказала мама. — Но никакого Тиволи не будет, пока не справишься с уроками.

— Ш-ш-ш... — снова повторил Расмус. — Нам совсем почти не задали уроков на завтра. И вообще я их уже знаю. — Он немного пожевал, прежде чем продолжить: — И вообще я могу выучить их на переменке, вместо завтрака, вот!

— Так, — сказала мама, — вижу — все как всегда. Тебе вообще никаких уроков не задано, и ты их уже знаешь, и вообще можешь выучить их на переменке вместо завтрака. Ну и лафа же у вас нынче в школах!

Тут в разговор вмешался папа:

— Должен сказать тебе, Расмус, в мое время нам никогда не разрешали ходить в Тиволи, пока мы не вызубрим все — все эти реки в юго-западной Швеции: Вискан и Этран, Ниссан и Лаган.

— Может, нам вовсе вернуться в первобытные времена только потому, что я хочу пойти в Тиволи? — с горечью спросил Расмус. — Может, в Обществе родителей постановили, что пока ходишь в школу, то и веселиться уже ничутьюшки нельзя?

— Так-так-так, спокойнее, — продолжал отец, отвлекая внимание от Тиволи. — Веришь ли, Расмус, я немножко хвастался тобой сегодня.

— Перед кем? — обеспокоенно спросил Расмус.

Он хорошо знал, как бывает, когда отец его начинает хвастаться своими детьми. Он слишком хорошо помнил, что сказал на днях папа старшему полицейскому, которого он называл СП, когда Расмус ненадолго заглянул к нему в полицейский участок:

— Не понимаю, как это у меня получились такие красивые и одаренные дети? Да, это, разумеется, заслуга Гуллан. Будь уверен, СП, эти дети получают отличное образование! Они кое-чему научатся и узнают не только реки Ниссан и Лаган и прочую мелкую муть. Ее пусть учат другие! Нет уж, мои дети получают солидное образование с «Sprechen Sie deutsch»¹ и прочей дребеденью.

А теперь папа сидел тут и ухмылялся, такой довольный, как всегда, когда говорил, что еще немножко похвастался.

— Перед кем я хвастался? Ну разумеется, перед СП! «Будь уверен, СП, мой Расмус далеко пойдет в школе», — сказал я.

— Ха-ха, — засмеялась Крапинка, — лучше бы ты сказал, что он *долго* будет ходить туда.

И Расмус и папа неодобрительно посмотрели на нее.

— Тебе весело, да? — сказал Расмус.

— Патриция! — произнес папа, обращаясь к дочери. — Подумай, ты говоришь о моем сыне! О моем сыне, который как раз только что решил серьезно взяться за уроки после того, как проглотил столько свиных сосисок!

— Ш-ш-ш... — сказал Расмус.

— Вот именно! — вмешалась мама.

---

¹ Вы говорите по-немецки? (нем.)

Потом некоторое время все молчали. Как обычно, в саду распевал во все горло маленький черный дрозд. Время от времени через открытое окно кухни вливался аромат сирени, беззастенчиво смешивавшийся с запахом свиных сосисок; этого было достаточно, чтобы Крапинка внезапно размечталась.

— Вообще-то я тоже пойду в Тиволи, да, пойду! — сказала она. — С Йоакимом!

— Все Йоаким, Йоаким да Йоаким, дался он ей!.. — тихонько проворчал Расмус про себя. — Вбила себе в голову!..

Но папа с восхищенным видом дернул Крапинку за лошадиный хвостик.

— Йоаким — это в него ты так здорово влюблена, а? Крапинка выразительно кивнула:

— Да все в него влюблены. Все, все до одной в зубрильне влюблены в него.

Расмус скорчил гримасу.

— Только не я, — сказал он. — А как у *тебя* вообще-то с уроками? — продолжал он. — Ты не удерешь в Тиволи, пока не вызубришь их, да будет тебе известно.

Крапинка расхохоталась:

— Будь совершенно спокоен. — Затем она повернулась к маме: — Мама, после Тиволи мы репетируем дома у Йоакима, так что не тревожься, если я задержусь.

Расмус с возросшим интересом поднял на нее глаза:

— А что вы репетируете?

— У школьного оркестра «Pling Plong Players»¹ репетиция к весеннему празднику, который состоится в воскресенье.

Крапинка играла в этом оркестре на гитаре.

---

¹ «Бим-бом, музыканты!» (англ.)

Расмус снова всецело занялся картофельным пюре.

— Вон что, а я-то думал, что вы с Йоакимом будете репетировать такие слова: «Какая ты милая, Крапинка, как я без ума от тебя!»

— Ха-ха! — рассмеялась Крапинка.

— Это Йоаким так говорит? — спросила мама.

— Да, представьте себе, — торжествующе произнесла Крапинка. — Все девчонки в школе влюблены в него, а ему нравлюсь я.

— Последние четверть часа — да, — подтвердил Расмус.

У Крапинки было мечтательное выражение лица.

— Когда я выйду замуж за Йоакима, я больше не захочу, чтобы меня называли Крапинка, а только — Патриция. Патриция фон Ренкен! По-моему, здорово!

— Потрясающе, — сказал Расмус.

Но мама покачала головой.

— Не болтай глупости, Крапинка, — сказала она.

Расмус взял миску, стоявшую рядом с Крапинкой.

— Желаете ли вы, фру баронесса, еще свиную сосиску или я могу взять последний кусочек?

До этой минуты Глупыш тихонько лежал под столом у ног Расмуса, но тут звучно тявкнул, чтобы все знали, кому, собственно говоря, должен достаться последний кусочек. Расмус посмотрел на него:

— Да, Глупыш... да, сейчас! Мама, можно отдать Глупышу последний кусочек сосиски?

— Да, пожалуйста, — сказала мама. — Хотя, собственно говоря, Глупышу не разрешается кланчить за столом, ты это знаешь.

Расмус сунул Глупышу кусочек сосиски.

— Нет, собственно говоря, нет... но уж... пусть!

Затем появился десерт, и Расмус, когда подошел его черед, положил себе изрядную порцию. Он удовлетворенно посмотрел на свою тарелку, где большой розовый

остров из ревеневого крема плавал в море белого молока. Ложкой проложил он канавку в ремене и вообразил, что это — Суэцкий канал. Некоторое время это его усиленно занимало и мысли его были далеко, пока он не услышал, как Крапинка спрашивает:

— А вы знаете, что у Йоакима есть...

Вот как, стало быть, Йоаким снова появился на горизонте! Вообще-то у Крапинки жутко однообразные темы для разговора.

— У него есть каталог, — сказала Крапинка и слегка хихикнула. — «Каталог дешевой распродажи»...

«Каталог дешевой распродажи» — это, вероятно, специально для мамы, — подумал Расмус, — ведь она так любит бегать по всяким распродажам». И верно, на лице у мамы сразу появился интерес.

— Что еще за «Каталог дешевой распродажи»? — спросила она.

— Каталог девочек, — сказала Крапинка. — Всех девочек, которые ему надоели, он вклеивает в «Каталог дешевой распродажи». Я имею в виду — вклеивает фотографии, которые от них получил.

— Да, ничего себе — хорошенькое у него маленькое хобби, — сказала мама. — И сколько понадобится времени, чтобы в этом каталоге оказалась ты?

Папа страшно разозлился:

— О, и не стыдно ему?

— Я? Я никогда не попаду в «Каталог дешевой распродажи», — сказала Крапинка, победоносно вздернув голову.

У мамы чуть дрогнули губы.

— Ты так уверена в этом?

— Да! — заявила Крапинка, и глаза ее заблестели, когда она произносила эти слова. — Я уверена! Потому что Йоакиму раньше никто *по-настоящему* не нравился. Он говорит: со мной все совсем по-другому.

— Это он *говорит*, да! — эхом отозвался Расмус, и целая гамма сомнений послышалась в его голосе.

— Да, но это же правда! — неожиданно воскликнула Крапинка. — Вообще-то, если он меня вставит в этот каталог, я умру, так и знайте!

Патрик похлопал ее по плечу:

— Ну-ну, спокойнее!

— Кстати, о спокойствии, — сказала мама и пустила еще раз по кругу ревеневый крем. — Как у тебя сегодня, Патрик, не случилось ли чего-нибудь особенного?

— Канарейка фру Энокссон снова улетела... если ты считаешь это чем-то особенным, — ответил папа.

Мама засмеялась:

— Канарейки и пьяницы — это все, чем вы занимаетесь?

Папа энергично кивнул:

— Именно так. Именно это я и сказал не далее как сегодня моему СП. «Канарейки и пьяницы, — сказал я, — Скотланд-Ярд чистейшей воды».

Всем показалось это забавным, и, воодушевленный успехом, папа продолжал:

— А когда я отправлялся на свой дежурный обход, я сказал СП: «Слушай, СП, если в мое отсутствие прилетит какая-нибудь канарейка, попроси ее подождать».

Все снова рассмеялись, а Расмус неожиданно задумался:

— Хотя представь, папа, а если вдруг вынырнет какой-нибудь по-настоящему крупный мошенник, вы, верно, с непривычки все грохнетесь в обморок?

Но папа выпятил грудь и, похоже, ничуть не встревожился.

— Если вынырнет какой-нибудь мошенник, я тут же его и прикончу.

Расмус восхищенно посмотрел на отца:

— Вот было бы здорово! Тогда и мне нашлось бы что порассказать, когда Спичка начнет хвастаться, что его папаша был боксером. Спасибо, милая мама, спасибо, милый папа, за обед!

Сидя после обеда в своей комнате, он неистово зубрил уроки. Разумеется, это было совершенно ни к чему, но ведь с такой твердокаменной мамой другого выхода нет. Переварив в какой-то степени немецкий и биологию, он снова вышел на кухню. Мама и Крапинка как раз закончили мыть посуду, а папа читал газету.

Расмус счел наиболее разумным немного продемонстрировать свои только что приобретенные знания:

— Отгадайте, сколько желудков у коровы? Четыре! Вернее, отделов желудка: рубец и сетка, книжка и сычуг; вы это знали?

— Да, мы это знали, — ответила Крапинка.

— Но ты, во всяком случае, не знала, как они называются, — сказал Расмус. И немного поразмышлял, прежде чем продолжить: — А вы думаете, сами коровы знают, как называются их желудки?

Оторвав глаза от газеты, папа засмеялся:

— Не думаю!

— Ш-ш-ш, — сказал Расмус, — если *они* сами не могут разобраться со своими *желудками-книжками*, зачем это нам?

Мысль была мятежная. Нельзя вовремя отправиться в Тиволи только потому, что надо учить о коровах такое, до чего им самим ни капельки нет дела.

— Подумать только, — сказал Расмус, — подумать только: а вдруг у коровы заболит желудок, а она сама не будет знать, *какой* из них у нее болит!

Крапинка весело улыбнулась, а когда она улыбалась, на щеках у нее появлялись ямочки.

— О, — сказала она, — вот увидишь, коровка проснется однажды утром и скажет другим коровкам: «Ой-ой-ой, как у меня болит моя книжка!»

Расмус засмеялся:

— Ха-ха! А может, вместо книжки у нее болит сетка!

В этот миг в дверь постучали.

— Наверное, Йоаким, — сказала Крапинка, срывая с себя передник.

Но это был не Йоаким. Это был Понтус, который вошел, как всегда, надежный, и веселый, и краснощекий.

— Не мог прийти раньше, — сказал он. — Мама хотела, чтобы я прежде выучил уроки.

Расмус бросил долгий взгляд на свою маму, ставившую чашки на кухонный стол.

— Кое-кому здесь тоже хотелось этого.

Мама, протянув руку, схватила его.

— Да, это так, — сказала она и еще сильнее вздохнула и без того взъерошенные каштановые волосы сына. — Но теперь можешь идти!

Он пылко, не стесняясь Понтуса, обнял ее. Потому что любил свою твердокаменную маму сверх всякой меры, а теперь к тому же выучил и немецкий, и биологию. Это было абсолютно чудесно, и так же абсолютно чудесно будет пойти в Тиволи.

— «Мама, милая мама, кто на свете тебя милей!..»

Его отец энергично кивнул:

— Ну, то же самое говорю и я. А теперь будем пить кофе.

Понтус порылся в кармане брюк.

— Я продал железный лом, — сказал он.

— Здорово! — обрадовался Расмус. — Сколько выручил?

— Три кроны. Мы все равно что сами себя кормим. И все-таки у нас остались целые горы металлолома.

Расмус был уже на пути к двери.

— Елки-палки, бежим!

Но тут Глупышу тоже захотелось составить им компанию. Рванувшись к Расмусу, он бешено залаял... Разве его не собираются взять с собой?

Наклонившись, Расмус погладил его:

— Нет, Глупыш, ты не можешь кататься на карусели.

И вот Расмус и Понтус уже за дверью и тремя энергичными громоподобными прыжками одолевают лестницу черного хода.

— Это *они* пошли, — сказала мама.

— Хотя можно подумать, что это было стадо молодых слонов, — заметила Крапинка.

Глава третья

Тиволи на Вшивой горке был словно из сказки. Слово сказка у них на глазах превратилось в действительность, когда они увидели сверкающие огни ramпы над входом — настоящее райское сияние — и море света за ним. Вся праздничная площадь сверкала — повсюду со старых сиреней Вшивой горки свисали маленькие красные и желтые лампочки, освещавшие тьму между кустами и заставлявшие все кругом казаться волшебным, и праздничным, и совсем другим. Кружились карусели — настоящее чудо в цепочках мелких мерцающих световых точек. А каждый киоск излучал красный таинственный свет, притягивавший к себе, хотел ты этого или нет. В киосках красовались таинственные и прекрасные дамы, настойчиво призывающие попытать счастья. Способов для этого было великое множество — или стрелять из лука, или пускать пули в мишень, или же попадать мячиком прямо в лицо нарисованным маленьким веселым старичкам. Люди повсюду так и кишели; стоял

сплошной гул, и одно это было уже интересно. Люди толкались, пытая свое счастье, и смеялись так, что слышно было издалека. И куда ни пойдешь — повсюду звуки музыки, под которую крутились карусели, сулившие столько радости! Да, майский вечер был напоен музыкой, и светом, и смехом, и ароматами, как-то странно волнующими и вселяющими жажду приключений!

За световым кольцом, окружавшим Тиволи, стояли неприметные маленькие домишки Вшивой горки, кажущиеся такими тихими и заброшенными в весенних сумерках. Только старые люди, уже не понимавшие, как весело гулять в Тиволи, сидели в сумерках на крылечках, прислушиваясь к звукам музыки, попивая из чашечек кофе и ощущая аромат сирени. Они, верно, были по-своему довольны, хотя и не катались на карусели и не видели всемирно известного шпагоглотателя Альфредо.

Но Расмус и Понтус, которым было по одиннадцать лет и у которых были большие требования к жизни, сновали по праздничной площади веселые, точно белки, и твердо решили доставить себе столько удовольствия, сколько вообще возможно получить за три кроны. Однако большую часть удовольствий они себе уже доставили. Три кроны такот так быстро, когда катаешься на карусели и несколько раз пытаешь счастья! Но впереди еще был гвоздь вечерней программы — всемирно известный шпагоглотатель Альфредо.

— Не напирайте! Не напирайте! Мест всем хватит! Новое представление начинается через несколько минут!

Перед балаганом шпагоглотателя стояла пухлая дама в алом шелковом платье и кричала во всю силу своих легких.

— Не напирайте! — кричала она, хотя не было ни единого человека, который сделал хотя бы малейшую попытку в этом направлении. Но тут на небольшой эстраде показался сам Альфредо, и сразу же множество

людей столпилось перед его балаганом. Они вытягивали шеи и таращили глаза на шпагоглотателя, выступавшего во всех столицах Европы, — так, по крайней мере, утверждала стоявшая рядом с ним пухлая дама.

Шпагоглотатель был человек могучий. Он стоял широко раздвинув ноги, выпятив грудь, и казалось, за всю свою жизнь не съел ничего, что содержало бы меньше железа, чем шпага. Черные усы вместе с черными же взъерошенными курчавыми волосами придавали ему какой-то чуждый и сказочный вид. Физиономия у него была красная, и он оглядывался вокруг с выражением добродушно-веселого снисхождения, словно подчеркивая смехотворность того, что он, выступавший во всех столицах Европы, залетел теперь сюда, в Вестанвик.

— Подумать только, а что, если шпага угодит ему в горло? — сказал Расмус. — Ну и везуха же будет, если увидим, как он станет тогда вести себя!

И вот тут-то Понтус сделал ужасающее открытие: от всего их капитала осталось не более пятидесяти эре, точь-в-точь половина того, что требовалось, чтобы увидеть представление Альфредо.

Держа пятидесятиэровую монетку на ладони, Понтус удивленно смотрел на нее, морща лоб.

— Не понимаю: ведь недавно у нас была крона.

— Недавно у нас было *три* кроны, — философски произнес Расмус. — Но в Тиволи не успеваешь моргнуть, как остаешься без гроша.

— Как же быть с Альфредо? — огорченно спросил Понтус.

Расмус подумал, потом чуть со стороны посмотрел на Понтуса и лукаво сказал:

— Если *мне* пойти туда одному и посмотреть на него, я покажу тебе после, как он это делает.

Понтусу такое предложение вовсе не показалось заманчивым.

— А может, поговорить с ним? Может, он добрый и позволит пройти нам за пятьдесят эре?

— Надо попробовать, — сказал Расмус.

Они пробрались к эстраде, где стоял Альфредо.

— Господин Альфредо... — начал было Расмус.

Но пухлая дама все время шипела, и Альфредо, казалось, не слышал его. Тут Понтус набрался храбрости и, склонив голову набок, ухмыльнулся, а затем, уважительно ткнув указательным пальцем в грудь шпагоглотателя, шутливо спросил:

— Скажите, дядюшка, а нам нельзя пройти за полценны, если мы пообещаем смотреть только одним глазком?

Эту фразу он вычитал в какой-то книге и решил, что она очень подходит к такому случаю. А за свою одиннадцатилетнюю жизнь он понял, что глупое ослоумие иногда очень полезно в общении со старшими. Но у Альфредо явно не хватило чувства юмора. Равнодушно поглядев на Понтуса, он ничего не ответил.

— Может, он не понимает по-шведски? — тихонько спросил Расмус.

Тут шпагоглотатель заворчал:

— Дядяшка ошень хорошо понимает по-шведски. И понимает, што вы парошка маленьких шалопаев-мальшишек!

Понтус смутился. Чаще всего он верил тому, что говорили ему люди. И если кто-то сказал, что Понтус — шалопай, он верил, что так оно и есть, и стыдился этого. Расмус же обладал безграничной самоуверенностью, он ни в коем случае не желал признавать себя шалопаем, хотя его дважды в один и тот же день так называли. Сначала его любимейший учитель математики, а теперь — этот вот шпагоглотатель. Хотя Альфредо и говорил на ломаном шведском языке, но в смысле

сказанного сомневаться не приходилось, а это Расмусу не нравилось.

— Das¹ это — враки, — храбро сказал он. — Вовсе мы не шалопаи.

— Doch!² — произнес шпагоглотатель и внушительно кивнул. — Doch! Парошка маленьких шалопаев-мальшишек, которые хотят пройти за полцены.

— Не обязательно быть шалопаем, если ты бедный, — сказал Расмус. — У нас всего пятьдесят эре.

Альфредо снова кивнул:

— Парошка бедных маленьких шалопаев-мальшишек, да, да!

Он произнес это таким голосом, словно ему было все-таки немного жаль ребят из-за их великой бедности, и Расмусу показалось, что он начинает смягчаться.

— Трудно глотать шпаги? — заискивающе спросил он. — Как, собственно говоря, этому учатся?

Альфредо молча посмотрел на него сверху вниз, потом усы его дрогнули, и он просто закудахтал от смеха.

— Нашинать надо с малолетства и глотать булавки! А ты как думал?

Свои собственные остроты он явно ценил гораздо выше шуток других. Поэтому он долго и бурно хохотал, а Понтус и Расмус вторили ему. Они готовы были смеяться сколько угодно, только бы произвести хорошее впечатление на Альфредо. А кроме того, такая привычка была уже выработана у них школой: учителя иногда требовали, чтобы дети смеялись над анекдотами, которые были свежими, вероятно, когда-то на рубеже веков.

Но Альфредо прекратил смеяться так же внезапно, как и начал, и Расмус забеспокоился.

---

¹ Das — артикль, указательное местоимение (нем.).

² Doch — все-таки (нем.).

— Подумать только, говорят, что вы, дядюшка, всемирно известны! — сказал он. — Это правда, дядюшка?

И Альфредо снова взглянул на него в гробовом молчании, словно о чем-то размышлял, и опять закудахтал.

— Да, дядюшка известен во всей Швеции, будь уверен! — сказал он.

Но потом он сделал вид, будто смертельно устал.

— А ну прошь отсюда, маленькие шалопаи-мальшишки! — сказал он. — Уж не думаете ли вы, што у меня есть время целый день стоять тут и болтать с малышней? Прошь!

Расмус и Понтус отправились восвояси.

— Сам он шалопаи-мальшишка, хоть и взрослый, — с досадой сказал Расмус и еще долго смотрел вслед Альфредо, который как раз скрылся в своем балагане.

— Новое представление начинается через несколько минут! — крикнула в последний раз дама в алом платье, и парусина снова опустилась за ее спиной.

А Расмус и Понтус по-прежнему стояли словно отверженные.

Они были неприятно удивлены, и это ощущение стало нестерпимым. Расмус усердно оглядывался по сторонам.

— Я только что видел Крапинку с Йоакимом. Идем быстрее, это наш последний шанс!

— Ты и вправду считаешь, что они одолжат нам деньги? — спросил Понтус.

Расмус припустил к тире, где в последний раз видел сестру.

— Да, если у Крапинки есть деньги, она мне одолжит. Но она тоже может быть без гроша.

Возле тира Крапинки не было. Они помчались дальше, ведь представление начнется через несколько минут, надо спешить... спешить! Потные от усилий, прокладывали они себе дорогу сквозь толпу, и каждый раз

при виде белокурого лошадиного хвостика их сердца ёкали. Но это оказывался постоянно чей-то другой хвостик, а вовсе не Крапинки. В конце концов они в самом деле ее нашли. Она как раз собиралась уходить; они с Йоакимом стояли у входа в Тиволи вместе с другими ребятами из оркестра «Pling Plong Players», которым предстояло репетировать дома у Ренкенов.

Расмус вихрем налетел на сестру.

— Крапинка, можешь одолжить мне пятьдесят эре? — запыхавшись, спросил он, топая от нетерпения.

Крапинка сунула руку в карман, и он с облегчением вздохнул: ох, только бы побыстрее! Но тут Крапинка снова вытащила руку из кармана и положила то, что вытащила из самой его глубины, в протянутый кулачок Расмуса. Это был маленький крысенок, маленький игрушечный крысенок с заводным ключиком сбоку.

— Мне очень жаль, — сказала Крапинка. — Я просядила все до последнего гроша. А крысенка я выиграла, можешь взять его себе.

— Он доставит тебе величайшее удовольствие, — добавил Йоаким.

Они ушли, а Расмус с крысенком в руке нежно смотрел то вслед Крапинке, то на крысенка.

Понтус засмеялся.

— Никакого шпагоглотателя нам не будет, — сказал он. — Зато будем играть с крысенком.

Но тут Расмус разозлился:

— Ничего, это мы еще посмотрим! Я должен увидеть Альфредо, пусть даже я пройду в балаган зайцем. Идем!

Понтус последовал за ним. Он знал Расмуса, знал, как его друг упрям; этим он славился на всю школу. «Будь ты, Расмус, хоть капельку менее горяч и хоть чуточку менее упрям, я мог бы, пожалуй, произве-

сти тебя в свои любимые ученики, — говорил магистр Фрёберг. — Почему ты не так спокоен, как братец Понтус?»

Понтус не знал, почему магистр Фрёберг упорно называл его «братец Понтус». Ведь он не был братом ни самому магистру, ни Расмусу. Но на уроках магистра Фрёберга его называли «братец Понтус», и он хладнокровно это переносил.

Расмус вприпрыжку бежал обратно к балагану Альфредо, искусно избегая столкновений со всеми встречными. Понтус галопом мчался следом. Перед балаганом Альфредо никого не было, но изнутри слышались аплодисменты. Представление было в полном разгаре. Осознав это, Расмус совершенно обезумел. Он непременно должен был туда проникнуть, надо только подумать — как. Он шустро носился вокруг балагана, высматривая, нет ли где возможности пролезть. Задняя стенка балагана выходила как раз туда, где стояли фургоны, а сейчас там замерла вся жизнь. Все, верно, были так или иначе задействованы в Тиволи.

— Здесь, — прошептал Расмус.

Упав ничком в затоптанную траву за балаганом, он стал тихо и решительно заползать под парусину. Понтус захихикал... и от волнения, и оттого, что уж очень смешно Расмус дрыгал ногами, пытаясь совершенно распластаться, чтобы пролезть под туго натянутую парусину. К тому же все комары явно назначили в этот майский вечер встречу за балаганом Альфредо. Понтус, хихикая, стоял окруженный тучей комаров и делал все возможное, чтобы удержать этих кровососов подальше от беспомощных ног Расмуса. Но когда настал его собственный черед, когда замызганные кеды Расмуса скрылись под парусиной, а он сам, извиваясь, медленно пополз следом, отгонять комаров было уже некому, и они, несомненно, бросили все свои силы на то, чтобы его

сожрать. Но он охотно страдал, следуя за Расмусом повсюду, куда только вели пути его друга; так он делал всегда. А сейчас пути эти вели в балаган Альфредо.

Они тихо лежали у стены балагана, словно два маленьких настороженных зверька, готовых бежать при малейшей опасности. Они боялись... но не очень. Немножко бояться, лежать ничком, чувствовать запах травы и сырой сосновой древесины, исходящий от деревянных скамеек, — это так весело! Так и должно пахнуть, когда проходишь зайцем. Единственное, что они увидели, когда наконец-то осмелились поднять глаза, — это ноги. И конечно, было интересно смотреть, как поразному держат люди свои ноги под скамейками. Но ведь они с Понтусом пришли сюда не для того, чтобы созерцать множество коричневых и черных ботинок и туфель. Они хотели видеть Альфредо.

— Надо постараться, чтобы обзор был лучше, — прошептал Расмус.

Они ползли вдоль стены балагана, пока не нашли проход между рядами скамеек. И тогда увидели Альфредо. Здесь он тоже стоял на маленькой эстраде, а пухлая дама с преданным видом торчала рядом с ним. Сейчас она как раз протягивала ему шпагу. Альфредо поклонился публике. Затем, откинув свой толстенный затылок как можно дальше назад, он поднял шпагу на вытянутой руке прямо над широко открытым ртом и начал медленно вдавливать ее вниз через глотку. Это было страшно и удивительно. Расмус и Понтус как зачарованные смотрели на него: неужели он взаправду вонзит в себя шпагу — всю шпагу целиком? Да, похоже, что так! Рукоятка шпаги все приближалась и приближалась ко рту Альфредо, а под конец... исчез весь клинок! Тогда Альфредо быстро вытащил шпагу, отдал

ее пухлой даме и еще раз поклонился зрителям так низко, что его черные курчавые волосы упали на лоб. Публика охотно аплодировала. Расмус тоже чуточку поаплодировал, молотя кулаками по деревянной обшивке, на которой лежал. Понтус тихонько хихикнул. Тогда Расмус раззадорился. До чего смешно: пробраться зайцем в балаган, увидеть, как лопают шпаги, да еще заставить Понтуса хихикать! Он частенько смешил его в школе, когда уж больно тошно становилось на уроках. Впрочем, совсем мало надо было, чтобы Понтус зашелся от смеха. Он начинал как-то странно хихикать, а учителя огорченно качали головой.

И теперь, когда Понтус, лежа ничком в балагане Альфредо, захихикал, в Расмуса словно бес вселился — он начал выкидывать разные фокусы. Альфредо только стал заглатывать новую шпагу на эстраде, как Расмус сделал вид, будто он тоже шпагоглотатель. Он широко разевал рот, притворяясь, что всаживает шпагу в горло. У него вырвался звук, похожий на бульканье, и это заставило Понтуса, подавлявшего смех, фыркнуть. Расмус еще больше обнаглел. Внезапно он вспомнил про маленького крысенка, которого сунул в карман. Если Понтус уже просто давился от смеха, то теперь он наверняка взорвется!

Расмус вытащил крысенка. Когда он его заводил, раздался скрип, и этого оказалось достаточно, чтобы Понтус совершенно обезумел; он буквально задыхался от смеха. Но Расмус все сильнее подзуживал его. Он прижал крысенка к полу, делая вид, будто собирается выпустить его из рук. Понтус застонал. На самом же деле Расмус вовсе не собирался выпускать крысенка, настолько безрассудно отчаянным он не был. Но внезапно — Расмус и сам не знал, как это произошло, — крысенок выскользнул у него из рук. С ужасающим жужжанием помчался он по полу прямо к эстраде Альфредо и, когда

наткнулся на нее, начал от удара кружиться и вертеться, словно сошел с ума. Понтус взвыл от смеха как раз в тот момент, когда крысенок пустился в путь, но теперь он смолк и испуганно глотал воздух. Потому что Альфредо зарычал так, что весь балаган затрясся.

— Шалопай-мальшишки! — кричал он. — *Verdamte*¹ маленькие шалопай-мальшишки!

Шалопай-мальчишки не стали ждать продолжения, а помчались к выходу так быстро, словно целая стая злых духов неслась за ними по пятам.

— Не-а, я не виноват, — сказал Расмус, когда они были уже в безопасности. — Если честно, то этот полумный крысенок назло мне помчался к эстраде.

Понтус снова фыркнул.

— Я чуть не умер, — сказал он. — Я чуть не умер!

Он по-прежнему задыхался от смеха. Однако, нахохотавшись досыта, он требовательно посмотрел на Расмуса:

— Чем займемся?

— Что-нибудь придумаем, — сказал Расмус.

Собственно говоря, пора уже было идти домой. Скоро надо ложиться спать, становится прохладно, деньги кончились. Но они не смели пойти на такой страшный риск: а вдруг они что-то упустят? Вдруг они чего-то еще не видели, чего-то совершенно бесплатного?

Это было их единственное посещение Тиволи, и надо пробыть там как можно дольше! Если уж ты выйдешь из вертушки у входа в Тиволи, обратно тебя не пустят. Мальчики в самом деле не в состоянии были пойти домой и лечь спать, прежде чем не возьмут все, что только можно взять от Тиволи.

— Мы могли бы прогуляться к фургонам, — предложил Расмус. — Интересно посмотреть, как живут все эти шпагоглотатели, укротители змей и прочие.

---

¹ Проклятые (нем.).

Понтус согласился.

— Хотя я хочу есть, — сказал он. — И уже давно.

— Купи себе горячую сосиску, — угрюмо предложил Расмус.

Понтус кивнул:

— Да, или сними луну с неба и погрызи ее, а?

Оба вздохнули. Горячая сосиска, обильно приправленная горчицей, была бы сейчас очень кстати.

Они стояли так близко от карусели, что коляски, пролетая мимо, обдавали ветерком их уши. Но они этого не замечали. Ребята тоскливо уставились на торговавшего сосисками старичка, который как раз проходил мимо со своей тележкой.

Внезапно Понтус нагнулся и что-то поднял с земли.

— Хотя, ясное дело, я могу купить себе горячую сосиску, если ты не против, — ухмыльнулся он и показал блестящую монетку. Расмус вытаращил глаза, и оба они долгое время не отрывали восхищенного взгляда от этой кроны. До чего удивительна жизнь! Они бегали как оглашенные по всему Тиволи, чтобы одолжить пятьдесят эре у Крапинки, когда с тем же успехом можно нагибаться и собирать однокроновые монетки на земле! Ведь уйма богатых крестьян, явившихся на ярмарку, то тут, то там теряют деньги. Не станут же они искать эту монетку!

А законного владельца денег, к счастью, поглотила толпа, и его не найти, даже если попытаться.

Глаза Понтуса засверкали.

— Кажется, ты говорил о горячей сосиске? Но если ты предпочитаешь бутерброд или что-то другое, только скажи. Я могу собрать еще больше денег.

Но Расмус был бы вполне удовлетворен и горячей сосиской. Они кинулись бежать за старичком, торговавшим сосисками. Он остановил свою тележку совсем близко от входа, и вокруг него собралось довольно

много покупателей. Расмус и Понтус встали в очередь. Они легонько толкали друг друга, чтобы не скучать, только потому, что в их узеньких, костлявых мальчишеских телах жило нечто требовавшее все время толкаться или пинать камень — все, что угодно, только бы, елки-палки, не стоять спокойно на одном месте! Но одновременно их бегающие глазки заинтересованно следили за всем происходящим вокруг.

— Посмотри-ка на этого, — внезапно сказал Расмус. — Что это еще за нехороший человек?

«Нехорошим» был человек, который как раз в этот момент прошел через вертушку у входа.

— Почему ты назвал его «нехорошим»? — спросил Понтус. — Не так уж, верно, нехорошо он выглядит?

— Во всяком случае, он не из нашего города, — сказал Расмус так, словно одного этого было достаточно, чтобы прослыть «нехорошим человеком».

Нет, издалека было видно, что ни на кого из Вестанвика он не походил. Шляпа его была небрежно сдвинута на затылок, а вид такой наглый и самоуверенный, будто он владелец всего Тиволи. Он шел, никому не уступая дороги. И вот он уже у тележки старичка, торгующего сосисками. Нетерпеливо вытащив монету из кармана брюк, он швырнул ее старичку.

— Две! Без горчицы!

А тут как раз подошла наконец очередь мальчиков, и они враждебно уставились на него. Вот как, значит, он из тех, кто всегда протискивается вперед, значит, «нехороший человек» — подходящее для него прозвище. У этого жуткого типа большой уродливый рот и наглая улыбочка на губах, а глаза у него тоже наглые, и жесткие, и совершенно равнодушные.

— Человеконенавистник, — пробормотал про себя Расмус.

Незнакомец с голодным видом жевал свои сосиски и, перемежая слова громким чавканьем, спрашивал у старичка:

— Где-то здесь обретается шпагоглотатель по имени Альфредо, где его балаган?

Понтус, получивший наконец свою драгоценную сосиску, подпрыгнул, услышав, что говорит «нехороший человек». Когда незнакомец произнес имя шпагоглота-теля, тот, казалось, с грозным видом встал рядом.

Старичок, торговавший сосисками, указал на балаган Альфредо, и незнакомец исчез, даже не поблагодарив его. Расмус и Понтус забыли о нем в ту же минуту, так как думали теперь о более важных вещах — о сосисках! Великолепные, поджаристые, благоухающие сосиски с горчицей! Изысканным наслаждением было расхаживать по всему Тиволи, наблюдая, как веселится народ, и держа при этом сосиску в руке! Ходить, жевать, останавливаться ненадолго возле тира и смотреть, как кто-то выпускает целую очередь выстрелов, один за другим, затем снова останавливаться и глазеть, как какой-нибудь дюжий крестьянский парень размахивает дубинкой возле силомера, как кричат девчонки на качелях, а потом вдруг вспомнить, что ты ведь, собственно говоря, идешь к фургонам.

— Вот везуха — так жить, — с завистью сказал Расмус.

У фургонов такой уютный вид, когда они разбросаны то тут, то там среди кустов сирени; так славно светятся их маленькие оконца, и так хочется заглянуть в них и увидеть, что там внутри.

Расмус внезапно понял, какая это ошибка — жить на вилле, которая все время стоит на одном и том же месте. Нет, дом, который разъезжает по всему свету то туда, то сюда, — вот что нужно.

— Да, и потом ведь можно время от времени ездить в Вестанвик, чтобы послушать, как там у них дела в школе, — удовлетворенно добавил Расмус.

Еще некоторое время они слонялись взад-вперед вокруг фургонов, пытаясь заглянуть иногда в оконце, где горел свет, и неспешно рассуждая о том, в каком из фургонов они предпочли бы жить, если бы им так повезло, что они стали бы парочкой «тиволистов».

— Может, в этом, — сказал Понтус, указав на выкрашенный зеленой краской фургон, поставленный в небольшом отдалении от других, на который они раньше не обратили внимания.

Мальчики приблизились к нему сзади. Туда выходило маленькое оконце с красной клетчатой занавеской, и за ней так по-домашнему уютно горел свет... Да, в этом фургоне — сомнений нет — хотелось бы жить! Но им нужно было посмотреть, как выглядит этот фургон спереди, прежде чем сделать окончательный выбор. И они решительно свернули за угол. И услышали голос, который произнес:

— Старина Эрнст, подумать только, ты снова на воле!

Голос Альфредо! Но слишком поздно, уже не останешься. Парочка, сидевшая на крыльце фургона, обнаружила их, и к светлому небу вознесся дикий рев:

— Verdammtе маленькие шалопаи-мальчишки, вы што — явились посмотреть на меня только одним глазком?

Словно бешеный бык, ринулся на них Альфредо, и они помчались изо всех сил. Однако громкий плеск воды заставил их повернуть голову, и тут Понтус истерически расхохотался. Альфредо рухнул ничком, споткнувшись о лохань, которую какая-то предусмотрительная душа поставила на его пути. И теперь он стоял на четвереньках над лоханью и тарасил вслед мальчишкам налитые кровью глаза.

Но рассмеялся не только Понтус. Тот самый Эрнст тоже громко хмыкнул.

— У тебя что — очередная еженедельная стирка? — спросил он.

И в тот же миг кто-то крикнул из фургона:

— Иди поешь, Альфредо!

— Да, поешь, пожалуйста, — крикнул на бегу Расмус. — Пойди и сожри парочку шпаг, тогда, быть может, у вас, дядюшка, настроение чуточку и поднимется!

— А ты видел, кто сидел рядом с ним на крыльце? — спросил Понтус, когда они удалились на почти-тельное расстояние. — Тот самый нехороший человек.

Расмус сердито кивнул.

— Думаю, они друг друга стоят, — сказал он. — Оба они человеконенавистники!

— Попадись мы Альфредо в следующий раз, он нас убьет, — решил Понтус.

Расмус был того же мнения:

— Лучше нам держаться подальше от него.

Понтус зевнул, и это заставило Расмуса быстро взглянуть на часы.

— Ой, знаешь, — сказал он, — половина одиннадцатого! А ведь недавно было только девять!

Ему велено было явиться домой в десять, и теперь мама рассердится на него. Он много раз пытался ей объяснить: часы его иногда немного проскакивают назад на час или сколько-нибудь в этом роде. Но мама говорила, что это просто предрассудок.

— Елки-палки, мне надо лететь! — сказал Расмус и припустил к выходу.

Братец Понтус галопом мчался за ним.

Он лежал в кровати, а Глупыш рядом с ним. Как чудесно, если рядом с тобой маленький теплый песик, когда ты приходишь домой замерзший. Мама, правда,

утверждала, что собаки заносят в постель грязь, но Расмус говорил ей: «Это просто предрассудок». И Глупыш думал так же. Он зарывался мордочкой в подушку Расмуса и удовлетворенно чихал.

— Ш-ш-ш, Глупыш, — шептал Расмус. — Ты самый лучший песик в мире!

Мама очень сердилась из-за того, что он вернулся так поздно, и он хладнокровно выслушал всю предназначенную ему ругань. Это в порядке вещей, а теперь — спать!

— Какой сегодня день, Глупыш?

Глупыш ответил довольным ворчанием и еще сильнее прижался мордочкой к руке Расмуса.

— Ах вон что, сегодня среда, — сказал Расмус.

И какая среда! Подумать только, сколько может случиться за один-единственный день! Но, понятно, такое бывает лишь во время весенней ярмарки. Завтра четверг, и никакой уже весенней ярмарки. Елки-палки, до чего будет скучно!

— Рубец, сетка, книжка и сычуг! — мрачно повторил он на ухо Глупышу.

А потом заснул.

Глава четвертая

Еще до того, как ему подарили Глупыша, все те полгода, что он клянчил себе песика, он давал наиторжественнейшие обещания: никого в семье его собака не обременит. Он сам полностью будет заботиться о ней.

Папа, похоже, сомневался.

— И сам будешь выводить ее по утрам? Не надейся, что можно выпустить собаку в сад, — она начнет лаять, и разбудит всех соседей, и разроет клумбы, и убежит, и ввяжется в драку с другими собаками...

— Я буду выводить ее *каждое* утро — это ведь просто развлечение, — обещал Расмус.

— Ты уверен в этом? — спрашивала мама. — В семь часов утра по воскресеньям, зимой, когда двадцать градусов мороза?..

— И ветер — тридцать метров в секунду, — добавляла Крапинка. — А Расмус выводит собаку на улицу.

— Представь себе, он *сделает* это, — говорил Расмус.

И вот ему подарили Глупыша. И лежа в своей постели по утрам, когда Глупыш стоял у дверей и смотрел на него взглядом, означавшим: «Ну, пойдем мы хоть когда-нибудь?» — Расмус искренне желал, чтобы собаки были чуточку иначе сконструированы. Требовалось совсем немного: усовершенствовать их так, чтобы они выходили на улицу только в прекрасную погоду и никак не раньше двенадцати часов дня. Однако Глупыш был раз и навсегда сконструирован так, что желал выходить в семь часов утра, даже когда лил дождь или проносился ураган. А мама была сконструирована так, что считала: Расмус должен выполнять обещанное. Иногда, когда папа рано шел на службу или возвращался домой утром после какого-нибудь ночного дежурства, случалось, он выводил Глупыша. Но, как правило, Расмус делал это сам. Это означало, что ему приходилось ставить возле кровати будильник, который помогал Глупышу взбадривать его каждый день в семь часов утра.

Когда в четверг зазвонил будильник, Расмус был еще сонный, но он все-таки вылез из кровати и побрел с полузакрытыми глазами в ванную. Чтоб окончательно проснуться, он ненадолго подставил голову под кран с холодной водой, затем украсил зубную щетку длинной красивой змейкой из зубной пасты, подержал щетку под краном, пока пасту не смыло водой, затем сунул щетку в рот и несколько раз неистово прошелся ею по

зубам. После этого он счел свой утренний туалет законченным и покинул ванную. Его мокрое полотенце было брошено на край ванны, из незавинченного тюбика вытекла на полку перед зеркалом струйка зубной пасты, все в ванной было мокрым — кроме мыла. По этим приметам мама узнавала, кто последним пользовался ванной.

— Ты что, не понимаешь? Люди хотят спать по утрам, — сказал он Глупышу, когда они вышли на крыльцо черного хода.

Глупыш совершенно этого не понимал. По-утреннему веселый, он игриво кинулся на клумбу с анютиными глазками, так что от его задних лап буквально дым столбом пошел, комья земли так и летели.

Расмус вышел с цепочкой в руках.

— Глупыш, ты ведь знаешь, что тебе нельзя бегать по клумбам. Иди сюда, а потом выйдем на улицу и, может, встретим Тессан.

Последнее было военной хитростью, чтобы Глупыш позволил надеть на себя цепочку. Тессан была гладкошерстная фрёкен-такса, которой Глупыш очень интересовался и которую иногда как раз в это время выгуливали на их улице. Глупыш очень любил эти утренние встречи, чего нельзя было сказать о Расмусе. Фрёкен Тессан выгуливала ужасная светловолосая девчонка по имени Марианн. Дело не только в том, что она была девчонкой — уже само по себе отягчающее обстоятельство, — она к тому же хотела болтать с Расмусом. А он этого не хотел — абсолютно. Когда Глупыш и Тессан принуждали их идти вместе, а Марианн принималась, по своему обыкновению, балаболить, на Расмуса нападала крайне несвойственная ему молчаливость.

Отвечал он неохотно и односложно, устремив взгляд в одну отдаленную точку, чтобы не видеть Марианн Дальман.

— Понимаешь, дело в том, что я очень плохо отношусь к девочкам, — объяснял он Глупышу, — и это — только хорошо. — Немного поразмышляв, почему это хорошо, он радовался, придумав правильное объяснение: — Потому что, если бы я не относился к ним плохо, я бы относился к ним хорошо, но я этого не хочу... потому что отношусь к ним плохо.

Но сегодня ему повезло: Марианн не показывалась, и улица была полностью в его распоряжении. Когда они проходили мимо садовой калитки Дальманов, глаза у Глупыша, само собой, стали чуточку грустными, но Расмус пустился бежать, заставив песика забыть свое разочарование, и Глупыш охотно и весело помчался вместе с ним.

Внезапно Расмус почувствовал, что утро — чудесное. Он был не из тех, кто обычно восторгается красотою природы, но тут он признался самому себе, что именно сейчас на их маленькой улочке довольно красиво. Он прожил на этой улочке всю свою жизнь, он знал, как она выглядит во все времена года. Осенью, когда идешь в школу, под ногами шуршит увядшая листва, а на тротуаре валяются упавшие каштаны. Зимой на столбиках калитки появляются большие мягкие шапки снега, а малыши лепят в садах снеговиков. Но никогда здесь не бывало так красиво, как сейчас, в мае. Не потому, что он так тщательно все рассматривал; у него было лишь общее впечатление от цветения яблонь, и щебета птиц, и от зеленых газонов, усеянных нарциссами; все это он переживал как нечто «красивое». И еще он признался самому себе, что не так уж и плохо жить на одном и том же месте, по крайней мере если это место выглядит так, как их старая зеленая вилла при свете солнца таким вот ранним майским утром.

Весело насвистывая, прошел он до самого конца улицы, затем свернул на поперечную улицу и дошел вдоль

живой изгороди, окружавшей лужайку, до белой калитки. Там он ненадолго остановился, глядя на большую белую виллу, почти скрытую за купой высоких вязов и целым морем цветущих яблонь.

Наклонившись, он погладил Глупыша:

— Понимаешь, Глупыш, здесь живет восьмое чудо света, здесь живет Йоаким.

Глупыш ничуть не заинтересовался. Остановись хозяин перед калиткой Дальманов и скажи: «Здесь живет восьмое чудо света, здесь живет Тессан», в словах его еще был бы какой-то смысл... но Йоаким! Глупыш дергал цепочку, желая идти дальше.

— Нет, Глупыш, — сказал Расмус, — нам пора домой, иначе я опоздаю в зубрильню.

Весь обратный путь они проделали бегом, и оба порядком запыхались, когда ворвались на кухню.

Крапинка сидела за кухонным столом, перед ней стояла чашка чая.

— Привет! — поздоровался Расмус.

Но услышал в ответ лишь что-то невнятное. И тотчас принялся готовить себе завтрак. Он намешал какао, поджарил хлеб, он насвистывал и болтал с Глупышом, так что очень не скоро до него дошло: с Крапинкой творится что-то неладное. Папа всегда говорил, что Крапинка встает с песней на устах, но сегодня ничего похожего не было. Она сидела подперев голову, низко наклонившись над чашкой с чаем и, похоже, плакала.

— Что с тобой, у тебя болит твоя «книжка»? — участливо спросил Расмус.

— Оставь меня в покое, — сказала Крапинка и, смолкнув, вздохнула.

Расмус встревожился:

— Что с тобой, чего ты вздыхаешь?

Крапинка подняла глаза, в них стояли слезы.

— Не можешь потише? Пей свое какао и, будь добр, помолчи.

Расмус послушался. Он тихо уселся к столу и стал есть. Но украдкой он поглядывал на свою горюющую сестру, и в нем росла тревога. Он не выносил, если кто-то в семье печален: все должны веселиться, никого не должны одолевать неприятности, о которых он бы не знал. Бывало, он яростно набрасывался на Крапинку; она была такая же вспыльчивая, как и он сам, и у них бывали жутко бурные столкновения, но он любил ее гораздо больше, чем когда-либо это показывал. И ему невыносимо было смотреть, как она сидит над чашкой с чаем с таким видом, будто все беды мира проносятся над ней. В конце концов он осторожно положил ладонь на ее руку и тихо сказал:

— Крапинка, ты *не можешь* рассказать, что с тобой? Я так беспокоюсь, когда не знаю, чем ты огорчена!

Крапинка взглянула на него полными слез глазами. Она похлопала его по щеке, и он позволил ей это без малейшего сопротивления.

— Прости меня, Расмус, — сказала она. — Тебе не зачем беспокоиться. Дело в том, что между мной и Йоакимом все кончено.

Расмус почувствовал бесконечное облегчение.

— Вот как, только это, — сказал он. — Тогда чего же ты реवेशь, ты ведь меняешь их каждые четверть часа?

Крапинка слабо улыбнулась:

— Ты слишком мал, чтоб это понять. Ты не знаешь, как я влюблена в Йоакима.

Внезапно глаза ее потемнели.

— А впрочем, нет, теперь я ненавижу его, — заявила она. — Он испортил мне жизнь!

— Да ну! — в ужасе воскликнул Расмус.

— Да, но и этого мало... Он испортил мне весь вчерашний вечер!

Расмус молчал. Если хочешь что-нибудь узнать, умнее всего поменьше спрашивать.

— Он жуткий идиот! — пылко воскликнула Крапинка.

Расмус согласно кивнул.

— Да, я всегда так думал, — сказал он.

Но он явно промахнулся с ответом. Крапинка зашипела:

— Что ты имеешь в виду?.. Конечно же, никакой он не идиот!

Однако потом она еще немножко подумала, а глаза ее еще больше потемнели.

— Да, он жуткий идиот! — сказала она. — Он идиот, идиот! Не хочу его больше видеть, никогда!.. А вообще-то можешь послушать, как все было, если тебя это интересует.

Расмус ответил, что ему это интересно. И Крапинка, пылая злобой, начала рассказывать.

— У папы Йоакима куча старинного антикварного серебра, — сказала она, — большая превосходная коллекция, одна из самых замечательных во всей Швеции. И есть там кувшин семнадцатого века, который хранится в застекленной витрине в маленькой комнатке... Отдельно от другого серебра... О, подлый Йоаким!

— Что он сделал с кувшином? — спросил Расмус.

— Дурачок, ничего он с кувшином не сделал, — сказала Крапинка.

Но там был еще один мальчик — Ян, тоже из оркестра «Pling Plong Players», и по словам Крапинки выходило, что и он влюблен в нее.

— Тогда пусть он будет вместо Йоакима, — предложил Расмус.

— Ян, — заявила Крапинка, — еще более жуткий идиот, чем Йоаким, а это уже немало.

Этот Ян хотел увидеть кувшин, и Крапинка пошла вместе с ним в ту самую маленькую комнатку, и тогда он... о, какой подолок!..

— Он разбил кувшин? — спросил Расмус.

— Хватит нудить, дался тебе этот кувшин, — сказала Крапинка. — Он поцеловал меня, вот что он сделал!

— До чего противно! — заявил Расмус.

Он так и в самом деле думал.

А тут как раз в комнату вошел Йоаким, и он все неверно понял, он решил, что Крапинка *сама хотела*, чтобы Ян ее поцеловал.

— *Хотела*, чтобы поцеловал? — возмутился Расмус, словно не веря своим ушам. — Как ему могла прийти в голову такая дурацкая мысль?

— Я же говорю, он — идиот! — подтвердила Крапинка. — И знаешь, что он сказал Яну? Вот что он сказал: «Целуйся с Крапинкой сколько угодно, но только не здесь, не у меня дома, я продаю ее по дешевке!»

Крапинка слегка вскрикнула от злости и отчаяния:

— Это я продаю *его* по дешевке, вот что!

— Да, раз так, то ведь только хорошо, что ты отделилась от него, — утешил сестру Расмус.

Тут Крапинка снова заплакала.

— Ты слишком мал, чтобы понять, каково это, — сказала она.

Расмус осознал, что он слишком мал, чтобы понять, каково это. Намазав масло и джем на новый ломтик поджаренного хлеба, он только собрался поднести его ко рту, как вдруг его осенило:

— Подумать только, а вдруг он вставит и тебя в свой «Каталог дешевой распродажи»?

Крапинка застонала:

— Как раз этого я и боюсь. О, лучше умереть, чем торчать в этом каталоге среди всех этих девочек-дурочек!

— А ты сказала ему, чтобы он вернул тебе фотографию? — спросил Расмус.

Крапинка резко кивнула:

— Конечно. Но он только презрительно засмеялся и сказал, что думает сохранить фотографию как маленькую память обо мне. Он сказал... о!..

Крапинка заплакала.

По четвергам, когда служба отца начиналась не раньше десяти, родители спали подольше. Но тут они проснулись. Расмус услышал, как папа громко напевает в ванной.

— Ничего не говори папе с мамой, — быстро сказала Крапинка.

Расмус кивнул:

— Нет, ясное дело... а вообще-то мне пора бежать в школу.

Глупыш отчаянно завыл. Его самые печальные на свете карие глаза обвиняюще смотрели на хозяина: неужели он опять уйдет? Расмус наклонился и приласкал его.

— Да, Глупыш, учителя не могут жить без меня!

Схватив учебники, он помчался в школу. У калитки он остановился помахать рукой Глупышу. Тот, как обычно, сидел у маленького окошка в тамбуре, глядя вслед Расмусу. Но окошко, вероятно, не было хорошенько заперто, потому что внезапно оно распахнулось и Глупыш, ликующе твякая, выпрыгнул оттуда и кинулся по лужайке прямо к Расмусу. Он дико лаял, чтобы объяснить хозяину, какая это была удачная шутка.

— Знаешь что, Глупыш, — сказал Расмус, — я начинаю думать, что ты умеешь открывать запертые окна. Правда умеешь?

Глупыш снова залаял и переменял тему разговора; ведь это его личное дело, как он ухитрится сбрасывать оконные крючки.

Но хозяин немилосердно водворил его обратно в неволю. Затащив песика в кухню, он сказал маме:

— Доброе утро, мама, я побежал. Но, будь добра, запри окошко в тамбуре, а не то Глупыш снова выскочит оттуда.

Потом он пошел в школу и уже не думал ни о Глупыше, ни о рубце, ни о сетке, ни о книжке, ни о сычуге, мысли его были заняты лишь Крапинкой... и ее печалью. И у него был такой задумчивый вид, что Понтус испугался, решив, что Расмус заболел.

— Не-а, это из-за Крапинки, — сказал Расмус.

— А что с ней? — спросил Понтус.

Расмус скорчил гримасу.

— Любовь и беда, — сказал он.

На лице у Понтуса появилось выражение глубокого участия.

— Она попала в беду? — спросил он.

— Да, именно так, — ответил Расмус, — в ужасную беду!

И он все рассказал Понтусу. Само собой разумеется, он должен был это сделать. Он знал, что Понтус будет хранить нерушимое молчание, да и вообще у этой парочки не было секретов друг от друга. А кроме того, в отчаянной голове Расмуса начал вырисовываться некий план, и, чтобы осуществить его, необходима была помощь Понтуса.

На первом уроке была биология, а у него — достаточно времени на размышления. Он мог более детально разработать свой план и изложить его Понтусу на перемене.

— Ну а четвертый желудок коровы как называется? — спросил учитель биологии.

Отвечать должен был Понтус, но он ни за что на свете не мог вспомнить название «сычуг». Он помнил только, что оно звучало вроде бы как название озера, и попытался было начать с названия «Осунден», но на

всякий случай решил промолчать, и вопрос пошел по кругу дальше.

— Четвертый желудок коровы... Расмус?

Расмус вздрогнул.

— Каталог, — очнувшись, ответил он.

Весь класс расхохотался, а магистр Хельгрен покачал головой:

— Заметно, что у вас вчера было два дополнительных свободных урока.

На перемене Расмус подстроил все так, чтобы оказаться с Понтусом в углу школьного двора.

— Слушай, Понтус, хочешь стать членом Корпуса Спасения? — спросил он.

Понтус ничего не понял.

— Какого еще Корпуса Спасения?

— «Корпуса Спасения Жертв Любви», — ответил Расмус. — Я недавно основал его. Смотри, там этот дурак Йоаким!

Он сердито уставился на темнокудрого юношу, который как раз прогуливался мимо них в обществе двух других гимназистов. И этот негодяй заставил Крапинку плакать!

— Крапинка, верно, думает, что он красивый, — предположил Понтус. — Раз у него такие волосы и такие черные глаза, он, видно, кажется ей интересным и настоящим аристократом.

Расмус фыркнул.

— Пусть будет каким угодно интересным и настоящим аристократом, — сказал он. — Пусть играет на гитаре, и пусть он самый лучший гимназист, и пусть влюбляет в себя девчонок сколько влезет, но одно абсолютно точно!

— Что именно? — спросил Понтус.

— А то, что моя сестра не попадет в какой-то там «Каталог дешевой распродажи»!

— Конечно нет! — согласился Понтус. — Но как ты ему помешаешь?

— Я пойду и стибрю у него этот каталог. Вот что я собираюсь сделать!

Понтус вытаращил глаза:

— Ты в своем уме? Как ты это сделаешь?

У Расмуса был решительный вид, точь-в-точь такой же решительный и упрямый, как всегда, когда он замысливал какое-нибудь сумасбродство.

— Я украду каталог сегодня же ночью, когда Йоаким будет спать. Пойдешь со мной?

Понтус еще сильнее вытаращил глаза, и в нем все забурило от восторга. Предложи Расмус перевернуть школу вверх дном, запереть в кутузку учителей, а им самим сбежать в Америку, у Понтуса был бы такой же восторженный вид. Он счел предложение Расмуса просто великолепным — самому ему ничего подобного в голову прийти не могло, он это знал. Понтус был готов участвовать во всех авантюрах Расмуса... но тайком забраться к Йоакиму! При одной мысли об этом Понтус захихикал:

— Ой, только бы мне удержаться от смеха... Ты в самом деле думаешь, что мы можем забраться к нему?

Расмус кивнул:

— Мы можем по крайней мере попытаться. Поставь свой будильник на половину второго ночи.

Они проболтали об этом всю перемену, и это развлекло их. Жажда приключений трепала их, как лихорадка. Горести Крапинки уже отступили на задний план, теперь все это превратилось в опасную, увлекательную и веселую игру. Поэтому, когда начался следующий урок, «Корпус Спасения Жертв Любви» был чрезвычайно взбудоражен. На юных лицах Расмуса и Понтуса читалось усердие, которое и трогало и радовало их учителя математики. Посмотрев на Понтуса, такого хитрящего и довольного, он потрепал ему волосы указкой и сказал:

— Какой у тебя, братец Понтус, веселый вид, ты радуешься, что научишься считать?

Понтус тихонько хихикнул и ничего не ответил.

— А у Расмуса Перссона вид необыкновенного мудреца, — продолжал магистр. — Полезно иногда посидеть в коридоре, предаваясь размышлениям о самом себе.

Оба они, весельчак и мудрец, тайно обменялись понимающими взглядами. Им очень хотелось угодить магистру и решить для него несколько несложных примеров, однако очень трудно было оторваться от бесконечно более важных мыслей. Школьный день тягуче продвигался вперед. Но наконец-то зазвонил звонок, возвещающий конец последнего урока, и двадцать пять мальчиков — Расмус и Понтус впереди всех, — словно свора кровожадных псов, ринулись к выходу. В дверном проеме Стиг попытался было протиснуться мимо, саданув Расмуса острым локтем меж ребер.

— Опаздываешь на поезд? — запальчиво спросил Расмус.

Спичка с презрительным видом ответил:

— Нет, а ты?

— Чего тогда толкаешься?

— А чего *ты* толкаешься, мелочь пузатая?

На улице состоялась рукопашная дискуссия о том, кто, собственно говоря, толкается, и она привела ко множеству новых толчков, пока они пытались внести ясность в этот вопрос. К тому же у них было еще несколько старых счетов, которые тоже надо было свести, и поэтому, как удовлетворенно констатировал Понтус, произошла «крупная драка на кулаках».

Все было бы хорошо, не вмешайся полиция.

— Что я вижу? Драка на улице? — услышал вдруг Расмус голос отца. — Безобразное поведение и просто не знаю, что еще!..

Он схватил сына за шиворот, чтобы разнять драчунов, но Расмус не хотел, чтобы их разнимали.

— Сопротивление полиции, — громким голосом произнес его отец. — Не будете ли вы, господа, так любезны разойтись, иначе я буду вынужден посадить вас в кутузку!

«Господа» нехотя разошлись и отправились восвояси.

— Теперь ты видишь, каково иметь отца-полицейского? — сказал Расмус, оставшись наедине с Понтусом.

Из носа у него текла кровь, верхняя губа опухла, он дико дрался и все-таки не успел внушить Спичке, кто, собственно говоря, толкался, а все только потому, что явился папа и встрял в драку.

— Чепуха! Зато Спичка получил по заслугам, — сказал Понтус. — Побереги свои силы, они пригодятся в ночной экспедиции.

Стоя на тротуаре прямо против Расмуса, он разглядывал его опухшую губу.

— На кого-то ты стал похож, — сказал он. И тут же расхохотался: — Теперь я знаю: ты — вылитая фру Андерссон из нашего дома.

Уже расставаясь с Расмусом, Понтус снова засмеялся.

— Привет, фру Андерссон, — сказал он. — Увидимся ночью, фру Андерссон.

Но мама не засмеялась, увидев его опухшую губу.

— Боже мой! — сказала она. — С кем ты так играл на этот раз?

— Неужели тебе кажется, что я с кем-то *играл*? — угрюмо спросил Расмус. — Понтус говорит, что я похож на фру Андерссон с Вшивой горки.

Обед был не таким радостным, как всегда. Обычно он бывал одним из самых приятных событий дня — так считал Расмус.

Он любил вкусно поесть, а кроме того, весело было сидеть в уютной кухне, жевать, и болтать, и смеяться вместе с мамой, папой и Крапинкой. И все время ощущать у ног Глупыша, этот маленький теплый комочек.

Но сегодня был не обед, а сплошной мрак. Крапинка сидела с таким видом, словно все беды мира подступили ей к горлу, а кроме того, на обед была отварная макрель. Уж эта рыба у кого угодно застрянет в горле — так считал Расмус. А сам он был похож на фру Андерссон с Вшивой горки. У этой старушки, должно быть, в самом деле забавный вид... Ну и смеялся же папа, когда пришел домой и увидел Расмуса! Этот папа... он, как всегда, был в хорошем настроении! Хорошо, когда у тебя отец с чувством юмора, но ему следовало бы быть деликатней с Крапинкой, а не таращить на нее глаза и не говорить: «А ну, здесь что — очередное собрание Общества Придурков»? Мама, та была тактичней. Она, вероятно, тоже заметила, что с Крапинкой неладно, но ничего не сказала. Опухшая губа, похожая на свинячье рыльце, саднила... и от этого не легче было глотать макрель. Расмус невесело тыкал вилкой в свой кусок рыбы. Мама обычно говорила, что кончать с едой надо именно тогда, когда еда вкуснее всего. И, заставив себя проглотить два кусочка рыбы, он отложил вилку в сторону.

— Знаешь, мама, — сказал он, отодвигая тарелку с макрелью, — сейчас еда была вкуснее всего!

У мамы тоже было чувство юмора, но оно редко проявлялось тогда, когда это в самом деле необходимо.

— Съешь то, что у тебя на тарелке, — сказала она.

И никакие уверения в том, что губа вздулась и саднит, не помогли.

— Что, она так же будет саднить, когда очередь дойдет до яблочного пирога? — спросила мама.

Как ни странно, ничего подобного! Ешь сколько хочешь — губа не саднит.

— Хотя это, пожалуй, только благодаря ванильному соусу, — высказал предположение Расмус.

Крапинка сидела молча, и Расмус понял, что, когда люди влюбляются, им не помогут никакие утешения и даже яблочный пирог с ванильным соусом. Расмус так жалел сестру, что предложил вместо нее вытереть посуду, хотя на этой неделе была не его очередь. Крапинка, похоже, была ему благодарна.

— Ты добрый, — сказала она и быстро исчезла в своей комнате.

Надев большой кухонный передник, Расмус приступил к делу. Он в самом деле чувствовал себя очень добрым, таким рыцарем без страха и упрека, который, во-первых, выйдет нынче в ночь, чтобы спасти честь сестры, а во-вторых — вместо нее вытирает посуду.

Мама удивилась, увидев, что он вытирает посуду.

— Это всего лишь добрые дела нынешнего дня, — объяснил он. — Одно я уже, понятное дело, сделал — надавал тумачков Спичке.

— *Такого рода* добрые дела, думаю, надо бросить, — сказал отец, — по крайней мере, не стоит заниматься ими посреди улицы.

— А добрые дела разве нельзя совершать на улице? — спросил Расмус и посмотрел на стакан, который только что вытер.

— Все, верно, немного зависит от того, какие это добрые дела, — сказала мама. — Если помогаешь маленьким детям или стареньким дамам переходить улицу или что-нибудь в этом роде, тогда ты — хороший мальчик, а если дерешься — то плохой.

Расмус взял следующий стакан.

— Ш-ш-ш, драться иногда *необходимо*. Но, во всяком случае, вчера Понтус, Сверре и я помогли фру Энокссон перейти Стургатан.

Мама одобрительно посмотрела на него.

— Как ты мил со своей опухшей губой, веснушками и в этом огромном кухонном переднике, — сказала мама, — но неужели и вправду потребовались трое мальчуганов, чтобы помочь фру Энокссон перейти Стургатан?

— Да, потому что она не хотела, — сказал Расмус. — Она сопротивлялась.

У его родителей появился такой испуг на лице, что он поспешил объяснить, как все было. *Сначала* фру Энокссон хотела перейти улицу, но, пройдя полдороги, испугалась автомобиля и хотела кинуться обратно... И вот тут-то им пришлось помешать ей это сделать.

— И вероятно, помешать машине переехать фру Энокссон и есть доброе дело, — с гордостью сказал он.

Вообще-то не так уж скучно было мыть посуду, так хорошо они в это время болтали. Папа сидел за кухонным столом и читал газету, но и он иногда вставлял словечко. Мама мыла посуду с быстротой молнии; Расмус не понимал, как она может так обращаться со стеклом и фарфором и почему они не разбиваются вдребезги. Один раз, моя посуду, он сам попробовал подражать маме, но, не успев даже приступить к делу, разбил три стакана.

— Как вчера было в Тиволи? — внезапно спросил отец. — Ты ничего об этом не рассказывал.

— Сплошь веселье! — ответил Расмус. — Там был чудесный шпагоглотатель!

Он продолжал вытирать посуду и вспомнил в наступившей тишине, какой вид был у Понтуса, когда прожужжал, пускаясь в путь, крысенок, и как стоял на четвереньках над лоханью Альфредо. Но о таких делах маме с папой не рассказывают.

— Да, это и в самом деле было весело, — сказал он, хохотнув про себя.

Затем мгновенно сбросил с себя передник и пошел, громко насвистывая, к себе в комнату. С посудой по-

кончено, осталось еще решить несколько задач по арифметике. Ему почему-то казалось, что если он будет вести себя по-настоящему примерно, то в ночной вылазке ему повезет; а если решение нескольких задач по арифметике поможет в задуманном, то — пожалуйста!..

Затем он заглянул к Крапинке. Она сидела у окна в своей комнате, задумчиво глядя на цветущие яблони за окном. Расмус таинственно улыбнулся, подумав, как обрадуется она завтра. Он подумал было, не рассказать ли ей уже сейчас о своем великолепном плане, но удовольствовался тем, что успокаивающе похлопал ее по плечу:

— Не расстраивайся, Крапинка. По крайней мере пока у тебя есть брат, который может кое-что устроить — раз, два, и готово!

— Ты устраиваешь не то, что нужно, — сказала его неблагодарная сестра.

Тогда он снова пошел к себе. Растянувшись на ковре вместе с Глупышом, он начал читать книгу «Последняя битва Оленьей Ноги». Книга была увлекательная, просто мировая. Он уже совершенно погрузился в неистовую войну индейцев, когда пришла мама и сказала, что пора ложиться спать. Он запротестовал для порядка, но не очень сильно. Он понял, что надо попытаться заснуть, скоро ведь снова вставать.

Сбросив одежду, он уже собрался было прыгнуть в кровать, но тут вмешалась мама:

— А умываться? И ноги — тоже.

— Ш-ш-ш! — прошипел Расмус.

Ему, который будет спать только до половины второго, зачем ему этот ненужный подхалимаж? Он попытался заставить маму понять, что ноги у него вовсе не грязные. Они просто кажутся такими, потому что они — в тени!

— В таком случае это *полная* тень, которая линяет, — сказала мама. — Иди умывайся!

Он боролся до последнего, зная, что это безнадежно. Затем неохотно направился в ванную.

— «Последняя битва Грязной Ноги», — услышал он за спиной мамин голос.

Иногда у нее хотя бы есть чувство юмора...

Довольно чистый, довольно сонный и довольно веселый, лежал он в постели, прижавшись носом к Глупышу.

— Ты, Глупыш, не пугайся, когда ночью зазвонит будильник. Он затрезвонит для меня, а ты — ты спи.

Глава пятая

Никогда он не подозревал, что будильник поднимает такой шум, когда звонит ночью. Он в панике шарил в поисках кнопки, чтобы выключить будильник; ведь такой дьявольский звук разбудит весь дом!.. Во всяком случае, Глупыш проснулся, явно полагая, что хоть один раз утро наступило мало-мальски вовремя.

— Да нет же, Глупыш, — прошептал ему Расмус, — еще не утро, ложись спать!

Глупыш крайне удивленно склонил головку набок. Он размышлял. Раз хозяин выскочил из кровати и с такой быстротой набрасывает на себя одежду, значит, уже наверняка утро. Хотя что-то не сходится. Почему так темно?! И почему хозяин пробирается тайком, словно ему грозит какая-то опасность, зачем он это делает? Глупыш громко вопрошающе затыкал.

— Ой, а ты не можешь помолчать? — умоляюще прошептал Расмус.

Глупыш замолчал. Но он вовсе не собирался ложиться спать, тут что-то не так, надо понаблюдать. Ага, теперь хозяин пошлепал в тамбур, значит, он все-таки *думает* выйти?

Глупыш решительно протиснулся в тамбур. Если сейчас в самом деле утро, то выйти на улицу — священное право каждого пса. Он громко заскулил, чтобы напомнить об этом.

— Милый Глупыш, — в страхе прошептал Расмус, — ложись в свою корзинку, тебе нельзя сейчас идти со мной.

Тогда Глупыш обиделся. Он страшно обиделся. Он молча стоял и смотрел на хозяина, и во взгляде его читались самые что ни на есть жестокие упреки. Но в тамбуре было темно, и в таком мраке бедный маленький песик кажется лишь темным комочком на полу тамбура. Никто и не заметит, что он пытается выразить своим взглядом.

— Я скоро вернусь домой, Глупыш, — прошептал Расмус.

Осторожно открыв дверь, он выскользнул на веранду. Постояв там тихонько несколько секунд, он прислушался. В доме было тихо, а Глупыш молчал. Расмус облегченно вздохнул.

На улице была ночь, ой какая ночь! Хотя еще не совсем стемнело. Ведь майские ночи — это скорее своего рода сумерки. Он вспомнил, что сказала этим вечером мама папе.

— В такие светлые майские и июньские ночи, собственно говоря, вообще не надо спать!

Ну, она, верно, была бы довольна, если бы увидела его сейчас. Увидела бы, что в семье есть по крайней мере один человек, который бодрствует, когда нужно.

А там, у калитки, уже ждал его Понтус, замерзший и серьезный с виду; может, он раскаивался, что вступил в «Корпус Спасения Жертв Любви», а может, просто не знал, что это такое — бодрствовать в майские ночи?

Они кивнули друг другу, не осмеливаясь говорить. Расмус молча показал карманный фонарик, чтобы

Понтус знал: самое главное он не забыл. И без единого слова, согнувшись, сунув руки в карманы брюк, тесно прижавшись друг к другу и несколько напоминая парочку воров-взломщиков на пути к напряженной ночной работе, пустились они рысцой навстречу ночному приключению.

Улица простиралась тихая и заброшенная, темно и тихо было во всех домах, не видно ни единого, ни малейшего лучика света, который означал бы, что кто-то бодрствует.

— Весь этот город спит, — шепнул Расмус, — но только не мы!

Неслыханно быть единственными бодрствующими в городе, который спит.

— Надеюсь, малыш Йоаким тоже дрыхнет вовсю, — хмуро сказал Понтус.

И верно, в роскошной господской вилле среди яблонь было темно. Стоя у калитки, они смотрели туда точь-в-точь так, как этим же утром смотрел Расмус. Но сейчас, ночью, все было по-другому! И все — непохоже. «Пахнет иначе, и вообще *все иначе* и гораздо красивее», — думал Расмус.

Яблони светились такой белизной, что сад Йоакима казался почти волшебным, таким, какой мог только присниться... может, он и приснился ему самому? Или, может, Йоакиму? Но зачем бы это ему, Расмусу, брать на себя такой труд — придумывать во сне сад именно для Йоакима? Для него одного из всех людей на свете? Для Йоакима... для того, кому вообще снится, верно, как бы заполучить побольше, еще побольше, еще и еще девочек в свой «Каталог дешевой распродажи». Расмус свирепел, думая об этом. Но уж в дальнейшем пусть не рассчитывает причислить к ним фрёкен Крапинку Перссон, ибо сейчас, в ночи, приближается ее мститель.

Тихо-претихо подошли они к вилле. Тихо-претихо отворили калитку... Это идут два мстителя в синих брюках и кедах, они крадутся во мраке среди белых яблонь. Они стараются не наступать на дорожку, посыпанную гравием, хотя там лежат целые сугробы опавших лепестков, но все же тише и надежней ступать по траве. Лужайка влажная от росы, влага проникает сквозь кеды, а от этого немного холодно. Но больше всего мерзнешь от напряжения, заставляющего мурашки бегать по спине. Потому что сейчас Расмус с Понтусом заберутся в спящий дом, и это в самом деле довольно увлекательная авантюра.

В этом доме живет самый богатый человек в Вестанвике. По крайней мере, люди говорят, что никого богаче барона фон Ренкена в городе нет. Дом его битком набит драгоценностями. Однако хозяйки в доме нет... У фон Ренкена есть только его драгоценности и еще Йоаким, «а уж он-то, верно, сокровище почище всякого другого», — насмешливо думает Расмус.

Говорят, что он к тому же и добрый, этот барон фон Ренкен. Но если к нему влезают в окно посреди ночи прямо на глазах, то ведь неизвестно, надолго ли хватит его доброты. А вообще-то хоть какое-нибудь окно открыто? Да, на верхнем этаже два окна распахнуты, на радость всем комарам и ночным мстителям. А кроме того, барон фон Ренкен как раз в эти дни нанял маляров — перекрасить дом. Маляры же, прислонив лестницу к стене, оставили ее как раз под одним из открытых окон. Мстители удовлетворенно смотрят друг на друга. Все складывается как нельзя лучше — сплошная прогулка!

Но в подвале тоже открыто оконце. И более того, оно не только открыто, оно совершенно отсутствует и, как ни странно, валяется в траве.

Расмус молча показывает: пробираться надо через подвал. Это надежнее всего, барон вряд ли подстергает их там в такое время.

Расмус просовывает голову в оконный проем, прислушивается и принохивается, освещая подвал карманным фонариком. Подвал явно деревянной. В некотором отдалении на полу Расмус явно различает поленницу. Все это время фонарик держит Понтус. Расмус же садится верхом на обвязку окна, затем, повиснув на руках, соскальзывает вниз на поленницу. Поленья под ним, угрожающе треща, слегка осыпаются, поднимая ужасающий шум. Понтус хихикает в саду. Он хихикает и тогда, когда наступает его черед соскользнуть вниз, а поленница трещит и под ним. Хотя вообще-то он очень боится. Они оба боятся и довольно долго стоят, не смея шевельнуться. Но в огромной вилле тихо, совершенно тихо, и постепенно они осмеливаются подняться по лесенке подвала. И вот они в кухне, там пахнет бифштексами и жареным луком. Это действует успокаивающе: во всяком случае, они попали не к людоедам.

Он в самом деле живет в роскоши, этот барон! У него большие гостиные, обставленные тяжелой старинной мебелью, и горка с серебром — они мельком видят частицу этого великолепия во время своего молчаливого марша на цыпочках через анфиладу комнат. Свет карманного фонарика Расмуса гуляет на остекленных витринах с серебром, такого богатства им никогда прежде видеть не приходилось.

— Ой, сколько серебряных горшков, — шепчет Понтус. — Ему, папашке Йоакима, должно быть, уже исполнилось пятьдесят! — Но тут же останавливается как вкопанный. — Слыхал?

У него такой обезумевший от страха вид, что Расмус пугается, хотя ничего и не слышал.

— Что случилось? Что это было?

— Шаги, — шепчет Понтус. — Кто-то шмыгает здесь, в доме.

Кто может шмыгать здесь, в доме, если не сам барон? А может, Йоаким; ой, хоть бы это был Йоаким! Барону никогда не понять, что к нему в дом заглянул на минутку всего лишь «Корпус Спасения Жертв Любви».

Они ждут, совершенно парализованные. Ждут и обливаются потом от ужаса. Но ни барон, ни Йоаким не появляются. Все снова тихо.

Ха! Верно, это им только померещилось! Когда боишься, можно придумать все, что угодно. Они решают больше не бояться, они чуть ли не высокомерны... Ведь все идет хорошо, никакие бароны по углам не прячутся!

— Как по-твоему, где его комната, ну, этого Йоакима? — шепчет Понтус.

— Наверху, конечно! Иди сюда!

По широкой дубовой лестнице, ведущей на второй этаж, они крадутся уже так уверенно, словно выросли в этом доме.

Но здесь, наверху, множество дверей — на выбор. За какой из них спит Йоаким? Расмус осторожно тарашится на ближайшую к ним дверь... Уж не это ли комната Йоакима?

Там стоит большая кровать и кто-то храпит. Кто-то очень необычно храпит:

— Гррр-пюшш... гррр-пюшш!..

Верно, только старые бароны так храпят. Йоаким никак не мог бы издавать подобные звуки. Расмус и Понтус уверены в этом.

— Гррр-пюшш...

Понтус хихикает.

Но Расмус уже открыл следующую дверь. Там никто не храпит, там совершенно тихо. Но кто-то лежит на кровати; красивая темнокудрая голова покоится на подушке. Он в самом деле спит спокойно, он не бодрствует, этот Йоаким, и не убивается, что испортил жизнь Крапинке. Расмус освещает его карманным фонариком.

— Маленький глупый барон, где твой маленький глупый каталог?

Не спит же он, верно, с этим каталогом под подушкой! Свет карманного фонарика пляшет, обыскивая комнату. Да, у этого молодого барона тоже все роскошно. Хотя никакого серебра нет. Но есть большой, шикарный письменный стол, и книжные полки, и удобные стулья, и гитара, висящая на стене. А еще — прекрасные картины, а не какие-нибудь портреты кинозвезд, приклеенные к стене, как в комнате Крапинки. Да и зачем ему кинозвезды, если у него есть целый каталог, битком набитый фотографиями девчонок?

На книжных полках ничего похожего на «Каталог дешевой распродажи» нет. Тщетно скользит свет фонарика по названиям книг. Но и на письменном столе лежат книги. Учебник всеобщей истории для гимназий, история шведской литературы, французская грамматика... Вроде бы он прилежный ученик, этот Йоаким! Упражнения по английскому правописанию... *«Каталог дешевой распродажи»*, ура! *«Каталог дешевой распродажи»*! Расмус кидается на него, подобно ястребу.

И тут же поворачивается к Понтусу:

— Вот он!

Но Понтус стоит совершенно молча, обезумевший от страха, и голос его доносится до ушей Расмуса, как шепот призрака:

— Слышишь, кто-то шмыгает в доме. По-моему, кто-то идет!

Несколько мелких быстрых прыжков, и Расмус у окна.

— Скорее вылезаем!

Ведь под окном — лестница, лестница, которую оставили, будь они вечно благословенны, эти маляры!

Не так уж много секунд требуется, чтобы выбраться на лестницу и съехать вниз, в траву. Они бегут среди яблонь так, словно под ногами у них горит земля.

— Ты в самом деле думаешь, что там кто-то был? — спрашивает запыхавшийся Расмус.

Теперь они уже на его родной улице — стоят, переводя дыхание, под уличным фонарем, ликующие и счастливые, наконец-то в безопасности.

Понтус хихикает:

— Да не знаю! Хотя мне, во всяком случае, послышалось, что так оно и было!

Но Расмус смотрит только на каталог, на драгоценный каталог, который они украли у Йоакима.

— Чепуха! Может, у них какое-нибудь древнее фамильное привидение, которое бродит в доме по ночам?! — Он усердно листает толстую тетрадь. — Сколько тут невест!

Да, там целая коллекция девочек, которые так мило улыбаются, не зная, что Йоаким продает их по дешевке. Но где же Крапинка... где эта белокурая дерзкая девочка с лошадиным хвостиком и смешливыми ямочками на щеках?

Расмус долго ищет сестру, а потом растерянно глядит на Понтуса:

— Крапинки здесь нет!

Он молча и удрученно думает, а потом решительно говорит:

— Идем, возвращаемся обратно! Без фотографии Крапинки я домой не пойду!

Понтус хихикает, словно кто-то его щекочет:

— Ты все-таки, пожалуй, не в своем уме, не можем же мы целую ночь лазить взад-вперед к Йоакиму и обратно.

Но Расмус все объясняет ему. Он, верно, так занят, этот несчастный Йоаким, что не успел вклеить фотографию Крапинки в каталог. И если даже Расмус и спер «Каталог дешевой распродажи», то ведь для такого, как Йоаким, проще простого завести новую тетрадь с

Крапинкой на первой странице. А этому не бывать, пока брат ее жив-здоров и в силах лазить по лестницам.

— Пойдешь со мной?

Понтус кивает:

— Ясное дело, пойду!

Терпеливо и упорно мчатся они галопом тем же путем назад. Та же самая улица. Та же живая изгородь, окружающая лужайку. Та же белая калитка. Та же мокрая от росы трава. Та же лестница. Да, на этот раз они взбираются прямо по лестнице. Теперь-то они знают, где комната Йоакима.

А он, тот же «малыш Йоаким», спит так же спокойно, как и раньше. На спинке стула висит его пиджак.

Вспомнить бы вовремя, что Крапинка сказала сегодня утром: «Сначала он носит фотографию как можно ближе к сердцу, а потом она оказывается в „Каталоге дешевой распродажи“».

Поскольку фотографии в каталоге нет, она должна быть у него как можно ближе к сердцу, то есть в бумажнике... Чтобы вычислить это, много хитрости не требуется. А бумажник — не иначе — в каком-нибудь кармане пиджака. Спокойно и методично ощупывает Расмус пиджак и вытаскивает бумажник.

— Так я и думал.

Держа в руке фотографию, он показывает ее Понтусу. Он освещает ее карманным фонариком. И мальчики видят, как щурятся им навстречу веселые глаза Крапинки. «Она — единственная!» — написал Йоаким по краю фотографии. Да, и это говорит он, он, у которого целый гарем! Расмус сердито смотрит на кровать. Он подносит «Каталог дешевой распродажи» к самому носу Йоакима:

— Вообще-то можешь получить обратно своих невест, делай с ними что хочешь, на здоровье. Но Крапинки ты никогда больше не увидишь!

Наконец-то! Наконец-то мстители со спокойной совестью могут идти домой и лечь спать.

— Привет, Йоаким! — шепчет Расмус. — Спасибо за сегодняшний вечер!

Затем он вылезает на лестницу, следом за ним движется братец Понтус.

Но они тут же замирают — каждый на своей перекладине. Как два ворона на верхушке одной сосны, застывают они в полной неподвижности и смотрят во все глаза на ту крайне поразительную картину, которая разворачивается прямо под ними.

Все происходит точь-в-точь как в кино. И с просто невероятной быстротой. Какой-то человек прыгает из окна, потом ему протягивают огромный мешок, а затем другой человек вылезает тем же самым путем. Но они сейчас вовсе не в кино. Все это творится на самом деле, сейчас, когда только-только начинает заниматься майский день, а птицы по-утреннему щебечут в саду барона фон Ренкена.

Они не смеют думать... Не смеют думать о том, что произойдет, если кто-либо из этих грабителей хотя бы чуточку поднимет глаза и увидит их на лестнице. Мальчики только смотрят друг на друга вытаращенными глазами: «Снится мне или ты тоже видишь все это?»

Они еще шире открывают глаза, когда узнают этих двоих, что так поспешно удаляются, лавируя среди цветущих яблонь.

— Альфредо! — шепчет Расмус. — А второй... Нехороший человек! Идем быстрее!

Если ты сын полицейского, то тут уже ничего не поделаешь! Тут надо действовать быстро. Потому что люди, вылезавшие из окна посреди ночи, — воры... поскольку они ни к одному из Корпусов Спасения отношения не имеют и, разумеется, каталогов дешевой распродажи не берут. Да, и в том мешке лежит не

какой-то там «Каталог дешевой распродажи» — там коллекция серебра барона фон Ренкена, можно держать пари, что так оно и есть.

— Хорошенькие призраки! — возбужденно шепчет Понтус. — Вот этих-то кукушек я и слышал. А не сбегать ли нам за твоим папашей?

Расмус качает головой. Сначала надо выследить Альфредо, увидеть, куда он направляется с серебром. Воры уже за калиткой и большими, энергичными шагами удирают вдоль изгороди, окружающей лужайку. Они так торопятся и даже не подозревают, что на почтительном расстоянии за ними следуют два мстителя в синих брюках и кедах — парочка, которая и не думает на этот раз смотреть только одним глазком, а хорошенько вытирашила свои глаза, свои зоркие наблюдательные оконца.

Разве они не бродили по всей территории Тиволи позавчера вечером, желая хоть одним глазком заглянуть в такое вот маленькое окошко одного из домов-фургонов, так уютно разбросанных среди кустов сирени? Именно этим они сейчас и занимались. Фургон Альфредо — вот куда они заглядывали... О, какое зрелище! Между двумя половинками красной клетчатой занавески светилась узенькая щелочка, такая узенькая, что они и вправду могли смотреть на Альфредо только одним глазком. Но и этого, елки-палки, было достаточно, еще как достаточно! А окошко за опущенной занавеской было открыто, так что они все слышали, хотя стук их испуганно бьющихся сердец почти заглушал звуки, доносившиеся из фургона.

В фургоне их было трое: Альфредо и его компаньон и еще эта пухлая женщина, которая ассистировала Альфредо, когда он глотал шпагу. Хотя теперь на ней был халат, а не алое шелковое платье, они все же узнали ее. А на полу между ними тремя... Боже! Если

бы барон фон Ренкен это видел! Там большой сверкающей кучей лежали все его серебряные причиндалы.

Глаза Альфредо тоже сверкали, когда он смотрел на эту гору. Он потирал свои могучие руки и улыбался так, что его белые зубы блестели. И, хлопая женщину по спине, он говорил:

— Милая Берта, видела ли ты в своей грешной жизни нешто подобное?

«Наверняка милая Берта такого не видела, — думал Расмус, — да и я тоже».

И она, Берта, была, похоже, чрезвычайно довольна.

— Подумать только, как это вы столько нашли! Теперь-то вы и вправду заслужили по чашечке кофе.

«Да, особенно когда приходишь домой с такой кучей „найденных“ вещей сразу», — угрюмо подумал Расмус.

Другой, с уродливым ртом, казалось, нервничал и не мог усидеть спокойно, он стоял, нетерпеливо притопывая.

— Кофе! — сказал он. — Можешь зарубить себе на носу, что он нам необходим! На этот раз нам бешено подфартило!

Тут улыбка Альфредо погасла у него на губах. Он начал вращать глазами и воздел призывно руки к небу, словно желая, чтобы и высшие силы услышали его слова:

— Эти *verdammt* маленькие шалопаи-мальчишки, попадись они мне, я убью их!

Двое под окошком быстро и испуганно посмотрели друг на друга. Но испугались не только они, а еще один человек... Берта!

— Какие мальчишки, о чем ты говоришь, Альфредо?

— О шем? Я говорю об этих маленьких навозных мухах, которые жужжали вокруг меня все время с тех пор, как мы здесь появились, тех, которые хотели посмотреть на меня хотя бы одним глазком.

Берта, как видно, совершенно обезумела от страха.

— Вы их встретили?

— Встретили! — с досадой сказал Альфредо. — Они были там, в доме, спроси Эрнста.

— Да, это не враки, Берта, они были там, в доме. Тут Берта рассвирепела:

— Вы что, не в своем уме? Теперь к нам в любую минуту нагрянет полиция!

Но Альфредо успокаивающе поднял свою огромную лапу:

— *Ruhig!*¹ Они нас не видели, это мы видели их!

Двое под окошком снова посмотрели друг на друга, на этот раз с некоторым торжеством во взгляде.

— Могу я узнать, как это было? — испуганно спросила Берта. — Может мне кто-нибудь рассказать, как это было?

— Да, а теперь слушай, — сказал Альфредо, — теперь слушай! Мы с Эрнстом понемножку вошли в дом и собрались помочь барону избавиться от его серебра, слышим, што-то... бум... што-то трещит где-то в доме, а потом снова... бум!.. и Эрнст бежит и прячется за шкафом, а я, я заползаю под стол и лежу там и думаю, как ты расстроишься, милая бедняжка Берта, когда услышишь, что меняхватила кондрашка и я окошурился под столом...

— Да, да, — нетерпеливо оборвала его Берта, — а как было с мальчишками?

— Погоди немного, — сказал Альфредо, — понимаешь, милая Берта, когда обе ноги у меня затекли и я подумал, што, сколько бы «бумов» ни было, я сейшас же выползаю из-под стола, как вижу вдруг, што эти двое маленьких шалопаев-мальшишек входят в комнату, где как раз мы...

У Берты был такой вид, словно по телу ее ползали муравьи, и от ужаса она то и дело разевала рот.

---

¹ Спокойно! (нем.)

— Да, просто кошмар, — подтвердил Эрнст, — и мне это, черт побери, жутко не нравится. У них был с собой даже карманный фонарик, которым они светили. У-у, сопляки!

Альфредо озабоченно покачал головой.

— Да, я впал в такое отшаяние там, под столом, — сказал он. — «Такие молодые маленькие шалопаи-мальшишки, — думал я, — а уже вступили на путь преступления, ништожные похитители серебра», — думал я... А тут еще мои ноги совсем затекли!

Эрнст с задумчивым видом ковырял в носу:

— Странно! Не понимаю, что они там делали. Ведь не за нами же они охотились, да и не за серебром.

— Бараньи вы головы! — сказала Берта. — Ясное дело, они видели, как вы забрались в дом, а потом пошли за вами.

— Нет, Берта, — возразил ей Альфредо, — они нас не видели, хотя можно подумать, что эти навозные мухи шуют меня на расстоянии многих миль.

Эрнст продолжал:

— Я прокрался за ними. Они были наверху, в одной из спален, бог знает что они там делали! Я стоял, подглядывая за ними сквозь дверную щелку, и тут они вылезли через окно на лестницу и исчезли.

— Прямо в полицию, я уверена, — сказала Берта, зловеще кивнув.

Но тут Альфредо ударил кулаком по столу:

— Прикуси свой поганый язык, Берта! Не пугай Эрнста, ты ведь знаешь, што нервы у него слабые! Подай нам кофе и молши.

Берта замолчала. Она послушно сняла кофейник со спиртовки, налила им кофе в большие алые чашки и поставила на стол булочки. Когда они вот так, словно

в гостях, сидели у стола за чашкой кофе, у всей этой тройцы был какой-то по-настоящему уютный вид. Берта, похоже, была из тех женщин, которые любят, когда вокруг красиво! На нарах лежали клетчатые покрывала, а на столе в маленькой уродливой вазочке стояла сирень. Но вдруг Альфредо сунул руку в кучу серебра и выудил оттуда большой кувшин с крышкой.

— Вот, Берта, это более подходящий горшок для цветов, — сказал он.

Вытащив сирень из вазочки, он быстро сунул ее в серебряный кувшин. А затем, преисполненный блаженства, стал смотреть на него.

— Подумать только, глаза мои сподобились узреть этот кувшин! Какое счастье для старого похитителя серебра!

Но Эрнст нервничал:

— Давайте сложим все в мешок и уйдем отсюда прежде, чем весь город проснется. Здесь нам его не спрятать!

— Нет, Боже сохрани, — сказала Берта, словно отбиваясь от кого-то обеими руками. — Здесь полицейские завтра же наверняка устроят облаву.

— Да, эти полицейские ищейки всегда являются в Тиволи, шуть што мало-мальски слушается, — сказал Альфредо и взял еще одну булочку. — Они вешно думают, што кто-то из Тиволи замешан, — с оскорбленным видом добавил он.

Эрнст злобно ухмыльнулся.

— Бывает, что они думают это не зря, — сказал он и нервно продолжил: — Надо спрятать серебро в надежное место, пока завтра не явится антиквар по прозвищу Акула. — Он начал укладывать серебро в мешок. — Мне не нравится, что надо ждать аж до завтрашнего вечера... черт возьми, как мне это не нравится, но он, антиквар, эта прожорливая Акула, не может раньше.

Альфредо продолжал спокойно макать булочку в кофе.

— У тебя нервы слабые, Эрнст, такого с тобой раньше не было. Ruhig, мы, пожалуй, найдем тайник...

— Где? У тебя есть какое-нибудь предложение?

Альфредо задумчиво почесал за ухом:

— Да как сказать! Как по-твоему, милая Берта? У тебя ведь сестра в этом городе?

Берта энергично кивнула:

— В погреб у моей сестры, что вы на это скажете?

— В погреб у твоей сестры? — недоверчиво переспросил Эрнст. — А потом твоя сестра попрется в погреб за картошкой и все обнаружит!

Берта злобно посмотрела на него своими водянистыми голубыми глазами и фыркнула:

— Представь себе, что не попрется! Она лежит в больнице со сломанной ногой, вот где моя сестра!

Нельзя сказать, что вид у Альфредо был чрезмерно участливым, наоборот, он щурился, явно довольный таким обстоятельством.

— Да, твоя милая бедняжка сестра, она сломала ногу... и вдобавок — правую! Она не сможет пойти в погреб даже за одной-единственной маленькой картошкой.

Эрнст переводил взгляд с Альфредо на Берту и с Берты на Альфредо. Взгляд у него был по-прежнему подозрительный.

— Мне это не нравится, — сказал он. — Ведь тут есть и такие, кто ног не ломал...

— Понимаю, тебя это огорчает, — язвительно сказала Берта. — Да по мне, прячь мешок куда хочешь. Но вообще-то у меня ключ от погреба, я буду брать там понемножку сок и носить в больницу. Но лучше спрячь мешок ты, тебе ведь лучше знать, куда прятать краденое!

— Успокойся, Берта! — сказал Эрнст. — Хорошо, спрячем в погребе. Но оба уясните себе одно: я заплом-

бирую этот мешок... понятно? Запечатаю мешок свинцовой plombой, и эта свинцовая плomba должна быть на месте, когда мы передадим мешок антиквару Акуле завтра вечером... понятно?

Берта с ненавистью взглянула на него:

— Ты мелкий поганый тип, понятно? Ты что, не доверяешь Альфредо и мне?

Но Альфредо спокойно помахал своей булочкой:

— Ты закусишь наконец свой поганый язык, Берта? Доверие, пожалуй, хорошо, но свинцовые пломбы еще лучше — так всегда говорила моя мамочка. — Он повернулся к Эрнсту. — Можешь разукрасить весь мешок свинцовыми пломбами, если хочешь. Завтра вечером явится антиквар Акула, и тогда все эти пломбы полетят. Боже, сжался надо мной, но на сей раз ему придется раскошелиться!

Эрнст согласно кивнул:

— Придется, да! Не будет так, как в последний раз, когда он скупил у нас все барахло за бесценок, а потом продавал в своей антикварной лавке в десять раз дороже. — Он обеспокоенно посмотрел на ручные часы. — Уже больше трех. Если мы хотим успеть все это перенести, надо начинать немедленно! Где у твоей сестры погреб?

Теперь... теперь пора было перейти в безопасное место. Они могли залезть в кусты сирени и там спрятаться. Ведь воры в любую минуту могут выйти из фургона. «Быстрее, — думал Расмус. — Быстрее! Что теперь делать? Ага... Понтус тихонько пойдет за ними и последит, а я побегу за папой!»

Но случилось нечто совсем другое.

Вся Вшивая горка была погружена в сон. В маленьких фургонах никто не бодрствовал, никто, кроме тех троих в зеленом фургоне Альфредо среди кустов сирени.

Был ранний час восхода солнца, и никогда не бывает так тихо, как в это время, так тихо и мирно. И в этой мирной тишине раздался вдруг громкий, веселый, задорный собачий лай. Лаял очень веселый маленький песик... Да и как ему было не веселиться, если он нашел своего хозяина и *наконец-то* настало утро!

— Глупыш! — жалобно застонал Расмус. — Тебе не надо было приходить. Зачем ты явился именно сейчас?

Глава шестая

Вшивая горка была ярмарочной площадью Вестанвика более трехсот лет и видела немало драк: и дикие драки цыган с поножовщиной, и обычные звонкие оплеухи, которые отвешивали друг другу крестьянские парни, приехавшие на ярмарку, чтобы повеселиться на свой простой манер. Но ничего подобного тому, что произошло здесь, когда солнце взошло именно этим утром в пятницу, в мае, Вшивой горке никогда переживать не доводилось. Старые воры и воровки, дети и собаки — в дикой свалке среди кустов сирени... Да! Такое Вшивой горке доводилось видеть лишь один раз в триста лет, да и то едва ли!

— Беги, Понтус, беги! — пронзительно закричал Расмус.

И Понтус помчался так, что кусты сирени зашумели; за ним буквально по пятам мчался Эрнст.

Сам Расмус бежать не мог. Твердая рука Альфредо держала его за шиворот, и он чувствовал себя зажатым, словно в тисках.

— Молши! — шипел шпагоглотатель. — А не то сверну тебе шею, хошешь?

Похоже, он и в самом деле собирался это сделать; Расмус испуганно захныкал, но тут вмешался Глупыш. Никто не смеет так обращаться с его хозяином! Конечно,

хозяин скоро поколотит этого верзилу-хулигана, который держит его за шиворот. Но на всякий случай Глупыш решил помочь Расмусу. Рванувшись вперед, он яростно залаял, чтобы хулиган решил, будто он собирается его укусить. Хулиган и вправду так подумал; где ему было знать, что Глупыш ни разу в жизни никогда никого не укусил, кроме маленького невинного цыпленка, которого однажды угораздило встретиться ему на пути. Альфредо бешено пнул его ногой, и, взыв от боли, Глупыш угодил прямо в кусты. Тут Расмус обезумел; когда кто-нибудь хоть пальцем трогал его собаку, он просто терял рассудок и сам не знал, что делает. С быстротой молнии вцепился он зубами в обнаженную руку Альфредо. А может, в самой глубине его ожесточенной души было нечто, рассуждавшее так: «Ты пинаешь мою собаку, а собака не может укусить тебя, но теперь ты увидишь кое-кого, кто может это сделать!» Он, подобно Глупышу, не привык кусаться, но инстинкт подсказывал ему, что, когда речь идет о похитителях серебра, не нужно так уж скрупулезно придерживаться принятых норм.

Альфредо выругался и на секунду отпустил Расмуса. Большого и не требовалось. Одним рывком Расмус выскользнул из железных рук Альфредо и помчался изо всех сил среди кустов сирени, сам не зная куда. Фыркающая, как разъяренный носорог, мчался за ним Альфредо. Но тоненькие упругие мальчишеские ноги Расмуса бежали куда быстрее, чем старые жирные ноги Альфредо. Расмус наверняка удрал бы, если бы не споткнулся о лохань, коварно спрятавшуюся за кустом. Это была та самая старая лохань, которая спасла их от Альфредо позавчера вечером. Теперь же она явно переметнулась и стала союзником Альфредо. Расмус перелетел через нее, успев лишь почувствовать, как ужасно больно ударился ногой о край лохани, а руки его врезались в мокрую землю так, что только комья полетели.

В следующий миг Альфредо налетел на него. Расмус понял, что попался, и в бессильной ярости, схватив рукой пригоршню мокрой земли, кинул ее прямо в глотку Альфредо.

— Х-рр-ш, — прохрипел полузадушенный Альфредо.

Он плевался и фыркал и, казалось, охотно возопил бы к небесам, но, видимо, не желал нарушать утренний покой более, чем это было необходимо. Вся Вшивая горка еще спала, и повсюду в фургонах было тихо; напрасно Расмус высматривал кого-нибудь, кто помог бы ему в беде. Лишь злющая фрёкен из тира в самом деле проснулась от шума и, высунув голову из двери своего фургона, закричала:

— Что за кошачий концерт среди ночи? Дайте наконец спокойно поспать!

Расмус не мог кричать. Одной железной рукой Альфредо держал Расмуса за шиворот, а другой закрывал ему рот.

— Вот именно, — поспешно согласился с ней Альфредо. — Но думаете, этот шалопай-мальшишка понимает, что люди, работающие в Тиволи до часу ночи, не желают, чтоб их будила в три часа его verdammtе собака? Но сейчас ему придется убраться отсюда, и его мерзкой псине — тоже!

Фрёкен из тира захлопнула дверь, а Расмус оказался беспомощным в руках своего мучителя, который немилосердно гнал и толкал, тащил и тянул его к зеленому фургону, фургону среди кустов сирени.

— Вот так, а сейчас мы немного побеседуем, — сказал Альфредо, последним ожесточенным пинком швырнув его в фургон.

Там уже сидел смертельно бледный Понтус. Увидев Расмуса, он попытался вскочить с нар, где держал его Эрнст, и возбужденно закричал:

— Расмус, смотри, что они делают с твоей собакой!

В фургоне сидела и Берта, закутавшая бедного Глупыша в одеяло и так крепко державшая его мордочку, что он не мог лаять, а лишь тихо и жалобно пищал.

— Оставь моего песика в покое! — дико закричал обезумевший от ужаса Расмус.

Он ринулся на Берту, но пощечина Альфредо отбросила его назад, прямо в объятия Понтуса.

— Если вы не замолшите, то скоро двумя маленькими детьми будет меньше на этом свете, — сказал Альфредо, тяжело опускаясь на нары прямо против них.

— Что я говорила, Альфредо, — стонала Берта. — Разве я не говорила, что мальчишки вас видели? Боже помилуй, какая беда, что нам теперь делать?

— Для начала ты замолчишь, — понизив голос, сказал Эрнст. — Этим займусь я.

Куда девалось уютное настроение в фургоне? И мирная чашка кофе? Их как не бывало... Остались лишь ярость и страх, так что дело принимало рискованный оборот. Словно испуганные злобные крысы, попавшие в ловушку, Альфредо, и Эрнст, и Берта с ненавистью смотрели на этих двух шалопаев, которые свели на нет самую великолепную кражу в их воровской жизни.

— Отпусти Глупыша! — заорал Расмус. — Иначе не знаю, что я сделаю!

Эрнст презрительно улыбнулся. Он был испуган, но еще более — дерзок и ожесточен, и теперь все это мерцало в его глазах. Он наклонился к Расмусу так близко, что на мальчика пахло запахом недавно выпитого Эрнстом кофе.

— Послушай-ка, — сказал он, — это твоя дворняга? Глупыш, что ли, псину зовут?

— Да! — вызывающе ответил Расмус. — Отпусти Глупыша, говорю!

Эрнст снова улыбнулся своей мимолетной злой улыбкой:

— Глупыш... Ты его, верно, любишь?

Расмус пренебрежительно посмотрел на него:

— Тебя это не касается, отпусти его, я сказал!

Эрнст немного посидел молча и подумал. Он нервно кусал ногти, а его беспокойные глаза блуждали. Он смотрел на мальчиков, сидевших на нарах тесно прижавшись друг к другу, на Берту, державшую Глупыша, и на Альфредо, который, задыхаясь после страшной погони, вытирал пот со лба.

— Эй, ты, парень, — сказал он Расмусу, — у меня есть предложение... Ясное дело, вы можете пойти в полицию и накапать на нас...

— Представь себе, мы это можем... И запиши себе, что мы так и сделаем!

Это была чудесная мысль. Собравшись с духом, Понтус сказал:

— Представь себе, мы это сделаем. У него — собственный полицейский в доме, — сказал он, показав на Расмуса.

— Да, мой папаша — полицейский! — подтвердил Расмус. — Вот так-то!

О, как чудесно будет напустить папу на эту троицу!

В глазах Альфредо появилось нечто похожее на сочувствие.

— Бедный ребенок, — сказал он, — не повезло тебе, прямо до слез! Но даже если отец у тебя — полицейская ищейка, то из тебя, верно, все-таки мог бы выйти шеловек... По крайней мере когда-нибудь!

Эрнст снова повернулся к Расмусу:

— Эй, ты, послушай!.. Я убью твою псину, ты как — против?

Расмус заплакал так бурно, что не мог остановиться. У него перехватило горло, когда он услышал, что говорит этот бандит, и слезы потоком хлынули у него из глаз.

— Если ты это сделаешь... — сказал он, но продолжить не смог, а лишь тихо и горько всхлипывал. Глаза у Понтуса тоже были на мокром месте, и он сочувственно положил руку на плечо Расмуса.

— Да, если ты все-таки собираешься пойти в полицию и накапать, то я с тем же успехом сперва кокну пса, — сказал Эрнст. — Понимаешь, я все равно залечу на несколько лет в тюрьгу, и все только потому, что вы являетесь сюда и суете нос не в свое дело. И вы мне за это заплатите.

Альфредо злобно кивнул:

— Хотелось бы пришить и мальшишек! Вот было бы здорово!

— Послушайте, что я предлагаю, — сказал Эрнст, ткнув ногой в мешок с серебром, лежавший на полу. — Меняем Глупыша на эти мелкие серебряные вещички?

Расмус вопросительно взглянул на него своими красными заплаканными глазами.

— Понимаете, другим людям тоже жить надо, — продолжал Эрнст. — И какое вам, собственно говоря, дело, если старый барон расстанется с несколькими из своих блестящих цацек? Не умрет же он с голоду без них? Сечешь, о чем я?

Расмус покачал головой.

— Котелок у тебя не шибко варит, — сказал Эрнст. — Понимаешь, что я говорю? Если вы на нас капнете, я, не сходя с места, кокну твоего пса, и плевать мне на то, что будет потом; но если вы обещаете держать язык за зубами, то получишь псину обратно, понял?

Расмус снова заплакал. Он слышал, как пищит Глупыш, а он, Расмус, бессилен что-либо сделать.

— Замешательная идея, — сказал Альфредо, — совершенно замешательная... Если вы капнете, мы убьем эту шваль, а если не капнете, мы не убьем эту шваль, замешательно!

— Ну как? — спросил Эрнст.

Расмус всхлипнул. Гнусно было идти на такую позорную сделку, но Глупыш пищал в смертельном страхе, а он, Расмус, так горячо его любил! Он вопросительно взглянул на Понтуса, и Понтус кивнул; он также считал, что собака куда ценнее, чем серебро барона фон Ренкена.

— Да, отпусти Глупыша, — пробормотал Расмус.

Альфредо энергично склонился к нему:

— А вы обещаете? Обещаете молшать в тряпошку, што бы ни слушилось?

Расмус молча кивнул, но Альфредо был недоверчив. Он предупреждающе поднял пухлый указательный палец:

— Обещайте! И пожалуйста, держите свое слово. Помните, шестность превыше всего! Так всегда говорила моя мамочка.

Расмус его не слушал. Он обратился к Берте:

— Отпусти Глупыша!

— Минуточку, — сказал Эрнст. — Тебе понятно, что ты не получишь собаку раньше завтрашнего вечера?

Расмус не спускал с него глаз, лишившись дара речи от такого коварства и злобы.

— Нам раньше отсюда не выбраться, — добавил Эрнст, — по причинам, которые тебя не касаются. А пока мы не смоемся, собаку тебе не видать!

— Но мы ведь *обещали* не доносить на вас, — с горечью сказал Расмус.

Эрнст подошел к нему так близко, что на Расмуса снова пахнуло запахом выпитого Эрнстом кофе. И Эрнст угрожающе произнес:

— Рисковать я не собираюсь. Я запру псину где-нибудь, где никто ее не найдет и не услышит. А если вы все же накапаете и мы залетим в тюрьгу, прощай пес, он останется там, покуда не сдохнет с голоду.

Альфредо согласно кивнул:

— Именно так! Ни еды... ни воды... Он всего-на-всего сдохнет!

Расмус снова заплакал. Своего платка у него не было, и он в отчаянии прогнусавил:

— Если вы хоть пальцем тронете Глупыша, то... то...

Эрнст прервал его:

— Ты ведь слышал: завтра вечером! Если сдержите слово, с псиной ничего не случится. А сейчас выметайтесь отсюда, чтоб я вас не видел.

Он твердой рукой погнал их к двери.

— До свидания, Глупыш, — всхлипнул Расмус, — до свидания...

— Но вообще-то, — сказал Эрнст, когда они уже выходили за дверь, — возвращайтесь сюда после полудня, чтоб я знал: вы держитесь... Понятно?

— Убирайтесь к черту! — прогнусавил Расмус.

И вот они возвращались домой, мстители в синих джинсах и кедах. Тихонько пробирались они среди кустов сирени, такие усталые, такие грязные, и всклокоченные, и избитые, что если бы кто-нибудь их увидел, то заплакал бы. «Корпус Спасения Жертв Любви» отступал в жалком состоянии: половина корпуса так горько рыдала, что другая половина не знала, как и быть. Неуклюже положив руку на плечо Расмуса, Понтус в утешение сказал:

— Ну же, Расмус, не плачь! Ведь завтра вечером тебе вернут Глупыша!

Но Расмус не хотел никаких утешений.

— Да, завтра вечером! Но представь себе, что до этого... Бедный Глупыш!

Понтусу тоже было страшно представить себе Глупыша взаперти, и так долго, одного.

— Хотел бы я знать, что они собираются с ним сделать? — в раздумье сказал он.

Он робко оглянулся на фургон Альфредо. Дверь была заперта, но в окошке они увидели злые глаза Берты, смотревшей им вслед.

Он еще немного подумал.

— Послушай, Расмус, — тихо сказал он. — А что, если нам залечь тут где-нибудь в кустах и попытаться высмотреть, куда они унесут Глупыша?

Расмус остановился как вкопанный и посмотрел на Понтуса взглядом, преисполненным благодарности. Вот такие друзья и нужны в беде.

— Ты в самом деле хочешь это сделать? — восторженно спросил он.

Сам он готов был на все, что угодно, ради Глупыша, мог пойти на любой риск, но чтобы Понтус сделал это ради собаки, которая даже не его собственная... О! Расмус почувствовал, как на сердце у него стало совсем тепло от любви к Понтусу.

— Пойдем, — сказал, толкнув его, Понтус. — Берта смотрит нам вслед из окошка.

Не оборачиваясь, поплелись они дальше по узкой дорожке, которая вела к выходу из Тиволи. Территорию, на которой размещались фургоны, оградил так же надежно, как и сами аттракционы, — туда вела маленькая калитка, недоступная широкой публике. Ею пользовались только «тиволисты». Когда Тиволи бывал открыт, здесь обычно дежурил сторож, державший бесплатных посетителей на расстоянии, но сейчас, в такое время, калитка была открыта и не охранялась. Через нее они и прошмыгнули некоторое время тому назад. Впрочем, это была единственная возможность выбраться отсюда.

— Здесь, — прошептал Расмус, указав на густые заросли сирени близ калитки. — Если мы сюда заберемся, они нас не увидят, а им не выйти отсюда так, чтобы мы не заметили их.

И вот они спрятались в своем укрытии; стоя на коленях между несколькими густыми кустами сирени, они через просветы в листве могли видеть калитку. Скучно и влажно было в их убежище. Расмус чувствовал, как брюки на коленях стали еще более сырыми и грязными, чем были раньше, и ему стало чуточку интересно, какие выводы сделает мама, увидев рано утром такие брюки. Рано утром, вообще-то... Ведь уже наступило утро. Он посмотрел на часы. Была половина четвертого, и он начал опасаться, что может не успеть домой до того, как весь дом проснется. Но этот воровской сброд тоже, должно быть, торопился добраться до своего тайника с Глупышом. Он сжал кулаки, стоило ему подумать об этом.

И не успел он продумать свою мысль до конца, как услышал, что кто-то идет по дорожке. Понтус тоже услышал, и они понимающе толкнули друг друга, не смея даже шептаться. Совершенно оцепеневшие от напряжения, вглядывались они сквозь просветы в листве и увидели, как Альфредо и Берта бегут рысцой к калитке. У Альфредо на спине был мешок, а Берта несла под мышкой большой сверток, абсолютно молчаливый сверток... он даже не скулил. «Глупыш, подумать только, что, если они все-таки убили его?» — Расмус молча застонал.

— Сделай вид, будто несешь мешок картошки для моей сестры, — говорила Берта, как раз когда они проходили мимо зарослей сирени.

Но Альфредо этого не сделал. Он совершенно не был похож на ретивого торговца картошкой, который бежит к покупателям в половине четвертого утра, чтобы узнать, не желают ли они приобрести немного картошки в такое время. Он выглядел точь-в-точь как заправский авантюрист, который особенно не злится и не особенно боится, а уже совершенно уверен в том, что все устроилось наилучшим образом и что он совершил

самый великий подвиг в своей воровской жизни. Он непринужденно промаршировал через калитку, сопровождаемый угрюмой Бертой, которой трудно было идти в ногу с ним.

Парочка за кустами сирени тоже заторопилась. Они не должны выпускать из виду то, что Берта несет под мышкой; чего бы это ни стоило, необходимо разузнать, куда несут этот сверток и мертвая или живая в нем собачка. Их все время грызло беспокойство, что Глупыш, возможно, уже мертв. Ведь бандиты так и делают: берут заложника, но, если это приносит им беспокойство или грозит опасностью, они в глубокой тайне расправляются со своим пленником, выжав все-таки из него все, что хотят, и заставляя бедных невинных людей надеяться. Может, он уже заранее все так рассчитал, этот мерзкий Эрнст... Он заставит Расмуса верить в то, что Глупыш жив, а сами они — этот воровской сброд — смоются вместе с серебром, бросив где-нибудь в каком-нибудь кусте мертвую холодную собачку. Но если они задумали такое, они просчитались. Если они причинили Глупышу хоть какое-нибудь зло, месть будет ужасна. Расмус решительно вылез из кустов.

— Пошли, Понтус! — прошептал он.

И Понтус пошел. Он, как никто другой, был просто создан, чтобы выслеживать воров на Вшивой горке. Он прожил здесь всю свою жизнь, знал каждый дом, каждую подворотню, каждый забор, каждый двор. Он был как дома на этих неровных, холмистых улицах. Здесь он крался каждый день, будучи поочередно то индейцем или траппером, то ковбоем или мушкетером. Так неужели для разнообразия не выследит он парочку похитителей серебра?!

— Мне и вправду кажется, будто они собираются ко мне домой, поприветствовать меня, — смущенно прошептал он, когда они уже некоторое время шли следом

за Альфредо. — Чтоб я сдох! Они поднимаются на Столяров холм!

Вшивая горка... Вот все, что осталось от старого Вестанвика, когда город сгорел в середине XIX века. Эти маленькие, низенькие лачуги, окруженные цветущей сиренью, старейшие дома города, которыми все в Вестанвике гордятся, но где никто не хочет жить. Живут здесь большей частью старые, одинокие люди, которые ковыляют по своим кухонькам, ухаживают за цветами и рассказывают кошке о том, что здесь было в прежние времена, до того как все стало таким жутко новомодным. Но на самом верху Вшивой горки находится Столяров холм с несколькими старыми уродливыми трехэтажными домами, кишмя кишющими детьми... И быть может, не самыми лучшими в мире! Дети, нарушающими покой стариков, гоняющими их кошек, детьми, лазящими через заборы и ворующими у стариков яблоки осенью, такими озорными детьми, что старики и не помнят, чтобы подобные жили когда-нибудь в Вестанвике.

Один из этих детей — Понтус. Он живет на Столяровом холме в самом уродливом доме Вшивой горки, который сдается внаем, по адресу: Столяров холм, 14, где дровяные сараи и сортиры во дворе, а высокий забор отделяет этот дом от другого уродливого дома, стоящего совсем рядом. Чтобы попасть на Столяров холм, надо подняться вверх по тесной холмистой улице Сапожников — Скумакаргатан, — чем Альфредо и Берта как раз и занимались в данный момент. Конечно, Скумакаргатан была прекраснейшей идиллической жемчужиной Вестанвика, но то, за чем шла эта парочка, было, верно, далеко не идиллическим; Альфредо и Берте, конечно же, надо было на Столяров холм.

Понтус почесал затылок:

— Интересно, что за сестра у Берты на Столяровом холме? — И внезапно его осенило: — Это же фру

Андерссон из нашего дома! Ну та, на которую ты вчера был так похож со своей опухшей свинячьей губой... И как я об этом не подумал! Ведь это она лежит в больнице со сломанной ногой.

— Если они спрячут Глупыша в ее погреб, он разбудит весь дом, ручаюсь, — сказал Расмус. — Если он жив, конечно, — печально добавил он.

Понтус впал в раздумье. Бедная тетушка Андерссон, она такая добрая, откуда у нее такая сестра, как Берта? Хотя Берта, видно, сбилась с пути, выйдя замуж за Альфредо... если она вообще его жена.

Но времени на раздумье не было. Альфредо и Берта уже поднимались на вершину Столярова холма — это было совершенно ясно. Берта, конечно, беспокоилась, она пугливо оглядывалась по сторонам. Но бояться ей было нечего. Скумакаргатан еще покоилась в утренней дреме, косые лучи солнца сверкали в маленьких окошечках, откуда еще ни одна собравшаяся к заутрене старушка не высунула голову между геранями, чтобы посмотреть, как занимается новый день. Конечно, беспокоиться Берте было нечего. За геранями и фуксиями шторы были опущены, и никто не видел ее во всем блеске ее глупости и злобы. Никто, кроме мстителей в синих брюках и кедах, которые распластались в подворотне в двадцати пяти шагах за ее спиной и снова осторожно двинулись за ней и Альфредо, как только они исчезли за вершиной холма.

У Понтуса в течение часа ни разу не было повода хихикнуть, но, увидев, как Альфредо и Берта крадутся через дверь черного хода дома № 14 на Столяровом холме, где сам он провел все одиннадцать лет своей жизни, он искренне захихикал.

— Ну и дураки, — сказал он, — они и в самом деле направляются в погреб фру Андерссон.

Затем он снова, еще веселее, захихикал.

— Расмус, — сказал он, — а ты знаешь, о чем просила меня на прошлой неделе тетушка Андерссон, до того как сломала ногу?

Стоило ему подумать, о чем просила его тетушка Андерссон, как он так неистово захихикал, что Расмус забеспокоился и попытался его утихомирить. Но Понтус не успокаивался.

— Знаешь, она просила меня убирать у нее в погребке, она... — он икнул от смеха, — она дала мне свой запасной ключ и просила, чтоб я убирал у нее!

Несмотря на все свое горе, Расмус усмехнулся:

— Тогда, по-моему, ты в самом деле это сделаешь. Можешь начать с того, что уберешь за Глупышом.

Понтус кивнул:

— Да... и уберу мешок с серебром! Подожди только, пока они уйдут оттуда. Идем, спрячемся пока в дровяном сарае!

В период неистовых войн, время от времени бушевавших между детьми на Столярёвом холме, ему не раз приходилось держать под наблюдением дверь черного хода в доме № 14, и он знал, что лучше всего это делать из дровяного сарая, где было немало широких щелей в стене, чтобы смотреть через них.

— Где у тебя этот ключ? — спросил Расмус, когда они устроились во мраке дровяного сарая.

— Висит на гвозде внизу, на нашем складе металлолома, — сказал Понтус. — Вот везуха, что не держу его наверху, дома.

Потом он зевнул.

— Ой, до чего хочется спать от всей этой ночной жизни, — сказал он. — Надеюсь, они не собираются поселиться в погребке?

Расмус вздохнул:

— Не-а, потому что я больше не выдержу. Я не в силах ждать ни одной-единственной минуты.

Он попытался успокоиться, но это было так трудно! С глазами, которые саднили от бессонницы и едва сдерживаемых слез, он стоял там, наблюдая через щелку в стене за дверью черного хода дома. Это была серая обшарпанная дверь с облупившейся краской и следами многих ног, дверь, которую обычно открывали пинком; это сразу бросалось в глаза. Может, он и сам оставил часть этих следов, когда бегал тут с мешками бутылок и металлолома. Никогда прежде эта дверь ни капли не раздражала его, но теперь она так ему не нравилась... Неужели она целую вечность будет закрыта?

Нет, не вечность. Вот кто-то идет, дверь распахивается, и Берта осторожно высовывает нос. За ней идет Альфредо. Он, ничуть не таясь, выходит на солнечный свет. На спине у него больше нет мешка, а у Берты под мышкой — свертка.

— Ну погодите, пока я начну убирать, — шепчет Понтус.

Но тут он смолкает, потому что Альфредо с Бертой пробегают рысью прямо перед сараем так близко, что можно дотронуться до них, и Берта говорит:

— Она клянчила эти резиновые сапоги довольно долго. Хорошо, по крайней мере, положить конец этому нытью.

Кто клянчил резиновые сапоги, они так и не узнали, так как Альфредо и Берта тут же исчезли за холмом. Теперь наконец-то они узнают, что с Глупышом.

Расмус первым сбежал вниз по лестнице погреба.

«Объединенное акционерное общество „Металлолом“ — владельцы Понтус Магнуссон и Расмус Перссон» — было написано на двери; это была дорогая и хорошо знакомая им вывеска, но владельцу ее Расмусу Перссону как раз сейчас не было никакого дела до собственного металлолома. Смертельно бледный, он ждал, когда Понтус принесет ключ, который висел на гвозде

в помещении склада. Расмус чувствовал себя более несчастным, чем когда-либо в жизни.

По другую сторону прохода, примерно в трех шагах от их склада, был погреб с кладовой фру Андерссон; Понтус уже возился там с висячим замком.

— Да, да, я *быстро*, — сказал он, увидев, как страдает Расмус.

Он открыл дверь, и Расмус ворвался в погреб.

— Глупыш, ты жив, — сказал он, пытаясь придать твердость своему голосу.

Затем он заплакал, потому что увидел сверток, лежавший так абсолютно безмолвно, так неподвижно и тихо среди всякого хлама на полу! Никакой живой собаки в этом погребе не было. Расмус это понял, и руки его задрожали, когда он, склонившись над свертком, начал его разворачивать.

В свертке лежала пара резиновых сапог. Старый плащ и пара резиновых сапог... и ничего больше... Расмус с дурацким видом таращился на эти вещи; прошло довольно много времени, прежде чем он понял, что в этом свертке никогда и не было никакого Глупыша, ни живого, ни мертвого.

Пораженный этим открытием, он посмотрел на Понтуса:

— Что они сделали с Глупышом, как ты думаешь?

И тут они с леденящей ясностью поняли, что этого им не узнать. Они пошли по ложному следу, а между тем Эрнст, естественно, уже давным-давно отправился с Глупышом в то тайное убежище, где никому его не найти и никому не услышать. А они сидели здесь... в погребе фру Андерссон!

— По крайней мере, мешок с серебром должен быть здесь! — сказал наконец Понтус.

Взяв карманный фонарик Расмуса, он осветил хлам, валявшийся на полу. Но Расмус по-прежнему сидел

рядом с резиновыми сапогами. Какое ему до всего этого дело, пусть даже погреб битком набит серебром, если здесь нет Глупыша?

— Хотя ясно: хорошо, что его здесь нет, — сказал он. — Будь он здесь, он был бы мертв!

Во всяком случае, оставалась маленькая надежда: ему вернут Глупыша живым завтра вечером.

Понтус покончил с поисками. Он поднял крышку ларя, в котором тетушка Андерссон держала картошку. И вот он уже удовлетворенно похлопывает рукой лежащий там мешок.

— Отгадай, что тут? И отгадай, кто собирается взять мешок и немедленно бежать с ним в полицию?

Расмус устало покачал головой:

— Во всяком случае не мы. Ты, верно, не хочешь, чтобы они убили Глупыша?

Понтус тихо опустил крышку ларя:

— Нет, конечно нет! Я об этом не подумал.

Но Расмусу также пришлось бросить взгляд на мешок и ощутить, что он доверху набит серебром.

— Как ты думаешь, найдется кто-нибудь на свете, кроме нас, кто влип бы в такую чудную историю? — спросил он. — У нас — мешок, полный серебра, и мы ничегошеньки не можем с ним сделать. Ну ничегошеньки!

Понтус согласился, что это чудно. Началось все так хорошо, а кончилось так плохо. Может, им лучше было бы остаться дома в своих кроватях. Понтус зевнул; именно сейчас он почувствовал, как прекрасно спать в кровати.

Он похлопал Расмуса по плечу:

— Пожалуй, пойдем домой и ляжем спать?

— Да, пожалуй, — сказал совершенно убитый Расмус.

Жалко было видеть его таким печальным; Понтусу очень хотелось утешить его, хотя бы немножко.

И внезапно он вспомнил: фотография Крапинки! Хотя что-то хорошее они, во всяком случае, сделали.

— Послушай, Расмус, отгадай, кто скоро отдаст Крапинке ее фотографию? — живо спросил он.

Но Расмус снова покачал головой:

— Во всяком случае не мы! Ты что, не понимаешь? Нельзя нам докладывать, что мы были дома у Йоакима сегодня ночью; тогда подумают, что это мы стибрили серебро, неужели до тебя не доходит?

Понтус стоял как пришибленный... До чего же абсолютно во всем неудачна их спасательная экспедиция!

— Ты прав! Мы ничегошеньки не можем сделать. Только, как сказал Альфредо, прикусить свой язык...

Глава седьмая

Он не хотел просыпаться. Он абсолютно не хотел просыпаться. Но отец держал его за ноги и вертел то вниз, то вверх головой... Какой уж тут отдых!

Кроме того, мама стояла рядом и щекотала ему пятки, отчего лучше не становилось. С трудом открыв глаза, он недовольно разглядывал перевернутый, кувыркающийся вокруг него мир.

— *Проснись*, Расмус, — смеясь, говорила мама. — Ты не собираешься сегодня в школу?

Отец опустил его на пол.

— Подумать только! Какой все-таки удивительный сон у ребят, — сказал он. — Этот мальчик спал со вчерашнего вечера, с восьми часов, и почти невозможно пробудить его к жизни.

«Нет, потому что я не хочу просыпаться, — думал Расмус. — Не хочу просыпаться и вспоминать, что случилось с Глупышом».

— И ты даже не выходил еще с Глупышом, — сказала мама. — А где вообще Глупыш?

— Не знаю, — пробормотал Расмус.

— Может, он в комнате у Крапинки, — сказал папа. — Крапинка, Глупыш у тебя?

Из комнаты Крапинки прозвучало мрачное «нет!».

— Какой негодник, значит, он снова выпрыгнул в окошко! — возмутилась мама. — Расмус, мне кажется, тебе надо как следует поставить его на место, когда он вернется домой.

«Поставить его на место», — сказала мама. О, если б она только знала! Если бы Глупыш вернулся домой живым, он попросил бы у него прощения за каждое грубое слово, сказанное ему, и купил бы ему мясного фарша на все карманные деньги, и никогда, никогда, ни на минуту не оставлял бы его одного, даже если бы пришлось бросить школу.

Но он не мог сейчас же бросить школу; сегодня ему все равно придется пойти туда, как ни тошно ему сидеть в классе целый день, думая о Глупыше, да еще не посевев при этом!

Крапинка уже позавтракала, когда он вышел в кухню, но по-прежнему сидела за столом, мрачно глядя перед собой; подумать только, что она может так ненормально страдать из-за этого Йоакима... Ведь он же все-таки не песик!

Вообще-то Расмус не в силах был думать о ее горестях, ему достаточно было своих собственных, бесконечно более ужасных.

Но папа был весел как всегда. Он поджаривал хлеб и распевал во все горло:

В городе Экшё, в Реннской долине, о, о, о,
каждая девица на качелях взмывает так легко,
халли-дайен, халли-халли-да...

Расмус с упреком посмотрел на него: не подобает так распевать, когда Глупыша нет. Но папа этого не понимал. Он переводил взгляд с Расмуса на Крапинку и с Крапинки на Расмуса.

— Что, *собственно говоря*, здесь... продолжается отчетное собрание «Общества придурков» или что это такое? — Он подбадривающе толкнул Расмуса: — Ты беспокоишься о Глупыше? Спокойнее! Полицейский корпус Вестанвика — в состоянии величайшей боевой готовности. Глупыш все равно что схвачен!

Как раз в эту минуту в тамбуре зазвонил телефон. Мама взяла трубку.

— Патрик! — закричала она. — Старший полицейский хочет говорить с тобой!

Папа поднялся из-за стола:

— Что ему понадобилось в такую рань?

«Спорим, я знаю, в чем дело!» — подумал Расмус и стал прислушиваться, ушки на макушке.

— К твоим услугам, СП! — заорал папа. — Ты уже проснулся и не плачешь? *Что ты сказал?*

Папа долго молчал, и Расмус нетерпеливо ожидал продолжения.

— У фон Ренкена! — закричал папа, и тут даже Крапинка вся обратилась в слух. — Никогда ничего подобного не слышал!.. Да-да-да, лечу как ракеты!

И в кухню он влетел как ракета!

— У фон Ренкенов кража, серебро исчезло... все барахло!.. — Он плеснул в рот глоток горячего, как кипятка, кофе и, обжегшись, завопил: — Одни стоны да беды, какой тут кофе, мне надо сейчас же в полицейский участок!

Рванувшись к двери, он на ходу накинул форменную фуражку и, затормозив на миг, стал по стойке «смирно» и отдал честь.

— Боже, храни короля... Я, может быть, не вернусь домой даже к обеду!

И он исчез, а мама, не успевшая вымолвить ни слова, смотрела ему вслед.

— Боже, храни короля... ради Патрика Перссона, — произнесла она, покачивая головой.

Налив себе кофе, она села рядом с Крапинкой.

— Бедный барон фон Ренкен, подумать только — все серебро! Я слышала, в коллекции был старинный кувшин, такой красивый, а теперь его, разумеется, тоже украли.

— Надеюсь, — сказала Крапинка.

— Что ты такое говоришь? — удивилась мама. — Ты надеешься, что кувшин...

Но Крапинка прервала ее:

— Милая мамочка, у меня аллергия на кувшины... При одном упоминании этого слова у меня пятна по всему телу идут...

Мама удивленно посмотрела на нее, но ничего не сказала.

«У меня тоже аллергия на кувшины, и на похитителей серебра, и на стариков-„тиволистов“, и на пухлых Берг», — подумал Расмус. И отправился в школу.

— Не хотите ли вы, братец Понтус, одолжить у меня пару спичек и подпереть ими веки? — поинтересовался магистр Фрёберг на уроке математики. — Вы, братец Понтус, явно плохо спали ночью, у вас глаза закрываются!

— Да-а, — правдиво ответил Понтус.

Расмус стоял у черной доски, сражаясь с цифрами. Он чувствовал, что ему тоже может понадобится парочка спичек. Весь день он был такой сонный... сонный и расстроенный, а шел уже последний урок, когда и обычно-то трудно не заснуть, даже если не гоняешься

за ворами всю ночь напролет; то, что говорили учителя, звучало уже как невнятное жужжание.

Магистр Фрёберг критическим взглядом окинул его арифметические выкладки на черной доске и недовольно покачал головой.

— Странно, — сказал он, — в конце мая у всех ленивых школьников обычно наблюдается приступ прилежания и жажды знаний, но Расмусу Перссону, должно быть, еще не ясно, что через две недели у нас экзамен?

Да нет, Расмусу Перссону это было ясно, и обычно он беспокоился из-за оценок по математике, но как раз сейчас это было ему глубоко безразлично.

Единственное, что его заботило, был Глупыш, и он жаждал, чтобы урок скорее кончился и он мог бы пойти и поговорить с Эрнстом.

— Скажу ему пару теплых слов, понятно? — объяснил он Понтусу, когда они подходили к зеленому фургону среди кустов сирени, где Эрнст назначил встречу.

Но никакого Эрнста не было видно. Зато на крыльце сидел Альфредо в старом замызганном купальном халате поверх костюма для сцены и с бутылкой пльзеньского пива. Ребята остановились на расстоянии нескольких шагов и злобно смотрели на него. События этой ночи во всей своей жуткой неприглядности ожили в их памяти, когда они увидели Альфредо. Расмус слишком хорошо помнил, как эти огромные лапы, держащие бутылку пива, молотили его прошлой ночью.

Но сегодня Альфредо был настроен благодушно.

— Нешего киснуть, маленькие мальшишки, — сказал он, опустив бутылку. — Маленькие мальшишки должны быть веселыми — так всегда говорила моя мамочка; боже мой, как она лупила меня, когда мне не хотелось веселиться!

Расмус уставился на него:

— Думаю, дядюшка, вам не было бы так весело, если б у вас, дядюшка, отняли бы вашу собаку.

Довольный Альфредо закудаhtал.

— «Дядяшка» и «дядяшка»! Сдается мне, мы можем перейти на «ты», раз у нас как бы общие дела, — сказал он и наклонился к ним, хитро подмигивая.

— Не знаю, захочется ли мне быть на «ты» с вормом, — сурово произнес Понтус.

Альфредо шикнул на него, но затем снова расхохотался:

— Ах ты, придурок! По-твоему, лучше называть вора «дядяшка»? А как зовут вас, маленькие шалопаи-мальшишки?

— Расмус, — нехотя представился Расмус.

— Понтус, — сказал Понтус.

Альфредо расхохотался так, что у него заколыхался живот.

— Расмус и Понтус, ну и глупость! Но Расмус и Понтус — хорошие малыши, — льстиво продолжал он, — а не такие вот маленькие мерзкие стукаши, потому што они знают, што бывает с такими... Им возвращают только совершенно дохлую собашку, совершенно дохлую!

Глаза Расмуса стали огромными и испуганными.

— Альфредо, — сказал он, — ты можешь поклясться, что Глупыш жив?

Альфредо поднес бутылку ко рту и выпил остаток пива, затем рыгнул и сказал:

— Жив ли он?! Он жив так, што хоть кого вгонит в отшаяние, этакая маленькая бестия!

Он рыгнул еще раз и швырнул бутылку из-под пива в кусты сирени. В душе Расмуса что-то дрогнуло, живший в нем собиратель бутылок хотел было броситься за добычей, но он заставил себя остановиться; гроша

ломаного не станет он зарабатывать на этом мошеннике, отобравшем у него собаку! Приблизившись к Альфредо на несколько шагов, он умоляюще посмотрел на него:

— Альфредо, а вы подумали о том, что Глупышу надо пить и есть?

— Ну да, он по колени утопает в мясном фарше, — заверил его Альфредо. — А воды у него столько, что он мог бы утопиться, если бы захотел.

Расмус от всего сердца понадеялся, что это правда, но все-таки до конца уверен не был.

— Это правда, абсолютная правда? — спросил он, вопрошающе глядя в глаза Альфредо.

Альфредо чуть ли не оскорбился:

— Думаешь, я вру? «Всегда держись правды, милый Альфредо, — говорила обьшно моя мамочка. — Только полиции надо врать безбожно и изо всех сил». — Прервав самого себя, он в ужасе уставился на ведущую к ним дорожку: — Боже, сжался надо мной, сюда идут полицейские!

Все благодушие разом слетело с него. Железной рукой обхватил он Расмуса и зашипел:

— Шалопай-мальшишка, ты все-таки накапал...

Расмус вывернулся из его рук.

— Представь себе, что нет! Думаешь, полицейские сами не знают, где искать воров?

— Да, они всегда являются в Тиволи, — пробормотал Альфредо, бросив долгий ненавидящий взгляд на полицейских, приближающихся к его фургону.

У Расмуса не было ни малейшего желания, чтобы отец и старший полицейский видели его в обществе Альфредо.

— Пошли, Понтус, бежим! — быстро прошептал он.

Еще оставалось достаточно времени, чтобы исчезнуть. Разумеется, осмотрят еще немало фургонов, прежде

чем подойдет очередь Альфредо. Однако Альфредо снова схватил его за руку.

— Оставайся здесь, — угрожающе сказал он. — Оставайся здесь, пока они не уйдут!

Тут появилась Берта. Она была перепугана насмерть, ее водянисто-голубые глаза испуганно подмигивали Альфредо.

— Полиция, — застонала она. — Черт, как я боюсь! Альфредо прогнал ее в фургон.

— Сиди там и держи язык за зубами. Полицейским и собакам нельзя показывать, что боишься, тогда они не укусят.

Сам он внешне уже ни капельки не боялся. Теперь это был добродушный фигляр, у которого никогда не было ничего общего с полицией вообще и меньше всего — с этими двумя полицейскими, которые подошли к нему и отдали честь.

— Простите, мы хотели бы лишь осмотреть немного ваш фургон... чисто рутинная работа, — сказал старший полицейский.

Альфредо дружелюбно закудахтал:

— О, можете быть сколько угодно рутинными. Но остерегайтесь Берты, которая в фургоне; если ее разозлить, она, не раздумывая, нападает. Нельзя ли предложить вам шашечку кофе?

— Спасибо, мы — *из полиции*, — саркастически произнес старший полицейский.

Альфредо кивнул:

— Я так и подумал, так и подумал, увидя вашу красивую форму. «Не может быть, чтобы сюда пришла пара обыкновенных идиотов. Должно быть, это пара полицейских», — сказал я самому себе.

Расмус и Понтус стояли в нескольких шагах от них, стараясь сделаться как можно меньше. Расмус понял,

что отцу не по душе видеть его здесь. Он робко посмотрел на него, надеясь, что тот ничего не скажет. Но надежда эта была напрасной.

— Что ты здесь делаешь? — неодобрительно спросил отец.

Не успел Расмус ответить, как вмешался Альфредо:

— О, это парочка маленьких славных мальчишек, они любят болтать с простым шпагоглотателем. Малыш Расмус — красивый умный ребенок, будем надеяться, он вырастет и станет полицейским, тошь-в-тошь как его отец.

— Идем, Патрик, — сказал старший полицейский, и они вошли в фургон.

Расмус и Понтус остались с Альфредо.

— Милая бедняжка Берта, только б страх не отшиб у нее разум, — сказал Альфредо. — Хотя как это может слушиться, если никакого разума у нее нет? — Наклонившись, он потрепал Расмуса по щеке. — А ты, бедный ребенок, не принимай так близко к сердцу мои слова о том, што ты, может, станешь полицейским, когда вырастешь. Я не хотел тебя обидеть. Может, все будет гораздо лучше, шем ты думаешь: не всем же мальчишкам обязательно быть как отец.

— Ш-ш-ш, — шикнул на него Расмус.

— А твой папа, он что — был шпагоглотателем? — спросил Понтус.

Альфредо покачал головой:

— Нет, они были барышниками, все трое. А моя мамочка тоже не глотала шпаги.

— А кем же была она? — спросил Расмус.

Ему не было ни малейшего дела до семьи Альфредо, но, может, для Глупыша будет лучше, если поддерживать хорошие отношения с этим старым ворюгой.

— Она была барышницей, да, и она тоже, — сказал Альфредо. — И эта маленькая барышница была самой

страшной обманщицей, какую только можно себе представить, ну просто поразительной. Не было на свете кобылы такой старой и дряхлой, которая не сделалась бы бодрой и шустрой на то время, пока ее не продадут. Мамошка вкатывала ей порцию мышьяка... Помню особенно одну, которую звали Леоноре...

Расмус съежился. Он проголодался и хотел уйти отсюда.

— Нам, пожалуй, пора домой, обедать, — сказал он.

Альфредо спросил с оскорбленным видом:

— Вы не хотите послушать о Леоноре? Это была старая кобыла, едва державшаяся на ногах, но мама влила ей через воронку три-четыре банки лекарства и продала кобылу крестьянину на ярмарке в Кивике.

— Вот как! — сказал Понтус.

— Ну да, и Леоноре помшалась так, што одно удовольствие было смотреть, как крестьянин покатил с ней вешерком домой.

— Нам, пожалуй, пора, — повторил Расмус.

Альфредо не слушал никаких возражений, он только еще повысил голос:

— А назавтра кобыла валялась в конюшне крестьянина и была не в силах шевельнуться.

— А крестьянин не рассердился? — спросил Понтус.

Альфредо пожал плечами:

— А какое дело моей мамашке, даже если крестьянин и рассердился. Она встретила его через несколько дней и вежливо так, дружелюбно спросила: «Ну как поживает кобыла? Как поживает малютка Леоноре?» — «Спасибо, — ответил крестьянин, — она уже может сидеть несколько шасов в день».

Поскольку никто не смеялся, Альфредо сам бурно захохотал, и хохотал до тех пор, пока за его спиной не открылась дверь.

— Ну вот и комиссары полиции! — сказал он. — Нашли што-нибудь?

— Это была чисто рутинная работа, вы ведь слышали, — с достоинством произнес старший полицейский.

Альфредо почесал обеими руками свою волосатую грудь и хитро подмигнул старшему полицейскому:

— Да-да, я тоже проделываю обышно шисто рутинную работу и нишего не нахожу. А собственно говоря, шего вы ищите? Я слышал, тут говорили о горе серебра, которую украли.

Старший полицейский кивнул:

— Это верно!

Расмус был потрясен безграничной наглостью Альфредо. Этот старый ворюга сидит тут и потешается над папой и старшим полицейским! Альфредо весь сиял, глаза его просто нахально сверкали, и он ухмылялся так, что его белые зубы блестели.

— Да, да, на свете столько нешестных людей, — сказал он. Затем, отломив ветку сирени, стал с невинным видом нюхать ее. — Ах, эти прелестные цветы... Но вы нашли хоть какие-нибудь отпешатки пальцев, штобы было за што уцепиться?

Расмус содрогнулся — подумать только: что, если они начали снимать отпечатки пальцев дома у Ренкенов!

— Отпечатки пальцев? — повторил отец. — Здесь действовал не какой-нибудь юнец новичок, а профессиональный вор, старый и опытный.

Альфредо заложил кисть сирени за ухо и плутовски улыбнулся:

— Ха-ха, меня вы лестью не возьмете, я все равно не признаюсь...

— Идем, Патрик, — сказал старший полицейский. — Нам предстоят дела поважнее, чем торчать здесь.

— Понятно, понятно, — закудахтал Альфредо. — Удаши вам в вашей рутинной работе.

Он долго смотрел им вслед, а потом подмигнул мальчикам; сейчас он еще больше, чем всегда, походил на хитрого лиса.

— «Если везет и никогда не оставляешь отпешатков пальцев, можно далеко пойти» — так всегда говорила моя мамочка. Мои дорогие юные друзья, никогда не забывайте эти мудрые слова!

Он поднялся и еще плотнее завернулся в купальный халат.

— Идем, Берта! — закричал он в сторону фургона. — Пора снова проглотить парашку шпага! Но знаете што, маленькие шалопаи-мальшишки, — продолжал он, — я скоро с этим покончу и не буду больше глотать шпаги. Даже маленькие ножешки для масла и те глотать не буду. Вот будет замешательно!

Берта вышла переодетая в свое алое шелковое платье. Она злобно вытаращила глаза на мальчиков, но, не произнеся ни слова, проплыла мимо.

Альфредо как раз намеревался последовать за ней, но Расмус дернул его за полу купального халата:

— Милый Альфредо, *нельзя ли* мне забрать Глупыша сейчас, сразу же, если мы дадим честное слово ничего не говорить?

Альфредо потянул пояс к себе:

— Сказано — значит сказано! В субботу вешерком, не раньше и не позже! Нешего быть такими нетерпеливыми, маленькие шалопаи-мальшишки!

Они ушли оттуда в полной уверенности, что Альфредо самый хитрый мошенник в мире, но также в известной степени и с надеждой на то, что Глупыш, несмотря на все, жив и его выпустят на свободу завтра

вечером. Главное — выдержать до этого времени. Расмус чувствовал, что легче выдержать, когда ты не один, и Понтус — умный мальчик — понял его.

— Пошли ко мне домой, — сказал он. — У меня есть блинчики, фаршированные свиной, я подогрею... Мама готовит пир у бургомистра.

Мама Понтуса была лучшей в городе мастерицей устраивать пиры. Она кормила себя и сына тем, что ходила по домам вестанвикского высшего общества и готовила изысканнейшие обеды. И наверняка парные цыплята, которых она как раз в это время жарила на кухне у бургомистра, были деликатесными, но все равно их нельзя было даже сравнивать с теми блинчиками, фаршированными свиной, которые она оставила дома на плите для Понтуса.

— Потому что они — самые лучшие в мире, — сказал Понтус.

Расмус с благодарностью последовал за ним на Столяров холм. Он не хотел идти домой. Там ведь больше не было Глупыша, который бросался ему навстречу, лая от радости, Глупыша, который маленьким теплым комочком лежал у его ног под столом во время обеда, Глупыша, который спал в кровати Расмуса, зарывшись мордочкой в его шею. Глупыша не было... зачем же ему тогда идти домой? Да и мама, должно быть, уже поняла, что с Глупышом что-то случилось, и Расмус был не в силах стоять перед ней, притворяясь, будто ничего не знает.

Гораздо легче притворяться по телефону. И пока Понтус разогревал блинчики, Расмус позвонил домой.

— Да, мы с Понтусом пойдем искать его... Да, меня здесь накормят, мы с Понтусом будем есть блинчики, фаршированные свиной... Да, мы с Понтусом сделаем уроки вместе.

Положив трубку, он пошел обратно в кухню, где Понтус уже накрыл на стол и все приготовил.

Трапеза представляла собой то, что мама Понтуса обычно называла «маленький, интимный и уютный обед двух холостяков, такой, какой любят господа мужчины».

А для этого особого рода холостяков почти ничто не могло сравниться с блинчиками, фаршированными свиной.

— Какая твоя мама добрая — приготовила столько блинчиков, — сказал Расмус и высыпал на тарелку целый сугроб сахарного песка.

Понтус довольно засмеялся: приятно было хоть один раз стать тем, кто приглашает в гости; ведь он столько раз обедал дома у Расмуса!

— Рубай давай, рубай! Здесь столько, что всем хватит!

И Расмус навалился на еду. Долгое время он думал только о блинчиках и почти совсем не думал о Глупыше.

Но потом, когда они вымыли посуду и сделали уроки, Расмус приуमолк. Он знал, что скоро пойдет домой, и страшился этого.

— Слушай, — сказал Понтус, — а если нам слазить в погреб и посмотреть немного на эти серебряные «вещички»?

Расмус понял: деятельность — вот что ему нужно, ежеминутная деятельность!

— Знаешь что? — восторженно сказал он. — А что, если нам свистнуть какой-нибудь серебряный горшок, — это пройдет незаметно. Они и сами не знают, сколько чего стырили.

Понтус счел его предложение просто мировым.

— А потом, через несколько лет, мы пошлем этот горшок папаше Йоакима и напишем на клочке бумаги: «Дар от пожелавшего остаться неизвестным».

Оживленные этой идеей, они спустились в погреб.

— Если кто-нибудь явится, ты объяснишь только, что фру Андерссон просила тебя убирать у нее в погребке, — сказал Расмус.

Понтус уже взял ключ в помещении Объединенного акционерного общества «Металлолом».

— Конечно! Только бы не явился Альфредо или Эрнст... Им, верно, не нужна помощь по уборке погребка!

Хихикая, подняли они крышку ларя, где фру Андерссон хранила картошку, и общими усилиями вытащили мешок на пол.

— Но они, верно, побоятся приходить сюда раньше завтрашнего вечера, — с надеждой в голосе сказал Понтус.

Расмус думал то же самое.

— Это мы быстренько обтяпаем. Думаю, мы стащим кувшин.

Но это было не так-то легко обтяпать, как рассчитывал Расмус. Эрнст, верно, был недоверчивый тип, и его угроза поставить на мешок пломбу не была пустой болтовней. Там в самом деле была надежная свинцовая блямба, которую нужно было выломать, чтобы добраться до содержимого мешка.

— Это дело ерундовое, — сказал Понтус. — Я смогу сделать такую же блямбу, если расплавить несколько оловянных солдатиков.

Расмус покачал головой:

— Не-а, заметят. Он поставил какую-то особую печать на свинец. Как он ее сделал?.. Похоже на монету.

— Мы тоже, верно, можем поставить туда печать, — сказал Понтус.

— Да, но не такую. Он использовал какую-то удивительно странную денежку... Дурак этот Эрнст, он подозрителен, как старый козел!

Они ощупали мешок, ощутили серебряные предметы под своими ладонями и искренне огорчились, что не могут хотя бы взглянуть на них.

Расмус размышлял.

— Знаешь что, — задумчиво сказал он, — можно, разумеется, разрезать мешок снизу, а потом сшить его.

Понтус хихикнул:

— Сдается, эту идею мы продадим Альфредо, так что Эрнст останется со своей свинцовой блямбой...

Магистр Фрёберг постоянно говорил, что есть люди, чьи идеи движут миром, ведут его вперед; должно быть, он имел в виду таких, как Расмус, — Понтус был в этом уверен.

— Знаешь, Расмус, ты вот такой — с идеями, — сказал он. — А я — я такой, который бежит за ножницами и иголкой с нитками.

Так он и сделал. Потом они принялись за работу. С некоторым трудом Расмус разрезал мешок, и, когда они вытрясли его содержимое, в погребе фру Андерссон на некоторое время воцарилась благоговейная тишина.

— Елки-палки! — произнес наконец Расмус.

В том, что это была одна из самых замечательных антикварных коллекций серебра в стране, сомневаться не приходилось. Здесь было все: маленькие кубки и кубки побольше, чайники, и подсвечники, и табакерки — все из серебра; и еще маленькие изящные солонки — тоже из серебра, щипцы для сахара — из серебра, креманки для мороженого — из серебра... И еще тот роскошный кувшин, вызывавший аллергию у Крапинки, тот, в который Альфредо ставил букет сирени.

— Как по-твоему, что бы нам свистнуть? — спросил Понтус. — Может, лучше взять какую-нибудь мелкую безделушку, чтобы было незаметней?

— Чепуха! Кувшин не так уж и велик, — сказал Расмус. — Он немногим больше, чем мамина старая металлическая ступка у нас дома.

Сказав это, он вспомнил, что мамина старая металлическая ступка уже не у них дома. Ведь мама на прошлой неделе отдала ступку на склад металлолома и купила новую, более удобную — поменьше.

Металлическая ступка! То была искра, от которой возгорелось пламя. Расмусу пришла в голову новая, блестящая идея!

— Послушай-ка, Понтус! — сказал он, но тут же смолк и немного поразмышлял.

Этот Антиквар-Акула, о котором говорил Эрнст и который явится сюда завтра вечером... Мешок будет запломбирован, когда его станут передавать ему, никто не увидит содержимого до этой минуты. Но прежде чем Альфредо и Эрнст отправятся в путь, они должны вернуть Глупыша... Когда они откроют мешок, Глупыш должен быть вне пределов досягаемости для всех покушений с их стороны... Да, все совпадает... Насколько он мог видеть, в его великолепной идее не было ни сучка ни задоринки.

— Знаешь, Понтус, — сказал он. — Мы обещали не ябедничать на них, но мы не обещали, что не стянем серебро. И теперь я собираюсь стянуть все вещи до единой!

— Ты в своем уме? — воскликнул Понтус. — Ты никогда не получишь обратно Глупыша! Страшно подумать, как они разозлятся — Эрнст и Альфредо!

— Они и не заметят, — сказал Расмус, посмеиваясь тихо и счастливо.

Удивленный Понтус спросил:

— Как это не заме...

Расмус прервал его.

— Не раньше, чем будет слишком поздно, — сказал он. — На складе Объединенного акционерного общества

«Металлолом», пожалуй, металлолома столько, что хватит заполнить до краев этот мешок, а?

Понтуса словно молотком ударили.

Он даже не хихикал, он только в немом восхищении смотрел на Расмуса, более чем когда-либо убежденный в том, что такие, как он, движут миром, ведут его вперед.

«Маленькие малышишки должны быть веселыми!» — сказал этот Альфредо... Жаль, что он не видел, какими веселыми были они, те двое, что, нагруженные табакерками, и подсвечниками, и кувшинами, передвигались челночным способом между погребом фру Андерссон и Объединенным акционерным обществом «Металлолом». Работали они быстро и методично. Серебро запихали в угол, где держали макулатуру и старые газеты, и прикрыли все вместе так, что ни один человеческий глаз не заподозрил бы, какое богатство спрятано внизу, под этой кучей. И они выбрали из металлолома то, что по тяжести и объему как-то совпадало с украденным богатством. А в конце им предстояло самое тяжелое — сшить полотнище мешка.

Расмус сидел на полу погреба скрестив ноги, как заправский портной, и трудился не покладая рук.

— Жаль, что я никогда выше «неуда» на уроках труда не получал, — сказал он.

— Думаю, ты и вправду шьешь здорово! — сказал Понтус. — Это тот шов, который называется лангет?

Расмус взглянул на дело рук своих:

— Ой, никогда бы, пожалуй, и не подумал! Я-то считал, что это стебельчатый шов, хотя и не до конца был уверен. Но теперь, во всяком случае, — порядок!

Они положили мешок на место — в ларь, где хранилась картотека, и Расмус, словно желая подбодрить мешок, слегка хлопнул его на прощание.

— Интересно, что скажет Альфредо, когда найдет записку?

Чтобы не возбуждать ненужных подозрений у похитителей серебра, они сняли свою фирменную вывеску. И теперь она, как скромный привет от них, лежала в старой металлической ступке. «Если вам необходим еще металлолом, обращайтесь безо всяких сомнений в Объединенное акционерное общество „Металлолом“. Владельцы Понтус Магнуссон и Расмус Перссон».

Понтус хихикнул:

— Да, хотел бы я видеть рожу Альфредо, в самом деле хотел бы! Но теперь, может, нам лучше смыться отсюда?

Ах, почему он сказал это только сейчас, когда было уже слишком поздно? Поздно смываться. Потому что в эту минуту они услышали, как кто-то спускается по лестнице погреба. Их было двое, и один сказал:

— У тебя нервы слабые, Эрнст, такого с тобой никогда не было...

Расмус и Понтус в дикой панике неотрывно смотрели друг на друга. Теперь все кончено. Глупыш погиб! Серебро погибло! Никакого выхода из этих тисков не было.

«На помощь! — мысленно воззвал Расмус. — На помощь!»

Как бы в ответ на его мольбу на лестнице раздался грохот. Расмус схватил Понтуса за руку:

— Быстрее!

Они помчались изо всех сил и, когда Понтус снова захлопнул висячий замок, услышали рассерженное ворчание Альфредо:

— Помогите мне, Эрнст! Эта лестница специально спроектирована так, чтобы люди ломали ноги!

Спасение пришло буквально в последнюю секунду. Сердце у них ушло в пятки; стоя в погребе, где находился их склад металлолома, они смотрели через щелки

в стене, как Альфредо отпирает висячий замок, который они защелкнули несколькими секундами раньше.

— А теперь посмотри, Эрнст!

Ничего, кроме злобного бормотания Эрнста, они не слышали.

— А теперь посмотри, Эрнст! — повторил Альфредо. — Не будь так недоверчив к милой бедняжке Берте... Смотри, пломба не тронута, абсолютно не тронута.

Глава восьмая

Его первой мыслью, когда он проснулся утром в субботу, было: «Сегодня мне вернут Глупыша! Не завтра вечером или на следующей неделе, а сегодня вечером. И он снова будет лежать рядом со мной!»

Он слегка согнул ладонь, словно желая потрогать головку Глупыша. Он совершенно точно знал, какова на ощупь его жесткая шерстка. Память жила в его руке и была такой свежей, что он почти внушил себе: песик уже здесь.

Он ужасно тосковал по Глупышу, но, как ни странно, он больше не беспокоился. Когда этот день подойдет к концу, все его заботы улетучатся, он был в этом уверен и поэтому радовался.

Стоя у окна своей комнаты, он, насвистывая, натягивал на себя одежду. Сегодня хороший день... ничего, что идет дождь. Весь сад заволокло мягкой, серой, туманной дымкой. Лепестки опадали с яблоневых деревьев на лужайку, и все это походило почти на снег. А какое тихое было утро! Дрозд не пел, как всегда; может, дрозды не любят дождь?.. Обычно он и сам не любил его, но сегодня это было все равно — сегодня ему вернут Глупыша!

Жаль только, что нельзя рассказать об этом маме; она была так расстроена и обеспокоена, что почти плакала.

— Он никогда не пропадал так надолго, — говорила она. — Целые сутки... Куда он мог удрать?

Расмус, пытаясь утешить, погладил ее по щеке:

— Не беспокойся, мама! Вот увидишь: он вернется!

В школе у него был один из светлых дней. Он смог ответить на все вопросы, кроме одного, он получил обратно работу по чистописанию всего с двумя ошибками, а магистр Фрёберг сказал, что, если бы Расмус Перссон использовал те умственные способности, которыми наделило его Провидение, он мог бы очень хорошо считать.

На переменах Понтус с Расмусом, стоя в луже на школьном дворе, тихо и таинственно беседовали друг с другом и неудержимо радовались, когда думали о Глупыше и о мешке, лежавшем в ларе, где фру Андерссон держала картошку.

К Расмусу даже вернулась способность жалеть Крапинку. Бедняжка Крапинка, она всегда прогуливалась на переменах с Йоакимом, а теперь торчала перед гимнастическим залом вместе с другими девочками из ее класса. Неподалеку же Йоаким беседовал с какой-то черноволосой девчонкой, которая жутко громко смеялась каждому его слову. Дурья башка, неужели он не видит, что Крапинка гораздо милее?! Не потому, что Расмуса интересовало, как выглядят девчонки, он был далек от этого, но, когда Крапинка надевала свой зеленый дождевик, а волосы ее беспорядочно развевались, как бывает в дождливую погоду, она была, во всяком случае, самой хорошенькой на их школьном дворе. Это мог бы понять даже Йоаким с его скудным и жалким умишком. У Расмуса было большое желание подойти к нему, схватить его за благородный баронский нос и подвести к Крапинке, потому что она ведь, ясное дело, не могла жить без Йоакима. Расмусу хотелось, чтобы она была счастлива, как он сам. Все люди должны быть счастливы, мама и папа тоже, разумеется, если они еще не слишком стары для

этого. Даже учителям желал он всего самого лучшего в тот день, когда ему вернут Глупыша.

Как только уроки кончились, они с Понтусом стрелой помчались на Вшивую горку.

— Нам нужно точно узнать, когда и где нам вернут его, — сказал Расмус. — И они не могут разозлиться, если мы их спросим.

В дождливую погоду Вшивая горка была безлюдна. Старики не смели выйти, но они с любопытством смотрели в окна на двоих мальчиков в дождевиках и резиновых сапогах, которые с такой быстротой шлепали по лужам, явно направляясь в Тиволи. Кому захочется в Тиволи в такую погоду?

Нет, Тиволи и в самом деле являл собой печальное зрелище, такое печальное, какое только может быть у Тиволи в субботу после полудня, когда идет дождь. Карусель молча стояла, тщетно ожидая посетителей; у прекрасных дам, желавших, чтобы вы попытали счастья, вид был такой, словно они изнывали от тоски; всемирно известный шпагоглотатель Альфредо прекратил свои выступления. А в отдалении, среди кустов сирени, в море грязи под проливным дождем стояли фургоны. Они не казались больше по-домашнему уютными, а только скучными и печальными.

— Жутко кислое впечатление от всего, — сказал Понтус, когда они примчались в Тиволи с такой быстротой, что грязь брызгами летела из-под подметок их резиновых сапог.

Среди кустов было сыро, и кисти сирени свисали, тяжелые от дождя, а если подойдешь к ним поближе, на тебя обрушится целый маленький водопад.

Дверь в фургон Альфредо была заперта, но Расмус решительно постучал.

— Кто там? — услышали они кислый голос Берты.

— Это мы! — сказал Расмус.

Дверь открылась — ее открыл Эрнст; у него был тоже кислый вид.

— Вот как, это вы, — произнес он.

Расмус выжидательно посмотрел на него:

— Да, мы только спросить: когда забрать Глупыша?

— Просто фантастика, сколько нытья вокруг этой поганой псины, — сказал Альфредо, пивший за столом кофе. — Входите и садитесь — поговорим об этом деле. Берта, подай молодым господам по шашке кофе!

Берта сердито швырнула на стол две чашки; мальчики скромно уселись на нары и, не рыпаясь, пили кофе своих врагов, они не смели поступить иначе... ради Глупыша.

Эрнст, сидя на нарах напротив, неприветливо смотрел на них; похоже, эти молодые господа ему совершенно не нравились.

— Так вот, спешить некуда, — сказал он. — Кому, по-вашему, не приходится ждать, кому не приходится сидеть в этой мерзкой старой крысоловке и ждать, пока не развалишься на мелкие части?

— Крысоловка, говоришь? — сказала Берта. — Да кто тебя здесь держит?! Я, по крайней мере, вполне могу обойтись без такого типа, который курит тут целыми днями и только воздух отравляет!

— Так-так-так... — фыркнул Альфредо. — Прикусишь ты наконец свой поганый язык, Берта, или нет? Ты ведь знаешь, у Эрнста слабые нервы.

Берта злобно вскинула голову.

— Меня это не колышет, — сказала она.

Расмус и Понтус молча слушали. Казалось, все про них забыли. Берта и Эрнст заметно озлобились и явно готовы были в любой момент вцепиться друг другу в волосы, и только Альфредо спокойно пил свой кофе.

— Я знаю, Эрнст, шего тебе не хватает, — сказал он, ткнув в сторону Эрнста булочкой. — Тебе бы жениться, худо мужшине быть одному.

— Нет, так лучше, — сказал Эрнст, бросив критический взгляд на Берту.

— Да, это понятно, — признался Альфредо, — это много лучше, но тебе необходим уход, Эрнст! Посмотри на меня. Я шеловек ухоженный, и все благодаря Берте! Она, эта женщина, мастерица ухаживать за мужчинами.

Берта фыркнула, но не произнесла ни слова, и на некоторое время воцарилась тишина.

— Да, скажи, Альфредо, — снова попытался было спросить Расмус, — ведь в этом нет ничего дурного, если мы хотим узнать, в *какое время* можно забрать Глупыша?

— Боже, сжался надо мной, какой дождь! — сказал Альфредо, точно ничего не слышал. — Тиволи в дождливую погоду — это примерно так же ошаровательно весело, как быть женатым на Берте. Но меня, к счастью, искушали комары, и, когда время тянется очень медленно, я могу шесаться.

Берта вытащила таз, который доверху набила грязной посудой. Эрнст, лежа на нарах, курил, Альфредо чесал свои комариные укусы и тихонько убаюкивал самого себя глубоким красивым басом. Но внезапно он прекратил петь.

— Боже, сжался надо мной! Мне кажется, будто крыша протекает.

Все посмотрели на потолок и действительно увидели там большое мокрое пятно.

Альфредо крутил свои усы и задумчиво смотрел на пятно.

— Оно напоминает мне дядю Константина, — сказал он.

Потом снова наступила тишина, и слышно было только, как дождь хлещет в окошко.

— Надо строить ковчег, пока еще не слишком поздно, — произнес Альфредо.

Берта принялась так яростно мыть грязную посуду, что только брызги во все стороны летели.

— Никогда не слыхала, что у тебя есть какой-то дядя Константин, — пробурчала она.

Неодобрительно посмотрев на нее, Альфредо покачал головой.

— Женщина, — сказал он, — между небом и землей есть много больше того, о чем ты слыхала... Дядя Константин — да, он был барышником, тошь-в-тошь как моя мамочка.

Эрнст невесело шевельнулся на своих нарах.

— Не-а, слышь-ка, не начинай снова со своей мамочкой, нам и без нее тошно.

— Я говорю сейчас о моем дяде Константине и не желаю слушать никаких возражений. Он был барышником, дядя Константин, но он был также и анархистом, он мештал улушшить общество, взорвав его, вот так-то!

— Вон что, и это говоришь ты, — кисло сказал Эрнст. — Да, этого каждому хотелось бы хоть немножко.

— Да! Хотелось бы, — признался Альфредо, — это — по-шеловешески! В такие вот дождливые дни, как этот, дядя Константин занимался в нашем фургоне своими маленькими экспериментами: он хотел изобрести что-нибудь пошуще динамита и тротила и прошлого в этом роде.

— Ну и удалось ему? — спросил Эрнст.

Альфредо кивнул.

— Да! — сказал он. — Да! — Он положил руку на голову Понтуса. — Понимаете, маленькие шалопаи-мальшишки, однажды вечером являюсь я домой к моей мамочке и вижу большое пятно на потолке и спрашиваю: «Што это? След эксперимента дяди Константина?»

Заплакала тут моя мамочка и говорит: «Нет! Это след самого дяди Константина».

Берта разозлилась.

— Чушь! — воскликнула она. — Горазд ты всякую чушь нести! Нет у тебя дяди по имени Константин!

— Ой, ну и зарядил нынше дождь! — спокойно сказал Альфредо. Он повернулся к Расмусу. — Што ты хотел узнать? Когда вам вернут Глупыша? Вешером, маленький ты, упрямый ребенок, вешером!

— Я заберу его здесь? — спросил Расмус.

Тут в разговор вмешался Эрнст:

— Нет, не здесь. — Он сел на нарах. — Послушайте, ребята! Есть у вас какая-нибудь палатка? Может, вы спите иногда на воздухе?

— Да-а, — сказал удивленный Расмус. — У меня есть палатка.

— Прекрасно! — обрадовался Эрнст. — Дуйте тогда домой и скажите мамашке с папашкой, что нынче ночью вы спите в палатке.

— А зачем нам это? — удивился Расмус.

— Потому что будет немного поздновато, когда вам вернут псину, и ваши родители поднимут шум, меня же никакой шум не устраивает, понятно? Можете, пожалуй, держать вашу псину в палатке до утра, это просто чудесно, верно?

Расмус подумал, что чудесно держать Глупыша где угодно на всем земном шаре, только бы в самом деле держать его у себя.

— Хотя я знаю одного человека, у которого появлялись подозрения, если я скажу, что хочу ночевать в палатке, когда такой ливень, — сказал Расмус, — и этот человек — моя мама.

— Ты же такой башковитый маленький мальшик, неужели не сумеешь кое-что соврать своей мамочке? — спросил Альфредо. — Тебе не надо нишего го-

ворить о палатке, если у мамочки появятся подозрения именно такого рода. Но ты можешь совершенно ruhig вдолбить ей, што хошешь ношевать на вершине дерева в лесу и наблюдать за восходом солнца... Крылья фантазии для того и даны, штобы пользоваться ими.

— Ведь твоя мамочка говорила: «Всегда держись правды, милый Альфредо!» — возразил Расмус.

Он, по крайней мере, тоже умел шутить, когда нужно. Альфредо удовлетворенно ухмыльнулся:

— Шалопай-малышишка, слышу, што я не зря растушаю перлы своего краснорешия.

Но Эрнст был нетерпелив. Он погнал их к двери.

— Дуйте домой и возвращайтесь обратно в восемь часов вечера!

Вся семья была в сборе на кухне, когда Расмус вернулся домой. Мама пекла булочки, а папа сидел в углу на своем обычном месте и разглагольствовал вовсю. Кража серебра — вот о чем он распространялся.

— Это самый ужасный криминальный случай во всей истории Вестанвика, — утверждал он, — и полиция трудится изо всех сил.

Сам он скоро двинет на службу, всю ночь он дежурит, но сейчас у него выдался небольшой перерыв, и он полон желанья посвятить маму в малейшие детали.

— Мы что, должны разрешить вопрос о самом ужасном криминальном случае во всей истории Вестанвика именно здесь, в кухне, и именно тогда, когда я пеку булочки? — спросила мама.

Да, с юмором у нее сегодня туговато, и это очень некстати, если просить позволения ночевать в палатке.

— Ты не желаешь слушать, что я думаю об этом случае? — удивленно спросил папа.

— Да нет, пожалуйста, — сказала мама. — Только мне надо место, чтобы развернуться со своими противнями.

Крапинка рассмеялась — наверняка в первый раз с того вечера в среду.

— Присядьте на корточки, мальчики, чтобы у мамы было где развернуться с ее противнями, — сказала она. — Хотя, по-моему, ей нужно целое футбольное поле. Ты сердишься сегодня, мама?

Мама с досадой посмотрела на нее:

— Нет, не сержусь. Но я не знаю, зачем вам всем непременно торчать на кухне, когда я пеку булочки?!

— Потому, что здесь так уютно, — ответила Крапинка, — и потому, что здесь так вкусно пахнет.

Папа согласно кивнул:

— И потому, что ты сама такая маленькая булочка с изюмом, Гуллан.

— Сердитая булочка с изюмом, — сказал Расмус.

— Спасибо! — поблагодарила мама, но было непохоже, что она очень смягчилась.

Молча и яростно месила она тесто — так, словно шла на него в атаку.

— А кстати, Крапинка, — спросила она, — это ты последней была в ванной?

Крапинка подумала.

— Возможно... а что?

— Тогда возьми тряпку и вытри за собой, — сказала мама, вставляя противень в духовку. — А может, ты думала, что это надо сделать мне?

— Извини, — сказала Крапинка, — я сейчас же...

Расмус сделал змейку из теста и стал болтать змейкой под носом у мамы.

— А тебе больше не к чему придраться, мама, раз уж ты так разошлась?

— Да, пожалуйста! — сказала мама. — Развлечения ради взгляни на дверь кладовки, там полным-полно черных отпечатков пальцев.

— И чьи они? — удивилась Крапинка.

— По-моему, ты можешь спросить об этом папу. Раз уж у тебя в доме полицейский, он по крайней мере может идентифицировать хотя бы несколько отпечатков пальцев. Это, разумеется, не самый ужасный криминальный случай в истории Вестанвика, но было бы все-таки забавно это узнать.

Папа рассмеялся:

— У тебя кто-то на подозрении?

Мама повернула голову и бросила долгий взгляд на Расмуса.

— И не пытайся меня обвинить, — защищался он. — Это не я! Я всегда открываю дверь только ногой.

— Вот как? — сурово сказала мама. — Это объясняет, почему совершенно облезла краска.

Папа вмешался, не желая, чтобы в доме поднялся шум.

— Я могу шлепнуть на дверь немного свежей краски, — сказал он.

Видно было, что маму одолевают сомнения.

— А когда?

— Задолго до серебряной свадьбы, — уверил ее папа.

— О, никогда в это не поверю, — сказала мама. — Ведь до этого дня осталось не больше семи лет, а тебе надо еще приладить полочку в ванной, помнится, ты говорил об этом... это было наверняка в тот год, когда разразилась война. А кроме того, все эти криминальные случаи, которыми тебе надо заниматься!

Папа был совершенно обескуражен.

— Что с тобой, Гуллан?

Мама посмотрела на него со слезами на глазах.

— Извини меня, — сказала она, — но я так беспокоюсь о Глупыше, что могу просто лопнуть. Плевать

мне на серебро фон Ренкенов, я хочу, чтобы полиция вернула мне обратно Глупыша, вот чего я хочу!

Папа огорченно дернул себя за волосы:

— Да-да, милая Гуллан, да-да!..

— Серебро может стоять сколько угодно, — горячо продолжала мама, — но Глупыш — живое существо. Меня беспокоит только то, что живет на свете, — сказала она, чуточку всхлипнув.

Папа, казалось, стал еще несчастней.

— Да-да, милая Гуллан, мы делаем, пожалуй, все, что можем, но...

Тут как раз зазвонил телефон, и Расмус взял трубку. Звонила мамина сестра — тетя Рут, которая хотела с ней поговорить.

— Присмотри за духовкой, Крапинка, — сказала мама, вытирая запачканные мукой руки.

Затем она исчезла в тамбуре, и они уже заранее знали, что по крайней мере ближайшие десять минут они ее не увидят.

— Послушайте, дети, — понизив голос, произнес папа, — теперь мы должны помочь маме. Я не хочу видеть ее такой расстроенной, понимаете?

Они это понимали.

— Я терпеть не могу, когда все вот так мрачно, — сказал он и поежился. — А теперь еще мама... хватит, что вы оба повесили голову. — Он легонько дружески шлепнул Крапинку: — Да, поверь мне, я заметил... Я видел достаточно, как ты тоже горюешь!

Крапинка опустила глаза.

— Не думай, что можешь скрыть что-нибудь от своего отца, — продолжал папа. — Но ты, Крапинка, не огорчайся, *он вернется обратно*, уверяю тебя!

У Крапинки порозовели щеки.

— Ты в самом деле так думаешь, папа? — мягко спросила она.

— Конечно, — ответил отец. — Он вернется и будет лаять и вилять хвостом точь-в-точь как всегда!

Крапинка вздрогнула:

— Ты имеешь в виду... Глупыша?

— Да, у нас, черт побери, никакой другой собаки нет, — сказал отец. — Но сейчас прежде всего надо подумать о маме.

Он прислушался. В тамбуре мама по-прежнему болтала по телефону:

— Я в таком состоянии... Если бы только знать, что с ним произошло... А самое ужасное — видеть, как горюют дети...

— Вот, слышите, — сказал папа. — Хватит показывать, что горюете, будьте веселыми, как мартышки... Вы все время говорите ей: «Глупыш? Да он вернется!» или «Ты, мама, не беспокойся о Глупыше!» Помогите мне подбодрить ее, понимаете?

Расмус и Крапинка кивнули. Они сделают все, чтобы мама снова радовалась. «О, — думал Расмус, — почему я не могу сказать ей, что Глупыш вернется сегодня вечером? Это был бы самый верный способ заставить ее радоваться, но, раз уж это нельзя, надо сделать то, что можно».

Мама положила трубку, но прошло некоторое время, прежде чем она снова появилась на кухне. Она вошла, держа в руках листок бумаги.

— Рут считает, что надо дать объявление о Глупыше; подумать только, как мы сами не догадались!

Расмус шаловливо рассмеялся.

— Дать объявление, а зачем?.. Глупыш ведь читать не умеет, — сказал он.

Подходящий момент, чтобы подбодрить маму.

Папа тоже рассмеялся.

— Ха-ха! «Глупыш ведь читать не умеет!» Ты веселый парень, Расмус... — сказал он, но при взгляде на ма-

му быстро прикусил язык. — Ясное дело, мы обратимся в газету! Можно посмотреть, как ты составила объявление?

Он протянул руку за листком бумаги, молча прочитал, что там написано, и вдруг разразился громким хохотом.

— Ну, милая Гуллан, так писать нельзя!

— А что она написала? — с любопытством спросила Крапинка.

— Послушайте! — сказала папа. — «Убежал Глупыш, маленькая жесткошерстная такса. Просьба звонить: Вестанвик, сто восемьдесят два».

— А что тут неправильного? — резко спросила мама.

Папа смеялся так, что едва мог говорить.

— «Просьба звонить» — что, Глупыш сам должен звонить, так?

— Не глупи, — сказала мама. — Само собой разумеется, я имею в виду, что позвонит тот, кто его найдет.

— Не целесообразней ли это указать? — предложил папа.

— Тогда в двух строчках не поместится, а объявление, позволю себе заметить, если ты этого не знаешь, стоит денег.

Папа продолжал смеяться.

— Мама, милая мама, кто на свете тебя милей... — сказал он. — Но по мне, пожалуйста... «просьба звонить», ха-ха!

— Да, тебе смешно, — сказала мама и изо всех сил стала швырять булочки на противень.

Но вдруг застыла на месте, горестно глядя прямо перед собой.

— Подумать только, как может быть пусто в доме без одной-единственной маленькой собачки, — со вздохом сказала она.

— Чепуха! У тебя ведь есть мы! — задорно сказала Крапинка. — Если хочешь, мы можем лаять и вилять хвостом.

Мама осуждающе посмотрела на нее, но Крапинку было уже не остановить.

— И вообще, не знаю, стоит ли держать именно такс, их все равно почти не замечаешь. Мы, верно, можем взять вместо Глупыша какую-нибудь ищейку, разве это не лучше?

Папа беспокойно откашлялся... Он наверняка не думал, что это правильный способ подбодрить маму.

— Приятно, что ты в таком хорошем настроении, Крапинка, — сказала мама, но непохоже было, что она думала именно это.

— Но, мама, ведь то, что пропала маленькая псина, не бедствие государственного масштаба, — сказал Расмус и тихо, про себя, попросил: «Прости меня, Глупыш, ты, верно, понимаешь — я говорю это только для того, чтобы подбодрить маму».

Мама вытаращила глаза:

— И это говоришь *ты*? О своей собственной собаке? — Она поставила в духовку последний противень с булочками. — Я начинаю думать, что одна лишь я из всей семьи беспокоюсь о Глупыше. Бедный маленький Глупыш... Но он, быть может, уже мертв и не нуждается ни в чьей любви.

Расмус похолодел, когда мама так сказала, но и виду не подал.

— Ну да, как говорит бабушка, — легкомысленно продолжал он, — это удел каждого из нас...

Но этого говорить ему не следовало. Мама снова громко хлопнула дверцей духовки. А затем, встав посреди кухни, посмотрела на них всех по очереди:

— Что с вами такое, собственно говоря? У вас что, совсем нет сердца? И в самом деле, только я одна люблю Глупыша?

У всего семейства был печальный вид... Как трудно оказалось подбодрить ее! Или это, может, только

оттого, что они не нашли к ней правильного подхода?!

— Бедный маленький Глупыш, — дрожащим голосом сказала мама. — Я вижу, как он бредет один под дождем... и смотрит на всех встречных своими добрыми-предобрыми глазами, но никто не понимает, что он просит помочь найти его дом.

— Ш-ш-ш... — нерадостно шикнул Расмус, а глаза Крапинки стали такими огромными!

— Патрик, вспомни, как он был мил, когда ты болел, — продолжала мама. — Помнишь, как он сидел на полу рядом с твоей кроватью и не спускал с тебя глаз? О, он был умный, этот песик!

— Гм... — произнес папа. — Конечно, я это помню... гм-м!

Расмус вздохнул, и вздох его был глубоким, как рыдание.

— Нет, не стоит давать объявление, — тихо сказала мама. — В самой глубине души я знаю, что он мертв... Я вижу его перед собой, вижу, как он лежит где-то один, маленький-премаленький одинокий песик... лежит совсем тихо, с закрытыми глазами... и никогда, никогда больше не залает.

— Нет же, мама, нет! — громко рыдая, воскликнул Расмус, а Крапинка звучно глотала слезы:

— Да, ты можешь так все расписать, что...

— Гм-м! — сказал папа. — Гм-м! Да, во всяком случае, мы все равно дадим объявление.

Он откашлялся и пошел к телефону, а они молча сидели и слушали, как он звонит в отдел объявлений.

— Это «Вестанвикская газета»? — спросил он. — Да, тут есть объявление... Говорит полицейский Патрик Перссон. Вот что надо написать. «Убежал Глупыш, маленькая жесткошерстная такса», — начал он, но голос его прервался, и он замолчал, но потом снова

повторил конец фразы: — «Маленькая жесткошерстная такса!» — Это он почти выкрикнул, но голос его звучал удивительно хрипло, а продолжение они вообще едва расслышали: — «Просьба звонить: Вестанвик, сто восемьдесят два».

— Ну, Патрик, не плачь! — воскликнула мама.

Но сама она плакала. Плакали и Расмус с Крапинкой.

Глава девятая

Сводка погоды в эту необычную субботу в мае предрекала дождливый день, который прояснится к вечеру, и, в виде исключения, предсказание оказалось правильным. В семь часов вечера засияло солнце, а на небе не было ни тучки. Даже дома, в семье Перссонов, тучи пронеслись мимо, во всяком случае, прекратились атмосферные осадки, никто больше не плакал. Они вкусно пообедали, папа вернулся к себе в полицейский участок продолжать сражение, именуемое «криминальный случай фон Ренкена», мама с Крапинкой сидели в общей комнате, Расмус в кухне готовил бутерброды и варил какао для ночной вылазки.

— Мы с Понтусом собираемся некоторое время пожить в палатке, — как бы случайно и мимоходом сказал он маме, так, чтобы она поняла: дело это решенное и обсуждать тут нечего. И у мамы никаких возражений не было.

— Но ты, вероятно, не забыл, что завтра весенний праздник? — сказала она. — Ты, вероятно, вернешься домой и пойдешь туда с нами... если мы вообще пойдем, раз Глупыш исчез, — с легким вздохом добавила она.

— Ясное дело, мы пойдем на этот праздник, — сказал Расмус. — Я буду дома задолго до этого... и Глупыш тоже, спорю на что угодно.

На лицо Крапинки набежала тень, когда они с мамой заговорили о празднике, и она отвернулась. Расмусу было ужасно жалко ее. Этот чудесный праздник, о котором она так долго говорила и которому так радовались... Ведь именно на этом празднике оркестр «Pling Plong Players» будет демонстрировать свое искусство перед всем Вестанвиком, а теперь бедная Крапинка должна сидеть на эстраде бок о бок с Йоакимом, который продал ее по дешевке. Бедняжка!

Упаковывая на кухне рюкзак, Расмус ворчал про себя на этого дурака Йоакима и вполуха прислушивался к тому, что говорили в общей комнате.

— Что ты делаешь вечером, Крапинка? — услышал Расмус мамин вопрос.

— Ничего особенного... буду дома, — ответила Крапинка.

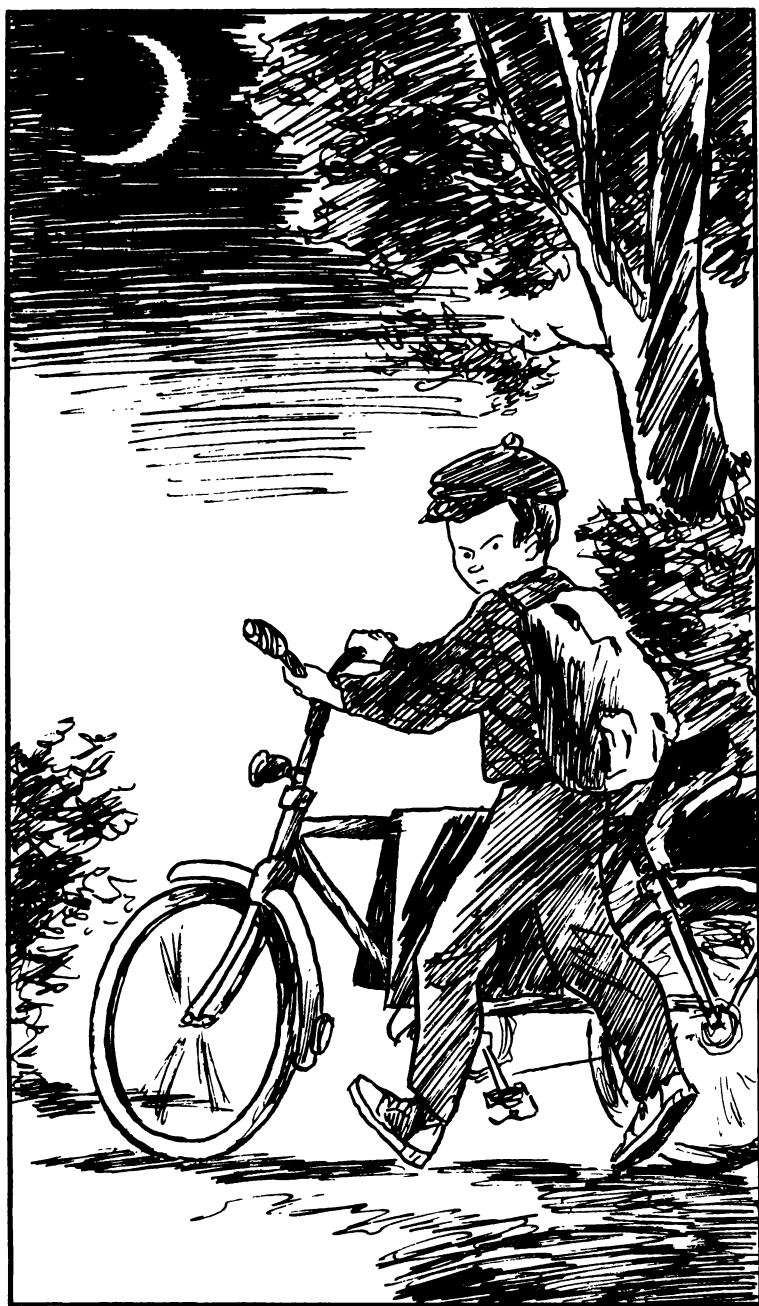
А ведь был субботний вечер, и весна, и все такое — вот беда! Насколько он понимал, с весной для тех, кто влюбляется, связано нечто особое. И насколько он помнил, Крапинка никогда не оставалась дома в субботу вечером, разве что когда у нее была свинка и она сама походила лицом на поросенка.

Сунув нос в общую комнату, он попрощался:

— Привет! Увидимся завтра!

С палаткой, рюкзаком и спальным мешком, нагруженными на велосипед, он потопал наверх, на Столяров холм, за Понтусом, и ровно в восемь они стояли перед фургоном Альфредо.

Тиволи ожил после дождя. Был субботний вечер, и музыка с каруселей разносилась над Вшивой горкой. Она была слышна далеко вокруг, она возбуждала и манила: «Приходите сюда все, кто жаждет субботнего веселья, все, кто хочет покататься на карусели и в последний раз попытать счастья! Идите сюда, скоро будет слишком поздно!»

Да, скоро будет слишком поздно! Ведь ночью, когда отжужжит карусель, Тиволи перекочет дальше, на новое место. Все эти красивые киоски разберут на части, фургоны с трудом выберутся из грязи и укатят отсюда, а среди кустов сирени останутся только одна-две бутылки из-под пльзенского пива, немного бумажного хлама да несколько увядших кистей сирени.

Тиволи отправится в путь; завтра в Вестанвике — большой весенний праздник школы, с ним не поконкурируешь. Но, верно, найдутся другие места, где люди хотят покататься на карусели и попытать счастья. Хотя там они уже точно не увидят всемирно известного шпагоглотателя Альфредо. Он порвал свой контракт по причине нездоровья. Альфредо утверждал, что страдает острым малокровием... «Эти verdammte шпаги содержат гораздо меньше железа, чем можно было бы пожелать», — уверял он разъяренного владельца Тиволи, которому второпях пришлось пригласить вместо него укротительницу змей.

Свое последнее представление в Вестанвике Альфредо дает сегодня вечером. И это более чем справедливо; ведь на долю жителей Вестанвика выпадет счастье пережить его прощальный спектакль, скромный знак признательности Альфредо Вестанвику. Ведь городок этот так любит всемирно известного шпагоглотателя, да и дела у него здесь пошли гораздо лучше, чем в большинстве столиц Европы, утверждает он.

— Большое прощальное представление... Знак признательности Вестанвику в девять часов, покупайте билеты уже сейчас!.. — это кричит у входа в балаган его помощница, одетая в алое платье. — Не напирайте, не напирайте, места всем хватит!

Но самого шпагоглотателя нигде не видно.

Нет Альфредо и в его собственном фургоне, когда туда приходят Расмус и Понтус. Там только один Эрнст.

— Вот как, это вы? — произносит Эрнст.

Некоторое время он молчит, и Расмус с Понтусом тихонько стоят у дверей в ожидании. Расмус чувствует, как в душу его закрадывается что-то странное: если он сейчас же не узнает, где Глупыш, он взорвется.

Похоже, что Эрнст тоже готов взорваться. Хотя неизвестно, рад он или зол. Кажется, он чем-то заряжен. Он, как всегда, неприветлив, но в нем явно бушует тайная радость, светящаяся в его наглых и жадных глазах. Видимо, он все-таки радуется мешку с серебром и тому, что этот антиквар Акула явится вечером и скупит все оптом. «Елки-палки, в какой восторг придет антиквар Акула, когда увидит, что за серебро лежит в мешке», — думает Расмус.

Но вслух спрашивает:

— Ну, когда наконец мы узнаем, что вы сделали с Глупышом?

Эрнст, сидя на нарах, ковырял в носу. Он не спешил.

— Мне хотелось бы, чтобы сперва вы себе кое-что уяснили, — сказал он.

— Что именно? — спросил Расмус.

Эрнст поднял на него взгляд.

— Вы сказали папашке и мамашке, что не вернетесь домой ночью? — спросил он.

— Да, у меня с собой палатка, — угрюмо ответил Расмус.

Лицо Эрнста озарилось легкой улыбкой.

— Вот как! Это только для того, чтобы ваши бедные родители не беспокоились. Но, собственно говоря, это и не нужно, вам вернут вашу псину уже сейчас. А потом убирайтесь на все четыре стороны и делайте что угодно... хоть в море бросайтесь, если есть такое желание.

Помолчав несколько мгновений, он повернулся к Расмусу.

— Да, тебе вернут твою собаку, хотя ты заслуживаешь хорошей взбучки... да и ты тоже, — сказал он,

взглянув на Понтуса. — Но помните одно! Если вы хоть капельку проболтаетесь об этом позднее — даже очень не скоро — и нас потом накроют, то я устрою так, что вернусь сюда и убью эту поганую псину раньше или позже... Понятно?

— Понятно, — злобно ответил Расмус. — Убью да убью — долбишь одно и то же...

— Не возникай! — сказал Эрнст. — Тебе еще не отдали псину.

Расмус замолчал. Эрнст не спускал с него глаз.

— Знаешь ты такое место, которое называется Энгс-туга? — наконец спросил он. — Берта думает, что вы, верно, знаете...

— А! Заброшенная усадьба по дороге к Бьёрке? — живо спросил Понтус

Эрнст кивнул:

— Точно! В нескольких километрах к северу от города. Вы знаете, о чем я?!

Глаза Расмуса увлажнились.

— Глупыш там? Он был там все время... один?

Эрнст снова кивнул:

— Да... А зачем вы явились и сунули нос в эту грязь? Но ничего худого с псиной не случилось. Мотайте туда и забирайте Глупыша. Найдете его наверну, на чердаке!

Расмус сжал кулаки под носом у Эрнста:

— Да, мы заберем его, и, если он хоть капельку покалечен, я вернусь обратно и откушу тебе нос, старый ворюга!

Эрнст ухмыльнулся.

— Проваливайте! — сказал он.

Что они и сделали.

С тех пор как они участвовали в молодежном велосипедном пробеге «Вокруг Вестанвика», они не ездили быстрее. Дорога на Бьёрку была узкая и извилистая,

и на поворотах их заносило в сторону так, что пыль вставала столбом вокруг задних колес. Им не встретилось ни души. На этой дороге самое большее, что можно было увидеть, — это крестьянская повозка, но сейчас, субботним вечером, даже этого не было.

— Послушай, — задыхаясь, произнес Понтус, — тетушка Андерссон жила в усадьбе Энгстуга, когда была маленькой, она сама рассказывала мне об этом. Стало быть, и Берта жила там.

— Да уж! Эта Берта умеет находить замечательные тайники, — угрюмо сказал Расмус.

Согнувшись над рулем, он выжал еще большую скорость... еще немного, и они будут там, еще немного, и он будет у Глупыша!

Последний отрезок пути им пришлось пройти пешком. Узенькая заросшая тропинка вела прямо через лес к заброшенной усадьбе, но она была такой каменистой и изрытой корнями, что ехать по ней на велосипедах не имело смысла. Они быстро спрятали велосипеды за кустами можжевельника и продолжили путь бегом. Вскоре лес поредел, и перед ними в весенних сумерках предстала Энгстуга — серая, необитаемая и молчаливая, в окружении старых замшелых яблонь, которые упорно цвели в одиночестве, хотя никто не интересовался, приносят они какие-нибудь плоды или нет. Много лет никто здесь не жил, давным-давно ни одна корова не мычала в маленьком сером хлеву, и ни один ребенок долгие годы не перелезал через замшелую каменную стену, не рвал цветы камнеломки, росшие с ней рядом. Но ведь когда-то та же Берта бродила вокруг... Кто знает, быть может, она была маленькой доброй девочкой, строившей игрушечные домики за погребом вместе с фру Андерссон... прежде чем вырасти и стать глупой, толстой и злой Бертой шпагоглотателя Альфредо.

Эрнст сказал «на чердаке»! Они рванули через проем в каменной стене, где когда-то давным-давно была калитка. Несколько прыжков — и они уже на прогнившем крыльце сеней; они дернули старую, топорно сработанную дверь, которая неохотно и со скрипом открылась. И вот они уже в темных сенях! Прямо перед ними узкая крутая лесенка ведет на чердак, где-то там наверху — Глупыш. Расмус побледнел от волнения.

— Глупыш не лает, — встревоженно сказал он... «Милый, милый Глупыш, лай, я хочу слышать, что ты жив», — молил он в глубине души, взбегая вверх по лестнице, и ноги у него дрожали.

Там, на чердаке, было сумрачно, но через маленькое оконце просачивался скудный свет, так что Расмус видел, куда идти... О, Глупыш, почему ты не лает?

Расмус рванул дверь на чердак.

В следующий миг он издал такой жалобный вопль, что Понтусу стало не по себе, когда он услышал его.

— Понтус, его здесь нет!

— Его нет?

— Нет, но Альфредо здесь, и это, пожалуй, веселее, — услышали они хорошо знакомый голос, и из самого темного угла чердака вылезла хорошо знакомая фигура, которую они уже столько раз надеялись никогда больше не увидеть.

Расмус впал в бешенство. Словно дикий кот, налетел он на Альфредо.

— Где Глупыш? — заорал он. — Он мне нужен сейчас же, а не то я пойду в полицию! Понятно это тебе, старый ворюга?

— Ruhig, — сказал Альфредо, — спокойно, только спокойно! Как ты будешь жить дальше — маленький своенравный ребенок, который никогда не знает покоя?

Но Понтус тоже разозлился. Оттолкнув Расмуса, он встал прямо перед Альфредо.

— Ему надо вернуть собаку, — сказал он, глядя прямо в глаза шпагоглотателю, — иначе будет беда.

— Разумеется, — произнес Альфредо. — Ему вернут собаку, в этом я с вами совершенно согласен, надо только немного оговорить само время, когда это произойдет. — Он погнал их в комнату. — Пошли, у нас будет маленькая беседа!

Они были слишком ожесточены, чтобы испугаться, и только когда Альфредо тщательно запер дверь и сунул ключ в карман, мальчики поняли, что им грозит опасность... что они заперты в такой уединенной усадьбе вместе с таким отчаянным негодяем, как Альфредо!

— Зачем ты запер дверь? — закричал Расмус.

Альфредо, склонив голову набок, оглядел комнату.

— Не правда ли, какое здесь уютное местешко? — спросил он.

— Нет, никакое оно не уютное, — ответил Расмус.

Совершенно холодная комната с выцветшими обоями и грязным полом — трудно было воспринять ее как нечто особенно уютное.

Был там и открытый очаг, все еще закопченный после всех огней, горевших и угасших в нем много лет тому назад. Но в комнате стояло что-то на полке, появившееся, должно быть, совсем недавно; это была красивая белая картонка из кондитерской Элин Густавссон, Вестанвик, Стургатан, 13.

— Какие избалованные маленькие шалопаи-мальчишки, — сказал Альфредо. — Какая жалость, што вам не нравится комната, а мы-то думали, вы останетесь здесь на ночь.

— Да? И не мечтай об этом! — закричал Расмус.

Альфредо кивнул:

— Я ошень об этом мештаю. Хотя первым начал мештать Эрнст, у этого Эрнста бывают замешательные идеи!

— Надоело все это! — кричал Расмус. — Вы только врете и обманываете, и ты, и Эрнст!

Довольный Альфредо усмехнулся.

— Да, мы врем и обманываем, — сказал он. — Но ты не сердись на нас так за это. Понимаешь, для нас это не фунт изюму, и мы должны быть уверены в том, што нам ништо... гм... не помешает.

— Что именно... помешает? — спросил Понтус. — Что ты имеешь в виду, старый ворюга?

— Помешает какой-нибудь полицейский, прежде чем мы смоемся. Вот поэтому мы и не вернем вам раньше завтрашнего дня вашу уродливую собашонку... И еще: нешего говорить «старый ворюга», — упрекнул он Понтуса.

Расмус весь дрожал от злости.

— Но вы обещали! — закричал он. — И мы ведь обещали не доносить на вас, вы что, не слышите, что говорят?

— Да, да, — сказал Альфредо, успокаивающе помахивая своими огромными лапами. — «Держать обещание — это, пожалуй, здорово, но хороший замок держит лучше» — так всегда говорила моя мамочка.

Расмус был вне себя.

— Да? В таком случае я забираю обратно каждое словечко своего обещания, до последнего, слышишь ты, старый ворюга? Каждое словечко до последнего!

Альфредо только смеялся:

— Да, сиди здесь совершенно ruhig и всю ночь забирай каждое словечко обратно, если хочешь, потому што я сейшас запру вас здесь, понятно?

Расмус почти плакал от гнева. Невыносимо было ощущать свою полную беспомощность.

— Но завтра рано утром сюда явится Берта и отопрет дверь, — ухмыляясь, продолжал Альфредо. — О, милая Берта, она будет так растрогана, когда увидит старый дом своего детства! — Минутку помолчав, он таинственно понизил голос и восторженно закудаhtал: — А в это время мы с Эрнстом окажемся уже далеко отсюда, хотя Берта будет думать, што мы сидим в своем убежище в кустах и ждем ее. Милая дурушка Берта! А мы вместо этого — раз! — и нас нет! Потому што я не хошу больше, штобы за мной ухаживали, и не хошу глотать шпаги. Я хошу теперь быть самому себе хозяином и пить пиво. Далеко-далеко в городе, название которого вы даже никогда не слышали, маленькие шалопай-мальшишки, далеко-далеко в другой стране, там будет жить старик Альфредо и пить свое пиво, радостный и свободный.

— Да, а как же Глупыш?! — закричал Расмус.

— Он тоже будет свободный, — сказал Альфредо, — и может пить пиво, если захочет. Иди сюда, мальш Расмюс, я покажу тебе, где твоя собака. — Он потянул Расмуса к окну. — Видишь, маленький шалопай-мальшишка, вон тот погреб? И как ты думаешь, кто сидит там по уши в мясном фарше? Вот именно: это он, Глупыш. — Он приоткрыл окно. — Послушай только, как он лает, эта маленькая бестия!

И Расмус услышал, как лает Глупыш. Лай звучал сдавленно и приглушенно, но в том, что это лаял Глупыш, сомнения не было, и Расмус готов был выпрыгнуть в окно.

Скоро уже двое суток, как бедный Глупыш сидит взаперти в этом старом погребе, и теперь Альфредо хочет, чтобы песик просидел там еще целую ночь... хотя Расмус так близко от него — о, это просто невыносимо! А во всем виноват этот громадный бык!

Он посмотрел на своего врага, и Альфредо увидел ярость в его глазах.

— Не сердись так на старика Альфредо, — заискивающе сказал он. — Альфредо — ведь он такой друг детей, што это почти глупо. Посмотрите, што я вам принес, штобы вы не умерли с голоду, маленькие шалопаи-мальшишки.

Подойдя к открытому очагу, он начал разматывать ленточку картонки.

— Может, это не я собственноручно своими маленькими рушками принес вам сюда торт со взбитыми сливками?.. Да, ведь я пробовал вместо торта раздобыть бутерброды, но на этот раз вам повезло — сандвичей во всем Вестанвике нет. — Он протянул им картонку — пусть посмотрят, что в ней. — Гляньте-ка! Самый лучший торт со взбитыми сливками от Элин Густавссон, такой, какой любят все маленькие шалопаи-мальшишки.

Торт был действительно очень хороший, несомненно один из лучших у Элин Густавссон, украшенный сугробами белейших взбитых сливок и петельками красного желе.

Но Расмус в бешенстве глядел на этот торт. Он явился сюда за Глупышом, а этот бык думает подкупить его тортом со взбитыми сливками!

Альфредо подошел ближе. Держа картонку прямо под носом у Расмуса, он наклонил голову набок и заискивающе улыбнулся:

— Ты любишь торт со взбитыми сливками, малыш Расмюс?

— А ты? — спросил Расмус. И, не задумываясь, схватил обеими руками картонку и залепил ее вместе с тортом прямо в лицо Альфредо.

— Орршш! — прохрипел Альфредо.

Понтус взвыл от хохота. Но голос Альфредо перекрыл хохот. Он рычал, как раненый лев, и пытался, извергая ругательства, избавиться от сливок. Руки у него

были полны сливок, и он слепо размахивал ими, так что комочки сливок так и мелькали в воздухе. А Понтус все время, встревоженно прислонившись к стенке, фыркал от смеха.

Расмус не смеялся и даже не боялся — он был просто зол.

— Не хочу никакого торта со взбитыми сливками, хочу, чтобы мне вернули Глупыша! — кричал он.

Альфредо, прищурившись, смотрел на него своими заляпанными сливками глазами.

— Ведомство по охране детей просто подпрыгнуло бы обеими ногами, если бы там узнали, как ты себя ведешь, — сказал он.

Вытащив носовой платок, он стер с лица остатки сливок. Только у самых корней волос осталась белая полоска, а на одном ухе светился кусочек красного желе.

— А у меня ведь прямо сейшас прощальное представление — знак признательности Вестанвику, *verdamt* вы, шалопаи-мальшишки! — сказал он, уставившись с кислым видом на Расмуса.

Но самый страшный приступ гнева у него уже прошел, а может, в глубине души он считал, что на войне все средства хороши и даже позволено торты в лицо швырять.

Понтус по-прежнему тихо хихикал в полном изнеможении, и Альфредо кинул на него оскорбленный взгляд.

— Во всяком случае, приятно, што на свете есть вы — с таким шувством юмора, — сказал он. — Шалопаи-мальшишки, вас слишком мало пороли, вся беда в этом, передайте мои слова вашим несчастным родителям. Привет им от меня! — Он рассерженно покачал головой. — Нет, вам бы такую маму, как моя мамошка! Вот она умела наказывать малышей. Лапки у нее

были железные, и только свист стоял, когда она драла за уши своих восемнадцать деток.

— Тебе, сдается, это не очень-то помогло, — сказал Понтус. — Но надеюсь, дубасила она тебя во всяком случае здорово!

Альфредо согласно кивнул:

— Она дубасила меня так... Боже, сжался надо мной! Но и кулашки у нее были, надо сказать, крепкие. Шемпионка Швеции по силе пальцев... она стала ею на ярмарке в Кивике в тысяча девятьсот двенадцатом году.

Расмус не слушал его. Стоя у окна, он молча измерял расстояние до земли. Но Альфредо догадался, чем он занимается, и предупредил его.

— И не пытайся, — сказал он, погрозив указательным пальцем, — только сломаешь себе шею, тошь-в-тошь как моя мамочка.

— Плевать мне на твою мамочку! — сказал Расмус. Альфредо явно оскорбился.

— Ах ты, маленький своенравный ребенок...

— Вот как? Твоя мама сломала себе шею, вылезая из окна? — живо произнес Понтус.

Быть может, Расмусу снова пришла в голову одна из его блестящих идей, тогда лучше ему, Понтусу, каким-то образом отвлечь Альфредо.

Альфредо покачал головой:

— Нет, ясное дело, нет... хотя она в своей жизни наверняка немало влезала в окна и вылезала оттуда. Ах, она была гибкая, как обезьянка! Нет, это произошло по дороге на конскую ярмарку в Сэффле, вот тогда-то она и сломала шею... Ах, всякий раз, когда я думаю про это, я шуть не плачу.

Он стоял, прислонившись к очагу и горестно глядя прямо перед собой.

— Понимаешь, малыш Понтус... Однажды темным ноябрьским вечером мы ехали по дороге на Сэфф-

ле, и вдруг, ни с того ни с сего, мама заводит песню «Жалоба дикой утки». Боже, сжался надо мной, ей не следовало этого делать. — Он тяжело вздохнул. — Нет, не следовало ей этого делать! И как ты думаешь, што слушилось? Да, наши лошади понесли... У нее, у моей мамочки, был такой певшеский голос, который пугал лошадей, заставляя их мшаться во весь опор, и вот... О Боже, сжался над нами, какое несчастье, наш фургон опрокидывается и летит вниз с крутого обрыва, и вот уже моя мамочка лежит со сломанной шеей... тошь-в-тошь как это будет с тобой, Расмюс, если ты думаешь, что можешь выпрыгнуть из этого окна.

— Не твое дело, — заявил Расмус.

— Ладно, ломай себе шею, — сказал Альфредо, — на свете детей что собак нерезаных!.. — Он повернулся к Понтусу, который казался ему более толковым. — Ах, потрясающая женщина была моя мамочка! Я стоял рядом с ней на коленях в тот осенний вечер, дождь лил как из ведра, и завывал ветер, а моя мамочка сломала шею. «Тебе ошень больно, дорогая мамочка?» — спросил я и заплакал. «Нет, малыш Альфредо, — ответила она, — мне не больно, больно только, когда я смеюсь!» И это были ее последние слова!

Он торжественно высморкался в носовой платок.

— Да, такой матерью можно гордиться, — сказал он. — Такая мама, как моя мамочка, рождается раз в сто лет, да и то не всегда. — Тут он лукаво подмигнул Понтусу и вытащил из кармана брюк ключ. — Дорогие маленькие шалопай-мальшишки, теперь мне пора. Один добрый дядяшка приедет за мной на машине. Мне надо в Тиволи, глотать последнюю шпагу. Но это не отнимет у меня много времени, а потом...

Он подскочил от радости по-козлиному, а затем повернулся к Расмусу.

— Вот тебе ключ от погреба, — сказал он. — Завтра у тебя будет твой маленький Глупыш, а у меня не будет никакой Берты. Подумать только, какой замечательной может быть жизнь!

Он попытался погладить Расмуса по голове, но Расмус быстро отскочил в сторону. Он не хотел, чтобы его гладили.

— Маленькие шалопай-мальшишки, надеюсь, мы, верно, никогда больше не увидимся, — сказал Альфредо. — Но когда я буду пить пиво далеко-далеко отсюда, в городе, названия которого вы никогда не слышали, я иногда буду думать о Расмусе и Понтюсе, которые явились ко мне и хотели взглянуть на меня только одним глазком.

— Старый ворюга! — крикнул Расмус. — Хоть бы я вообще никогда тебя не видел!

Альфредо закудахтал от смеха.

— Я тоже этого хочу, — сказал он.

Потом он повернулся и ушел, и они слышали, как он поворачивает ключ в замке, слышали, как он спускается по чердачной лестнице, слышали, как удовлетворенно он напевает себе под нос:

— О, meine¹ мама, чемпионка по силе пальцев...

Потом входная дверь за ним захлопнулась, и они больше ничего не слышали. Но они ринулись к окну и увидели, как он идет там в сумерках под яблонями. У старого погреба он на минуту остановился, повернулся и помахал им рукой. А потом исчез в проеме каменной стены.

И не осталось ничего, кроме сплошной тишины. Стоя по-прежнему у окна, они прислушивались к звукам, к звукам самым незначительным, но подтверждающим хотя бы, что на свете существуют люди. Однако

---

¹ Моя (нем.).

стояла мертвая тишина, и даже Глупыш больше не лаял. Вечер был красив и тих, солнце как раз только что село, оставив на небе лишь несколько багровых полосок. Свежо и сладко благоухало после дождя, и вот напоззли вечерние туманы и завладели старой заброшенной усадьбой; они мягко стелились над землей между старыми серыми строениями и шерстяным покровом простерлись в отдалении над цветами камне-ломки у каменной стены.

— Да, что ж, тогда спокойной ночи, — сказал Понтус. — Вообще-то жалко торта со взбитыми сливками. Часа в три ночи хорошо было бы перекусить немножко.

Расмус покачал головой:

— Ты, надеюсь, не рассчитываешь остаться здесь на ночь?

— А что нам делать еще? — ответил Понтус. — Сюда, пожалуй, никто не придет и нам не поможет.

Расмус сочувственно посмотрел на него, но тот этого не понял.

— Чепуха! Мы можем с таким же успехом ночевать здесь, как и в палатке, — сказал он. — Хотя здорово было бы, если бы спальные мешки лежали тут, а не на багажниках.

— Не жалея о спальнях мешках, — сказал Расмус. — Когда Эрнст и Альфредо вернутся обратно, тебе никакой мешок совершенно не понадобится.

Понтус удивленно вытаращил глаза:

— Вернутся обратно?

Расмус угрюмо кивнул:

— Да, а что они, по-твоему, могут еще сделать? Поселиться здесь и открыть лавку металлолома?

Тут Понтус засмеялся:

— Боже мой, я об этом не подумал.

— Собственно говоря, это единственное, о чем приятно думать.

И в нем также забурлил смех.

— Мне кажется, я вижу их, как они собираются вскрыть мешок. Я слышу голос Альфредо: «...пломбы — это здорово, моя мамочка всегда говорила...»

— И тогда Эрнст срывает свинцовую пломбу, — сказал Понтус.

Расмус удовлетворенно кивнул:

— А этот хмырь, который собирается купить у них серебро, стоит рядом, настороженно вылупив глаза.

— Именно так! — согласился Понтус. — И тогда Альфредо протягивает лапу за кувшином...

Расмус икал от смеха.

— А вместо него вытаскивает старую мамину металлическую ступку... Она доставит ему большое удовольствие.

— А потом они прочитают то, что мы написали на клочке бумаги, — вот где пойдет веселье! — радостно сказал Понтус.

Но Расмус уже стал серьезным.

— Да, хотя будет не очень-то весело, что мы заперты здесь, когда они на всех парах примчатся обратно. Ты понимаешь, что нам обязательно надо как-то выбраться отсюда?

Понтус это понимал.

И тут снова залаял Глупыш — раздался один-единственный, печально короткий лай, словно он точно знал: собственно говоря, нет смысла лаять.

Расмус высунулся из окна.

— Да, Глупыш, я приду! — как можно громче закричал он.

И задумался.

— Я приду, если даже сломаю себе шею, — пробормотал он.

Еще немного поразмыслив, он с надеждой взглянул на Понтуса:

— Знаешь, Понтус, а что, если мы свяжем вместе наши брюки? Должно получиться!..

— Давай! — согласился Понтус. — Не думаю, что мои выдержат, если очень долго висеть на них, но все равно можно попробовать.

Он быстро выскользнул из брюк. Само собой, он мог пожертвовать ради Глупыша парой синих брюк, даже если будет ужасно неприятно катить на велосипеде через весь Вестанвик в одних лишь коротеньких трусах.

— Везуха, что мы оба такие длинноногие, — сказал Расмус, одобрительно глядя на Понтуса, чьи ноги, длинные, словно у жеребенка, торчали из трусов.

— Да, если из штанов надо делать спасательные канаты, то...

Затем Понтус молча наблюдал, как Расмус связал обе пары брюк прочным морским узлом и как следует укрепил удивительный спасательный канат в окне. Хватило как раз на половину расстояния до земли.

— Это значит, что нам придется лететь примерно с высоты двух метров, а от этого мы не умрем, — сказал Расмус.

Понтус тоже так считал.

Расмус уселся верхом на подоконник.

— А вот и малыш Расмюс, — сказал он и повис, не раздумывая, на канате из брюк.

Они затрещали, но выдержали, и он съехал как можно ниже, до самого конца. Затем зажмурился и упал как можно мягче. Он почувствовал легкую боль в ногах, когда ударился о землю, но ног не сломал и даже не оцарапался.

— Ты гибкий, как обезьянка, — закричал Понтус. — Точь-в-точь как мамочка Альфредо!

Он уже сидел на подоконнике.

— А вот и малыш Понтюс! — закричал он.

Расмус посмотрел на него снизу вверх.

— Тебе не надо спускаться, если не хочешь! — сказал он. — Я поднимусь и открою тебе дверь... хотя сначала я открою дверь Глупышу.

— Ш-ш-ш... я что — разве я не могу немного повеселиться? — сказал Понтус, выбрасываясь из окна.

Но Расмус уже неся по дороге к погребу.

— Глупыш, — кричал он. — Глупыш, я иду!

И, только увидев новенький, с иголки, висячий замок на двери погреба, он вспомнил про ключ, полученный от Альфредо. Ключ! Ведь он сунул его в карман брюк, а брюки висели как раз на стене дома и развевались от вечернего бриза.

Он искренне разозлился на самого себя. Бедный Глупыш... когда каждая секунда заперта — мука!

— Рассеян, как старый козел, — злобно пробормотал он и помчался галопом назад...

Он ринулся по лестнице вверх, на чердак, рванул дверь, которую так тщательно запер недавно Альфредо и которую завтра утром должна была отворить Берта... Так она думала, да!

Расмус высунул голову в окно, и тут Понтус увидел его. Он удивленно вытаращил глаза.

— По-твоему, у нас урок гимнастики? — неодобрительно сказал он. — Пожалей мои штаны, хватит того, что ты спустился по ним *один раз*.

Но Расмус, взяв брюки, нервно обыскал сначала свои собственные карманы, а потом, на всякий случай, также и Понтуса. Но никакого ключа не было! Расмус просто подпрыгивал от нетерпения; в такие вот минуты седеешь!

— Понтус, посмотри, пожалуйста, не валяется ли в траве какой-нибудь ключ! — бешеным голосом закричал он.

— Поищу, — ответил Понтус.

Встав на четвереньки, он стал шарить в траве. Расмус кусал указательный палец и ждал.

— Что я получу за это? — торжествующе спросил Понтус, поднимая ключ.

Расмус с облегчением вздохнул.

— Пару брюк, потому что они тебе пригодятся, — ответил он и бросил вниз брюки, которые приземлились прямо на голову Понтуса.

И вот он снова у двери погреба, он слышит, как лает Глупыш, и он начинает плакать, едва вставив ключ в висячий замок. Вот он открывает тяжелую дверь погреба и кидается в затхлую тьму. Он ничего не видит, но слышит вопль отчаяния, и ему навстречу бросается жесткий теплый маленький комочек. Тогда он плачет еще сильнее, тихо и безутешно плачет, крепко прижимая к себе этот комочек.

— Глупыш, подумать только, ты жив, — дрожащим голосом произносит он. — Бедняга Глупыш, я так тосковал по тебе... Подумать только, ты — жив!

— Ясно, что он жив! — рассудительно произносит Понтус.

Расмус прижимает к себе Глупыша и свирепо глотает слезы. Одно дело — плакать, когда расстаешься со своей собакой, но плакать, когда она снова с тобой, — это ведь просто дурость, и он не желает, чтобы Понтус видел его слезы.

— Бедняга Глупыш, — бормочет он, зарываясь лицом в жесткую шерстку. Но Глупыш отчаянно барахтается, он хочет поскорее убраться из этого жуткого погреба, и, лишь только Расмус отпускает его, он как ракета вылетает из дверей. Только отбежав на почтительное расстояние от своей тюрьмы, останавливается и ожесточенно лает. Он решил высказать раз и навсегда, что не одобряет места своего заточения.

Но затем он все забыл. Он ведь не из тех, кто сидит и пережевывает свои минувшие страдания. Теперь он

снова свободный и веселый песик, который радостно ждет, что еще придумает его хозяин.

Хозяин же вытер тайком слезы и натянул брюки.

— А теперь мы зададим работу полицейскому корпусу Вестанвика, — сурово говорит он. — Пошли, Понтус! — Он свистнул. — Пошли, Глупыш! Поторапливайся! Мчимся что есть духу!

Глава десятая

Наступила светлая майская ночь, и Энгстуга стоит молчаливая и заброшенная среди цветущих яблонь. Маленькая серая усадьба так мирно спит! Везде тишина и покой.

Но на самом ли деле везде тишина и покой? Нет, если в этой старой усадьбе есть домовой, который бодрствует по ночам, то он знает, что все наоборот: жгучее беспокойство затаилось там меж стенами строений, а воздух полон удивительного, жуткого ожидания.

Но здесь ведь нет ни души — кто же тогда ждет? В погребе нет маленького песика, который ждет, чтобы его освободили, а в комнате на чердаке нет шалопаев-мальчишек, ожидающих, чтобы их выпустили оттуда.

Да нет, конечно же, в забрызганной взбитыми сливками комнате на чердаке сидят двое мальчиков и ждут! Там сидят хорошенько запертые Расмус и Понтус и ждут так, что готовы выпрыгнуть из собственной шкуры, они ждут и, глядя на часы, гадают: «Когда?»

И они не единственные, кто не спит сегодня ночью в этой старой заброшенной усадьбе. Бодрствующий домовой может и не заметить, как что-то шевелится среди теней. Повсюду на страже стоят словно набравшие в рот воды мужчины — один у окна на старом скотном дворе, а один в погребе, где больше нет песика, который лает.

Повсюду, во всех темных закоулках стоят молчаливые мужчины, смотрят на часы и гадают: «Когда?»

С каждым тиканьем часов приближается развязка самого ужасного криминального случая во всей истории Вестанвика, это чувствуется, и известно, что она произойдет, только неизвестно — когда.

Жутко сидеть взаперти в комнате на чердаке и ждать двух разъяренных похитителей серебра, даже если совсем рядом с тобой спрятаны в шкафу твой папа и старший полицейский. Жутко сидеть там и видеть, как ночной мрак сгущается за окном, видеть, как углубляются тени в самой комнате, так что в конце концов не различаешь уже ничего, кроме открытого очага, белеющего в темноте, жутко слышать ужасающее тиканье часов, жутко знать, что, быть может, именно сейчас, именно в эту минуту, когда часы произносят «тик», антиквар по прозвищу Акула нажимает ногой на педаль, дает газ, катит обратно в Вестанвик, и что именно сейчас они поднимаются по лестнице на чердак, злые, как пауки... ой-ой!

— Понтус, ты ничего не слышал? — испуганно прошептал Расмус.

Нет, Понтус слышал только, как старший полицейский шепчет что-то за полуоткрытой дверцей шкафа, больше ничего.

— Начинаю думать, что я — как Эрнст, — сказал Расмус. — У меня слабые нервы, и я на самом деле думаю, что здесь просто жутко!

И все-таки он сам предложил сидеть здесь. Это было, когда дядя старший полицейский начал говорить о том, как тяжело будет «связать этих воров с этим преступлением».

Бедный СП, он рвал на себе волосы, когда до него наконец дошло то, что пытался рассказать Расмус.

— Вы вдвоем были у фон Ренкенов в четверг ночью — ты не бредишь? Вы оба спрятали серебро

в погребу у Понтуса? Боже ты мой! Я ведь буду вынужден арестовать вас!

И тогда он объяснил им, что означает «связать кого-то с совершенным преступлением». Как выяснилось из рассказа Расмуса, Альфредо и Эрнст бежали с мешком металлолома, а за это арестовывать нельзя. И они не оставили на месте преступления никаких отпечатков пальцев и других разоблачительных улик. Если теперь на них объявят розыск и их схватят, то они ото всего отопрутся, и кто тогда докажет, что именно они похитили серебро? Во всяком случае не Расмус и Понтус, которые сами держат у себя краденое.

— Понимаешь, Расмус, тут ничем не поможешь, даже если я и твой папа *знаем*, что разбойничья история, которую ты нам рассказал, правда. Это ведь нужно еще доказать, — сказал СП. — Разумеется, мы их допросим, если удастся их схватить, но если они не признаются, то нам ничего не останется, как только выпустить их на свободу.

— «Выпустить их на свободу!» А потом они явятся и убьют Глупыша — нет уж, спасибо! — Расмусу пришлось снова шевелить мозгами. — Да, но если они вернутся обратно и захотят выжать из нас, где мы спрятали серебро, и вы сами *услышите* это, тогда они «связаны с преступлением»?

— Да, железно, — подтвердил СП. — Потом они ничего отрицать не смогут.

Поэтому они и сидели теперь в комнате на чердаке, а папа и СП залегли в шкафу, поэтому-то все темные закоулки были битком набиты полицейскими, а вся Энгстуга затаила дыхание в жутком ожидании.

Да, Расмус думал, что там, где они сидят, жутко! Подумать только — он, и Понтус, и Глупыш дали ход величайшему расследованию в истории вестанвикской полиции, когда несколько часов тому назад ворвались в

полицейский участок. Хотя сначала невозможно было заставить папу выслушать, что они говорят, — он занимался только Глупышом. Но как только до него наконец дошел смысл слов, которые выкрикивал Расмус, тут такая заварилась каша! Ой, подняли шум на весь полицейский корпус! Каждый самый мелкий сверхштатный полицейский бежал, запыхавшись, в участок, а папа и СП рванули в Тиволи и схватили Берту... это произошло, верно, не позднее чем через десять минут после того, как Альфредо проглотил свою последнюю шпагу и смылся в автомобиле «доброго дядяшки» вместе с Эрнстом. Берта успела лишь снять с себя шелковое платье и только начала упаковывать свое барахло в фургоне, как была арестована. Бедная Берта, которая собиралась прийти и выпустить их завтра утром! Теперь ей помешали, теперь она сама сидела взаперти в камере полицейского участка, и туда уж точно никто не пришел и ее не выпустил.

Расмус взглянул на часы. Светящиеся стрелки так медленно перемещались от одной минуты к другой, когда он смотрел на них. Но теперь было больше двенадцати... Неужели Альфредо и вправду еще не наложил лапы на мамину старую металлическую ступку?

— Елки-палки, какими они будут злыми, — содрогаясь, сказал он. — Я думаю, мы услышим, как они скрежещут зубами, поднимаясь по лестнице.

Понтус нервно хихикнул:

— Да, но скоро они кончат скрежетать, по крайней мере по поводу того, что касается нас. А потом они могут сидеть в кутузке и скрежетать зубами еще несколько лет.

— Да, и винить самих себя, — сказал Расмус. — Ты ведь слышал, как я заявил Альфредо, что беру обратно все свои обещания?

Понтус кивнул в темноте:

— Да, это так. Считая, что висячий замок надежней всего, он во второй раз срубил сук, на котором сидел.

— Думаю, что даже воры должны держать слово, — сказал Расмус. — Они обещали вернуть Глупыша сегодня вечером, так что пусть винят самих себя.

Он зевнул, несмотря на напряженность момента. Утомительно гоняться за ворами по ночам, никогда не выспишься как следует!

Понтус тоже зевнул. Долгое время молча сидели они на полу, спиной к спине, и только ждали. Расмус думал: «Неужели папа и СП тоже хотят спать?» Он слышал, как они шептались в шкафу, и пытался понять, что они говорят. Но слова звучали как один сплошной шорох, и от этого еще больше хотелось спать, ой как хотелось спать!

Внезапно Расмус вздрогнул и вскочил на ноги... На помощь, они идут! Неужели он спал? Ведь было уже светло... и вот они идут! О, он слышал, как они поднимаются по лестнице, слышал их озлобленные голоса, и сердце его так бешено колотилось... Понтус тоже вскочил. Они испуганно смотрели на дверь. В шкафу было тихо, подумать только, а вдруг папа и СП спят? Внезапно им показалось, будто им одним придется принимать удар на себя, и это было ужасно.

Но что говорил Альфредо? «Полицейским и собакам нельзя показывать, что ты их боишься». Может, это относится и к вора? Расмус выпрямился и подмигнул Понтусу. И в тот же миг дверь распахнулась. В комнату с ревом ворвался Альфредо, а следом за ним появился Эрнст с бледной от ярости физиономией. Расмус тут же успокоился. Куда хуже сидеть и ждать чего-то жуткого, нежели действительно смотреть опасности в лицо.

— Что вы тут бегаете? — спросил он. — Что, уже и по ночам спать не дают?

Альфредо круто затормозил посреди комнаты. Сжав кулаки, он чуть не плакал от злости.

— Ах, — закричал он, — ах ты, змеиное отродье, выкормыш гадюки!..

Расмус сердито посмотрел ему в глаза:

— Не надрывайся, а то лопнешь, неужели твоя мамочка никогда тебе такого не говорила?

Альфредо снова взревел, но тут в Расмуса вцепился Эрнст.

— Даю вам одну минуту на размышление, — прошипел он. — Где серебро? Одну минуту. Затем спускаюсь в погреб и... клянусь, что более дохлой псины вы никогда в жизни не видели!

Альфредо продолжал бушевать.

— Объединенное акционерное общество «Металлолом»! Ох, я шеловек коншенный! — кричал он.

Эрнст посмотрел на него.

— Заткнись... — огрызнулся он. — Одну минуту, слышали? Где серебро?

Он тряс Расмуса так, словно надеялся вытрясти из него какой-нибудь серебряный кубок.

— Отпусти меня! — сказал Расмус. — Здесь его, во всяком случае, *нет*!

Альфредо протянул свою огромную лапу и схватил за волосы Понтуса. Грубо притянув его к себе, он со слезами в голосе заорал:

— Это ты зашивал мешок?.. Боже, сжался надо мной... Собственно говоря, чему учат в школе на уроках ручного труда?!

И он оттолкнул Понтуса так, что тот отлетел спиной к стене, и тогда Альфредо, стукнув себя по лбу, снова заорал:

— Ах, я шеловек коншенный!

Тем временем Эрнст продолжал все сильнее трясти Расмуса с таким видом, словно собирался убить его.

— Я не спрашиваю, где у вас *нет* серебра! Я спрашиваю, где оно у вас *есть*?

— В одном доме в городе, — сказал Расмус. — Отпусти меня.

— В каком таком доме? У тебя дома? Под твоей кроватью? Где? Слышишь, что я говорю... *где?*

— Не могу же я, верно, сообщить об этом здесь, — сказал Расмус. — Но мы с Понтусом можем принести его вам.

— Можете? — переспросил Эрнст. — Он нетерпеливо толкнул Альфредо. — Слышишь, что он говорит, этот парень, или ты только воешь?

— Я вою и слушаю, — недовольно ответил Альфредо. — Серебро у него в городе... это значит снова идти пешком, а я ненавижу ходить пешком.

Он больше не плакал, а только с оскорбленным видом таранился на эту парочку, причину всех своих бед.

— Да, нам надо идти вместе с ними, даже если это рискованно... И идти немедленно!

Он беспокойно протопал несколько раз взад и вперед по комнате. Время от времени он бросал неприязненные взгляды на Расмуса и Понтуса.

— Черт побери, я заболеваю, стоит мне увидеть вас!

— Вот как? — отозвался Понтус. — Да, я тоже чувствую себя неважно, когда вижу *тебя*, представь, и я тоже!

Эрнст не слушал его.

— Знаешь что, — обратился он к Альфредо, — если у тебя устали ноги, то дуй прямым ходом к машине. И главное, попытайся успокоить его.

Альфредо посмотрел сначала на Эрнста, а потом на свои усталые ноги.

— Ты, с твоими пломбами! — прошипел он. — Нет, Эрнст, я последую за тобой, я твой добрый ангел-хранитель, который бодрствует и следит за тем, чтобы ты не впал в какое-либо искушение... Вот только была бы у меня еще парочка ангельских крыльев, на которых я мог бы помчаться вместе с вами, потому что ботинки жмут, да, жмут.

— Заткнись, — сказал Эрнст. — Ты слишком много болта...

Но Альфредо прервал его:

— Нет, я не хочу оставаться один на один с антикваром по прозвищу Акула, если могу избежать этого... Потребуется целая гора серебряных горшков, чтобы успокоить его. Боже, сжался надо мной, в какую ярость могут впадать некоторые, какое у них делается дурное настроение, как они теряют чувство юмора и облаивают других!

Его собственное настроение явно быстро улучшалось. Вероятно, он был устроен как вулкан: после основательного извержения он успокаивался, а теперь, пожалуй, новая надежда обрести серебро несколько подняла его упавший было дух.

— Пошли, — сказал он. — Он будет ждать нас всего лишь час, так что поторопимся.

Расмуса крепко толкнули в спину:

— Ну, идете вы или нет?

Эрнст все сильнее напирал на них, он погнал их вперед, к двери.

— Я заболеваю, стоит мне увидеть вас, — еще раз заверил он мальчиков. — Но во всяком случае это — ве-зуха. И как это нам в голову пришло запереть вас здесь?

Расмус и Понтус думали то же самое.

В шкафу по-прежнему было тихо, и все те, кто стоял на страже в темных закоулках, ждали своего часа. СП предупредил, что никто не должен вмешиваться, только в случае крайней необходимости. Теперь воров хорошенько свяжут с этим преступлением!

— Да, тогда пошли, — непринужденно произнес Расмус, когда Альфредо закрыл за ним дверь. — Но подумать только, как удивится Берта, если придет сюда, а нас нет!

— Да, подумать только, если придет Берта... — лукаво сказал Понтус. — Подумать только!

Мысль об этом явно подняла настроение Альфредо, по крайней мере на несколько градусов; глубоко удовлетворенный, он сказал:

— Милая бедняжка Берта, да, она, пожалуй, будет озадачена: ни шалопаев-мальчишек, ни Альфредо — никого, только старый, дорогой сердцу дом ее детства, и, похоже, он также вот-вот рухнет!

Впрочем, старый, дорогой сердцу дом ее детства среди цветущих яблонь являл собой на рассвете прекрасное и мирное зрелище: никто и заподозрить не мог, что почти весь полицейский корпус Вестанвика, затаив дыхание, укрылся здесь в засаде. На каменной стене сидел бельчонок и ясными глазками посматривал на Альфредо и его свиту, когда они прошеествовали мимо один за другим. Но вообще-то никаких признаков жизни нигде не ощущалось.

И в погребе было тихо.

— У кого из вас ключ? — спросил Эрнст, внезапно останавливаясь перед дверью погреба.

Расмус и Понтус посмотрели друг на друга... Неужели Эрнст войдет в погреб и все испортит?

Расмус медленно сунул руку в карман.

— Ключ, — сказал он, — его я могу, наверное, оставить у себя? Во всяком случае, я ведь заберу Глупыша завтра, так?

— Давай сюда ключ! — злобно сказал Эрнст. — Это зависит от того, как вы поведете себя в ближайший час. — Он рванул к себе ключ. — И не выкидывайте никаких новых фокусов, не советую! Не забывайте, что здесь, в погребе, сидит взаперти псина... Понятно?

— Понятно! — ответил Расмус.

Если бы только Эрнст знал, какая псина сидит взаперти в погребе именно сейчас! Это была не жесткошерстная черная такса, песик по прозвищу Глупыш, а жестковолосый дюжий полицейский по фамилии Сёдерлунд. И, кроме того, погреб не был заперт, Эрнст, вероятно, и

сам увидел бы это, если бы получше присмотрелся к висячему замку, болтавшемуся на дверях погреба.

— Пошли быстрее! — скомандовал Эрнст.

Они так и сделали.

Это сделали и все те, кто стоял на страже в темных проулках между домами. Очень тихо, очень медленно и осторожно приготовились они следовать за маленькой процессией во главе с Расмусом, которая вышла из проема в каменной стене.

— Тут есть короткий путь через лес, — сказал Расмус. — Проселочная дорога почти вдвое длиннее, по какой пойдем?

— Штобы как можно меньше пешком, — сказал Альфредо. — Ближайшим путем, так будет лучше.

«Да, и тогда мы избежим встречи с полицейской машиной», — подумал Расмус. Интересно посмотреть, какой вид был бы у Альфредо, если б он произнес эти слова вслух!

Вообще-то было здорово чудно шагать по этому лесу вместе с двумя отпетыми взломщиками в сопровождении длинной цепочки полицейских, крадущихся за твоей спиной. Именно по этой узенькой дорожке он ходил с мамой, и с папой, и с Крапинкой по крайней мере один раз каждой весной, именно таким вот майским утром, как это, когда всего неистовей пели птицы. Перссоны обычно брали с собой кофе и шли в лес — на ранний утренний пикник. В лесу была такая маленькая красивая прогалина, где росло множество лесных звездочек — цветов седмичника; на прогалине Перссоны обычно располагались и слушали пение птиц, хотя кукушка большей частью упрячилась.

Однако именно теперь, когда ты брел по лесу, бок о бок с ворами и бандитами, она так и заливалась во все горло.

Альфредо стал передразнивать кукушку:

— Ку-ку, маленькая дурашка кукушка, ку-ку! Сколько лет, как ты думаешь, мне дадут?

Кукушка пропела три раза.

— Три года, — сказал Альфредо. — Но, пожалуй, я могу получить их условно... Ку-ку!

— Подумать только! Если бы ты хоть на миг прекратил свою трескотню, — сказал Эрнст.

Он быстро шел вперед, стиснув зубы, Альфредо же брел, спотыкаясь о камни и корни. Он явно не привык ходить пешком.

— Мало того што я шеловек коншенный, у меня еще и мозоли!

— «Мозоли»! — прошипел Эрнст. — Не будь у меня бóльших проблем, чем мозоли, я был бы доволен!

Бедняга Альфредо и бедняга Эрнст! Разумеется, у них были заботы поважнее, чем мозоли!

Но вот перед ними Вестанвик, залитый первыми лучами солнца, маленький-премаленький Вестанвик, где воры совершили великий-превеликий подвиг. Где-то, на какой-то из этих маленьких улиц, стоит дом, где как раз сейчас находится их добыча, надо ее только взять.

Однако Эрнст нервничает. Он идет по улицам, кусая ногти и боязливо оглядываясь на спящие окна... В самом деле, можно надеяться, что никто не бодрствует, никто не видит их и не слышит, а может, уже начинает удивляться: ведь когда идешь по этим мощеным булыжником улицам, поднимаешь такой чертовский шум, который может разбудить полгорода.

Ах, конечно же, в такое время в таком маленьком городке, как Вестанвик, все еще спят и никто не просыпается оттого, что несколько человек топают по боковым улочкам к дому, где спрятано серебро. Хотя, собственно говоря, никому не следовало бы спать в такое ясное сладостное утро, когда цветут каштаны, и сияет солнце, и благоухает сирень. Жимолость тоже

благоухает. Да, внезапно воздух наполняется тончайшим благоуханием жимолости. Альфредо вдыхает ее аромат... Ах, эти чудные цветы!

На боковой улочке, совсем близко от старого distinguished учебного заведения Вестанвика, стоит белый оштукатуренный дом с зеленой жестяной крышей, и одна его стена совершенно заросла жимолостью... Вот откуда этот сладостный запах!

— Ну вот, мы и пришли, — говорит Расмус. — Оно там, в доме. — Он прикладывает палец ко рту и шикает на Эрнста и Альфредо. — Тише... пойдем черным ходом.

Эрнст и Альфредо одобрительно кивают. За всю свою бурную жизнь они научились на собственном опыте, что надежнее всего проникать в дом с черного хода, тогда это как бы менее заметно, а они чаще всего мечтали проникнуть в дом как можно незаметнее.

Но Эрнст не теряет бдительности. Железной рукой охватывает он шею Расмуса.

— А ты уверен, что серебро там, в доме? — тихо спрашивает он, указывая на маленькую, выкрашенную в зеленый цвет дверь черного хода. — Ты не выкинешь какой-нибудь новый чертовский фортель? Надеюсь, ты не забыл про псину в погребе?

— Не-а, я ее не забыл, — говорит Расмус.

О, никогда в жизни он не забудет псину в погребе.

Но Эрнст все-таки спокоен.

— У, дьявол, мне это все не нравится, — говорит он, беспокойно оглядываясь вокруг.

Но Альфредо совершенно не беспокоится.

— Знаешь, Эрнст, у тебя слабые нервы, ты никогда прежде не был таким.

— Ш-ш-ш, — шепчет Расмус. — Если не хотите, вам вовсе незачем заходить вместе с нами. Мы с Понтусом вынесем вам все это барахло.

Тут Эрнст снова крепко хватает его за шею.

— Думаешь, этот номер с нами пройдет? — в ярости говорит он. — Вы пробежите через весь дом и выскочите с другой стороны, а? Слушай-ка, сопляк, ты имеешь дело не с какими-нибудь зелеными юнцами... и помни, только попробуй!

— Ш-ш-ш! — говорит Расмус. — Ты подозрителен, как старый козел.

Альфредо удовлетворенно кudahчет:

— Боже, сжался надо мной, этому трюку моя мамочка научила меня в тот самый день, когда я пошел в нашальную школу!

— Как хотите, — говорит Расмус, услужливо распахивая дверь. — Дуйте тогда сюда!

Эрнст идет первым. Он крепко держит Расмуса за запястье.

— Иди тише! — угрожающе шепчет он.

И Расмус идет тихонько, на цыпочках. Точно так же на цыпочках ступает Альфредо. Когда он крадется на цыпочках, мозоли даже меньше болят. Шествие замыкает Понтус, он хорошенько запирает за собой выкрашенную в зеленый цвет дверь.

— Здесь просто тьма египетская, — шепчет Альфредо.

И верно! Расмус ведет их длинным, узким, темным коридором.

— Но скоро будет светлее, — в утешение обещает он.

Эрнст сдавливает его запястье:

— Тише... не болтай... где у тебя серебро?

Коридор заканчивается другой дверью.

— Там, внутри, — говорит Расмус. — Отпусти меня, чтоб я открыл дверь!

И он открывает дверь.

Ну не удивителен ли переход от тьмы к свету?

Здесь внезапно становится удивительно-преудивительно светло, а на столе выставлено все великолепное-

превеликолепное серебро, сверкающее в лучах утреннего солнца. А совсем рядом — человек в форменном мундире, и он так приветливо улыбается!

— Зачем же, ради бога, с черного хода, — говорит он. — Но все равно добро пожаловать. Добро пожаловать в полицейский участок Вестанвика!

А затем сразу же случается столько всего!

— Держи его, Патрик! — кричит старший полицейский. — Он выпрыгнет в окно.

Эрнст был уже на полпути к открытому окну, и Расмус с удивлением увидел, как его папа, словно тигр, прыгнул наперерез вору и в последний миг помешал Эрнсту выскочить в окно.

Но есть еще один человек, который хочет удрать.

Молча и решительно бежит Альфредо к зеленой двери, в которую вошел, но там уже стоит пара дюжих полицейских, которые безжалостно загоняют его обратно в кабинет дежурного.

— Полицейский ушасток, дорогая мамочка, — бормочет он, — я шеловек коншенный...

Но он добровольно протянул руки и не сопротивился, когда старший полицейский надевал ему наручники.

— Ну што ж, если ты арестован, знашит, арестован — так всегда говорила моя мамочка...

— Но кое-чему она забыла тебя научить в тот самый момент, когда ты пошел в начальную школу, — пробормотал Расмус.

Альфредо бросил на него мрачный взгляд:

— Да, я начинаю в это верить. Ей бы наущить меня никогда не красть, не пристрелив сперва всех, кто хочет взглянуть на меня одним глазком. — Он ударил себя по лбу обеими руками. — Объединенное акционерное общество «Металлолом»!.. Ах, я шеловек коншенный!

— Вини в этом самого себя, — хмуро сказал Расмус. — Могли бы отдать Глупыша, как обещали!

«Воры точно дураки, — думал Расмус. — Вот бы сказать им то, что говорит всегда магистр Фрёберг: „Шевелите мозгами, будете лучше думать!“» Если уж ты вор, нечего так глупо, как баран, тащиться в полицейский участок. Нет, воры *не думают*, вот в чем их ошибка. Может, потому, что Альфредо никогда хорошенько не думал, он так мало беспокоился о том, что с ним будет. Он, бывает, побеспокоится немножко об этом и тогда жутко злится. Но потом он словно все забывает, точь-в-точь как маленькие дети. Противно, когда огромные, толстые дядьки ведут себя как маленькие дети; и никогда не знаешь, что они могут выкинуть. Магистр Фрёберг обычно говорит, что много бед на свете происходит оттого, что часть людей продолжают оставаться маленькими детьми, хотя внешне это и незаметно. Вернее, он имеет в виду таких, как Альфредо. А вообще-то и Эрнст тоже такой. Он, верно, тоже маленький ребенок, хотя и в другом роде. Поэтому-то он здесь, и опускает глаза, и дрожит всем телом, и вообще ему худо.

— Как быстро ты скис, Эрнст! — сказал Альфредо. — Что, манжеты жмут?

Эрнст посмотрел на него.

— Заткнись! — сказал он.

Но потом и для Эрнста, и для Альфредо нашлось кое-что другое для обозрения. Из кабинета старшего полицейского выскочил маленький песик, песик, который увидел своего хозяина и поэтому лаял, и вилял хвостом, и ужасно радовался.

Альфредо застонал:

— Эрнст, мы ведь запирали эту животину в погреб, а может, мы не заперли ее? Дорогая мамочка, этот пес, должно быть, призрак!

Расмус взял на руки песика-призрака, и тот лизнул его в лицо.

— Патрик, — сказал СП, — надо их обыскать, а потом, пожалуй, запустим их в камеру к Берте.

Альфредо так и подскочил:

— Берта здесь? Вы арестовали милую бедняжку Берту?

Старший полицейский кивнул, и Альфредо решительно повернулся к нему:

— Запомните, если вы посадите меня в камеру, где сидит Берта, я напишу жалобу в управление тюрем!

Старший полицейский успокоил его:

— Не бойся! Каждый из вас получит такую маленькую одиночную камеру, какая вам и не снилась.

Альфредо напустил на себя благородный вид и дал себя обыскать. Расмус вытянул шею: ему хотелось увидеть, что это папа выкопал у Альфредо в карманах.

— Боже мой, что это такое? — сказал папа.

Протянув руку, он показал СП маленького серого игрушечного крысенка с заводным ключиком сбоку.

— Ах, это веселая маленькая игрушка, — объяснил Альфредо. — Вчера, когда шел дождь, Эрнст играл с крысенком весь день; Боже, сжался надо мной, как злилась Берта!

Расмус и Понтус посмотрели друг на друга, и Понтус чуточку хихикнул: он вспомнил, как однажды давным-давно хихикал из-за этого крысенка.

— Крысенок мой, — сказал Расмус.

Альфредо кивнул:

— Да, отдай его шалопаям-мальчишкам, я получил его от них.

Расмус взял крысенка. Он сохранит его на память о всемирно знаменитом шпагоглотателе Альфредо!

Затем папа выудил часы из нагрудного кармана Альфредо. Расмус и Понтус видели их еще раньше. Это были дешевые серебряные часы с эмалевым циферблатом.

— Ах, мои шасы, неужели у вас нет сердца и вы отнимете их у меня! — умоляюще произнес Альфредо. — Мои самые первые шасы, вы отнимете их!

Расмусу стало почти жаль его, когда папа только покачал головой и положил часы ко всем остальным вещам.

— К сожалению... — любезно произнес его отец. — Стало быть, это старое воспоминание детства?

Альфредо подмигнул ему:

— Да, в моей юной жизни это были самые первые часы, которые я стибрил. Ничего не поделаешь, становишься немного сентиментальным, да, сентиментальным.

Эрнст с отвращением посмотрел на него.

— И слышать не хочу, как ты все врешь, — вполголоса пробормотал он. — Вчера ты говорил, что часы достались тебе по наследству от дяди Константина.

Но Альфредо его не слушал, он заискивающе улыбался полицейским властям и больше уже не был человеком конченным. Он был теперь идеальным, образцовым заключенным, готовым из всех сил угождать полицейским и тюремщикам и развлекать их легкой шуткой в подобающий момент.

Вскоре обыск Альфредо закончился, и, пока регистрировали его личные вещи, он бесцеремонно опустился на скамейку, где Расмус и Понтус сидели с Глупышом.

— Да, присяду-ка я, пожалуй, здесь и поболтаю с шалопами-мальшишками, — сказал он. — Подвиньтесь-ка!

— Ты ведь хотел пристрелить нас, — пробормотал Расмус.

— Только немножко выстрелить в воздух. Подвиньтесь!

Они подвинулись, чтобы он мог втиснуть свою огромную тушу рядом с ними.

— Ну так говорите же, — потребовал он.

Он, разумеется, считал, что их долг — развлекать его, поскольку они доставили его сюда, а все остальные как раз в этот момент были заняты.

Понтус напрягся изо всех сил, придумывая тему для разговора.

— Ты все равно самый заправский старый ворюга, да, именно так, Альфредо! — заявил он в виде небольшого вступления.

Альфредо кивнул:

— Да, да, я заправский старый ворюга, поэтому на меня и надели такие красивые манжеты.

Расмус в раздумье — ему было не по себе — посмотрел на его наручники:

— Хотя, собственно говоря, ты ведь все равно думаешь, что быть вором здорово?

Альфредо покачал головой:

— Если собираешься избрать эту карьеру, будь готов ко всему понемножку.

— Ш-ш-ш, — прошептал Расмус, — и не мечтай, чтоб я стал каким-то там вором.

— Вот как, а я-то думал, ты хочешь полушить от меня то, что называется консультацией по выбору профессии? Не-а, Расмус и Понтюс, вам, верно, никогда не бывать какими-то там ворюгами. Остерегайтесь только булавок, — сказал он.

Понтус вопросительно взглянул на него:

— Булавок?

Альфредо кивнул:

— Да, иначе вам ни ворами, ни шпагоглотателями не стать. С булавок и нашлась моя погибель.

— Как это? — спросил Расмус.

— А вот так! Штобы стать шпагоглотателем, нашинаешь еще маленьким ребенком глотать булавки. А где бедному маленькому ребенку взять булавки, если не украсть их? Ну а дальше сами знаете, как это бывает...

Нашинаешь с булавки, коншаешь серебряными кубками... Так со мной и было.

Расмус взглянул на часы. Скоро пять... ничего себе воскресное утро! Он зевнул, и тут к ним подошел отец:

— Послушайте-ка, ребята, вы свое дело сделали. Я думаю, бегите-ка домой! — Он погладил Расмуса по взъерошенным волосам. — Забирай Глупыша, иди домой и ложись спать, иначе ты не проснешься к тому времени, когда мы пойдем на весенний праздник.

Альфредо сказал с философским видом:

— Подумать только, какой шудной может быть жизнь! Одни идут на праздник, а другие под арест!

— Да, само собой, — сказал Расмус. — Но ведь это немного зависит и от того, как себя поведешь.

Альфредо заискивающе улыбнулся его отцу.

— Этот Расмус — красивый и умный ребенок! Хотя и непришесанный, — добавил он, бросив взгляд на взъерошенную шевелюру мальчика. — Если пойдешь на праздник, тебе придется немного пришесаться, так мне кажется.

Глава одиннадцатая

Воскресное утро... Какое чудесное изобретение! А это воскресное утро — самое лучшее из всех. Рядом с ним снова был Глупыш, так уверенно прижавшийся мордочкой к его руке, словно никогда не был в плену у разбойников. Расмус согнул ладонь над его темной головкой и пробормотал:

— Глупыш, я так тебя люблю, так люб...

Глупыш вздрогнул и тотчас проснулся. Он оживленно взглянул на хозяина.

— Э, нет, и не пытайся, — сказал Расмус. — Ты уже был на улице... в пять часов утра, будь добр, вспомни это!

Он посмотрел на часы. Двенадцать! Елки-палки! Ведь уже не воскресное утро, а ясный полдень, и скоро пора отправляться на весенний праздник.

Из кухни доносился слабый аромат жареной ветчины, а он валялся тут, разглагольствуя с самим собой — что лучше: остаться в кровати рядом с Глупышом или же встать и пойти завтракать. И тут он услышал, как кто-то приоткрыл дверь.

— Да, он уже проснулся, — сказала мама.

И они вошли к нему все вместе, мама, и папа, и Крапинка, и мама несла ему на подносе завтрак. Он внезапно забеспокоился.

— Я ведь не болен, — сказал он.

Мама была настоящим чудом, она обнаруживала, что у тебя температура, задолго до того, как ты сам это замечал, и тогда загоняла в постель, хочешь ты этого или нет. Но иногда в определенные дни, когда у тебя была, например, пустяковая письменная работа по географии и тому подобные контрольные и ты, лежа в кровати, придумывал, будто у тебя температура, да и в самом деле уже чувствовал, какой ты весь теплый и больной, она говорила лишь:

— Без глупостей! А ну встать — и бегом!

Однако сейчас она поставила перед ним на кровать поднос и даже не сказала, что Глупыш должен спать в своей корзинке, она только смеялась.

— Нет, ты не болен, но папа говорит, что ты все-таки заслужил омлет с ветчиной.

Отец махал свежим номером «Вестанвикской газеты», которую держал в руках:

— Да, Расмус, почитай газету, ты увидишь.

— Напечатано объявление? — живо спросил Расмус.

Папа кивнул:

— Да, это само собой, но...

Крапинка кинулась на Глупыша. Она стащила его к себе на пол и бурно ласкала.

— Маленький, любименький Глупыш, подумать только, ты вернулся домой... А ты знаешь, что тебя просили позвонить по телефону: «Вестанвик, сто восемьдесят два»?.. Сделай это, пожалуйста, чтобы мы знали, как ты себя ведешь!

Расмус не мешал ей развлекаться: конечно, это его песик, но Крапинка спала, когда он утром вернулся с Глупышом домой, а сейчас — пускай немного поразвлекается. Одна только мама не спала тогда, она была так счастлива при виде Глупыша, что расплакалась. И еще она чуточку поплакала из-за того, что Расмуса не было дома и что он гонялся за похитителями серебра.

Но сейчас она не плакала, а принесла ему омлет с ветчиной и свежую французскую булочку, чудесно! Расмус с большим аппетитом накинулся на еду. Папа, стоя возле него, раскрыл газету.

— Послушай только! — сказал он.

— Да я знаю объявление наизусть, — сказал Расмус, его рот был набит ветчиной: — «Убежал Глупыш, маленькая жесткошерстная такса...»

— Дурачок, — сказал папа. — «Последние известия, — прочитал он. — Похитители серебра схвачены. Фантастический вклад Объединенного акционерного общества „Металлолом“».

Расмус вытаращил глаза:

— Это о нас написано в газете?.. Им что, больше и писать не о чем?

Отец с упреком посмотрел на него:

— И ты так говоришь о «Разбойничьей истории века»? Так называется эту историю газета, а вовсе не я.

— И выход газеты задержали на пять часов, только чтобы дать этот материал, — сказала мама.

Крапинка оценивающе посмотрела на брата:

— Да, ты — настоящий герой, даже если сам об этом и не знаешь, и Понтус — тоже.

— Ш-ш-ш, — прошипел Расмус.

Он радовался, что, кроме Понтуса и его самого, никто не знает, с чего это они стали героями, даже СП и папа ничего не знают о «Корпусе Спасения Жертв Любви» и думают, что они влезли к фон Ренкенам как раз для того, чтобы узнать, чем занимаются там Эрнст и Альфредо. Подумать только, если бы в газете было написано про «Каталог дешевой распродажи» — вряд ли бы Крапинка так радовалась.

— Ну а теперь я хочу знать одну вещь, — решительно сказала мама. — Послушай-ка, малыш, а что, собственно говоря, ты делал в четверг ночью вне дома?

Так, этого вопроса он ждал все время! Он запихнул в рот большой кусок ветчины, чтобы, пока он его прожевывает, выиграть время и подумать.

Потом он посмотрел на маму невинными голубыми глазами:

— Ты сама сказала как-то на днях, что в такие светлые майские и июньские ночи, собственно говоря, вообще не надо спать.

Мама засмеялась.

— Но это не имеет отношения к маленьким школьникам, — сказала она.

— Ну ладно, какое нам теперь до этого дело, — сказал папа. — Мы, верно, и сами были молоды, и крались по ночам тайком вокруг вигвама своих недругов.

— Только не я, — уверила мама.

— Не-а, но зато тебе так никогда и не удалось схватить парочку похитителей серебра, — засмеялся папа.

Когда Расмус остался один и покончил с завтраком, он основательно прочитал все, что было написано в газете о нем и о Понтусе. «Страховое общество барона

фон Ренкена присудит обоим мальчикам награду», — было напечатано там черным по белому.

«Елки-палки, до чего нудно, какие еще награды можно получать от Страхового общества... Может, небольшую дурацкую страховку? Спасибо, что я знаю о награде, которую обещал папа... Бесплатное мороженое во время весеннего праздника!»

Он прочитал объявление и был так счастлив, что маленький песик, жесткошерстная такса, вовсе не убежал.

— Подумать только, Глупыш! О тебе тоже написано в газете... в двух местах. Ты герой, Глупыш, ты знал об этом?

Глупыш тявкнул. Он знал, казалось, и об этом.

Затем Расмус выпрыгнул из кровати. Он тщательно умылся и совершенно противоестественно причесал волосы, ведь он обещал это Альфредо! Затем, надев рубашку и синие джинсы, вышел в кухню.

— Нет, знаешь что, — сказала мама, — в таком виде, пожалуй, на весенний праздник ты не пойдешь. Надень фланелевый костюм.

Расмус был глубоко оскорблен. Он тут умывался и причесывался, перейдя все границы благоразумия, но жертва была напрасной, этого даже не заметили, а только стали возникать с возражениями по поводу его будничной одежды.

— Если надо надевать выходной костюм, — с досадой сказал он, — я лучше останусь дома.

Мама кивнула.

— Вот как? Тогда оставайся! — сказала она.

Расмус обиженно посмотрел на нее:

— Ш-ш-ш, тогда, значит, я зря умывался?

Мама осмотрела его уши:

— По-моему, ты, в виде исключения, помылся хорошенько, верно?

— Да, даже слишком, — сказал Расмус.

Притянув его к себе, мама погладила его по мокрым причесанным волосам:

— Как красиво ты причесан... и ты абсолютно сам до этого додумался! Ты, верно, никогда не станешь взрослым?

Нет, он не сам до этого додумался, ему это было не нужно... Это явно входило в интересы государства — как он причесан, одет и умыт; даже старые ворюги вмешивались в это дело.

— Ты видел, какая нарядная Крапинка? — спросил папа.

— Ш-ш-ш, девочка — это же совсем другое дело, — сказал Расмус.

— Разве? — спросила Крапинка.

Встав перед ним, она закружилась. На ней было что-то розово-клетчатое, и юбка так красиво колыхалась; Расмус даже признался самому себе, что Крапинка красивая. Но ведь девчонки любят шуршать шелками. Хотя вид у нее, у Крапинки, был не веселый, ну... ни капельки!

— Выше голову, Крапинка! — сказал папа. — Как можно не радоваться, когда идешь на праздник и сам похож на цветок шиповника.

Крапинка встала перед небольшим зеркалом, висевшим у мамы на стене кухни, осмотрела свое грустное лицо и скорчила гримаску.

— Цветок шиповника с веснушками на носу, да?

С этими несчастными веснушками, которые выступали у нее на лице каждую весну, Крапинка вела нескончаемую войну.

У Расмуса тоже выступали весной веснушки, но он как-то не замечал, чтобы они ему мешали.

Да и мама тоже так думала.

— Знаешь, Крапинка, а веснушки придают только прелесть, — сказала она.

Крапинка скорчила гримаску:

— Да, веснушки всегда придают прелесть... другим. — И она пошла. — Привет! Мне надо быть там заранее, мы будем репетировать!

— Ну как, — спросил Расмус, когда она исчезла, — можно мне надеть синие джинсы или нельзя?

Папа умоляюще посмотрел на маму:

— Он же может, верно, надеть их... как маленькую награду?

Расмус тоже умоляюще посмотрел на маму:

— *Можно* мне надеть их?

Мама еще раз погладила его по гладко причесанным волосам и сказала:

— В награду за честность и рвение на службе государству он... не наденет фланелевый костюм на весенний праздник!

— Красиво, — оценил Расмус. Потом, еще немного подумав, спросил: — А что, здесь, в доме, все *решает* мама?

— Нет, ты тут ошибаешься, — сказал папа, — ты тут совершенно ошибаешься! *Раньше* все решала мама...

— Разве теперь она больше этого не делает?

— Не-а, видишь ли, Крапинка стала такая взрослая, что у нас теперь так называемое коллегиальное правление.

Но мама только смеялась:

— Чепуха, конечно же, все решает папа. И теперь он решил, что нам пора поторапливаться.

Но тут Глупыш залаял, чтобы напомнить о своем существовании, и Расмус оживился.

— Я решаю еще один вопрос, — сказал он. — Да, и я тоже! Я решаю, что Глупыш идет с нами.

Глупыш громко залаял. «Глупыш идет с нами!» — Он считал, что такие слова должны произноситься в этом доме намного чаще.

Мама наклонилась и погладила песика.

— Да, это ему, пожалуй, необходимо, — сказала она. — После всего, что он пережил... Но ты, разумеется, наденешь на него цепочку...

Глупыш залаял. «Цепочка» — это слово, наоборот, желательно вовсе упразднить.

Затем он еще сильнее залаял, потому что раздался стук в дверь и в дом вошел Понтус, веселый и краснощекий... и в синих джинсах.

Рванувшись вперед, Расмус толкнул его. Он сделал это потому, что страшно обрадовался при виде Понтуса, и еще потому, что на друге его были синие джинсы, да и сам он, Расмус, к приходу приятеля был одет подобающе. И потому, что Глупыш был дома, и еще по многим причинам, которые он как раз сейчас вспомнить не мог.

— Ты видел, что про нас написано в газете? — оживленно спросил Понтус.

Расмус кивнул.

И, стоя у кухонных дверей, они вдруг осознали все то удивительное, что им пришлось пережить. Оно стало удивительным именно благодаря тому, что об этом написали в газете. И они смотрели друг на друга удовлетворенно, с чуточку удивленной улыбкой. Но не произносили ни слова. Расмус лишь сунул руки в карманы джинсов и слегка потянулся.

— Это, верно, очень кстати; Спичка, по крайней мере, успокоится хотя бы на несколько дней, — сказал он.

И Расмус с Понтусом пошли на праздник.

Каждый год, в последнее воскресенье мая, учебное заведение Вестанвика проводит свой большой весенний праздник в городском парке. В этот день сине-желтые флаги¹ так патриотично развеваются на своих белых древках, в этот день школьный хор поет о прекрасных

---

¹ Национальные флаги Швеции.

цветущих долинах, в этот день ректор так красиво говорит о молодости и о весне. «О юность, как прекрасна ты!» — возвещает он своим кротким голосом, а все папы и мамы Вестанвика согласно кивают; они делают это каждый год. Ибо юность всегда одинаково прекрасна, хотя каждый год подрастают новые юноши и девушки. Он, старый ректор, повторяет это еще раз, так как уже забыл, что слова эти были уже произнесены однажды. «О юность, как прекрасна ты!» — возвещает он.

И каждая мама, каждый папа ищет взглядом именно своего мальчика или именно свою девочку. А иногда случается так, что эта девочка сидит на эстраде в розово-клетчатом свеженакрахмаленном хлопчатобумажном платье. Разумеется, прелестная, но очень опечаленная, зато мальчик, наоборот, — счастливый и бездумный, бродит вокруг, поедая мороженое на почтительном расстоянии от родителей, и не слушает, что говорит ректор. И тогда их мама думает, что одиннадцать лет — чудесный возраст.

Так думает и он сам, тот, кому одиннадцать.

— Слышишь, купим еще по порции мороженого, — говорит он Понтусу. — А еще одну я куплю Глупышу, он любит мороженое.

— Я уже съел две порции, — отказывается Понтус.

— Ш-ш-ш — это только легкая разминка.

Ректор уже кончил говорить, и заиграл оркестр «Pling Plong Players», и сияло солнце, и цвела сирень. Быть может, уже следующим утром она начнет увядать, так как время ее прошло, но сегодня надо всем парком льется ее сладостный аромат.

Глупыш тянул свою цепочку и всячески сопротивлялся. Он вовсе не думал, что оркестр «Pling Plong Players» — нечто выдающееся и его стоит слушать. Однако Расмусу и Понтусу хотелось и слушать, и смотреть.

— На самом деле они играют не так уж и плохо, — сказал Расмус.

— Не-а, — согласился Понтус. — А ты видел, что Йоаким все время таращит глаза на Крапинку? А что вообще сказала Крапинка, когда ты отдал ей фотографию?

— Елки-палки, не отдавал я ей фотографию, — с убитым видом признался Расмус. — Ну и дурак же я, понятно, я должен был сделать это, как только пришел утром домой.

— Да, ясное дело, — согласился Понтус. — А как с мороженым?

— Сейчас купим!

Расмус позволил Глупышу тащить себя куда тому вздумается, тем временем они высматривали какого-нибудь мороженщика. И наткнулись в толпе на магистра Фрёберга.

Он шел такой нарядный, в новом весеннем костюме, с тростью, и вид у него был совершенно не такой, как в школе.

— Нет, вы только посмотрите — Расмус Перссон! — сказал он. — И братец Понтус! Герои дня, если верить местной прессе. — Он зацепил рукоятью трости Понтуса за шею. — Да, да, считать ни один из них не умеет, но ведь из них могут все-таки выйти отличные парни! Могут ли предложить вам, господа, по порции мороженого?

— Спасибо! — сказали они. — Огромное спасибо!

Они вежливо раскланялись и украдкой покосились друг на друга. До чего ж чудно... иногда не допросишься даже одной-единственной, хотя бы маленькой порции мороженого, а теперь, когда они могут целый день поглощать мороженое бесплатно, является магистр Фрёберг и хочет, чтобы они съели еще больше.

Он дал им каждому по пятьдесят эре и пошел дальше, размахивая тростью.

— До свиданья, Расмус Перссон! До свиданья, братец Понтус!

Когда они съели много-премного порций мороженого и начали уставать, а праздник близился к концу, они удалились от мира и сели отдохнуть на зеленой лужайке.

— Если ты твердо обещаешь никуда не убегать, я спущу тебя на время с цепочки, — сказал Расмус и отпустил Глупыша.

Казалось, Глупыш дал такое обещание. Он деловито обнюхал все вокруг и нашел в ближайших кустах много интересного. Но внезапно он обнаружил нечто куда более интересное. Довольно далеко, возле эстрады, он обнаружил таксу Тессан и ринулся туда с такой быстротой, на какую только способны были его коротенькие ножки.

— Глупыш! Сейчас же назад! — закричал Расмус.

Глупыш поспешно решил, что он ничего не слышал. Он спокойно рванул дальше, но тут чья-то сильная рука схватила песика за ошейник и постыдно поволокла его к хозяину. А хозяин так злобно вытаращил глаза, но не на Глупыша, а на того, кто его тащил.

— Вот как, наконец-то я вас нашел, — сказал Йоаким. — Я приветствую вас, Объединенное акционерное общество «Металлолом»! Если бы вы знали, как рад папа!

— Ему небось весело, — хмуро буркнул Расмус.

— Он явится поблагодарить вас, как только сможет, — заверил их Йоаким. — А пока могу ли я предложить вам по порции мороженого?

Понтус хихикнул.

— Спасибо, — хмуро буркнул Расмус, — не надо нам никакого мороженого!

Йоаким посмотрел на него и рассмеялся:

— Вот как, значит, не надо? Ну что ж... во всяком случае, спасибо вам. Если бы вы знали, как рад папа!

Расмус враждебно посмотрел на него:

— Я уже слышал это! Здорово было б, если бы все так радовались!

— О чем ты? — спросил Йоаким. — Кто это не радуется?

— Не твое дело, — ответил Расмус. — Но, во всяком случае, она *не хотела*, чтоб Ян ее поцеловал, она сопротивлялась.

Когда он это произнес, в голове у него мелькнула одна мысль... Только бы с Крапинкой не получилось так, как с фру Энокссон, когда они хотели помочь ей перейти улицу: *сначала* она хотела, а *потом* сопротивлялась.

На лице Йоакима появилось странное выражение.

— Устами младенца глаголет...¹ — сказал он. — Ну как, не хотите мороженого?

— Не-а, спасибо! — сказал Расмус. — Эх ты, со своим «Каталогом дешевой распродажи»!

И тут Йоаким ушел.

— Он, верно, пойдет на террасу, — предположил Понтус.

Городской парк расположен высоко, и там есть терраса, затененная высокими дубами с шишковатой корой. Под дубами стоят две скамейки, и если сидишь там, то у тебя под ногами расстилается весь Вестанвик со старой ратушей, старой церковью и достопочтенным учебным заведением. В это время года вид сверху по-настоящему красив, и совершенно неудивительно, что Йоаким направился на террасу.

— Мне кажется, я видел, что Крапинка совсем недавно пошла туда, — сказал Понтус.

Расмус окинул его долгим взглядом, а потом надел на Глупыша цепочку.

— Чепуха, — сказал он. — А что, если мы тоже прошвырнемся туда и посмотрим, какой оттуда вид? Мы так давно там не были!

---

¹ Имеется в виду выражение: «Устами младенца глаголет истина».

На самом деле он и не помнил, чтобы когда-нибудь пристально интересовался этим видом, но именно теперь он весьма склонен любоваться природой.

И поэтому они втроем — Расмус, Понтус и Глупыш — идут на террасу.

Они не приближаются бесцеремонно и не доходят до самого края террасы, потому что уже издалека видно: обе скамейки заняты. Когда случается такое, остается только одно: пробраться ползком за дубы и подождать, пока скамейки освободятся.

На одной скамейке сидит особа в розово-клетчатом хлопчатобумажном платье, а на другой — особа в светло-сером костюме, и они с достойным удивления упорством любят открывавшейся перед ними картиной. Теперь, когда в садах цветут яблони и сирень, весь Вестанвик в самом деле так красив! Но все-таки это вовсе не тот пейзаж, на который стоит смотреть до бесконечности. Когда-нибудь, по крайней мере, надо повернуть голову и поглядеть, кто сидит на соседней скамейке. Но нет, эти особы ничего подобного делать не собираются.

— Как ты думаешь, что у меня здесь? — спросил Расмус и выудил из кармана джинсов маленькую фотографию.

Снимок плохой, и с большим трудом можно разглядеть, что там изображено, но то, что написано на фотографии, прочитать можно, и они оба читают: «Она — единственная!»

— Он, может, именно так и думает, — говорит Понтус, глядя в глаза Расмусу.

И Расмус решительно кивает:

— Подержи немного Глупыша. Я скоро вернусь.

Как разнообразна жизнь, когда тебе одиннадцать лет. Один день ты представляешь Объединенное акционерное

общество «Металлолом», другой — «Спасательный Корпус Жертв Любви».

И если кто-то считает, что те, кто сидит в засаде за дубами, представляют Объединенное акционерное общество «Металлолом», то они ошибаются. Все вовсе не так. Нет, это — «Корпус Спасения Жертв Любви», который только что совершенно тихо и деликатно положил маленькую фотографию на скамейку рядом с Крапинкой. А теперь они — Расмус и Понтус, а может, и Глупыш — любуются открывшимся им видом. Но не обширным горизонтом над Вестанвиком — его им не видно. Они видят только скамейку, на которой уже сидят вместе Крапинка и Йоаким. И еще им видно, что руки Крапинки обвивают шею Йоакима. «Корпус Спасения» может быть доволен. И так оно, верно, и есть.

Однако Понтус испытывает какое-то чуточку странное неприятное чувство. Подумать только, а что, если тебя самого в один прекрасный день угораздит выглядеть так же смешно, как эта парочка на скамейке! И сам не заметишь, как это произойдет! Понтус беспокойно качает головой:

— Только бы никогда не стать такими!

Но Расмус успокаивает его. Расмус уверен:

— Не-а, даже и не думай! Мы никогда не станем такими!

Солнечная Полянка

СКАЗКИ

Солнечная Полянка

Давным-давно, в пору бед и нищеты, жили-были брат с сестрой. Остались они одни-одинешеньки на свете. Но маленькие дети не могут жить одни, кому-то да надо их опекать. И оказались тогда Маттиас и Анна с хутора Солнечная Полянка у хозяина хутора Торфяное Болото. Думаете, он взял их из жалости, потому что они сильно горевали после смерти своей матушки? Или его разжалобили их глаза — ясные и добрые? Как бы не так, его привлекли их маленькие руки, верные и надежные, от которых может быть прок. Детские руки могут хорошо работать, когда не вырезают лодочки из бересты, не мастерят дудочки и не строят шалаши на склонах холмов. Детские руки могут доить коров, чистить стойла в хлеву на Торфяном Болоте — все могут делать детские руки, надо только держать их как можно дальше от берестяных лодочек, шалашей и всего того, к чему лежит у них душа.

— Видно, нет для меня радости на свете! — сказала Анна и заплакала.

Она сидела на скамеечке в хлеву и доила коров.

— Просто здесь, на Торфяном Болоте, все дни — серые, будто мыши-полёвки, которые бегают на скот-

ном дворе, — постарался успокоить сестру Маттиас.

В пору бед и нищеты, когда дети ходили в школу всего несколько дней в году, зимой, — в крестьянских лачугах часто недоедали. Потому-то хозяин Торфяного Болота и считал, что им, ребятишкам, довольно и картошки, политой селедочным рассолом, чтобы быть сытыми.

— Видно, недолго мне на свете жить! — сказала Анна. — На картошке с селедочным рассолом мне до следующей зимы не дотянуть.

— И думать не смей! — приказал ей Маттиас. — Следующей зимой в школу пойдешь, и тогда дни не покажутся больше серыми, как мыши-полевки на скотном дворе.

Весной Маттиас с Анной не строили водяные колеса на ручьях и не пускали берестяные лодочки в канавах. Они доили коров, чистили воловьей стойла в хлеву, ели картошку, политую селедочным рассолом, и частенько плакали, когда никто этого не видел.

— Только бы дожить до зимы и пойти в школу, — вздыхала Анна.

А как настало на Торфяном Болоте лето, Маттиас с Анной не собирали землянику и не строили шалаши на склонах холмов. Они доили коров, чистили воловьей стойла в хлеву, ели картошку, политую селедочным рассолом, и частенько плакали, когда никто этого не видел.

— Только бы дожить до зимы и пойти в школу, — вздыхала Анна.

А как настала на Торфяном Болоте осень, Маттиас с Анной не играли в прятки на дворе в сумерки, не сидели под кухонным столом по вечерам, нашептывая друг другу сказки. Нет, они доили коров, чистили воловьей стойла в хлеву, ели картошку, политую селедочным рассолом, и частенько плакали, когда никто этого не видел.

— Только бы дожить до зимы и пойти в школу, — вздыхала Анна.

В пору бед и нищеты было так, что крестьянские дети ходили в школу только зимой. Неизвестно откуда в приход являлся учитель, селился в каком-нибудь домишке, и туда стекались со всех сторон дети — учиться читать и считать.

А хозяин Торфяного Болота называл школу «глупой выдумкой». Будь на то его воля, он, наверное, не выпустил бы детей со скотного двора. Но не тут-то было! Даже хозяин Торфяного Болота не волен был это сделать. Можно держать детей как можно дальше от берестяных лодочек, шалашей и земляничных полянок, но нельзя не пускать их в школу. Случись такое, придет в селение пастор и скажет:

— Маттиасу с Анной нужно идти в школу!

И вот на Торфянном Болоте настала зима, выпал снег, а сугробы поднялись почти до самых окон скотного двора. Анна с Маттиасом давай от радости плясать друг с другом на мрачном скотном дворе! И Анна сказала:

— Подумать только, я дожила до зимы! Подумать только, завтра я пойду в школу!

А Маттиас как закричит:

— Эй, вы, мыши-полевки со скотного двора! Конец теперь серым дням на Торфянном Болоте!

Вечером пришли дети на поварню, а хозяин и говорит:

— Ну ладно, так и быть, ходите в школу. Но только упаси вас Бог на хутор к сроку не воротиться! Упаси вас Бог оставить коров недоеными!

Наступило утро, и Маттиас с Анной, взявшись за руки, пошли в школу. Путь туда был не близкий — в ту пору никто не заботился, далеко ли, близко ли в школу идти. Маттиас и Анна мерзли на холодном ветру, да так, что пальцы сводило, а кончик носа краснел.

— Ой, до чего у тебя нос красный, Маттиас! — закричала Анна. — Повезло тебе, сейчас ты не такой серый, как мыши-полевки со скотного двора!

Маттиас с Анной и вправду были как мыши-полевки: болезненно-серые лица, ветхая одежда — серый платок на плечах у Анны и серая старая сермяжная куртка у Маттиаса, что ему от хозяина Торфяного Болота досталась.

Но теперь они шли в школу, а уж там, наверно, ничего печального, ничего серого не будет, думала Анна, там, наверно, все яркое, алое. И наверняка их ожидают одни сплошные радости с утра до вечера! Ничего, что они с Маттиасом бредут по лесной дороге, словно две маленькие мыши-полевки, и так жестоко мерзнут в зимнюю стужу! Это вовсе не страшно!

Только ходить в школу оказалось не так уж радостно, как думалось Маттиасу с Анной. Уже на другой день учитель хлестнул Маттиаса розгой по пальцам за то, что он не мог усидеть на месте. А как стыдно стало Маттиасу с Анной, когда пришло время завтракать! Ведь у них с собой ничего не было, кроме нескольких картофелин. Другие дети принесли с собой хлеб со шпиком и сыром, а у Йоэля, сына бакалейщика, были даже пряники. Целый узелок с пряниками! Маттиас с Анной засмотрелись на эти пряники, у них даже глаза заблестели. А Йоэль сказал:

— Побирušки вы этикие, вы что, еды в глаза не видали?

Еще пуще застыдились Маттиас с Анной, отвернулись в сторону, вздохнули и ни слова не сказали ему в ответ.

Нет, не избавиться им, видно, от бедной, печальной, серой жизни!

Но всякий день они упорно шли в школу, хотя снежные сугробы поджидали их на лесной дороге, а холод сводил им пальцы, и были они всего-навсего бедными

сиротами, и хлеба со шпиком и сыром да пряников в глаза не видали. Но как весело было сидеть кружком вокруг очага вместе с другими детьми из селения и читать по складам! Хозяин же хутора Торфяное Болото каждый день повторял:

— Упаси вас Бог на хутор к сроку не воротиться! Упаси вас Бог оставить коров недоеными!

Где уж там Маттиасу с Анной к сроку не воротиться! Мчались они лесом, словно две маленькие серые мыши-полевки по дороге в норку, до того хозяина боялись!

Но вот однажды Анна остановилась посреди дороги, схватила брата за руку и говорит:

— Не помогла мне, Маттиас, и школа. Видно, нет мне радости на этом свете, и до весны мне не дотянуть!

Только Анна вымолвила эти слова, глядь — птичка алая на дороге сидит! Такая алая на белом снегу, такая яркая-преяркая! И так звонко поет, что снег на еловых ветках тысячами снежных звездочек рассыпается. А звездочки эти тихо на землю падают...

Протянула Анна руки к птичке, заплакала и сказала:

— Птичка-то алая! Глянь-ка, она алая!

Заплакал тут и Маттиас:

— Она, наверно, и не знает, что на свете водятся серые мыши-полевки.

Взмахнула тут птичка алыми крылышками и полетела. Тогда Анна схватила за руку Маттиаса и говорит:

— Если эта птичка улетит, я умру!

Взявшись за руки, побежали тут брат с сестренкой следом за птичкой. Словно язычок яркого пламени, трепетали крылышки птички, когда она неслась меж елей. И куда бы она ни летела, от звонкого ее пения на землю тихо падали снежные звездочки... Вдруг птичка понеслась прямо в лесную чащу; снует между деревьями, а дети за ней — и все дальше и дальше от дороги отходят. То в сугробах увязают, то о камни, что под снегом

спрятались, спотыкаются, то ветки деревьев их по лицу хлещут! А глаза у Маттиаса и Анны так и горят!

И вдруг птичка исчезла!

— Если птичка не найдется, я умру! — сказала Анна. Стал Маттиас сестренку утешать, по щеке гладить.

— Слышу я, птичка за горой поет, — сказал он.

— А как попасть за гору? — спросила Анна.

— Через это темное ущелье, — ответил Маттиас.

Повел он Анну через ущелье. И видят вдруг брат с сестрой — лежит на белом снегу в глубине ущелья блестящее алое перышко. Поняли дети, что они на верном пути. Ущелье становилось все теснее и теснее, а под конец стало таким узким, что только ребенку впору в него протиснуться.

— Ну и щель, — сказал Маттиас, — только мы можем здесь пройти! Вот до чего мы отощали!

— Хозяин Торфяного Болота позаботился, — горько пошутила Анна.

Пройдя в узкую щель, они оказались за горой в зимнем лесу.

— Ну, теперь мы за горой, — сказала Анна. — Но где же моя алая птичка?

Маттиас прислушался.

— Птичка вон здесь, за этой стеной, — ответил он.

Поглядела Анна — перед ними стена, высокая-превысокая, а в стене ворота. Ворота полуоткрыты, словно кто-то недавно тут прошел да и забыл их за собой закрыть. Кругом — снежные сугробы, мороз, стужа, а за стеной вишневое дерево цветущие ветви раскинуло.

— Помнишь, Маттиас, — сказала Анна, — и у нас дома на хуторе вишня была, только она и не думала зимой цвести.

Повел Маттиас Анну в ворота.

Вдруг увидели брат с сестрой — на березе, покрытой мелкими зелеными кудрявыми листочками, алая

птичка сидит. И они мигом поняли — тут весна: тысячи крохотных пташек поют на деревьях, ликують, ручьи журчат, цветы весенние пестреют, на зеленой полянке дети играют. Да, да, детей вокруг видимо-невидимо.

Они дудочки мастерят и на них играют. Вот и кажется, будто скворцы весной поют. И дети такие красивые, в алых, лазоревых да белых одеждах. И кажется, будто это тоже весенние цветы в зеленой траве пестреют.

— Дети эти, наверно, и не знают, что на свете водятся серые мыши-полевки, — печально сказала Анна и поглядела на Маттиаса.

А на нем одежда алая, да и на ней самой тоже! Нет, больше они не серые, будто мыши-полевки на скотном дворе!

— Да, таких чудес со мной в жизни не случилось, — сказала Анна. — Куда это мы попали?

— На Солнечную Полянку, — ответили им дети; они играли рядом, на берегу ручья.

— На хуторе Солнечная Полянка мы жили раньше, до того как поселились у хозяина Торфяного Болота, — сказал Маттиас. — Только на нашей Солнечной Полянке все иначе было.

Тут дети засмеялись и говорят:

— Наверно, то была другая Солнечная Полянка.

И позвали они Маттиаса и Анну с ними играть. Вырезал тогда Маттиас берестяную лодочку, алое же перышко, что птичка потеряла, Анна вместо паруса поставила. И пустили брат с сестрой лодочку в ручей. Поплыла она вперед — самая веселая среди других лодочек. Алый парус — пламенем горит. Смастерили Маттиас с Анной и водяное колесо: как зажужжит, как закружится оно на солнце! Чего только не делали брат с сестрой: даже босиком по мягкому песчаному дну ручья бегали.

— По душе мне мягкий песок и шелковистая травка, — сказала Анна.

И вдруг слышат они, как кто-то кричит:

— Сюда, сюда, детки мои!

Маттиас с Анной так и замерли у своего водяного колеса.

— Кто это кричит? — спросила Анна.

— Наша матушка, — ответили дети. — Она зовет нас к себе.

— Но нас с Анной она, верно, не зовет?! — спросил Маттиас.

— И вас тоже зовет, — ответили дети, — она хочет, чтобы все дети к ней пришли.

— Но ведь она не наша матушка, — возразила Анна.

— Нет, и ваша тоже, — сказали дети. — Она всем детям — матушка.

Тут Маттиас и Анна пошли с другими детьми по полянке к маленькому домику, где жила матушка. Сразу видно было, что это матушка. Глаза у нее были материнские, и руки тоже — материнские. Глаза ее и руки ласкали всех детей — те вокруг нее так и толпились.

Матушка испекла детям пряники и хлеб, сбила масло и сварила сыр. Дети уселись на траву и наелись досыта.

— Лучше этого я ничего в своей жизни не ела, — сказала Анна.

Тут вдруг Маттиас побледнел и говорит:

— Упаси нас Бог на хутор к сроку не воротиться! Упаси нас Бог коров оставить недоеными!

Вспомнили тут Маттиас с Анной, как далеко они от Торфяного Болота зашли, и заторопились в обратный путь.

Поблагодарили они за угощение, а матушка их по щеке погладила и молвила:

— Приходите скорее опять!

— Приходите скорее опять! — повторили за ней все дети.

Проводили они Маттиаса с Анной до ворот. А ворота в стене по-прежнему были приотворены.

Смотрят Маттиас с Анной, а за стеной снежные сугробы лежат!

— Почему не заперты ворота? — спросила Анна. — Ведь ветер может нанести на Солнечную Полянку снег.

— Если ворота закрыть, их никогда уже больше не отворить, — ответили дети.

— Никогда? — переспросил Маттиас.

— Да, никогда больше, никогда! — повторили дети.

На березе, покрытой мелкими кудрявыми зелеными листочками, которые благоухали так, как благоухает березовая листва весной, по-прежнему сидела алая птичка. А за воротами лежал глубокий снег и темнел замерзший, студёный зимний лес.

Тогда Маттиас взял Анну за руку, и они выбежали за ворота. И тут вдруг стало им до того холодно и голодно, что казалось, будто никогда у них ни пряников, ни кусочка хлеба во рту не было.

Алая птичка меж тем летела все вперед и вперед и показывала им дорогу. Однако в зимней сумеречной мгле она не казалась больше такой алой. И одежда детей не была больше алой: серой была шаль на плечах у Анны, серой была старая сермяжная куртка Маттиаса, что ему от хозяина Торфяного Болота досталась.

Добрались они под конец на хутор и стали скорее коров доить да воловьей стойла в хлеву чистить.

Вечером пришли дети на поварню, а хозяин и говорит им:

— Хорошо, что школа эта не на веки вечные.

Долго сидели в тот вечер Маттиас с Анной в углу темной поварни и все о Солнечной Полянке вспоминали.

Так и шла своим чередом их серая, подобная мышинной, жизнь на скотном дворе хозяина Торфяного Болота. Но всякий день шли они в школу, и всякий день на обратном пути их в снегу на лесной дороге поджидала алая птичка. И уводила их на Солнечную Полянку.

Они пускали там в канавах берестяные лодочки, мастерили дудочки и строили шалаши на склонах холмов. И каждый день кормила их матушка досыта.

— Не будь Солнечной Полянки, недолго бы мне оставалось на свете жить! — повторяла Анна.

Когда же вечером приходили они на поварню, хозяин говорил:

— Хорошо, что школа эта не на веки вечные. Ничего, насидитесь еще на скотном дворе!

Глядели тогда Маттиас с Анной друг на друга, и лица их бледнели.

Но вот настал последний день: последний день школы и последний день Солнечной Полянки.

— Упаси вас Бог к сроку не вернуться! Упаси вас Бог оставить коров недоеными! — повторил в последний раз хозяин Торфяного Болота те же самые слова, что говорил и раньше.

В последний раз сидели Маттиас и Анна с детьми вокруг очага — буквы складывали. В последний раз поели они свою холодную картошку, и когда Йоэль сказал: «Побирушки вы этакие, вы что, еды в глаза не видали?» — лишь улыбнулись в ответ.

А улыбнулись они потому, что Солнечную Полянку вспомнили: скоро их там накормят досыта.

В последний раз пробежали они по лесной дороге, словно две маленькие мыши-полевки. Стоял самый студеный за всю зиму день, дыхание белым паром струилось у детей изо рта, а пальцы рук и ног сводило от жгучего холода. Закуталась Анна поплотнее в шаль и сказала:

— Мне холодно и голодно! Никогда в жизни не было мне так худо!

Да, стужа была лютая, и дети так по алой птичке затосковали! Скорее бы она их на Солнечную Полянку отвела! А вот и птичка — алая на белом снегу. Такая яркая-преярая!

Увидела ее Анна, засмеялась от радости и сказала:

— Все-таки доведется мне напоследок на моей Солнечной Полянке побывать!

Близился к концу короткий зимний день, уже надвинулись сумерки, скоро наступит ночь.

Все замерло: шумную песню сосен придушила ледяная стужа. Но в сонную тишину леса неожиданно ворвалось пение птички. Похожая на ярко-красный язычок пламени, птичка взлетела меж ветвей и запела, да так, что тысячи снежных звездочек стали падать на землю в студеном примолкшем лесу.

А птичка все летела и летела; Маттиас с Анной изо всех сил пробивались за ней через сугробы — не близкий был путь на Солнечную Полянку!

— Вот и конец моей жизни, — сказала Анна. — Холод погубит меня, и до Солнечной Полянки мне не добраться.

Но птичка будто звала все вперед и вперед! И вот они уже у ворот. До чего знакомы им эти ворота! Кругом — снежные сугробы, а вишневое дерево за стеной свои цветущие ветви раскинуло. И ворота — полуоткрыты!

— Никогда ни о чем я так не тосковала, как о Солнечной Полянке, — сказала Анна.

— Но теперь ты здесь, — утешил ее Маттиас, — и тебе больше не о чем тосковать!

— Да, теперь мне больше не о чем тосковать! — согласилась Анна.

Тогда Маттиас взял сестренку за руку и повел ее в ворота. Он повел ее на волшебную Солнечную Полянку,

где была вечная весна, где благоухали нежные березовые листочки, где пели и ликовали на деревьях тысячи крохотных птишек, где в весенних ручьях и канавах плавали берестяные лодочки и где на лугу стояла матушка и кричала:

— Сюда, сюда, детки мои!

За спиной у них в ожидании зимней ночи застыл морозный лес. Глянула Анна через ворота на мрак и стужу.

— Почему ворота не закрыты? — дрожа спросила она.

— Ах, милая Анна, — ответил Маттиас, — если ворота закрыть, их никогда уже больше не отворить. Разве ты не помнишь?

— Да, ясное дело, помню, — отозвалась Анна. — Их никогда, никогда больше не отворить.

Маттиас с Анной глянули друг на друга и улыбнулись. А потом тихо и молча закрыли за собой ворота Солнечной Полянки.

**Звенит ли моя липа,
поет ли мой соловушка...**

авным-давно, в пору бед и нищеты, в каждом приходе была своя богадельня. Это был дом, где под одной крышей ютились местные бедняки: разорившиеся хозяева, немощные старики, калеки и хворые, и дурачки, и сиротки, которых никто не брал на воспитание, — все они попадали в это скорбное пристанище.

В приходе Нурка тоже была богадельня, и девочка Малин попала туда, когда ей было восемь лет. Папа и мама Малин умерли от чахотки, и хотя осиротевших детей обычно отдавали на воспитание, эту девочку никто не согласился взять, хотя на ее содержание от прихода выдавались деньги; деньги деньгами, но не ровен час, сиротка занесет в дом заразу, — вот девочку и отправили в этот приют.

Дело было в начале весны, в субботу вечером, и все богадельщики глазели из окошка на дорогу, это было их единственное субботнее развлечение. Смотреть там, по правде сказать, было не на что. Проехала запоздавшая телега, возвращающаяся из города; прошли мимо несколько деревенских мальчишек, отправляющихся на рыбалку, а потом показалась Малин со своим узелком; на нее все так и уставились.

«Бедняжка ты, Малин! — подумала про себя девочка, подымаясь на крыльцо. — Вот уж горе-то — жить в богадельне. Бедная Малин!»

Она отворила дверь и на пороге встретила Помпадулла. Помпадулла была в богадельне за старшую и вела себя как начальница.

— Добро пожаловать в наш приют, — сказала Помпадулла. — Теснота у нас, видишь, такая, что дальше некуда. Да уж ладно! Ты много места не займешь, вон какая худышка!

Малин, потупясь, молчала.

— Смотри, не вздумай тут бегать или скакать! У нас баловаться нельзя, — продолжала Помпадулла. — Это я тебе наперед говорю.

По краям избы сидели обитатели богадельни и печально глядели на девочку.

«Кому уж тут захочется бегать и скакать, — подумала Малин. — Никому, наверно. А мне уж и подавно!»

Малин хорошо знала всех бедняков, которые жили здесь. Изю дня в день они с сумой обходили приход, выпрашивая Христа ради милостыню. Да, всех тут знала Малин. Вон сидит Страшила — такой урод, что детишки боятся его точно пугала, хотя на самом деле он — добрый и смирный человек и ни разу никого не обидел. А вот и Юкке Киис, которого Бог лишил разума, и ненасытный Ула из Юлы, которому ничего не стоит съесть в один присест десять кровяных лепешек, вот Старичок-Летовичок на деревянной ноге и Хильда — Куриная Слепота с вечно слезящимися глазами, и Костылиха, и Милушка-Голубушка, и Анна Перкель, и самая главная из них — великая и могучая Помпадулла, которую приход назначил старостой в богадельне.

Остановившись у порога, Малин оглядела избу, увидела всю нищету и все убожество богадельни и поняла,

что вот здесь ей придется жить, пока не станет взрослой, потому что маленькую ее никто не возьмет в прислуги. Сердце у нее сжалось от тоски при одной этой мысли. А как проживешь в таком месте, где нет нисколько радости и красоты!

У себя дома она привыкла к бедности, но там все же были и красота, и радость. Стоит только вспомнить, как весной за окном расцветала яблоня! И рощу с ландышами! И шкаф, расписанный розанами! И большой голубой подсвечник с сальной свечой! И румяные, с пылу с жару, лепешки, которые мама подавала на стол! И свежевывмытые полы на кухне, которые по субботам посыпали мелко рубленным можжевельником! Ах, как бывало красиво и радостно дома, пока не вошла в него болезнь! А здесь, в богадельне, все было так гадко, что впору заплакать, а за окном виднелось одно только тощее картофельное поле — ни тебе яблоньки, ни рощи с ландышами.

«Бедная Малин! — подумала о себе девочка. — Будешь ты теперь самой маленькой богаделкой в приходе Нурка. Прости-прощай, радость и красота!»

Спать ее уложили в уголке на полу, и она долго не могла уснуть, слушая сопение и храп остальных обитателей. Им полагалась одна кровать на двоих, и они отсыпались после дневных трудов и странствий. Страшила с Милушкой-Голубушкой, Костылиха с Анной Перкель. Одна Помпадулла жила отдельно в чердачной каморке и делила постель только с клопами.

Малин проснулась, когда утро еще только занималось, и в предрассветных сумерках увидала на обоях целые полчища клопов. Они спешили спрятаться в укромных местах, чтобы на следующую ночь снова вылезти из всех щелей и трещин и вволю попить кровушки у спящих бедняков.

«На месте клопов я бы тут не осталась жить, — подумала Малин. — Наверно, клопам не нужны красота

и радость. С них довольно четырех кроватей, на которых спят восемь бедняков. А тут еще и на полу маленькая богаделочка завелась!»

Со своего места Малин увидела, что делается под кроватями. Все, что беднякам удавалось выклянчить, обходя приход, они рассовывали по сундучкам и мешочкам и прятали под кровать; каждый отдельно хранил свой хлеб, свой горох и крупу, свой кусочек сала, свою горсточку кофейных зерен и котелок со старой кофейной гущей.

Не успели старики проснуться, как тут же принялись ссориться, кому после кого ставить на огонь свой кофейник, каждому хотелось быть первым. Все толклись вокруг очага, ворчали и хныкали, но тут явилась сама Помпадулла, всех распахала и первая поставила свой котелок с треногой на огонь.

— Сперва будем пить кофе мы с моей девчушкой, — заявила Помпадулла.

За ночь Помпадулла успела поразмыслить и поняла, что вдвоем с девочкой ей проще будет собирать подаяние. Уж теперь-то народ скорее расщедрится на милостыню, постыдится, небось, уморить голодом невинного ребенка! Поэтому Помпадулла ласково погладила Малин по щечке, дала ей на завтрак чашечку кофе с корочкой хлебца, и с этой минуты Малин раз и навсегда стала девочкой Помпадуллы.

Пока пили кофе, погрустневшая Малин с тоскою поглядывала по сторонам в надежде отыскать среди окружающего убожества и нищеты хоть что-нибудь красивое, но сколько ни искала, так ничегошеньки и не углядела.

И вот они отправились с Помпадуллой в свой первый поход по крестьянским усадьбам. Они заходили на каждый двор, и Малин просила хлебушка. Она собрала богатое подаяние, так что Помпадулла осталась

довольна своей девчоночкой и в награду поделилась с ней лучшими кусочками, а после хвасталась своей удачей перед другими обитателями богадельни, у которых не было такой девочки.

Но Малин была доброй девочкой и всякому старалась услужить, как родная дочка. Бывало, Хильда — Куриная Слепота никак не может своими распухшими от работы пальцами завязать башмаки, а Малин возьмет да и завяжет; или у Милушки-Голубушки вдруг закатится куда-нибудь клубок, а Малин найдет и подаст; а не то еще Юкке Киис испугается голосов, которые звучат у него в голове, — кому же еще, как не Малин, его утешить и успокоить! И только для одной себя Малин не находила утешения: ведь она не могла жить без красоты, а в богадельне ей нечем было утешиться.

Однажды, во время своих странствий, они пришли с Помпадуллой в пасторскую усадьбу. Хозяйка подала им Христа ради хлеб, а потом позвала на кухню и налила обеим похлебки. И случилось в тот день для Малин самое важное: нежданно-негаданно она получила утешение, потому что встретилась с красотой, по которой изнывало ее сердце. Она и думать о ней не думала, когда села за кухонный стол есть похлебку, как вдруг через приоткрытую дверь горницы до нее долетели слова — до того красивые, что Малин вся задрожала. В горнице кто-то читал сказку пасторским детям, и чудные слова сквозь щелку донеслись до Малин. Она раньше и не знала, что слова, оказывается, тоже бывают красивы. Эти слова освежали ей душу, как утренняя роса освежает лужайку. Увы! Малин думала, что сохранит их в душе и вовеки уж не забудет, но не успели они с Помпадуллой вернуться в богадельню, как всё услышанное уже бесследно изгладилось из ее памяти. Запомнился ей только совсем коротенький

кусочек, где были самые красивые слова, и Малин без конца повторяла их про себя наизусть:

Звенит ли моя липа,
Поет ли мой соловушка...

Вот какие слова повторяла Малин, и перед их ослепительным сиянием исчезало убожество нищенского приюта. Малин не понимала, отчего так делалось, но радовалась этому чуду.

А жизнь в приходе Нурка шла своим чередом. В тоске и вздохах, в голоде и лишениях уныло тянулись дни бедных богаделок, полные тоскливого ожидания. Но Малин знала теперь слова, которые приносили утешение ее сердцу, эти слова помогали ей сносить все горести. А горестей в богадельне хватает — чего только там не навидишься и не наслышишься! Бывало, сидит Милушка-Голубушка со своим клубочком, с утра до ночи она перематывает один и тот же клубок, не давая себе ни минуты отдыха, целый день она занята совершенно бесполезной работой. И вдруг вспомнит, сколько ниток за свою жизнь перемотала, сколько разных вещей из них навязала, да и заплачет тихонько. А Малин-то смотрит, видит!.. «Звенит ли моя липа, поет ли мой соловушка...» Или вдруг Юкке Киис испугается, потому что ему почудились какие-то голоса, и давай биться головой о стенку и просить, чтобы кто-нибудь с ним головами поменялся, а все вокруг смеются. Все, кроме Малин: «Звенит ли моя липа, поет ли мой соловушка...» А каково было им без свечки проводить долгие вечера! Сидят бедняжки в потемках, и вспоминается им прошлая жизнь, один бормочет, другой охает и вздыхает, кто-то причитает, а Малин все слушает... «Звенит ли моя липа, поет ли мой соловушка...»

И вот со временем Малин поняла, что одними словами еще не утетишься. В ее душе зародилась мечта,

которая не давала ей покоя ни днем ни ночью. Теперь Малин знала, чего ей надо. А надо было ей настоящего соловушку и звенящую липу, как у сказочной королевы. Эта мысль не давала ей покоя, и решила Малин посадить на картофельном поле семечко — вдруг да и вырастет из него липа!

«Вот только бы мне семечко найти! — думает Малин. — Будет у меня тогда липа, будет и соловушка, а уж как соловушка появится, тогда небось и в богадельне станет и красиво и радостно».

Как-то раз, проходя мимо чужого сада, Малин спросила у Помпадуллы:

— А где можно найти липовое семечко?

— Там, где растут липы. Да не сейчас, а по осени.

Но девочке некогда было осени ждать. Ведь соловьи весною поют, и липы звенят весною, а весенние деньки быстро бегут, как вода в ручье, — были и нету, и если сейчас не найти семечка, то потом уж будет поздно.

Однажды поутру Малин проснулась раньше всех: может быть, клопы помешали спать, а может быть, ее разбудило солнышко, заглянувшее в окошко богадельни. Не успела Малин со сна хорошенько причесаться, как вдруг солнечный лучик скользнул под кровать Старичка-Летовичка, и Малин увидела там что-то маленькое, желтенькое, кругленькое. Это была всего лишь горошина, которая выкатилась из рваной сумы Старичка-Летовичка, но Малин подумала, отчего бы не взять горошинку вместо семечка. Как знать, может быть, на ее счастье, один-единственный раз из горошинки все-таки вырастет липа!

«Надо только верить и как следует захотеть, — подумала Малин, — тогда все получится».

Вышла она в огород и посреди картофельного поля выкопала голыми руками ямку и посадила свою горошину, чтобы выросла из нее липа.

Малин верила в свою мечту и надеялась, что она сбудется. Она верила так горячо, так страстно мечтала! Чуть проснется утром, еще встать не успеет, а уж прислушивается, не зазвенит ли на картофельном поле липа, не запоет ли соловушка. Но сколько ни прислушивалась, в избе раздавался только храп приютских, а за окном чирикали воробьи.

Что поделаешь! Так сразу ничего не бывает. Надо верить в свою мечту и надеяться, тогда все сбудется.

И Малин заранее радовалась тому, как красиво и хорошо станет потом в богадельне. Однажды, когда Юкке Кииса до слез довели звучащие в его голове голоса и он принялся колотиться головой о стенку, Малин взяла да и рассказала ему, как хорошо у них скоро станет.

— Вот увидишь: как зазвенит липа да запоет соловушка, так и голоса твои замолчат.

— Это правда? — спросил Юкке Киис.

— Правда. Надо только хорошенько захотеть и крепко верить, тогда сбудется все, о чем мечтаешь.

Юкке Киис рад был без памяти. И он в тот же час начал верить и ждать и каждое утро прислушивался, не зазвенит ли на картофельном поле липа, не запоет ли соловей. И однажды он возьми да расскажи Уле из Юлы о том, какая скоро наступит радость. Ула так и покатился со смеху и сказал, что ежели, мол, среди картофельного поля вырастет липа, то он ее сам срубит.

— Нам нужнее картошка, — сказал Ула. — Да и не вырастет там никакая липа!

Тогда Юкке Киис со слезами прибежал к Малин и сказал:

— Послушай, правду ли говорит Ула, что нам нужна картошка, а никакая липа там не вырастет?

— Была бы вера да желание, тогда все будет как надо, — отвечала Малин. — А когда зазвенит липа и запоет соловушка, тогда и Ула забудет про картошку.

Но Юкке Киис все не мог успокоиться и стал спрашивать дальше:

— А когда зазвенит липа?

— Может быть, завтра, — ответила Малин.

В эту ночь они долго не могли уснуть. Малин верила и мечтала так горячо и так сильно, как еще никогда и никто не мечтал и не верил; перед такой силой даже земля не может устоять, а должна расступиться, чтобы повсюду, во всех лесах и рощах выросли липы.

Наконец девочка заснула, а когда проснулась, солнышко стояло уже высоко в небе. Малин сразу поняла, что произошло, потому что все богадельщики сгрудились у окошка, смотрели во все глаза и дивились. Посреди картофельного поля и в самом деле появилась липа: такое хорошенькое деревце, что лучше и пожелать нельзя. У него были нежные зелененькие листочки, хорошенькие маленькие веточки и тоненький стройный ствол. Малин до того обрадовалась, что у нее сердце чуть не выпрыгнуло из груди! Смотрите! Липа появилась!

Юкке Киис себя не помнил от восторга, он совсем ошалел от радости. И даже Ула перестал хохотать, а сказал:

— В Нурке случилось чудо... Смотрите! Появилась липа!

Липа-то появилась, да только она не звенела. Ни-сколечко. Липа молчала, и ни один листик на ней не шелохнулся. На счастье Малин, из простой горошинки взяла и выросла липа. Но, ах! Отчего же она стоит будто неживая?

Все вышли из дому и собрались на картофельном поле, все ждали, когда же зазвенит липа, когда же запоет соловушка, как обещала Малин. Малин в отчаянии стала трясти липу. Ведь если липа не зазвенит, тогда и соловушки не будет. Малин это знала. Соловья не обманешь. Но липа молчала.

Весь день Юкке Киис просидел на крылечке, все прислушивался и ждал, а вечером в слезах прибежал к Малин и сказал:

— Ты обещала, что липа будет звенеть! Ты говорила, что прилетит соловушка!

А Ула из Юлы уже и вовсе не верил, что липа — волшебная.

— На что мне липа, которая не звенит, — сказал он. — Завтра я ее срублю. Нам нужнее картошка.

Тут Малин заплакала, потому что не знала, как быть дальше и откуда тогда взять радость и красоту для богадельни.

Все улеглись спать, никто уже не ждал, что появится соловей, все ждали только клопов. А клопы, затаившись по щелям и трещинам, только и ждали своего часа.

Наконец весенняя ночь спустилась на Нурку.

Во всей богадельне только Малин не могла спать. И вот она встала и вышла в огород. Чистое, светлое весеннее небо простиралось над мрачной лачугой, над молчащей липой, над спящими хуторами.

Наверно, в приходе Нурка все спали, кроме Малин, но отовсюду в ночной тьме к девочке неслись живые голоса. В каждом листке и цветке, в каждом кустике и деревце так и играла жизнь, каждая былинка жила и дышала. И только липа была мертва. Стоит она посреди картофельного поля — такая красивая и совсем мертвая. Малин дотронулась рукой до деревца и вдруг почувствовала, как тяжело липе оттого, что она одна такая безжизненная и не может зазвенеть. И Малин вдруг поняла, что может вдохнуть жизнь в деревце, если не пожалеет себя и отдаст ему свою душу. Тогда оживут зелененькие листочки и тоненькие нежные веточки, и липа от радости зазвенит, и соловьи со всего света, во всех рощах и лесах, услышат ее.

«Да, тогда зазвенит моя липа, — подумала Малин. — Тогда запоеет мой соловушка, и в богадельню придут радость и красота».

И еще она подумала: «Меня уже не будет на свете, раз я отдам свою душу. Но в липе будет жить моя душа. Всегда, пока есть жизнь на земле, я буду жить в моем прохладном зеленом доме, и весной соловьи будут петь для меня всю ночь до рассвета. Вот будет радость!»

Во всем приходе Нурка все люди спали, поэтому никто так и не узнал, что случилось на самом деле в ту давнюю весеннюю ночь в местной богадельне. Наверняка стало известно только то, что на рассвете обитателей богадельни разбудила чудная музыка, которая доносилась с картофельного поля. Это звенела липа и пел соловушка, и потому ко всем пришла радость. Липа звенела так чудесно и так прекрасно пел соловушка, что в избушке стало красиво и люди в ней могли радоваться.

А Малин с тех пор никто больше не видал. Все очень горевали о ней и гадали, куда бы это она могла исчезнуть. Один только Юкке Киис, полоумный дурачок, говорил, что, когда липа звенит, у него в голове раздается один и тот же голосок, и голосок этот шепчет ему: «Это я! Малин!»

Стук-постук

авным-давно, в пору бед и нищеты, по всей стране водились волки. И вот однажды на хутор Капелу пришел волк и напал на овец. Проснулись утром хуторяне, глядь, а курчавые овечки и ласковые ягнятки лежат на лугу мертвые, и кругом разбрызгана кровь — всех волк загрыз, ни одной не оставил. Худшего несчастья для бедных людей невозможно и представить. Ах, как горевали, как плакали обитатели Капелы! Как проклинала вся округа кровожадного убийцу! Мужчины собрались и с ружьями, с ловчей сетью отправились на охоту, выгнали зверя из логова и поймали. Так волку и смерть пришла. Поделом ему, злодею. Не будет больше овец губить! Да только плохое это утешение: овечки пропали — назад не воротишь! Ужасное горе случилось в Капеле.

Больше всех горевали двое: дедушка да внучка Сти-на Мария, самый старей и самая малая из обитателей Капелы. Сели они на пригорке позади овчарни и заплакали. Сколько раз они любовались отсюда овечками, которые паслись на лужайке, и всегда все было тихо и спокойно, никаких волков в помине не было. Все лето каждый день дедушка и внучка приходили

сюда: дед грел на солнышке старые кости, а Стина Мария строила среди камней игрушечные домики и слушала дедушкины рассказы. Дедушка много рассказывал такого, про что знают только старые люди. Про хульдру¹ — чешет хульдра золотым гребешком свои длинные волосы, а сама спину закрывает, потому что сзади она пустотелая; и про эльфов² рассказывал дедушка — к эльфам близко не подходи, эльф дунет на тебя, порчу наведет; еще рассказывал дедушка про водяного — водяной живет в речном омуте и на арфе играет; от дедушки узнала Стина Мария про троллей — тихо бродят тролли в лесной чаще; и про подземных жителей — эти прячутся в глубоких норах, и даже имя их нельзя произносить вслух. Обо всем этом и толковали дедушка и внучка, сидя за овчарней, — старый да малый всегда друг к другу тянутся. Иной раз дедушка говорил Стине Марии заветный стих, такой же древний, как хутор Капела:

Стук-стук-постук!
Для овечек тучный луг.
Сколько было — столько есть.
Тучек на небе не счесть.

В такт этим словам дедушка ударял посохом о землю, а под конец подымал его над головой, чтобы Стина Мария поглядела, как в вышине пасутся тучки; поэтому, дескать, небеса хранят всех овечек и ягнят, которые живут в Капеле.

Но сегодня дедушка со Стиной Марией оба плакали, потому что нынче никак нельзя было сказать «сколько было — столько есть», овечки погибли все до единой,

---

¹ Хульдра — персонаж шведских сказок, лесная ведьма, красивая и коварная, с полрой спиной.

² Эльфы — персонажи скандинавских сказок, маленькие существа с крылышками, живут в лесах.

и небеса, хоть и пасутся на них тучки, не уберегли земных овечек и ягнят от волка.

— Кабы живы были овечки, мы бы их завтра стригли, — сказала Стина Мария.

— Да, кабы живы были овечки, — вздохнул дедушка, — мы бы их завтра стригли.

Стрижка овец была для Капелы праздником. Конечно, для овец и ягнят никакой радости в этом не было, зато радовались Стина Мария с дедушкой и все остальные обитатели хутора. Сначала на холм возле овчарни притаскивали большую бельевую лохань, потом доставали большие овечьи ножницы, которые в остальное время висели на стене в сарае, а мама Стины Марии выносила из дому нарядные красные ленты, которые она соткала своими руками, — этими лентами овцам опутывали ноги, чтобы не разбежались. Потому что овцы трусили и не хотели купаться в лохани, им не нравилось, когда их связывали и переворачивали вверх ногами, им неприятно было прикосновение холодных железных ножниц. И они совсем не желали расставаться со своей мягкой, теплой шубой, для того чтобы обитатели Капелы могли сделать себе зимнюю одежду. Овцы отчаянно блеяли у дедушки на коленях, не понимая, зачем их стригут. Дедушка всегда сам стриг овец, никто не умел так ловко управляться с ножницами. А пока дедушка стриг, Стина Мария держала голову ягненочка и пела ему песенку, которой выучилась у дедушки:

Ох ты мой ягненок,
Бедненький малыш!

Ах, бедные ягнятки! То, что с ними теперь случилось, было куда страшнее. Волчьи зубы злее, чем ножницы, а обливаться собственной кровью, конечно, гораздо хуже, чем искупаться в большой лохани.

— Никогда уж, наверно, не будет больше овечьей стрижки в Капеле, — сказала Стина Мария.

Но, как говорится, проживем — увидим...

Наступил вечер. Дедушка уже отправился спать в свою каморку, но вдруг спохватился, что забыл где-то свой посошок.

— Остался, наверно, лежать за овчарней, — сказал дедушка. — Сбегай, внученька. Да смотри поторопись, чтобы похлебку без тебя не съели.

Дело было уже к осени, и, когда Стина Мария пустилась бегом за дедушкиным посохом, на дворе начинали сгущаться сумерки; кругом было тихо-тихо, нигде ни шороха. Странное чувство охватило девочку, ей вдруг сделалось очень страшно. Вспомнила она тут все, что слыхала про хульдру и троллей, про эльфов и водяного и про подземных жителей. И начало ей всякое мерещиться. Скирды хлеба в поле чернели так угрюмо! Неужели это тролли? Сейчас подкрадутся неслышными шагами! Вот плавают над лугом пряди вечернего тумана. Нет! Это эльфы потихоньку слетаются все ближе, чтобы дунуть на девочку и навести порчу. А хульдра в лесу! Не она ли затаилась среди деревьев? Так и зыркает огненными очами на девочку, которая вздумала одна бродить среди ночи! А что затевают подземные жители? Те, кого нельзя называть по имени?

Но за овчарней на пригорке, на том месте, где сидел дедушка, нашелся его посох. Стина Мария подняла его с земли и едва почувствовала в руке гладкое дерево, как сразу перестала бояться. Присела Стина Мария на камушек и снова окинула взглядом поле и луг, лес и усадьбу. Увидала девочка, что в поле стоят скирды, из которых потом намолотят хлеб, увидала, как на лугу, колыхаясь, подымается вечерний туман, как чернеют

в лесу деревья, увидала, как светятся в доме окошки, озаренные изнутри приветливым пламенем очага, и все это — милая, родная Капела, — тут уж все страхи Стины Марии точно рукой сняло.

Даже камень, на котором сидела Стина Мария, был частью Капелы. Лисьим камнем называл его дедушка, потому что под камнем в земле была дыра. Дедушка говорил, что это — лисья нора, но никто на хуторе уже не помнил, чтобы тут когда-нибудь водились лисы. Стина Мария подумала про лису, вспомнила про волка, но нисколько не испугалась. Она подняла дедушкин посох и постучала по земле, точно как дедушка. А потом взяла и сказала старинный стих, такой же старый, как хутор Капела:

Стук-стук-постук!
Для овечек тучный луг.
Сколько было — столько есть.
Тучек на небе не счесть.

И вдруг в тот же миг что-то произошло. Откуда ни возьмись, появился перед Стиной Марией маленький человечек, весь сумеречно-серый и смутный, как вечерний туман. И глаза у него были старые-престарые, как земля и камни; и голос был старый, словно журчание воды в реке или шорох ветра. Старичок заговорил так тихо, что Стина Мария еле различала его слова.

— Кончились все овечки, — бормотал он, — кончились овечки, и Стук-постук кончился. Не будете барабанить у нас над головой. Кончились ваши овечки!

После этих слов Стина Мария поняла, что перед нею стоит один из подземных жителей. И тут ей стало так страшно, так страшно, как никогда еще не бывало! Она не могла ни слова сказать, ни пальцем пошевелить — так и застыла, сидя на камне, и только слушала шепот и бормотание.

— Сама говоришь: «Сколько было — столько есть!» И вот и нету у тебя овец, были да сплыли! Мы видали ночью, как их волк всех придушил. Но если ты обещаешь, что не будешь делать Стук-постук, тогда я дам тебе новых овец.

Стина Мария вся дрожала от страха, но, услышав, что ей дадут новых овец, разом перестала дрожать.

— Ты и взаправду дашь мне новых овечек?

— Дам, если сама за ними придешь, — ответил серый человечек.

Не успела Стина Мария опомниться, как человечек снял ее с Лисьего камня, будто пушинку, откатил камень в сторону, а потом подхватил девочку, и они провалились в темный подземный лаз, такой длинный, что, казалось, конца не будет этой дороге, она тянулась, точно долгая черная ночь, и Стина Мария подумала: «Вот уж никогда не видала таких лисьих нор. Верно, смерть моя пришла!»

И вот она очутилась в подземном царстве. Там, где дремлют окутанные сумраком дремучие леса, где ветер никогда не колышет ветвей, где густой туман неподвижно висит над сумрачными водами, в которые никогда не заглядывают ни солнце, ни луна, ни звезды, — там вечно царит первозданная древняя тьма, и там в глубоких пещерах и гротах живут подземные жители. Но сейчас они все вышли из своих нор и толпою теней окружили Стину Марию.

Седой старичок, который привел Стину Марию в подземное царство, сказал подземным жителям:

— Мы дадим ей овец — столько, сколько у нее было. А ну-ка, овцы! Сколько вас волк задрал — все идите сюда!

И тут Стина Мария услышала, как зазвенели колокольчики. Смотрит она и видит — выходят из лесу друг за дружкой овечки и ягнятки. Только не беленькие, как

в Капеле, а серые, и у каждой овцы за ушко подвешен золотой колокольчик.

— Забирай своих овец и возвращайся в Капелу, — сказал серый человечек.

И тут все подземные жители расступились, чтобы пропустить Стину Марию и ее овец. И только одна женщина не сошла с дороги. Стала и стоит перед Стиной Марией — серая, словно тень, и старая, как земля и камни.

И вот женщина-тень берет в руку русую косу Стини Марии и шепчет:

— Какая ты беленькая, какая светленькая! Красавица моя, солнышко! Давно я мечтала о такой девочке.

Потом женщина-тень ласково провела невесомой рукой по лбу девочки, и в тот же миг Стини Мария позабыла все, что раньше любила.

Позабыла она про солнце, про луну и звезды, забыла голос родимой матушки, забыла имя отчье, забыла милых братцев и сестричек, забыла дедушку, который качал ее на руках, — никого больше не помнила Стини Мария, вся Капела в один миг изгладилась из ее памяти. Одно только и запомнила девочка, что стала она хозяйкой овец с золотыми колокольчиками. И начала Стини Мария гонять овец в дремучий лес на пастбище и водить на водопой к сумрачному озеру, а самого маленького ягнечка она брала на руки и укачивала, напевая песенку:

Ох ты мой ягненок,
Бедненький малыш!

Эти слова девочка помнила; а когда она пела, ей почему-то казалось, что и сама она маленькая овечка, отбившаяся от дома, и тогда Стине Марии случалось всплакнуть. Но она все про себя забыла и не знала, кто она такая на самом деле. Ночевать девочка приходила в пещеру, где жила женщина-тень; Стини Мария звала эту

женщину мамой. Овечек она тоже приводила на ночь в пещеру и укладывала спать рядом с собой, ей нравилось слушать, как в темноте позванивают их колокольчики.

Сменялись дни и ночи, проходили месяцы и годы, а Стина Мария все пасла своих овечек в дремучем лесу, мечтала да пела песенки на берегу сумрачного озера.

А время все шло. Безмолвная тишина царила в подземном мире. Ни звука не слышала тут Стина Мария, кроме собственного тихого пения да тонкого звона золотых колокольчиков; разве что иногда над сумрачным озером, куда она приводила на водопой своих овечек, вскрикнет в тумане какая-то птица.

И вот однажды сидела она в забытии на бережку, глядела, как пьют овцы, и задумчиво черпала рукой воду. Как вдруг раздался такой грохот, что все кругом вздрогнуло, всколыхнулись сумрачные воды; потом раздался голос, такой громкий, что все деревья в сумрачном лесу приклонились к земле, и на все подземное царство прогремели старинные слова, такие же старые, как хутор Капела:

Стук-стук-постук!
Для овечек тучный луг.
Сколько было — столько есть.
Тучек на небе не счесть.

Стина Мария вздрогнула и точно проснулась.

— Слышу, дедушка! Слышу! Я — здесь! — закричала она.

Тут же она все вспомнила. Вспомнила дедушку, вспомнила голос родимой матушки, вспомнила имя отчее, вспомнила, кто она такая, и поняла, что родной дом ее на хуторе Капела.

И вспомнила Стина Мария, что она живет в плену у подземных жителей в том темном царстве, где не светят ни солнце, ни луна, ни звезды. И вот пустилась

Стина Мария бежать со всех ног, а овцы и ягнята за ней: казалось, что серая речка течет следом за Стиной Марией по сумрачному дремучему лесу.

А подземные жители, услышав грохот и громкий голос, вылезли из своих пещер и гротов и злобно зашептались, а глаза у них почернели от злости. Все смотрели на Стину Марию, и бормотали все громче, и показывали пальцем на девочку. И тогда серый старичок, который привел сюда Стину Марию, кивнул.

— Пускай поспит в сумрачном озере, — пробормотал он. — Не будет нам тишины и покоя, покуда ее род живет в Капеле. Пускай она поспит в сумрачном озере.

И сразу же подземные жители, словно тени, обступили Стину Марию, и схватили ее, и потащили к озеру, над которым стелился густой туман.

Но тут женщина, которую Стина Мария звала своей мамой, вдруг как закричит во весь голос! Никто еще не слышал в подземном царстве такого крика.

— Красавица моя! — кричала женщина-тень. — Солнышко мое!

Она ворвалась в толпу и обхватила Стину Марию своими легкими руками. Посмотрев на подземных жителей почерневшими от гнева глазами, она крикнула им срывающимся голосом:

— Только я сама, и никто другой, уложу мое дитя спать, когда настанет время!

Она подняла Стину Марию на руки и понесла к озеру, а все подземные жители стояли молча и ждали.

— Пойдем, красавица моя! — бормотала женщина. — Пойдем, спать пора!

Над озером клубился туман. Едва женщина вступила в него, он густою пеленою обвил ее и девочку. Но Стина Мария заметила, как внизу под ногами блеснула вода, и с тоской подумала: «Ох ты мой ягненок, не видать тебе больше Капелы!»

Но женщина-тень, которую Стина Мария звала мамой, погладила ее легкой рукой по головке и шепнула:

— Беги вслед за овечками, красавица моя!

И Стина Мария очутилась совсем одна, в густом тумане не видно было ни зги, только впереди звенели золотые колокольчики, и девочка шла за ними. Колокольчики вели ее сквозь мрак и туман, она шла долго-долго, сама не зная куда, и после долгого пути вдруг почувствовала под ногами траву, короткую общипанную овцами травку, какая бывает на выгоне.

«Вот уж не знаю, куда я попала, — подумала Стина Мария. — Но трава тут растет такая же, как у нас дома».

В тот же миг туман пал росой, и девочка увидела месяц. Месяц светил над хутором Капела, он как раз выглянул из-за крыши овчарни. А на Лисьем камне сидел дедушка и держал в руках свой посох.

— Где же ты так долго пропадала? — спросил дедушка. — Пойдем скорее домой, пока похлебка не остыла!

Но тут он замолчал. Потому что увидел овец. Красивые белые овечки паслись на лугу вместе с малыми ягнятами, дедушка ясно разглядел их на лугу в свете месяца и услышал нежный звон колокольчиков.

— Вот уж правда, старость — не радость, — сказал дедушка. — У меня в ушах звенит, и я вижу овец, которых загрыз волк.

— Это не те овцы, которых волк загрыз, — сказала Стина Мария.

Тогда дедушка посмотрел ей в глаза и понял, где побывала Стина Мария. Тот, кто побывал у подземных жителей, на всю жизнь остается меченым. Даже если ты пробыл там ровно столько времени, сколько надо, чтобы похлебка сварилась и месяц успел подняться над овчарней, метка все равно останется у тебя на всю жизнь.

Дедушка поднял Стину Марию на руки и посадил ее к себе на колени.

— Ох ты мой ягненочек, — сказал дедушка. — Сколько же времени ты пропадала, бедная овечка?

— Много месяцев и много лет, — ответила Стина Мария. — И если бы ты не позвал меня, я бы там и осталась.

Но в старых дедушкиных глазах светилась радость при виде овечек. Он всех пересчитал и убедился, что их столько же, сколько сгубил волк.

— Похоже, что в Капеле все-таки будут стричь овец, — сказал дедушка Стине Марии. — Похоже, что надо мне с вечера наточить овечьи ножницы. Если, конечно, лунные овечки — твои.

— Мои они, чьи же еще! — сказала Стина Мария. — Сейчас они беленькие, а были серые, когда мне их дали...

— Тсс. Молчок! — перебил дедушка.

— Дали те, кого нельзя называть по имени, — закончила Стина Мария.

Месяц все выше поднимался над крышей овчарни и озарил своим светом луг, на котором паслись овцы и ягнята хутора Капела. Дедушка взял свой посох и постучал по земле: «Стук-стук-постук...»

— Тсс! Молчок! — остановила его Стина Мария.

И шепотом, дедушке на ушко, сказала стих, который был так же стар, как старинный хутор Капела:

Стук-стук-постук!

Для овечек тучный луг.

Сколько было — столько есть.

Тучек на небе не счесть.

Рыцарь Нильс из Дубовой Рощи

авным-давно, в пору бед и нищеты, жил на маленьком хуторе, затерявшемся в глухом лесу, мальчик по имени Нильс. Хутор этот прозывался Дубовой Рощей. Таких маленьких, сереньких, бедных хуторков было в то время много. Одно богатство и было в них — малые ребятишки. Но такие, как Нильс, встречались редко. Случилось так, что он тяжело захворал, мать боялась, что он умрет, и уложила его в постель в чистой горнице, куда по будням детям и носа сунуть не давали. Впервые в своей жизни Нильс занимал одну целую кровать. Его трясло в лихорадке, голова горела, и он едва понимал, что с ним творится, однако знал, что спать одному в постели — большая роскошь. Чистая горница казалась ему настоящим раем. Штора в горнице была опущена, и в ней царили прохлада и полумрак. Стоял июнь, цвели сирень и ракитник, в распахнутое окно из сада, словно сквозь сон, до Нильса доносилось их благоухание, в лесу без устали куковала кукушка. Мать со страхом слушала это кукование, и вечером, когда воротился домой отец, она сказала помертвевшим голосом:

— Нильс покидает нас. Слышишь, кукушка кукует.

Ведь в те времена считали: если кукушка кукует рядом с домом — быть в доме покойнику. Никогда еще не куковала кукушка прямо на хуторе, да еще так громко и неистово, как в этот июньский день. Младшие братишки и сестренки, стоя у закрытой двери в горницу, печально говорили:

— Слышишь кукушку? Наш братик скоро умрет.

Но Нильс ничего об этом не знал. Он лежал в жару и с трудом мог открыть глаза. Но иногда, слегка приподнимая веки, он видел сквозь ресницы чудо: перед ним — штора, а за ней — великолепный дворец.

Штора, купленная на аукционе в городской усадьбе, была единственной ценностью на этом бедном хуторе. Эту штору, на радость и удивление детям, повесили на окно в горнице. На шторе был выткан рыцарский замок с зубчатыми стенами и высокими башнями. Ничего прекраснее этого замка хуторские ребятишки в своей жизни не видели. «Кто же может жить в таком замке? — спрашивали они Нильса. — И как он называется?» Ведь Нильс, старший брат, должен был все знать. Но Нильс этого не знал, а теперь он так сильно захворал, что сестрам и братьям, верно, не придется больше его ни о чем спрашивать.

Вечером семнадцатого июня Нильс остался один в доме. Отец еще не вернулся домой, мать доила на выгоне корову, братья и сестры пошли в лес поглядеть, поспевает ли земляника. Нильс лежал один в горнице в полузабытьи. Он не знал, что было семнадцатое июня и что земля вокруг зеленая-презеленая, что на большом дубе возле дома кукует кукушка. Она-то и разбудила его. Нильс открыл глаза, чтобы поглядеть на замок на шторе. Замок стоял на зеленом острове посреди синего озера, вздымая свои зубцы и башни к синему небу. От этой синевы в горнице было прохладно и темно, и потому здесь так хорошо спалось. Нильс снова задремал... Ветерок слегка колыхал штору, и замок дро-

жал... О, темный замок, полный тайн, чьи флаги развеваются под ветром на твоих башнях? Кто живет в твоих залах? Кто танцует в них под звуки скрипки и флейты? Кто этот узник, что сидит в западной башне, которому суждено умереть завтра утром на рассвете?

Смотри-ка, он просунул тонкую королевскую руку сквозь решетку башенной бойницы и машет — зовет на помощь. Ведь он молод и ему так не хочется покидать белый свет. «Послушай, Нильс из Дубовой Рощи, послушай! Неужто ты, королевский оруженосец, забыл своего господина?»

Нет, рыцарь Нильс ничего не забыл. Он знает: часы бегут и он должен спасти своего короля. Скоро, ах, как скоро будет уже поздно. Ведь сегодня семнадцатое июня, и, прежде чем взойдет солнце, короля лишат жизни. Кукушка про это знает. Она сидит на дубе во дворе замка и неистово кукует, она знает, что кому-то там суждено умереть.

Но на берегу синего озера, в камышах, спрятана лодка. Не робей, молодой король, твой оруженосец спешит к тебе. Вот на зеленые берега и тихое озеро опускается легкий сумрак июньской ночи. Медленно скользит лодка по зеркальной глади, неслышно опускаются весла в воду, чтобы не разбудить стражу. Ночь полна опасностей, а судьба королевства в руках гребца. Еще медленнее, еще тише, еще ближе... О, мрачный замок, ты царишь на зеленом острове и бросаешь такую зловещую тень на воду, но знай же, что к тебе приближается тот, кто не ведает страха: рыцарь Нильс из Дубовой Рощи, запомни это имя, ведь в его руках судьба королевства! Может быть, чьи-то глаза вглядываются в ночной сумрак и видят, как светится копна его белых волос. Если тебе дорога жизнь, рыцарь Нильс, плыви скорее в тень замка, спрячься в темноте, причаль прямо под окном темницы, где сидит король, и жди... Слышишь, вокруг

тишина — только волны бьются о нетесанные каменные стены, а больше не слышно ни звука.

Но вот узник бросает из башни письмо. Оно летит белоснежным голубем и падает в лодку. На письме написано кровью:

«Рыцарю Нильсу из Дубовой Рощи!

Мы, Магнус, божьей милостью законный король сего королевства, лишились по милости родича Нашего герцога мира и покоя. Да будет тебе ведомо, готовит он Нам нынешней ночью страшный конец. И посему спеши немедленно Нам на помощь. Как помочь Нам, поразмысли сам, однако не мешкай, ибо Мы пребываем в сильном страхе за Нашу жизнь.

Писано в замке Вильдгавель в ночь июня семнадцатого.

Магнус Рекс¹».

Рыцарь Нильс кинжалом царапает себе руку и пишет алой кровью письмо своему господину. Потом он натягивает тетиву, и стрела его летит молнией к узнику в башне и несет ему утешительную весть:

«Мужайся, король Магнус! Жизнь моя принадлежит тебе одному, и я с радостью отдам ее, чтобы спасти своего короля. Да будет со мной удача».

Да будет с тобой удача, рыцарь Нильс! Если бы ты был столь же быстр и тверд, как стрела, и мог лететь, как она, то без труда пришел бы на помощь королю. Но как проникнуть оруженосцу в темницу короля в эту последнюю ночь его жизни? Разве не грозил герцог казнить страшной смертью всякого, кто осмелится приблизиться к замку до рассвета? Ворота закрыты, и подвесной мост поднят, двести вооруженных стражников караулят этой ночью замок Вильдгавель.

А герцог танцует в рыцарском зале, ему не до сна. Светла июньская ночь, и тому, кто задумал злодейство,

---

¹ Рекс — король (лат.).

не уснуть. Поскорее бы настало утро, ведь на рассвете король лишится жизни и в королевстве не станет короля. Кому, как не герцогу, знать, кто ближе всех стоит к трону? Ах, как нетерпеливо он ждет рассвета, но до той поры он хочет танцевать. Веселее играйте, скрипка, флейта и свирель, веселей пляшите, юные девицы, ножки у вас маленькие и быстрые. Герцог хочет танцевать и веселиться. Но тому, кто творит зло, нет ни мира, ни покоя, страх грызет его, словно червь кору. Король пленен и заперт в башне, но у него есть верные люди, — может, тысяча всадников уже скачет сейчас к замку Вильдгавель. В страхе обрывает он танец, идет к окну, вслушивается и вглядывается в ночь. Что это: стук копыт или бряцание вражеских копий и мечей? Нет, это всего лишь деревенский музыкант, он бредет по берегу озера меж дубов и бренчит на лютне, песня его, звонкая, как птичья песнь, летит над узким проливом Вильдгавельсунд.

Королевская конница скачет.
Я дорогой лесною бреду.
Как печально кукушечка плачет,
Предвещая кому-то беду.
Королевская конница скачет...

Герцог бледнеет.

— Поди-ка сюда, музыкант, Расскажи, какую это конницу ты видел нынче ночью!

— Ах, милостивый господин, слова бедного певца сыплются как горох, кто их разберет. Дозволь мне идти с миром дальше и играть на лютне. Ночь так прекрасна, озеро спокойно, цветы цветут и кукушечка кукует. Поверь мне, земляника поспевает, я сам видел этой ночью в лесу.

— Да знаешь ли ты, певец, — гневается герцог, — что в замке Вильдгавель есть подземелье, где музыкант поспеет скорее, чем земляника в лесу, а когда он созреет, то расскажет все, о чем его спрашивают?

— Ах, милостивый господин, я хотел бы тебе повредить обо всем, да только крепостные ворота закрыты, а мост поднят, и ни единой душе не пробраться в замок Вильдгавель.

Герцог угрюмо кивает:

— Правда твоя, музыкант, но для тебя я велю опустить мост и открыть ворота. Входи же, дружок, мне надобно знать, кто это скачет в лесу нынче ночью.

Вот заскрипели цепи — кник-кнарк, подъемный мост опускается, дубовые ворота отворяются. Бродячий музыкант перебирает струны лютни, звучит печальная песенка. Бедняга музыкант одет в лохмотья, но белая копна его волос светится в полумраке. Подумать только, он входит в замок Вильдгавель один-одинешенек... Да будет с тобой удача, рыцарь Нильс. Запахни свои лохмотья поплотнее, чтобы не виднелось сквозь них золотое шитье, опусти глаза, сгорбись, прикинься дурачком, помни: ты не в своем уме и сам не знаешь, что говоришь.

— О, милостивый господин, там их целые тысячи, я точно знаю. Правда, не более сотни, это точно. Все они ехали на лошадях, а лошади били копытами. Хотя иные сидели верхом на волах, а кто и на свинье. У каждого было по мечу и копыю, а у многих одни лишь метлы. Они везли лестницы — штурмовать замок Вильдгавель — и корыта, чтобы переправиться через пролив Вильдгавельсунд. Право слово, милостивый господин, земляника скоро поспеет, я сам видел ночью в лесу.

Речь музыканта привела в бешенство и напугала герцога. Подумать только, является вдруг бродячий музыкант, совсем еще юнец, и поет песенку про то, что он видел королевских конников в лесу. Сеять страх в его черной душе все равно что бросать зерна на вспаханную землю. Из таких зерен в душе герцога вырастают дремучие кусты страха, ведь тот, кто творит зло, не знает ни мира, ни покоя.

В замке поднимается суматоха. Всем быть настороже! Приготовить пращи!¹ Встать у бойниц! Укрепить охрану подъемного моста в десять раз! Того и гляди, начнется штурм, коли в словах музыканта есть хоть крупинка правды. А как же быть с узником в западной башне? Приказал ли герцог усилить охрану? Ведь у темницы короля стоит один-единственный стражник — Монс Секира, верный пес герцога.

Нет, охрану в западной башне герцог усиливать не станет, ведь он замышляет собственноручно лишить короля жизни, если замок попытаются взять штурмом. Хотя злодею охота, чтобы узник прожил до рассвета, как порешил совет, которому герцог велел приговорить короля к смертной казни. Герцог знает лишь одно: живым королем из западной башни нынче ночью не выбраться. Но тот, кто творит зло, хочет сделать это тайно. Пусть Монс Секира один караулит узника, этот страж будет нем, как каменные стены, его дело лишь не давать лазутчику пробраться во дворец Вильдгавель!

Ни одному лазутчику? А знаешь ли ты, могущественный герцог, что один из них уже в стенах замка? Ты заботишься о том, чтобы твои лучники и метатели камней были наготове, а о светловолосом бродячем музыканте позабыл! Этот бедняга забился в угол, сел на пол и грызет жадно цыплячью ножку, он придурковат и никак не возьмет в толк, отчего среди ночи поднялся такой шум. Видно, у него полно насекомых, то и дело чешется и разглядывает свои лохмотья. Поглядите-ка, кого это он поймал, неужто блоху? Нет, бродяга точно спятил: бросает блох в пивную кружку. Но кому дело до этого дурня? Даже собакам, что лежат у очага, безразлично, что он делает, куда идет. А ему вдруг втемяшилось в дурацкую голову пойти к Монсу Секире и угостить его пивком.

---

¹ Праща — метательный снаряд, наподобие большой рогатки.

Он неслышно выходит в дверь, неуклюже карабкается по замковым лестницам, но кружку с пивом держит крепко, а повстречается ему кто-нибудь, музыкант улыбается кротко... мол, приказ герцога, несу пиво Монсу Секире!

Монс — здоровенный бык. Ему нипочем и десять кружек. А тут приходится стоять всю ночь напролет у королевской темницы, и в горле так пересохло, что терпеть нет мочи. И вдруг откуда ни возьмись — пиво, да еще и подают ему кружку бережно, обходительно.

— Ишь, какой белоголовый, ты откуда взялся? Я тебя прежде не видал в замке.

Белоголовый кротко улыбается, видно, придурковат.

— Герцог посылает тебе пиво. А я не пролил ни единой капельки. Не раз спотыкался и чуть не свалился, а кружку держал крепко, вот какой я молодец.

Монс Секира жадно подносит кружку ко рту. Ну и пиво, хорошо промочил горло. Довольный, треплет он музыканта за белые вихры.

— Хороши волосы, чистый лен, как у короля. Можно подумать, что вы — братья. Однако тебе надобно благодарить бога, что этот бедняга — не твой брат, иначе и тебе пришлось бы вскорости сложить голову.

Больше Монс Секира ничего не говорит этой ночью. Он шлепается на пол, как мешок с мукой, и тут же засыпает, видно, та «блошка», которую музыкант бросил в пиво, принесла пользу!

А теперь, рыцарь Нильс, не плошай! Торопись, торопись, ищи ключ, пошарь у Монса в карманах и за поясом... Вот вдалеке слышатся шаги, неужто идет кто-то? Торопись, не то будет поздно, бери ключ, открывая скрипучую дверь, быстрее подымайся по лестнице в темницу короля, быстрее... а теперь медленнее! Теперь тише! Входи к королю! Вот он перед тобой! Как долго он ждал, как долго печалился. Он стоит у бойницы, бледный и жалкий, глаза большие и скорбные, воло-

сы светлые и пушистые. Увидев своего оруженосца, он принимается молча лить слезы.

— Рыцарь Нильс, дорогой ты мой. Все же есть у меня друг на свете.

Два долгих года сидел король Магнус в этой мрачной темнице, щеки его поблекли, и взгляд потух.

— Все пропало, рыцарь Нильс, — говорит он, — настал мой смертный час. Останешься ли ты со мной до конца, до самого страшного испытания?

— Ах, ваше величество, не надо отчаиваться. Бежим отсюда! Да побыстрее!

Но Магнус испуганно качает головой:

— Куда нам бежать, рыцарь? Ворота заперты, мост поднят, а людей герцога повсюду полным-полно, словно пчел в улье. Ни одна живая душа отсюда не выберется. Все кончено, настал мой смертный час.

Видно, королю Магнусу ничего не известно про тайный ход, о котором знает Нильс. Ведь он в детстве играл в этом мрачном и страшном замке. Его матушка была в ту пору придворной дамой фру Эббы, тетки короля, матери герцога. Эта знатная и жестокая госпожа, она управляла всем в замке, покуда сын ее воевал в чужих краях. Нильс тогда был маленьким непослушным сорванцом, и однажды фру Эбба велела посадить его в наказание в восточную башню. Теперь она в том раскается. Ведь у мальчишки руки так и чешутся, ему надо все знать, все потрогать! Вот он и нащупал потайную кнопку, открывающую потайную дверь в потайной ход, что проложен под Вильдгавельсундом и ведет прямо в лес.

Видишь, король Магнус, еще не все потеряно. Однако не мешкай, торопись, если жизнь тебе дорога! Ночь на исходе, а как взойдет солнце над зеленым лесом и синим озером, тебя не станет. Таково решение герцога. Глянь-ка, толстопузые господа в пышных одеждах уже собираются во дворе, палач наточил меч и ждет тебя.

Сейчас в башню придет досточтимый святой отец — исповедать беднягу перед смертью. Подумать только, что будет, если он увидит Монса Секиру, лежащего на полу. Священник завопит, и эхо разнесет его крик по всему замку. Тогда бежать будет поздно. Не медли, король Магнус, торопись, коли жизнь тебе дорога. Путь будет труден и опасен, придется петлять по длинным ходам и коридорам через весь замок к восточной башне, а повсюду расставлены караульные. Но не падай духом, Нильс тебе поможет!

— Торопись же, король Магнус, снимай красный бархатный наряд, облачайся в лохмотья. Коли нам не повезет, встретим стражей, они подумают, что это я — король, а ты — музыкант. Они схватят меня, и, покуда опомнятся, ты успеешь убежать. Поймают воробья, а король-орел вырвется на свободу.

Но король печально качает головой:

— А что будет после с тобой, мой любезный друг? Что сделает с тобой герцог, узнав, что ты помог мне бежать?

Нильс смотрит в глаза королю:

— Я спасу тебя, если даже это будет стоить мне жизни.

Медлить нельзя. Быстрее переодевайся, король, спускайся вниз по лестнице, где лежит и стонет во сне Монс Секира. Вот он слегка шевелит руками и ногами, словно хочет проснуться. Нет, спи сладко, Монс, так крепко ты еще никогда не спал! Ты, простой тюремный страж, не знаешь, какой чести удостоился, не видел, как сам король переступил через твое налитое пивом брюхо! Властитель королевства бежит, спасаясь от смерти.

Вот на дворе зазвучали трубы, забили барабаны, послышались восторженные голоса собравшихся.

Выходит герцог, и все смолкает.

Он ликует при мысли о том, что этим самым утром на этом крепостном дворе он под глухие удары барабанов впишет кровью свое имя в книгу истории.

Но тут из западной башни раздается пронзительный и страшный крик:

— Узник исчез! Король бежал!

О, злые вести! Мертвенная бледность покрывает лицо герцога, он холодеет и дрожит всем телом. Охваченный дикой яростью, он кричит:

— Обыскать замок, каждый уголок, каждую залу, каждую лестницу и башню! Поймать короля, живого или мертвого!

Слышишь, как бьет колокол тревоги, как по лестницам замка стучат подбитые железом сапоги, как кричат герцогские кнехты, вышедшие на охоту за королевской ланью, которая бежит, спасая свою жизнь.

— Где бы он ни был, он от нас не уйдет! Глянь-ка, вон там мелькнула его белая голова! Вон там показался его красный кафтан! Ага, он юркнул в восточную башню. Ну и хитрец, хлопнул дверью у меня перед самым носом, да только сейчас мы топором да копьем выманим оттуда нашего премиленького короля!

Тот знатный господин, что повелел построить замок на берегу протоки, имел, видно, лисьи повадки. Как лис роет много ходов из своей норы, так и этот господин велел вырыть потайной ход под Вильдгавельсундом, чтобы спастись на случай битвы и осады. Про этот потайной ход не ведала тогда, кроме него, ни одна живая душа, и тайну эту он унес в могилу.

А умер он двести лет тому назад. Как хорошо, что на земле есть любопытные мальчишки, которым надо все потрогать! Как хорошо, что Нильса в детстве заперли однажды в восточную башню!

Однако сможет ли он теперь найти потайную кнопку?

Торопись, Нильс, ведь дверь уже трещит под ударами топора, а Магнус с каждым ударом бледнеет все сильнее. Король не был в детстве озорным и любопытным и не находил потайных кнопок. Холодный пот

выступает у него на лбу, покуда его оруженосец ощупывает на деревянной обшивке стены все кнопки и бляшки. Король не верит, что Нильс отыщет ту заветную кнопку, которая может им помочь. Магнус слышит, как эхо разносит удары топора. И страшны слова герцога:

— Схватить короля живым или мертвым...

Тут король бледнеет как полотно. Ах, как не хочется умирать ему в расцвете лет! Но он не верит в удачу:

— Да полно же тебе, рыцарь Нильс, не ищи больше. Все пропало, не жить мне более на свете.

Но руки мальчика не могут забыть то, что нашли однажды. И вот дверь медленно отворяется, указывая им путь к свободе.

Рыцарь Нильс хватается короля за руку:

— Бежим, король Магнус, бежим скорей, не бойся, что там темно!

В подземелье холодно и сыро, вода из Вильдгавельсунда сочится тоненькими струйками меж скользких камней. Не поскользнься, король, теперь каждая секунда дороже золота твоей короны. Слышишь яростный крик за твоей спиной? Это злодей герцог увидел, что добыча ускользнула из его когтей. Сейчас он стоит в башне и не может понять, куда делся король. Злость пробкой сидит у него в горле, он, того и гляди, лопнет от нее. Вдруг он замечает приоткрытую дверь. Это что еще такое? Потайной ход, о котором он раньше не ведал? Будь ты неладен, прапрадед, сохранивший эту тайну от всех родичей! Но герцог и не думает сдаваться:

— Стражу ко мне! Все бегом в темноту, он там! Схватите его, рвите на части, вытащите на свет божий! Отыщите живым или мертвым! А вы, мои лучники, седлайте быстрых коней, опускайте мост, скачите в лес! Потайной ход, верно, ведет туда, отыщите выход из него. А коли увидите, что король Магнус бежит меж

деревьями, пустите стрелу ему в спину. Поймать его, найти живым или мертвым!

Ласково плещут и переливаются под лучами утреннего солнышка волны Вильдгавельсунда. Резвятся в воде рыбешки, им весело, ведь они не знают, что глубоко под ними пытается спастись от верной смерти король Магнус.

Рыцарь Нильс, рыцарь Нильс, не спеши! Король долго сидел в темнице и сильно ослабел. Он тяжело дышит, того и гляди, упадет, потайной ход темен и длинен. А позади он слышит стук подкованных сапог, стук этот все громче, шаги все ближе.

Король Магнус бледнеет, лицо его блее полотна, о, как не хочется умирать ему в расцвете лет! Но он не верит в удачу:

— Хватит с меня, рыцарь Нильс, не пойду дальше. Пришел мой смертный час.

— Не бойся, король! Прячься быстрее в расселину, стой тихо в темноте, затаи дыхание и жди! Вот они нагоняют нас, люди герцога, слепые звери. Мчатся, будто свиньи по дубовой роще за желудями, не глядя по сторонам, туда, куда повернуты их тупые рыла. Сейчас они мчатся туда, где светит слабый свет в конце потайного хода. По дурости своей они решили, что король уже выбрался на свет божий, на белый свет, которого по воле герцога ему больше не видать. Они несутся туда со всех ног.

Король Магнус стоит, спрятавшись за большим камнем, и слышит, как стучат кованные железом сапоги, сердце его бешено колотится. Страшно одному в темноте, но ты не один, король, рядом с тобой верный друг. Он стоит во мраке рядом с тобой, ты не видишь, но слышишь его дыхание и чувствуешь его руку на своем плече.

— погоди здесь еще немного, король, люди герцога снуют повсюду, кони у них быстрые как ветер. Но я спрятал двух лошадей здесь рядом, в кустах, пойду приведу их!

Два долгих года сидел король в темнице... какое счастье снова оседлать коня и скакать под зелеными кронами дубов! До чего же прохладно и светло июньское утро! Вокруг тишина, лишь птицы поют, шмели жужжат. На цветах и травах блестят росинки. Вот скачут король Магнус и его оруженосец. Их пушистые светлые волосы блестят на солнце.

Пришпорь коня, король Магнус, гони его вовсю, торопись поспеть в Высокий замок. Там ты укроешься надежно, там собралась вся королевская конница. Они увидят, что король на свободе, и пойдут за ним в бой. Тогда трепещи, злой тиран, коварный герцог, близится твой последний час!

Ах, король Магнус, рано ты ликуешь! Слышишь стук копыт о землю, страшнее этих звуков тебе ничего слышать не доводилось. То мчатся герцогские лучники на быстрых как ветер конях, пускают они тебе в сердце острые стрелы, и станешь свободен.

Король Магнус бледнеет, лицо его блее полотна, о, как не хочется умирать ему в расцвете лет!

— Довольно с меня, рыцарь Нильс, не поеду дальше. Все пропало, настал мой смертный час!

Но рыцарь Нильс твердой рукой хватает королевского коня за уздечку.

— В этой скале есть пещера, укроемся в ней!

Пещера эта была в скале с незапамятных времен, еще с тех пор, когда земля была молодой и людей на ней не было. Тогда-то и повалились эти тяжелые валуны друг на друга и появилась здесь пещера с высокими каменными стенами. С незапамятных времен была она безымянной, но с этого самого дня стала называться Королевской пещерой. Год побежит за годом, и все, что случилось здесь, позабудется, но пещера будет навечно зваться Королевской. Мальчишки станут часто играть здесь в веселую игру прятки и называть это место Ко-

ролевой пещерой, не зная, что когда-то давным-давно, ранним июньским утром в этой пещере прятался король со своим оруженосцем.

А сейчас король Магнус стоит здесь, и сердце у него сильно колотится. Тяжело прятаться в пещере, словно зверю лесному, но ты не один, Магнус, у тебя есть друг. Он стоит рядом с тобой во мраке, ты не видишь его, но слышишь, как он дышит, чувствуешь его сильную руку на своем плече.

— Кажется, мы с тобой провели их. Подождем немного и поскачем дальше. Через час поспеем в Высокий замок.

Не успел он сказать это, как из леса послышалось громкое ржание, а королевский конь заржал в ответ. Вот так может несмышленная животина предать своего хозяина.

Ах, какая беда, вот в лесу послышались громкие голоса:

— Скорее, скорее, сюда в пещеру! Здесь только что ржал конь, сейчас мы вытащим отсюда короля!

Король Магнус бледнеет, лицо его блее полотна, о, как не хочется умирать ему в расцвете лет!

— Довольно с меня, рыцарь Нильс, не поеду дальше. Все кончено, настал мой смертный час! Там, у входа пещеру, караулит меня злосчастная моя судьба.

Рыцарь Нильс утешает короля:

— Твоя судьба, король Магнус, править королевством, а моя — спасти своего короля.

Но король Магнус печально качает головой:

— Ах, рыцарь Нильс, ты честно служил мне, только все понапрасну, видно, суждено мне умереть. Прощай же, мой самый верный друг на земле!

Рыцарь Нильс отвечает:

— Я с радостью спасу своего короля. Да будет со мной удача! Прощай, король Магнус, мы более не

свидимся с тобой, вспоминай же меня иногда, когда будешь править королевством.

Пятеро лучников нетерпеливо поджидают короля у входа в пещеру. Радостно и жестоко горят их глаза. Герцог обещал набитый золотом кошелек тому, кто вернет короля в темницу.

— Ясное дело, король прячется в пещере. Сейчас его выманят оттуда!

Поглядите-ка, он сам выходит из этой норы и ведет коня под уздцы, а конь его громко ржет. До чего же красив король, копна его белых волос так и светится на солнце, красный бархатный камзол поистрепался, однако всякому видно, что это королевская одежда.

Радуйтесь, лучники, вот ваш узник, хватайте его, что ж вы смутились и уставились в землю?

Нелегко поднять руку на короля, да и глядит он на них так смело и отважно. Но вот он протягивает перед руки:

— Вяжите меня, везите в замок Вильдгавель, видно, родичу моему герцогу не терпится со мной повстречаться.

Чему быть, того не миновать. Стыд и срам всему королевству принес злодейский замысел герцога, и он будет за это в ответе. Шлите к нему гонца с вестью, что родич его схвачен, пусть палач наточит меч поострее! Ведь меч прождал понапрасну целых два часа, покуда король скрывался от палача. Поглядите, вот едет пленник обратно в герцогский замок, он сидит в седле со связанными руками прямо и спокойно... А вокруг в лесу до того красиво! Он слышит, как поют птицы, как жужжат шмели, слышит в последний раз. Он видит, как искрятся росинки на цветах и травах, как блестят и плещутся волны Вильдгавельсунда. Ах, видит он всю эту красоту в последний раз! Вот уже опускается со страшным скрипом замковый мост, открываются тяжелые дубовые ворота, узник въезжает во двор замка Вильдгавель.

А где же спрячется герцог, отчего не встречается он своего любезного родича? Герцог занемог и лежит в постели за тяжелым пологом. Хотя и болен герцог, а обрадовался вести, что король пойман. Герцог тут же повелел палачу быть наготове, а советникам своим — собраться во дворе. Одно лишь сильно печалит его: что сам он, сломленный недугом, лежит в постели в тот час, когда ему суждено начертать кровью свое имя в книге истории.

Ах, как нетерпеливо он ждал этого часа, хоть бы скорее он настал. Песок в песочных часах сыплется так медленно, и на дворе все тихо. Ах, как тяжело герцогу ждать, но тот, кто творит зло, не ведает всю жизнь ни сна, ни покоя.

Наконец-то на дворе затрубили трубы, забили барабаны. Дождлся герцог заветного часа. Тело его колотит озноб, но он должен встать и подойти к окну. В последний раз хочет он взглянуть на родича своего — короля Магнуса.

Он видит залитый солнцем двор, расфранченных толстопузых советников, видит своих кнехтов с поднятыми копьями, они выстроились вокруг красного ковра, а на ковре стоит кто-то... ну конечно, это его родич король Магнус. Ах, эта светлая копна золотистых волос, как она сияет на солнце! На глазах у него черная повязка, а руки связаны! Как же он дрожит сейчас, мой любезный родич, король Магнус, как страшно ему потерять свою молодую жизнь!

Нет, тот, кто стоит сейчас на красном ковре, не боится потерять свою молодую жизнь за друга.

Кукушка кукует на дубе во дворе, а глухой стук барабанов смолкает.

Мужайся, рыцарь Нильс, будь сильным и храбрым до конца.

Меч падает, и в тот же самый миг из леса доносится звук боевой трубы. Как страшно разносится он над лесом и озером, как страшно вторит ему эхо в горах.

Слышишь стук копыт, ржание коней, слышишь бряцанье копий и мечей? То скачут королевские конники, колышутся перья на шлемах, блестят доспехи на солнце. Берегись, коварный герцог, готовься к битве! Со страхом смотрит герцог на королевское войско, он хохочет, и хохот его страшен:

— Опоздали, люди добрые, опоздали, нет больше короля Магнуса. Поворачивайте коней да скачите домой. Теперь я король этого королевства.

Едва он успел вымолвить эти слова, как увидел такое, от чего у него кровь застыла в жилах. Святая сила, кто это едет впереди всех на белом как снег жеребце? Чьи это волосы светятся золотой шапочкой на солнце? У кого такие печальные глаза? Неужто он воротился с того света, неужто передо мною привидение?

Нет, вероломный герцог, перед тобой родич твой, король Магнус, жив и невредим. Трепещи же, черная душа, моли небеса о прощении!

Жестокой была битва в то кровавое июньское утро, когда пал замок Вильдгавель, и герцога постигла кара. Стрелы летят так густо, что небо потемнело, к крепостным стенам приставляют осадные лестницы, разгоряченные кони плывут через пролив. Звонит осадный колокол, вот замок загорелся, дым закрыл солнце. Герцог умирает со стрелой в груди... Так окончил жизнь этот жестокий злодей!

Замок должен исчезнуть до захода солнца. Его разберут камень за камнем и сровняют с землей. О, мрачный замок, пришел наконец твой час! Исчезни с этого зеленого холма!

Но вот бой окончен, и все затихло. Король Магнус стоит, роняя слезы, на том месте, где рыцарь Нильс отдал свою молодую жизнь за жизнь короля. Вокруг столпились рыцари, одолевшие врага. Плача, король говорит им:

— Рыцарь Нильс из Дубовой Рощи. Запомните навсегда это имя! В его руках была судьба королевства! Ему мы обязаны всем!

Жил-был мальчик на лесном хуторе. Мальчика звали Нильсом, а хутор прозывался Дубовой Рощей. Случилось так, что мальчик тяжело заболел. Семнадцатого июня под вечер его оставили в доме одного. Ему стало совсем плохо, и, когда мать вернулась с выгона, где доила корову, он лежал в бреду. Мать решила, что он умрет и никогда больше не увидит восход солнца и цветущую землю. Всю ночь он метался в бреду. Но ранним утром восемнадцатого июня он открыл глаза, совсем здоровый. То-то счастья было в бедном домишке! Мать, отец, младшие братья и сестры столпились у его постели в чистой горнице, радуясь, что он жив. Мать подняла штору и впустила в горницу утреннее солнце. Братишки и сестренки принялись потчевать Нильса свежей земляникой, они нарвали ее в лесу и нанизали на соломинку, радуясь тому, что Нильс живой и может съесть первые земляничинки.

— Мы нашли их на пригорке подле Королевской пещеры, — рассказали они. — А теперь возьмем лодку и поплывем на Вильдгавельхольмен поглядеть, может, и там ягода поспела. Помнишь, Нильс, сколько ее было там прошлым летом?

— Ничего Нильс не помнит, — сказала мать, — ведь он так сильно хворал.

Окно было распахнуто, и в горницу струились ароматы и звуки лета, стоял июнь, вокруг хутора цвели сирень и ракитник. И опять без устали куковала кукушка. Но теперь ее плач доносился издалека, она куковала где-то по другую сторону озера, на острове Вильдгавельхольмен.

ПРИМЕЧАНИЯ

«Расмус-бродяга». Повесть. Впервые на шведском языке: *Lindgren A. Rasmus på luffen*. Stockholm, Rabén-Sjögren, 1956.

Впервые на русском языке (перевод Е. Милехиной-Паклиной и О. Шарковой): *Линдгрен А. Расмус-бродяга*. Л.: Детгиз, 1963. Новый перевод повести на русский язык (Н. Беяковой) впервые напечатан в 2000 г. Осуществлен по аналогичному шведскому изданию 1985 г.

«Расмус, Понтус и Глупыш». Повесть. Впервые на шведском языке: *Lindgren A. Rasmus, Pontus och Toker*. Stockholm, Rabén-Sjögren, 1957. В переводе на русский язык (Л. Брауде) впервые опубликована в журнале «Костер» (1995. № 7, 8, 9). В книжном варианте напечатан впервые в 1999 г.

Русский перевод выполнен по первому шведскому изданию.

«Солнечная Полянка». Сборник сказок. Впервые на шведском языке: *Lindgren A. Sunnanäng*. Stockholm, Rabén-Sjögren, 1959. Впервые на русском языке (переводы Л. Брауде, И. Стребловой, Н. Беяковой) в книге: Подарок тролля. Петрозаводск: Карелия, 1990.

Л. Брауде

Содержание

ДОБРОЙ НОЧИ, ГОСПОДИН БРОДЯГА! <i>Л. Брауде</i>	5
Расмус-бродяга. <i>Перевод Н. Беляковой</i>	15
Расмус, Понтус и Глупыш. <i>Перевод Л. Брауде</i>	173
Солнечная Полянка. Сказки	
СОЛНЕЧНАЯ ПОЛЯНКА. <i>Перевод Л. Брауде</i>	361
ЗВЕНИТ ЛИ МОЯ ЛИПА, ПОЕТ ЛИ МОЙ СОЛОВУШКА... <i>Перевод И. Стребловой</i>	373
СТУК-ПОСТУК. <i>Перевод И. Стребловой</i>	384
РЫЦАРЬ НИЛЬС ИЗ ДУБОВОЙ РОЩИ. <i>Перевод Н. Беляковой</i> . . .	395
ПРИМЕЧАНИЯ. <i>Л. Брауде</i>	414

Литературно-художественное издание

АСТРИД ЛИНДГРЕН

Собрание сочинений в 10 томах

Расмус-бродяга

Редактор Галина Соловьева
Художественный редактор Вадим Пожидаев
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Корректоры Татьяна Виноградова, Светлана Федорова
Верстка Алексея Положенцева

Директор издательства Максим Крютченко

ИД № 03647 от 25.12.2000.

Подписано в печать 22.04.2002. Формат издания 60×90¹/₁₆.
Гарнитура «Петербург». Печать офсетная. Тираж 6000 экз. Усл. печ. л. 26.

Изд. № 135. Заказ № 639.

Издательство «Азбука-классика». 196105, Санкт-Петербург, а/я 192.

www.azbooka.ru

Отпечатано с диапозитивов в ФГУП «Печатный двор»
Министерства РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых
коммуникаций. 197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.

По вопросам приобретения книг издательства «Азбука» обращаться

В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ:
издательство «Азбука»
тел. (812) 327-04-55, факс 327-01-60

В МОСКВЕ:
представительство издательства «Азбука»
тел. (095) 911-99-74

ООО «ИКТФ Книжный клуб 36,6»
тел. (095) 265-81-93

книготорговое объединение «Оникс»
тел. (095) 150-52-11, (095) 110-02-50

В ЧЕЛЯБИНСКЕ:
ЗАО «Корвет», тел. (3512) 36-75-10

В НОВОСИБИРСКЕ:
ООО «Топ-книга», тел. (3832) 36-10-28

В РОСТОВЕ-НА-ДОНУ:
ООО «Фазтон-Пресс», тел. (8632) 65-61-64

В ИРКУТСКЕ:
издательство «Востсибкнига», тел. (3952) 34-42-95

В ВОЛГОГРАДЕ:
ООО «Эзон», тел. (8442) 37-25-19

«Книжный Клуб СНАРК» представляет

Самый широкий ассортимент книг
издательства «Азбука»
Информация в Санкт-Петербурге по тел.
050

ISBN 5-352-00135-0

9 785352 001356